

Ю.В. Громыко

АНТРОПОЛОГИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

**Самоопределение «рашинз» в глобальном мире.
Территориальное развитие, транснациональные
русские корпорации и идентичность Russians**

**Москва
2006**

ББК 60.561.3
Г87

Работа выполнена при поддержке РФФИ, грант № 04-06/80165

Редакторы книги:
А. Н. Куликов, Л. В. Голубцова

**На обложке книги — фрагмент картины итальянской художницы
Элиде Кабасси «Цветок», 1993**

Схемы и рисунки в книге А. И. Олексенко

Громько Ю.В.
Г87 Антропология политической идентичности. Самоопределение «рашинз» в глобальном мире. Территориальное развитие, транснациональные русские корпорации и идентичность Russians. - М.: АРКТИ, 2006. - 400 с.

ББК 60.561.3

ISBN 5-350-00116-7

© Ю.В. Громько, 2006

ОГЛАВЛЕНИЕ

Обращение к читателю	7
Введение. Русский человек на randevу с мировыми порядками...	10
Почему политическая антропология? Основная оппозиция XXI века — человек в соперничестве с институтами. Проблема рефлексивного мышления: Метаинституты и Метакультура. Борьба за воспроизводство.	22
«Мертвые сраму не имут...» Политическая антропология Победы.	51
Бабочка, сдвигающая континенты.	63

Часть первая.

САМООБРАЗ РУССКОГО ЧЕЛОВЕКА В СОВРЕМЕННОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ МИРЕ	71

Глава 1. Что такое антропологическая матрица. Антропологическая матрица по Л.С. Выготскому — П.А. Флоренскому. Антропологические матрицы XX века	99

1.1. Введение.	99
1.2. Теодицея - антроподицея.	104
1.3. Матрица мыследеятельностных способностей и душа	111
1.4. Образцы носителей духовных практик	ИЗ
1.5. Выводы.	118

Глава 2. Антропологические матрицы сознания как предмет и проблема гуманитарного познания.	121

Глава 3. А что все-таки можно сделать в глобальном мире при условии установления взаимопонимания между представителями разных цивилизаций, конфессий, культур и этносов?	138

Глава 4. Россия между аморфной потестарностью и мировой политкорректностью. Насколько структура государственной власти адекватна миссии России в XXI веке?	146

Глава 5. Миссия России (Russians). Русские как интегратор Евразии. Соединение старой Европы и азиатских цивилизаций. Цивилизационное распредмечивание: формирование цивилизации, которой еще не было.	168
5.1. Развалилось ли СНГ? Или у России просто нет своего геополитического проекта?	168
5.2. Миссия русских: русские (Russians) как интегратор развивающегося и развитого мира. Трансграничная идентичность.	197
5.3. Типы и функции университетов в процессе регионостроительства.	199
5.4. Исследовательские университеты и трансферт института фундаментальной науки в Евразию.	200
5.5. Инновационные университетские среды, обеспечивающие транспорт технологий из Европы в Азию через Россию.	203
5.6. Международные университеты: кросс-культурный менеджмент и обнаружение межцивилизационной синергии.	205
5.7. Международный русский университет (Проект).	206
5.8. Возможен ли в России образовательный дефолт? Образование и безопасность.	211
5.9. От внешних принципов развития России к внутренней структуризации. Региональный университет как субъект стратегий развития: регионоформирование, научно-техническая, кадровая и инновационная политика, идентичность.	227
5.10. Цивилизационное распредмечивание и трансграничная идентичность.	238
Глава 6. Миссия русских: русские (Russians) как интегратор экономического богатства и социальной справедливости.	241
6.1. Что делать с мировыми финансами? Возможна сессия по ролевому моделированию мировых финансов с участием международных специалистов.	249
6.2. Разрушение страновой идентичности и стоящих за ней ценностных матриц сознания — важнейшая проблема идеологии нашей страны.	258
6.3. Фундаментальный научно-исследовательский проект «Русское сознание» на основе работ междисциплинарной группы исследователей.	267

Часть третья,

РУССКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ И МИРОВОЕ ЛИДЕРСТВО.

ТУПИК «МИРОДЕРЖАВНОСТИ» КАК МИРОДЕРЖИМОРОДНОСТИ.

МИРОВОЕ ЛИДЕРСТВО И МИРОВАЯ ДЕРЖАВА:

ПОЧЕМУ АБСУРДНО РАССЧИТЫВАТЬ НА ИДЕЮ *WORLD POWER*,

А НАДО БОРЬТЬСЯ ЗА ФУНКЦИЮ ЛИДЕРА, УДЕРЖИВАЮЩЕГО

ПРИНЦИП РАЗВИТИЯ МИРА ВСЕГО ЧЕЛОВЕЧЕСТВА.

В ЧЁМ ЭТИ ФУНКЦИИ ЛИДЕРСТВА?

271

Глава 7. Новые типы геокультурных альянсов: Россия, Беларусь, Казахстан — ядро нового/старого евразийского государства?.....

272

Глава 8. Как и для чего государству строить транснациональные русские (Russians) корпорации? Промышленный потенциал как основа финансовых капитализаций. Проблемы самоопределения.....

293

Глава 9, Создание малой энергетики в России — наброски к цивилизационному сценарию.....

320

9.1. Капитализация российских промышленных активов на основе поддержки транснациональных русских корпораций государством. Форма договора.....

327

Глава 10. Национальный проект «Гидроэнергетическая инфраструктура как локомотив развития страны». К ГОЭЛРО-2 —

330

10.1. Важнейший критерий национального локомотивного проекта — биополитика. Увеличится ли народонаселение России в результате реализации проекта?.....

330

10.2. ГОЭЛРО-2. Формирование базовых территориальных инфраструктур — увеличение мощности, поставляемой на единицу территории.....

333

10.3. Формирование на основе гидроэнергетики кластера инфраструктурно-машиностроительного развития.....

335

10.4. Менеджер, управляющий циклом жизни актива — социокультурная проблема развития.....

336

10.5. IT, деньги, предпринимательство.....

338

10.6. Выход на управление активами в других странах — Китай, Индия, Бразилия. Транснациональная русская корпорация гидроэнергетиков.....

340

10.7. Кто может управлять разработкой и созданием национального проекта «ГОЭЛРО-2. Гидроэнергетическая инфраструктура как локомотив развития страны»?...

341

Приложение. О политэкономическом демоне Максвелла

Капитализация — Активы — Собственность — Субъект принятия решений: четыре вершины квадрата, в котором движется колесо российских проблем. 342

Часть четвертая.

РУССКАЯ (Russians) ИГРОВАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

(Homo ludens russo) 354

Глава 11. Организационно-деятельностная игра — (тренинги) — театр и литургия — единый игровой универсум, порождающий ситуацию роста сознания и становление личности человека... 356

11.1. Формирование Мировой русской сети «Ортодоксия-полис» с центром на Афоне в Свято-Пантелеймоновом монастыре. 375

11.2. Идентичитарно-консциентальные войны — войны, основанные на смене идентичности. 377

Глава 12. Антропологическая доктрина (доктрина сбережения и возрождения народов России) как основа продвижения России к мировому лидерству. Политический проект косвенной оценки эффективности политики Правительства и Президента 385

12.1. Долой экономизм, да здравствуют антропопрактики — практики совершенствования и развития повседневной жизни человека! 385

12.2. Роль русского народа в семье других народов России 391

12.3. Передача территории и богатств на территории последующим поколениям — основная задача русского народа и других братских народов России 392

12.4. Русский мир, русская вселенная, русская кафоличность — это мир вдохновляющей лидерской, ресурсной и целевой экспансии российской государственности, выражающей волю русского народа вместе с братскими народами России. 393

12.5. Экономические условия сбережения и возрождения народов России. 394

12.6. Социокультурные условия сбережения и возрождения народов России. 396

12.7. Смысловое условие сбережения и возрождения народов России: осознание миссии как восстановление идентичности русского и других братских народов России 398

**«Кем себя помыслишь, тем и будешь.
Помыслишь себя бревном, будешь бревном...»**

И.Г. Фихте

Обращение к читателю этой книги

Читатель, Вам будет интересна эта книга, если у Вас есть личная метафизика (некоторая мистика про самих себя) и Вы уже осознали, что в самых острых ситуациях важно не то, что про это думают другие люди, а как это осознаёте и понимаете лично Вы. У Вас есть совесть и Вы знаете, что совесть может замучить, но это Ваша совесть, а не мнение членов коллектива или внешних наблюдателей. У Вас есть принципы, и Вы прекрасно понимаете, что энергия и сила появляются только тогда, когда Вы следуете в самой жуткой, неприятной и опасной ситуации этим принципам.

Вы не боитесь «влипнуть», хотя и прекрасно знаете смысл выражения «необязательно сидеть в тюрьме, чтобы знать, что там плохо». Поэтому Вы не спешите «влипать» в ситуацию, последствия которой Вам и так хорошо понятны или хотя бы предчувствовались, а вот «влипнуть» в ситуацию, которой Вы не предусмотрели и не ожидали, можно. Но если Вы «влипли», Вы, несмотря ни на что, будете из неё выбираться. И этим Вы не раз уже удивляли знакомых и сверстников. Когда Вы выясняли, в чём мерзость и гадость той ситуации, в которую Вас втолкнули, Вам удавалось менять её прямо на обратную или почти на обратную. И именно за счёт подобной переделки ситуации и правильной бескомпромиссной её оценки Вы получали силу. С другой стороны, Вы не из тех, кто ищет специально на свою голову приключений, и Вам хорошо понятен смысл пословицы «С широкой грудью долго не живут». Но Вы просто не боитесь попадать в неожиданную трудную рисковую ситуацию и всё тут, и более того, сам первый

момент переживания риска даёт какой-то странный кайф и ощущение острого восприятия всего происходящего. Вы не боитесь попадать в рисковую ситуацию, поскольку Вы не боитесь терять деньги и статус, поскольку Вам не раз уже удавалось отбить и денежные затраты, и восстановить статус, даже несколько его повысить. Короче, Вы не из тех, кто прилепляется к достигнутому. Боитесь Вы потерять только одно — свой путь. Вам кажется, что он у Вас есть.

Вы уже чуть-чуть научились разбираться с тем, что у людей слова не всегда соответствуют делам. И более того, если разобраться самому с ситуацией и понять, как она устроена, это не всегда даже можно перевести в слова. Оказывается, дела не всегда можно перевести в слова. «О чём нельзя говорить, о том следует молчать» — Вам это немножко понятно. Но деньги и интересные решения лежат дальше, глубже, где-то там под словами. Поэтому Вы уже поняли, слова надо слушать, людям можно верить, но затем всё равно всё придётся перепроверять по нескольку раз, самому нырять в ситуацию и смотреть, что там за словами. Вы уже привыкли к тому, что люди часто не замечают того, что Вам кажется главным. Но от этого Вы не становитесь циничны или покровительственны по отношению к людям, Вам становится всё более и более интересно понять, почему они так всё странно видят?

Вы умеете сразу различить человека, который гладко говорит, но не умеет делать. Вы всегда стремились к тому, чтобы справиться с ситуацией и суметь сделать. Говорить гладко тоже неплохо, но главное суметь сделать то, что, возможно, никому не удавалось.

Теперь немножко о том, какие у Вас бывают мысли. Иногда Вам кажется, что Вы нужны всем, иногда Вам кажется, что в этом мире Вам просто нет места. Все заняты своими скучными, понурыми бытовыми делами, никто не хочет рисковать. О, с каким ехидством и сарказмом Вы иногда готовы повторить вслед за Чацким в ответ на слова Молчалина о его самых лучших качествах — «умеренности и аккуратности»: «Чудеснейшие два и стоят наших всех!!!» Вы можете быть точны, технологичны как робот, но умеренность вкупе с аккуратностью не Ваш главный идеал. У Вас, возможно, был опыт работы в русской фирме со всеми её до боли знакомыми прибабасами (семейным «бизнесом», боковичками, специфическим качеством при общей порядочности шефа, шефской опекой и т.п.), был опыт работы на замечательной западной фирме с её стерильностью, разумностью, продуманной технологией, стандартами и, прежде всего, хорошим качественным английским. И Вы

с ужасом поняли (но не хотите никому сознаваться — сознайтесь нам!!!), что Вам не нравится ни там, ни там — Вам хорошо между и, более того, Вам иногда кажется, что Господь (или Высший разум) специально так всё устроил, чтобы у Вас была возможность существовать в зазоре между западными образцами бизнеса и отечественными. Вы хотите жить в России просто потому, что здесь больше возможностей. Вы хотите жить в России, но одновременно физически ощущать, что где-то на улочках Русского Холма в Сан-Франциско дует лёгкий бриз с океана, в старом городе Иерусалиме поздно вечером закрываются арабские лавки, в начале апреля на токийской Синдзюку цветёт сакура, а в римской церкви Санта Мария Маджоре хранятся остатки яслей Христа.

Вы знаете, что есть то, где кончаются все метафизики и вся болтовня — надо прийти и сделать. И Вы можете это — просто прийти и сделать лучше других. Для этого придётся рисковать, для этого надо будет забираться в ситуацию и брать всё на себя. Но сделать это лучше других вам жизненно необходимо.

Вы уже поняли, что в самой ситуации поединка вызова нет ничего личного. Чтобы выиграть, надо быть сильнее. Для этого надо ковать оружие — волю, компетенции, способности владеть собственным состоянием. В ситуации поединка надо элементарно выдерживать напряжение. Выигрывает часто тот, кто другого передумает и перетерпит. Хотя Вы согласны с тем, что сказал Александр Невский: «Оружие куёт сам человек, но победу ему даёт Бог».

Введение

Русский человек на randevу с мировыми порядками...

В России все ожидают сезонного обострения политики. Как только июльская жара сменяется на прохладные августовские бризы, и первые пачки отдыхающих возвращаются после затяжного отдыха, быстрая политтехнологическая мысль начинает улавливать перемены. У людей начинает пробуждаться сезонный интерес к политике. Но этой осенью данный сезонный интерес наложится и на ещё более сложный цикл — подготовку к очередным президентским выборам, для которых пока ещё нет претендента. Банкротство политических партий и отсутствие интересных лидеров делают ситуацию ещё более размытой и неприятной. Проект «Россия после Путина» проваливается в некоторую чернеющую пустоту...

Все политики, которые хоть как-то могли бы составить даже не оппозицию, а компанию Путину, сегодня отсутствуют. Политических оппозиционеров, медленно всплывающих вместе с интересом к ним западного сообщества, «расстреливают» на дальних подступах — Ходорковский, который не сможет участвовать в двух сроках выборов подряд, Касьянов, проявившийся в Британии как критик президента и обвинённый в приватизации государственной собственности по смехотворным ценам. Безусловно, прав заместитель государственного прокурора Колесников, утверждавший, что главное «Прекращайте воровать, я неоднократно об этом говорил, и не будет никакой политики», тогда нельзя будет представителей политической элиты привлекать к суду. Но проблема состоит в том, что всякий человек, обладающий сегодня заметно крупным состоянием или должностью, обязательно нарушал закон. Поэтому в действиях Генеральной прокуратуры усматривается избирательность...

Но, как бы то ни было, становится очевидно, что президент — это конкретная личность, очень сильно отличающаяся от формальных требований института президента. Поэтому поскольку В.В. Путин отказался изменять конституцию и избираться на третий срок, в стране возникает искусственный кризис неопределённости. Абсолютно непонятно, кто станет президентом России во время следующих выборов. А эта неопределённость ставит под сомнение продолжение в будущее сложившегося курса и сохранение всех начинаний.

В какой-то мере ситуация становится более ясной и прозрачной за счёт начавшейся череды так называемых «оранжевых» революций (в Грузии, на Украине, в настоящий момент в стадии подготовки находится оранжевая революция в Киргизии). Основным смыслом этих революций состоял в «выбивании» из систем власти старого советско-постсоветского руководства, относительно лояльно настроенного по отношению к России, и в замене его проамериканско (Америка большая: имеется в виду находящаяся у власти администрация Президента США) ориентированными властителями. Собственно, подобные революции как раз весьма и возбудили российскую элиту — появились даже своеобразные специалисты по оранжевым революциям: предсказанию сроков их появления в других странах СНГ, вероятностью переноса их на Россию. Опасность появления «оранжевых» революций в России потребовала создания своеобразных дружин «опричников» в виде молодёжных союзов, гордо называющихся «Наши» в соответствии с терминологией, в своё время использовавшейся совершенно для других целей газетой «Завтра» и тележурналистом-авантюристом А. Г. Невзоровым. Основная причина оранжевых революций в странах СНГ — коррумпированность государственных чиновников, проводящих социально разрушительные реформы в соответствии с рекомендациями МВФ и Мирового Банка, а с другой стороны, особый тип выступлений молодёжи против власти, организованных по принципу «политика моды и опыта». Этот принцип заключается в разработке таких мероприятий, которые являются одновременно неожиданными и разрушающими формы поведения повседневности, а с другой стороны, само участие молодёжи в подобных мероприятиях и формирует молодёжную идентичность. Подобное действие молодёжи возможно лишь в той стране, в которой отсутствует идеология, способная мобилизовать молодёжь.

Но основным смыслом «оранжевых» революций состоит в другом. Эти изменения и пертурбации потребовали самоопределения

от российской элиты. Она должна была выбрать, на чьей она стороне в организуемой чужой игре — на стороне президента или против президента. И российская правящая политическая элита разделилась на два лагеря. Одна часть в демонстративной явной форме, другая скрытно, продолжая занимать свои посты, начала свою игру против президента. Другая часть активно заняла позицию сохранения и поддержания власти президента. Нам интересна, прежде всего, конечно, вторая часть, поскольку первая группа не ведёт самостоятельной игры, возможно считая, что в определённый момент она сумеет всех обмануть, переиграть и обнаружить самостоятельную игру. Но во второй части мы видим две совершенно разные группы сторонников президента и вместе с ним суверенной власти в России. Одна группа из числа политической элиты, поддерживающей В. В. Путина, борется за сохранение власти президента, просто боясь потерять накопленные состояния и ценности, которые она сумела получить за период правления президентов Ельцина и Путина. Вторая часть считает, что в стране необходимо развернуть, опираясь на Путина, подлинные и глубинные процессы развития, позволяющие сделать Россию мировым лидером.

Эти процессы развития являются единственным условием стабильности власти в стране. Любые преобразования и изменения власти, связанные с отстранением В.В. Путина от президентской должности, приведут только к одному — к разрушению России как одного из возможных мировых лидеров. Хорошо понятно, что вражда и взаимное противопоставление двух этих групп среди сторонников В. В. Путина невероятно велико и по накалу оно сопоставимо (а возможно, даже и превышает) противостояние сторонников и противников власти президента.

Нам представляется совершенно очевидным, что В.В. Путину не удержать власти и, более того, после отставки его жизнь будет в постоянной опасности, как и жизнь Б.Н. Ельцина, если в стране не будут спроектированы и запущены процессы полномасштабного социокультурного развития. Приход к власти даже через много лет Касьянова или Ходорковского обязательно будет связан с переделом собственности. Ведь именно так воспринимается президентство В.В. Путина — использование механизмов власти для самого главного — передела собственности. В этом сегодня и состоит основной смысл процессов на Украине. Конечно, здесь необходимо будет как следует думать и решать, следует ли безопасность своей будущей жизни связывать с верным преемником, который гарантирует ему неприкосновенность (как сам В.В. Путин

Б.Н. Ельцину). Или лучшая форма личного будущего существования — это бессмертие, связанное с продвижением России на позиции мирового лидера. Но это очень трудный путь.

Следует отметить, что в настоящий момент Россия, похоже, что и весь мир, находится вне процессов непрерывного, последовательного развития. Мы находимся в своеобразной некоторой щели времени, в разрыве времени, когда прошлое перестало определять настоящее, а реалистичное будущее ещё не возникло. В этом временном разрыве, «щели времени», мы можем просуществовать достаточно долго, не выстраивая никаких ориентиров для дальнейшего движения. Более того, в подобном безвременьи можно и погибнуть, распасться, перестать существовать. В этой ситуации абсолютно ясное, простое полагание ближайшего будущего становится невозможным. Мы переживаем своеобразный разрыв в непрерывности, дисконтинуитет.

Собственно, подобный период является моментом, когда наиболее востребованными являются грёзовидцы, визионеры и мечтатели, которые предлагают новое сознание и новые формы видения и восприятия будущего. Единственно осмысленный способ продвижения в безвременьи — это конкретизация и нахождение определённости через самого себя, не попытка заимствовать представление о том, какое будет будущее извне, но способ доопределиться и представить будущее через самого себя, из самого себя. Подобное продвижение, безусловно, требует привлечения в качестве ресурса всей мировой истории. Но подобный период времени является невероятно творческим. Другое дело, что на предлагаемые решения и предложения никто может не отзываться и само наше выкликаемое будущее может не отзываться, оно может продолжать молчать....

Именно поэтому мы считаем, что важнейшим способом анализа в данной ситуации является политантропологический дискурс, связанный с выявлением принципов и способов самоопределения современного человека в системе мировых формирующихся порядков. Оказывается, что человек, его ценностное, нравственное самоопределение и новые возникающие институциональные порядки, которые определяют существующую конструкцию мира, невероятно сближены. Реакция человека на данные формы институциональной организации может стать решающей для приятия или неприятия подобных форм организации. Маленький человек, элементик, «винтик» сложной социальной динамики, от которого ничего не зависит, может обрести решающий голос в отклонении

или защите складывающейся новой мировой системы институтов. Как это может быть и почему такое может быть?

Это может происходить только в том *случае*, если человек встаёт на позиции метаинститутов и метакультуры, то есть он в этом случае знает, как реально действуют сегодняшние институты, он представляет, что никакого голого человека вне символических оболочек и сред культуры не существует, что взаимодействия между людьми опосредуются сложной организацией культурных сред и образцов мышления, коммуникации, действия, религиозного сознания, которые освоены представителями разных цивилизаций. Придание особого значения антропологии в современных условиях не означает отбрасывание институциологии — общечеловеческих организационных установлений, которые, становясь деятельностной формой организации, определяют то, что происходит в обществе, в различных системах и сферах деятельности. Но важнейшим элементом организационных изменений становится именно человек, его включённость во взаимодействия с другими людьми, его состояние сознания, целый ряд культурных содержаний и образцов деятельности, которые оказываются присвоены человеком.

Очень часто XXI век называют веком сетевой коммуникации. С этой точки зрения, можно совершенно чётко сказать, что XXI век — это русский век. Никто другой не является столь общительным, как русский человек. Но общение и мыслекоммуникация — это не просто взаимообмен звуковыми сигналами и болтовня. Современный человек должен быть готов к тому, чтобы постоянно находиться в коммуникативной инфраструктуре и принимать сообщения и отвечать на них. Включённость в коммуникативно-знаниевую, эпистемическую инфраструктуру — это определённое состояние сознания, определённый уровень организации сознания, готовность участвовать в событиях.

С этой точки зрения, можно совершенно определённо сказать, что современный мир стал миром антропологических гетерархий, то есть многих сменных иерархий. Иерархии играют огромную роль, отменяя всеобщее и тотальное «поравнение» (Алексис Токвиль), но при переходе из одной цивилизационной рамки в другую для человека меняется сам тип существующей иерархии ценностей. Основная проблема самоопределения и движения человека по современному миру состоит в том, чтобы уметь во взаимодействии с другими людьми восстанавливать принципы иерархического устройства и понимать, что речь часто идёт об иерархиях

организации разных цивилизационных миров. Но при этом не следует считать, что мир начинает распадаться и дробиться на бесконечное число несводимых друг к другу иерархий. Вопрос об общей онтологии организации всего мира в целом является очень важным вопросом. Только при этом речь идёт не о вещной онтологии, но об онтологии экономических, политических процессов и состояний нашего сознания. Мир сегодня структурируется в соответствии с нашими мыслями о нём.

Но опять мы бы хотели подчеркнуть следующее обстоятельство: речь отнюдь не идёт о том, что мы пропагандируем солипсическое, ни от кого не зависящее произвольное сознание. Человек что-то, что угодно воображает, и мир приобретает черты его фантазма. Отнюдь нет. Мир структурируется в соответствии с нашими мыслями о нём, если мы находимся в соответствующем месте, где роль мыслей и зрительного видения настолько велика, что она начинает обладать преобразующей силой, и мы при этом ещё понимаем, где мы находимся.

Какое же строение мира мы хотим ввести и о чём идёт речь, когда мы говорим об онтологии? Мы считаем, что сегодня устойчивую основу мира образуют мыследеятельностные процессы — сложное пересечение процессов коммуникации (сетевой и многопозиционной) с процессами мышления и процессами действия, а также процессы рефлексии, понимания, трансценденции, воображения, которые пронизывают процессы мышления, коммуникации, действия. Процессы мышления, коммуникации, действия — ситуативны и неповторимы, единичны и экзemplифицированы. Но в том случае, когда появляется задача их закреплять и воспроизводить, мы переводим сложную амальгаму мыслей, смыслов, целей, ситуаций мышления-коммуникации-действия в технологизированную инструментально обеспечиваемую деятельность. Любые технологизированные системы существуют, прежде всего, как деятельность, которая частично может передаваться функционированию машин и инфраструктур, обеспечивающих деятельность людей. С другой стороны, мыследеятельность существует лишь постольку, поскольку в ней движется и живёт человеческое сознание. И с этой точки зрения, человек с его высокими состояниями сознания, с одной стороны, способен быть адекватен процессам мыследеятельности, а с другой, — воздействовать на процессы коллективной мыследеятельности.

Органическая, естественно-природная, живая составляющая мыследеятельности образует то, что мы называем жизнедеятель-

ностью. Существование и поддержание процессов жизнедеятельности определяется сегодня биополитикой, важнейшим разделом политической антропологии, в котором рассматриваются условия существования и поддержания всего живого. Но само человеческое живое может быть лишь весьма условно отделено от мыследеятельности, от культурных форм, знаков и символов, определяющих конкретное протекание и организацию процессов мышления, действия, мыслекоммуникации. С этой точки зрения, жизнедеятельность не существует сама по себе вне мыследеятельности, хотя одновременно является очень важным измерением анализа мыследеятельности. Человеческая мыследеятельность может быть организована так, что люди перестанут непосредственно хотеть жить, заводить семьи. Казалось бы, самое исходное и сокровенное — желание жить — у людей начинает отсутствовать. И в богатой и благополучной Москве многим, возможно, это будет непонятно, как можно перестать хотеть жить. Хотя и в Москве очень многие люди живут, потеряв интенсивное желание — стремление к жизни... Таким образом, мы видим важнейшим условием прочерчивания сегодняшней онтологии является понимание и осознание, что она одновременно является способом выявления, аналитического описания и проектирования объективированных процессов мышления, коммуникации, действия, которые определяют формы современного производства и экономики, политического сценарного действия, с другой стороны, она содержит в себе биополитическую основу живого разрастающегося человечества и, с третьей стороны, она опирается на выявление пустых, прозрачных, обволакивающих мыследеятельностные процессы состояний сознания. Именно чистая отражательность и зеркальность и составляет основное противоречие и загадку проблем изучения и анализа сознания. Сознания как бы и нет, оно — ничто, поскольку оно просто сопровождает предметное содержание многих процессов, но сознание одновременно есть всё, поскольку за счёт него человек получает доступ к этим процессам, погружаясь на ту или иную степень глубины в данные процессы. Ключ и ядро этой онтологии составляют процессы мыследеятельности, позволяющие объективно описать и выявить важнейшие для современной экономики, политики, производства процессы мышления, мыследействия, мыслекоммуникации. Конечно, ещё надо специально показать, что современная форма производительного труда и всей экономики имеет мыследеятельностную природу. Но процессы мыследеятельности могут существовать и наращиваться лишь в той

мере, в какой в них участвуют живые и духовные существа — люди, которые способны осознавать, что происходит и выходит за границы и рамки — трансцендентировать за пределы сложившегося контура практических систем экономической, политической и социальной мыследеятельности.

Используя понятие мыследеятельности, мы говорим отнюдь не о мыслительной деятельности и не о мышлении про деятельность, хотя мышление про существующую мыследеятельность является важнейшим принципиальным условием преобразования и изменения сложившихся практических систем. Об этом мы ещё специально будем говорить. Понятие мыследеятельности обозначает сплав, амальгаму мыслительных и деятельностных процессов. Основу этой амальгамы образуют процессы мышления, коммуникации, действия. При этом, как мы специально пытались показать в другом месте, эти процессы взаимно отображают друг друга, перетаскивают предметность каждого из процессов внутрь себя, пронизывая друг друга. Но, безусловно, возможность подобных связей и пронизываний определяется жизненной живой основой души и сознания человека, а также Духа, который стяжает человек-личность и общности. Но возможен такой случай, когда разросшаяся машинно-технологическая мыследеятельность образует технократический «кокон», в котором живому и жизни остаётся невероятно мало места, и живое тратится только на поддержание мертвых машинно-технологических систем, а не на разрастание жизненной человеческой основы.

Обсуждая систему мыследеятельности, мы отнюдь не рассматриваем её как некоторый структурно-функциональный объект, который изучается независимо от мировоззренческого самоопределения. Этическое самоопределение совершенно необходимо для анализа и рассмотрения мыследеятельностных систем и способов антропологического самоопределения по отношению к ним. Это этическое самоопределение позволяет понять, в чём состоит основной общественный эпицентр борьбы, и самоопределиться по отношению к нему.

Основное противоречие XXI века — это борьба между финансово-олигархическими сетевыми группами, искусственно сдерживающими органический рост человечества как целого, и практико-инфраструктурными органическими возможностями развития. Находящиеся в России у власти группы ставили своей целью в качестве представителей финансово-олигархического капитала войти, встроиться в сложившийся международный финансово-

экономический порядок. Основная идея о том, что мы должны стать как все, у нас должна быть частная собственность, и тогда возникнет вечный мир, провалилась. Олигархические группы враждуют и до бесконечности борются за финансовые ресурсы. Среди представителей этой породы мировой власти не существует братства. В настоящий момент Россия находится на распутье.

Пришедшие к власти местнонациональные финансово-олигархические группы всеми силами хотят удержать власть и продемонстрировать способность управлять страной. Международные финансово-олигархические группы и мировая империалистическая олигархия в лице администрации Дж. Буша заинтересованы в дезинтеграции России и в принесении в жертву бунтам и мятежу российскую местную финансовую олигархию. Это принесение в жертву может осуществляться по всем нормам международного права, например, при помощи закрытия счётов в международных банках у российской финансовой олигархии. С этой точки зрения, мы присутствуем при драматичном моменте невпускания в глобальную элиту российских нуворишей. Или по-другому, российская олигархическая элита должна совершить предательства (то есть стать типичной компрадорской буржуазией) и отказаться от субъектности России, от суверенитета страны — только в этом случае небольшую часть её впустят в международный финансово-олигархический клуб. Поэтому российская финансовая олигархия сегодня расколота. Одна её часть хочет сохранить власть и управлять Россией как относительно самостоятельной и независимой страной. Другая часть финансовой олигархии готова сделать всё, чтобы сбросить режим Путина и разрушить суверенность страны.

Но есть группы людей, которые противостоят этим обеим финансово-олигархическим группам, — умеренно государственной, претендующей на свою собственную мировую игру, и антигосударственной, игра которой связана с разрушением независимости России как суверенного государства. Для второй группы вообще, возможно, не существует такого понятия, как национальная суверенность, поскольку транснациональный глобализованный капитал везде чувствует себя как дома, свободно проникая через любые границы. Это противостояние заключается в том, что Россия должна восстановить статус действительно развивающейся страны и приступить к созданию целого ряда глобальных инфраструктур на основе организации и связи развивающегося фундаментального образования, прорывной практико-ориентированной науки и инновационного промышленного производства — космических,

транспортных, биофотонических, лазерных и т.д., которые связаны с совместным переосвоением территориального пространства и в том числе внутреннего собственного пространства. С другой стороны, развитие России не может быть связано с ностальгическим коммунистическим проектом. Никто не хочет возвращаться назад в СССР, и никакого СССР — другого, третьего, четвертого — не будет. Можно двигаться только вперёд на основе осмысления ошибок и их преодоления.

Здесь мы переходим к тому важнейшему обстоятельству, что именно мировоззрение и этика сегодня отличают друг от друга политически самоопределяющиеся и действующие группы, а отнюдь не только способы их мышления. С этой точки зрения, тот же самый мыследеятельностный подход вполне можно использовать и как заигрывание с российской финансовой олигархией, и как способ манипулирования сознанием молодёжи для подготовки групп молодых людей, которые будут более эффективны на государственной службе для создания условий более эффективного управления собственностью финансовой олигархии. Основной принцип действия финансовой олигархии состоит в том, что ей глубоко безразличен вопрос органического роста численности собственного народа, улучшения его условий жизни. Возможно, потому, что эти группы людей часто представляют какой-то другой народ. Для неё более приемлемо заселить Россию и Москву нерусским населением мигрантов, нежели чем создать условия для органического роста собственного населения. А вместо того, чтобы готовить момент для нравственного прозрения и религиозного пробуждения народа, интересней придумать модель превращения Русской православной церкви в Ватикан (Вавилон)-2. Ну, а вместо создания каркаса и инфраструктуры развития всей территории страны предлагается создать высокодоходные отдельные зоны и подороже их продать иностранным инвесторам. При этом методология, которая обеспечивает финансовую олигархию, всегда будет перехватывать слова и включать их в лексикон представителей этой группы населения.

На наш взгляд, перед населением нашей страны, которое весь мир называет Russians — «русские», стоят совершенно другие задачи.

- Мы обладаем огромной территорией с несметными природными богатствами.
- Мы включаем внутрь себя огромное число неассимилированных народов, которые находятся друг с другом в органическом взаимодействии и общении.

- Нам в наследство досталась замечательная советская русская прорывная практико-ориентированная наука и фундаментальное образование.
- Мы принадлежим великой цивилизации.

Проблема состоит только в одном, сумеем ли мы организовать процессы развития на нашей территории, формируя новую глобальную всемирную инфраструктуру, осваивая новые технологии и осуществляя переосвоение территории страны. Инфраструктурное развитие предполагает создание новых производств, новых институтов и самое главное — выработку новых способностей. Мы должны не только начать по-другому потреблять, мы должны думать по-другому, трудиться по-другому, выдвинуть для всего мира и освоить новые типы стратегических занятий. Проблема подобного развития и перевооружения состоит в том, что она направлена на формирование новых технологических богатств, в том числе и на порождение новых материалов, физических элементов и энергий, которые в настоящий момент ещё не существуют. Осваиваться и приватизироваться в дальнейшем будет именно это создаваемое богатство. Поэтому неверным является утверждение, что приватизация в России состоялась, все доходные типы производств поделены и дальше остаётся только договариваться с возникшим классом олигархов и просить его делиться, работать над проблемой социального партнёрства. Ситуация, на наш взгляд, совершенно иная. Пока осуществлялась приватизация полуразрушенного немодернизированного советского производства с высокодоходной ресурсной экономикой, производились попытки продать через венчурные аукционы старые открытия, которые были сделаны советской наукой 40 лет назад. Нам же необходимо формировать новый технологический уклад, создавать новые технологии, а для этого формировать исследовательские программы осуществления фундаментальных прорывных открытий. Именно в силу того, что Россия — не Япония, и у неё есть институт фундаментальной науки, инновационная экономика в России не может быть основой социокультурного развития, а развитие России не может сдерживаться так называемыми критическими технологиями. Если у страны нет критических технологий для формирования нового социокультурного и технопроизводственного уклада, которые позволяют ей конкурировать на глобальных рынках, то на основе фундаментальных исследований и разработок страна может перешагнуть к созданию технологий следующей формации и следующего уровня. Или создать другой вариант и другую раз-

новидность данного типа критических технологий. Но для этого должны вкладываться деньги в согласованную синтетическую форму технологического и социокультурного развития. Очень поучительно, что финансовая олигархия всё время стремится говорить только про высокие гуманитарные технологии, отрывая их от развития естественных наук. Этот секрет очень прост: посредники между финансовой олигархией и гуманитарной наукой учат последнюю быть современной и использовать модный новый лексикон. А заимствовать слова, нежели способы мышления, всегда проще. С другой стороны, дремучий технократизм без осмысления роли и функций гуманитарных технологий точно так же обречен на гибель. Сегодня формирование новых технологий в системе формирующихся глобальных инфраструктур всегда связано с решением гуманитарных проблем — самоопределения, идентичности, новых способов мышления, коммуникации и действия.

Итак, проблема состоит в том, удастся ли создать достаточно большой отряд молодёжи, готовой формировать новый социокультурный и технопроизводственный уклад в стране, которая включена в глобальный мир, или мы обречены на то, чтобы, пользуясь положительной конъюнктурой на энергоносители, проедать отпущенные нам и будущим поколениями природные богатства? Таким образом, становится совершенно очевидно, что мы приблизились к времени больших инфраструктурных прорывных программ, и их разработка является сегодня крайне необходимой. Эти программы должны обеспечивать взаимодействие России со всем глобальным мировым целым, они должны обеспечивать переход к следующему технопроизводственному и социокультурному укладу, они должны быть связаны с развитием инфраструктуры и переосвоением территории России, и они должны обеспечивать формирование нового богатства, которым будут владеть те, кто его создаст.

В данной книге мы собираемся говорить о высоких гуманитарных технологиях, связанных с идентификацией, самоопределением, проблематизацией существующего самоопределения. Но это самоопределение захватывает практически все сферы и области, в том числе и отношение к фундаментальной естественной науке. Здесь очень важно преодолеть неокантианское разделение на науки о природе и науки о Духе. С другой стороны, рассматривая самоопределение русских (*Russians*) в условиях глобализации, мы должны будем оценить и выявить целый ряд весьма принципиальных и важных обстоятельств. С одной стороны, важно, чтобы русские («рашинз») были адекватны процессам, которые происходят сегодня со всем

великим и единым человечеством. С другой стороны, необходимо, чтобы «рашинз» остались русскими, чтобы они не растворились в других цивилизационных мирах — англосаксонском, исламско-тюркском, семитско-арабском и т.д. А еще весьма существенно, что у русских есть свои капилляры проникновения в каждый из этих миров. Как мы уже писали выше, мы включаем в число «рашинз» — как нас сегодня называют вовне — всех тех, кто сам себя считает по духу русским, принадлежащим данной цивилизации. В форму организации сознания «рашинз», безусловно, включается имперский опыт, советский опыт, и задача данной книги — выявить, что именно в условиях сформировавшегося глобального и формирующегося постглобального мира образует идентичность русских в соответствии с их способом действия, мышления и форм коммуникации с представителями всего человечества. Нам представляется, что именно из данного самоопределения вытекает, что именно должны и могут делать русские, обладающие суверенной цивилизационной государственностью в сегодняшнем мире. Как мы уже писали выше, в настоящий момент мы переживаем разрыв времён, мы попали в своеобразную щель¹ времени. Основной принцип действия при подобных обстоятельствах — это попытаться самоопределить себя, свой способ действия в мире и тем самым доопределить и самый мир. Это определение себя и способов действия полностью отличается от произвольных фантазов.

Анализируя самоопределение русских в условиях глобализации, нам важно ответить на вопрос: а что из себя представляет мир и как сегодня разные мыслители, философы, геополитики, геоэкономисты, геокультурологи прорисовывают структуру и строение мира, в котором необходимо самоопределяться русским («рашинз»)?

Почему политическая антропология?

Основная оппозиция XXI века - человек в соперничестве с институтами. Проблема рефлексивного мышления:

Метаинституты и Метакультура.

Борьба за воспроизводство

Рассматривая мир как глобальное целое, по отношению к которому осуществляется то или иное политическое или экономи-

¹ См.: Громыко Ю.В. Время вышло из пазов. — Тюмень, 2000.

ческое действие, мы должны признать, что мир структурирован самыми разнообразными институтами. Мир пронизан сетями институтов. Поэтому любое взаимодействие с миром, его познание, преобразование — это всегда вступление в институциональные отношения с ним, в которых необходимо показать, какой институт представляешь ты сам, а также понять и определить, с каким институтом ты вступаешь во взаимодействие.

Институты имеют социокультурную «природу», они укоренены в исторических процессах развития конкретных этносов, народов и наций. Фактически, в общественно-исторической практике именно институты являются своеобразными субъектами действия. За функционированием института стоит некоторая воспроизводящая процедура установления. Эта процедура установления, многократно повторяясь, превращается в соответствующий естественно осуществляющийся принцип действия конкретного отдельного человека и групп людей. Институты возникают в виде проекта формы организации действия, мышления и коммуникации. Эта форма организации, оестествляясь в исторических процессах жизни людских общностей, превращается в институт.

Поскольку институт является искусственно-естественным натурализованным общественным образованием, то иногда очень сложно ответить на вопрос, что же не является институтом. И общность, и этнос, и нация, и народ, и личность при определённых условиях могут быть рассмотрены как институты. Эти условия состоят в том, что мы можем выделить искусственную процедуру установления, осуществление которой и переводит взаимодействие и общение людей в институциональные рамки. Поклонение национальной святыне, исполнение народных обрядов, таинство крещения, исповеди и евхаристии и другие подобные ритуальные действия являются институтообразующими.

Но почему в сегодняшних условиях мы начинаем утверждать, что человек много важнее, чем сложно организованные общественные организмы, движущиеся сквозь историю? С одной стороны, человек, будучи включённым в институт, является винтиком, элементом сложно действующей институциональной машины, но с другой стороны, у человека есть возможность отразиться и осознать, как действует институт. Как правильно пишет Корнелиус Касториadis, институты скрывают свой способ действия. Это связано прежде всего с тем, что, осознав и выделив способ действия института, человек может превратить его в предмет преобразования, создать новый проект организации, которая будет

действовать поверх существующей системы институтов. Человек, отрефлектировавший и осознавший принцип действия институтов, может превратить их в предмет преобразования.

С другой стороны, в сегодняшних условиях, когда мир стал глобален, насущной является проблема обеспечения цивилизационных взаимодействий. С этой точки зрения, хотя мир и пронизан институтами, эти институциональные сети, проходящие сквозь разные континенты, разные страны и разные национальные экономики, отнюдь не образуют единое целое. Между институтами одного типа существуют разрывы, институты часто не соединены и взаимно не связаны, между ними существуют разделяющие их стыки. Американский суд и русский суд — это разные типы юридической и судейской культуры, а китайское рыночное поведение и российское рыночное поведение — это совершенно разные формы самоорганизации. В условиях глобализации сетевых взаимодействий всё большее значение приобретает человек, который, являясь участником межкультурного, междисциплинарного диалога, оказывается способным понять и осознать различия институциональных структур сегодняшнего глобального мира.

В этом случае речь идёт о предъявлении принципов действия метаинституционального подхода. Метаинституциональный подход отличается от рефлексивного, поскольку на его основе принципы функционирования института и его устройство превращаются в предмет анализа, а при определённых условиях — в предмет преобразования. Создаётся специальная модельно-знаниевая действительность, позволяющая анализировать и преобразовывать институт. Основная наша точка зрения на принципы организации глобальной сетевой среды состоит в том, что сегодня все наиболее эффективно действующие в глобализованном постглобальном мире институты являются метаинститутами. Это означает, что на основе метаинститута можно отрефлектировать устройство обычных традиционных институтов и превратить их нормальную обычную работу в предмет преобразования.

При этом очень важно различать метаинститут и рефлексию действия обычного общественно-политического института. Метаинститут является определённой коллективной формой мыслительности (мышления, мыслекommunikации, действия) по отношению к традиционным действующим институтам. Рефлексия института принадлежит лишь субъективной активности данного лица, которое, осуществляя рефлексию, выявляет способ своего

существования в данном институте. Различение метаинституционального действия и рефлексии существующего института является очень существенным при анализе процессов, происходящих в мире, поскольку людям свойственно приписывать устройству мира результаты собственной рефлексии и за счёт этого управлять сознанием других людей. Например, рефлектируя способ действия политических институтов США — страны, занимающей в настоящий момент единственный глобальный полюс управления миром, мы подвергаемся соблазну приписать выявленную форму организации политических институтов США всему миру вообще. Это делается на очень простом основании. Рассуждение имеет приблизительно следующую форму: «США — единственная супердержава, сохранившая принципы глобальных мировых действий в сегодняшнем мире. Следовательно, и сетевые институты мира конфигурируются и организуются в соответствии с принципами действия политической, экономической и социальной машины США. Страны, стремящиеся к занятию уважаемых позиций в мире и статусов, стараются имитировать институты США и постепенно эти институты заполняют всё мировое пространство и оказываются представленными не только в США». Рассуждение понятное по самому своему типу, но не обязательно правильное. И оно связано с гипостазированием, с переносом на устройство всего мира результатов рефлексии принципов институционального действия, сложившихся в США. Права человека и демократия — это прежде всего права американского человека и принципы американской демократии. Структура рынка — это прежде всего принципы действия американских транснациональных корпораций в условиях глобального движения капитала по всему земному шару. Глобальная финансовая архитектура — это сформированная во всём мире система долларовой счётности. Собственно, данному способу мыслительных определений и противостоит метаинституциональный подход, который предполагает превращение существующих институтов в предмет действия для вновь формируемых институтов. Эти вновь возникающие институты и есть новые принципы самоопределения, мышления, коммуникации и действия, которые должен обнаружить человек. С этой точки зрения, человек является своеобразной пробной зоной живого и духовного, которая прорастает за любую данность существующих институтов и организационных систем. Именно в рамках метаинститутов роль и значение человека невероятно высоки. Формы организации сознания и идентичность человека в метаинститутах определяют

перспективность или бессмысленность новых цивилизационных инициатив всего человечества. Получается, что контур метаинститутов весьма подвижен, и он намечается способами понимания, общения, воображения самоопределяющегося человека. С этой точки зрения, можно было бы сказать, что метаинституциональную основу образуют процессы мыследеятельности, которые позволяют изучать формы организации сегодняшних институтов и осуществлять на них воздействие.

Но вопрос о метаинститутах связан с ещё одним серьёзнейшим вопросом — с вопросом о культуре. Сегодня, с одной стороны, в условиях огромной подвижности человеческих масс, перемещающихся по всему миру, а с другой стороны, в условиях распространения информационных технологий, финансовых технологий, форм организации досуга, пищевых привычек, форм одежды происходит отделение человека от знаково-символической, ритуальной организации, в которой он обычно был укрыт. Живой человек выделяется как отдельная текучая основа, которая может перекраиваться, переорганизовываться и приобретать новую идентичность. Собственно, эта текучая основа человеческой жизни, изменяемая и преобразуемая, и составляет основу биополитики. В этих условиях возникает проблема ответственности самого человека за то, кем он является в настоящий момент и кем он хочет стать. Эта определённая человек зависит от его включённости в пространство культуры, в котором человек присваивает вполне определённые способы действия, манеру поведения, принципы организации сознания. Если рассматривать культуру как высшие образцы мышления, понимания, действия для разных полей практики — инженерии, политики, бизнеса, управления — и для разных сфер мыследеятельности — религии, права, искусства, науки, проектирования, то, вырабатывая ориентацию на эти образцы, человек входит в пространство данной культуры. Но, с другой стороны, можно утверждать, что культура не является просто камерой хранения этих разнообразных образцов. Действующая, а не умершая культура обязательно иерархична и недемократична. Базовое ядро культуры построено на системе ритуалов — особого типа освещающих жизнь человека действий, при помощи которых осмысливается проблема бессмертия и вечной жизни человеческой души. Над системой ритуалов затем надстраивается система мифов, особого типа коммуникативно-речевых форм и практик, в которых рефлектируются исходные членения организации практики ритуалов и одновременно прорабатываются языковые формы как

таковые. Над системой мифов надстраиваются системы практики, в которых вырабатывается теоретическое умозрение, позволяющее осмыслить ритуал и миф, а также формы повседневной жизни человека. Постоянное возвращение к исходной структуре ритуала и мифа позволяет удерживать связь с исходной интуицией организацией мира и принципами достижения бессмертия. Безусловно, это наращивание своеобразных «колец времени» на дереве культуры не может рассматриваться как процесс непрерывный и неизменный. Он пресекается и преобразуется различными резкими изменениями и новациями, «разрывом непрерывности», которые можно обозначить как своеобразные революции в сфере культуры. Одной такой революцией является появление учения Будды Шакьямуни в ареале сначала индийской, а потом тибетской, китайской и других культур юго-восточной и северо-восточной Азии. Другой подобной революцией, изменившей всю организацию культур Древней Греции, Рима, Иудеи, а затем и Европы, стал феномен Христа и возникшая в связи с ним культура христианства. Возможность революции в пространстве культуры, которая может оказаться и катастрофой для исходной иерархической и иерократической организации пространства культуры, определяется тем, что новый культурный принцип и новая личностная форма носителя данного принципа позволяют лучше и глубже осознать происходящую жизнь, то есть правда — на их стороне.

Пространство культуры не может рассматриваться как всего лишь хранилище образцов мышления, коммуникации, понимания, действия, поскольку эти образцы неразрывно связаны с личностными принципами и формой организации сознания их носителей. Поэтому вхождение в пространство культуры предполагает осуществление процессов лично-родового воспроизводства, то есть обнаружение фигуры первопродка и установление прямой транслятивной связи с ним. Пространство культуры предполагает установление своеобразного энергийного родства и прямой связи, наличие которой определяет возможность человека мыслить, понимать и коммуницировать, действовать, то есть существовать. Поэтому декартовское «*cogito ergo sum*» является лишь вскрытием первого, самого элементарного слоя обнаружения существования. Значительно более важным является вопрос, на основе чего и за счёт чего «Я» обладает возможностью умозрения и мышления.

Рассматривая процессы трансляции культуры и выделяя разные каналы подобной трансляции, мы можем строить различные мо-

дели взаимосвязи каналов друг с другом, возможность рефлексивного управления одной группой каналов на основе других каналов, возможность выявления продвижения некоторого целостного содержания по каждому из каналов на основе представления о форме организации сознания. Но при этом очень важно понимать, что подобный взгляд на каналы трансляции является своеобразной «электротехнической метафорой», когда каналы трансляции рассматриваются как своеобразные «провода», — не менее электротехнической, чем рассмотрение системного подхода прежде всего как кальки систем технологических, но не деятельностных. Конечно же, никаких проводов не существует и, следовательно, внутри пространства культуры процессы трансляции, определяющие в дальнейшем основу личностной идентичности, организуются при помощи процессов понимания, мышления, действия, а также воображения, целеполагания, самоопределения, молитвенного опыта, правильных жестов, телесного движения и других форм, выявляющих принципы организации человеческого тела, сознания, включённости в духовные процессы.

Здесь мы сталкиваемся с очень важной проблемой. В настоящее время культурная психология и антропология пребывают в ситуации насущной необходимости разработки представлений о функциях сознания и мышления, которые позволили бы совершенно по-новому анализировать и трактовать поведение и активность человека. Выделенные в психологии, начиная с Вильгельма Вундта, психические функции не могут сегодня удовлетворить потребности антропологического и психологического анализа практики в силу своей большой абстрактности. Возникает задача нового определения психологических и антропологических функций. Важно понимать, что набор данных функций может выявляться и рассматриваться при решении проблем и задач в условиях коллективной мыследеятельности. И в этом случае мы имеем дело с одним набором вопросов и проблем. Но набор антропологических и психологических функций, функций сознания может рассматриваться в пространстве культуры при вхождении в процессы трансляции. В этом случае могут быть выделены совершенно другие функции сознания, на основе которых человек формирует свою культурную идентичность. На наш взгляд, при подобном различении и разделении мы получим два разных ряда антропологических функций — функций сознания и души. При этом вряд ли можно будет сказать, что интеллектуальные и духовные функции, которые проявляются при действии и поведении человека

в обыденных ситуациях, — это то же самое, что и функции, которые обнаруживают своё действие в парадигмальных ситуациях при вхождении человека в каналы трансляции. Как нам кажется, природу двух совершенно разных типов функций нельзя связывать по типу отношения парадигматизация-синтагматизация — выделение культурных образцов и реализация этих образцов в ситуациях. То есть, в этом случае мы не можем сказать, что те функции души, сознания, интеллектуальные и духовные функции, которые мы обнаруживаем и выделяем в каналах трансляции, — это те же самые функции, что и функции в ситуациях реализации.

В этом случае мы определённым образом меняем важнейшее принципиальное положение культурно-исторической теории Л.С. Выготского, основанной на следующем: различие между социальными и культурными функциями состоит в том, что к социальным или животным функциям добавляется идеальный знак, который начинает инструментально управлять формой протекания природной, животной функции. Но из подобного положения следует, что и животная, и культурная функция в принципе имеют единую основу. Нам же начинает казаться, что парадигмально-культурные и синтагмально-социальные функции устроены совершенно по-разному, и существует принципиальная проблема — во-первых, различия их природ и, во-вторых, соорганизации и синтеза этих принципиально разных функций. Основанием подобного различия и разделения является принципиальное различие человека и животного. Это различие настолько велико, что оно не позволяет отождествлять функции, проявляющиеся у человека в культуральном, парадигматическом пространстве, с функциями, которые имеют место в социальных ситуациях.

Чем же определяется это различие? Тем, что человек — это погребавшее животное, животное, которое погребает своих родителей, поминает их и не хочет признать их окончательной гибели и смерти, формирует ритуал погребения и не признает конечности и ограниченности собственной жизни. Человек — это животное, которое обнаруживает способность к вере в бессмертие себя, своих родителей и детей, своего рода, своего народа и всего человечества. И именно на основе погребального поведения и веры в бессмертие человек создаёт и открывает в себе целый ряд особых функций, не существующих у животного.

На основе этих функций человек и формирует собственную идентичность, о чём достаточно точно и проникновенно сказал А. С. Пушкин:

Два чувства дивно близки нам —
В них обретает сердце пищу —
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.

Животворящая святыня!
Земля была б без них мертва,
Как <равнодушная?> пустыня
И как алтарь без божества.

С этой точки зрения, можно предположить, что феноменологический анализ и процедура феноменологической редукции и есть не что иное, как попытка проанализировать функции сознания человека в пространстве трансляции культурного содержания, за счёт отделения себя от традиции в пространстве передачи самой традиции и выделить пределы и границы беспредметности и неструктурированности сознания.

Несмотря на принципиальное различие интеллектуальных и духовных функций в пространстве трансляции культурного содержания и в социетальных ситуациях эти два разделённых набора функций вместе синтетически восходят к основным мыследеятельностным процессам — мышлению, коммуникации и действию. И не случайно в сакральном пространстве освещаются правильная мысль, правильное слово и правильное действие. В процессах идеального мыслительного усмотрения, мифопоэтической коммуникации и ритуального действия человек устанавливает связь со своим архетипическим культурным первопредком. А уж затем действует принципиальный ведический принцип «Кто это знает, тот...».

Выявление принципов, на основе которых в специально выделенной культурной среде человек формирует свою идентичность, имеет принципиальное значение для сегодняшних процессов политической антропологии. Можно утверждать, что современный период противоборства различных сил на международной арене — это прежде всего борьба за изменение идентичности отдельного человека, целых этнических групп, а иногда и целой нации, народа. Выявление данных принципов действия культуры, определяющих формирование идентичности отдельного человека и человеческих общностей, мы относим к метакультурному анализу. Он тоже осуществляется в пространстве культуры, но позволяет описывать форму и принципы действия культуры. Культура обладает непо-

средственным действием, а метакультура же связана с выявлением принципов механизмов действия.

Следует отметить, что метакультурный анализ является важнейшим для определения условий формирования субъектов, деятелей, акторов, поскольку в рамках метакультурного анализа определяются условия формирования идентичности человека. Важнейшим фокусом метакультурного анализа является принцип духовного преодоления смерти и воскресения. Именно в рамках метакультурного анализа может ставиться и решаться вопрос о социокультурном и экономическом развитии России, поскольку на основе него решается, какой человек и ради чего будет действовать и жить в России и во всём мире. Можно утверждать, что основная борьба в сегодняшнем мире — это борьба мировоззрений, борьба за самообраз современного человека, за определение того, ради чего современный человек живёт в диалоге и во взаимодействиях с другими людьми. Метакультурный анализ фундаментально антропологичен, но не на основе антропологической редукции (Ханс Урс фон Бальтазар) — сведения всей культуры, всей её духовной субстанциональности, духовного эссенциализма и символической оснастки к голому человеку, к биополитике¹ *per se*. Метакультурный анализ антропологичен, поскольку на его основе определяется то, как человек ощущает и обнаруживает самого себя и какие выявляются горизонты и потенциальные возможности для выявления его идентичности.

Мы устанавливаем отношения между идентичностью и самоопределением так же, как мы противопоставляем институты и формы организации. Возникает своеобразная пропорция или некоторая «дробь». Формы организации проектируются, а самоопределение организуется и предъясняется, но начинает ли организация существовать как некоторый самодействующий организм — это определяется тем, оестествляется ли искусственный слой организационного проектирования и конструирования до институционального самодвижения. И точно так же: начинает ли

¹ Мы видим принципиальное различие между сущностно разной трактовкой биополитики в работах Джорджо Агамбена и Антонио Негри. Для первого автора в соответствии с продемонстрированным им подходом в книге «Номо Сасет» («Человек священный») биополитика есть не что иное, как выведение человека за рамки символических сфер его организации к простому факту наличного существования. Для Антонио Негри биополитика — это воздействие формирующегося миропорядка во многом не осознаваемо для реально действующих политических сил на форму организации, новые способности и компетентности современного человека.

самоопределение отвечать принципам действия и жизни человека или оно существует лишь как декларативное самоназначительство, зависит от того, стало ли самоопределение оестествляться и превращаться в принцип самостроительства человека.

Могут быть различены метакультурный и метаинституциональный анализ. С.С. Хоружий в своих работах говорит также о метаантропологии. Эта приставка «мета» указывает на введение особого типа метапредметности и, следовательно, анализируемых и рассматриваемых знаний, которые позволяют полагать в качестве предмета анализа действующие институты, формы организации практик, структуру традиции и форму организации человека, выделяя для этого специальную действительность. Между выделенными действительностями метакультурологии, метаинституциологии и метаантропологии существуют определённые взаимоотношения. Эти соотношения сводятся к следующему: метаинституциология позволяет нам выявлять формы организации различных практик и превращать их в предмет преобразования и перепроектирования, но основным реализатором новых проектов и действующим актором в системе институтов и в различных организационных контекстах является человек. Действие человека определяется его включением в определённую духовную традицию своего народа или, наоборот, исключением из неё. Способ нахождения в традиции определяет идентичность человека. Но, помимо институтов и традиции, существует ещё и сам человек с его состояниями сознания и личностной формой организации, который может принимать свободные решения и осуществлять действие вопреки традиции и самым разнообразным институциональным контекстам.

Пожалуй, наиболее интересное противопоставление антропологии и институциологии задаёт Жиорджио Агамбен в своей книге «Время, которое осталось» (Комментарий к «Посланию к римлянам»¹). Детальнейшим образом разбирая первую строчку из послания к римлянам Святого Апостола Павла «Павел, раб Иисуса Христа, призванный Апостол, избранный к благовестию Божию²...» и просматривая последовательное развитие всех слов в выделенной фразе, автор в главе, посвященной второму дню обсуждений, рассматривает древнегреческое причастие *kletos* от *kaleo* — «звать», «призывать», переведенное Джироламо на латынь

¹ Цит. по кн.: *Giorgio Agamben. И tempo che resta (Un commento alla Lettera ai Romani)*. - Torino, 2000.

² Послание к римлянам Святого Апостола Павла. — 1,1.

как *vocatus*. Автора в дальнейшем интересует существительное *klsis* — «призвание», слово, происходящее от *kaleo* точно так же, как и слово *ekklesias* — «собрание», в дальнейшем — «церковь». Дж. Агамбен вслед за Вебером рассматривает точку зрения Дионисия Галикарнасского (с которым Вебер спорит), сближающего древнегреческое *klesis* с латинским *classis*, обозначавшим у римлян часть граждан, призванных взяться за оружие. И хотя, с точки зрения автора книги, данное сближение отрицается многими профессиональными филологами, оно представляется весьма соблазнительным и интригующим, поскольку позволяет напрямую сопоставить *klesis* апостола Павла и учение о классах К. Маркса.

В своём институционально-политическом учении К. Маркс (Дж. Агамбен, в частности, рассматривает работу К. Маркса «Критика гегелевской "Философии Государства"») утверждает, что появление и укрепление буржуазии, с одной стороны, и пролетариата — с другой, связано с разрушением всех сословий, существовавших до этого в обществе (немецкое слово *Stand*) на основе лишения их всяческих привилегий. Одна сторона этого возникающего противоборства начинает выражать полное господство и замыкание на себе полноты механизмов власти, другая же сторона оказывается связана не просто с некоторой частной несправедливостью, но с «несправедливостью абсолютной» (*das Unrecht sMechthiri*), как пишет К. Маркс в «Критике гегелевской "Философии права"». При этом пролетариат как институциональное образование представляет собой не частичное закрепощение и понижение в правах человека, но тотальную потерю человека (*der voellige Verlust des Menschen*), и поэтому освобождение возможно только на основе спасения человека в целом и освобождения всех сфер общественной жизни. С точки зрения Дж. Агамбена, К. Маркс в представлении «бесклассового общества» секуляризовал идею мессианского времени. В то время, как класс представляет собой разложение всех слоев и возникновение разрыва индивида с его социальными условиями, в случае мессианского $\&/e\$\$$ -призвания речь идёт об опустошении и аннулировании в форме «как будто не» юридическо-фактических разделений. Под формулой «как будто не» Агамбен имеет в виду известное место из «Первого послания к коринфянам Святого Апостола Павла»: «Я вам сказываю, братия: время уже коротко, так что имеющие жён должны быть как не имеющие; и плачущие — как не плачущие; и радующиеся — как не радующиеся; и покупающие — как не приобретающие; и пользующиеся миром сим — как не пользующиеся, ибо проходит образ мира сего».

«В то время, как призванный распинается на кресте вместе с мессией, умирает для старого мира («Послание к римлянам Святого Апостола Павла», 6,6), чтобы воскреснуть для новой жизни (там же), пролетариат может быть освобождён только в случае своего самоустранения: «тотальная потеря» человека совпадает с его интегральным спасением¹».

Таким образом, в этом соотношении двух разных подходов Святого Апостола Павла и Карла Маркса воочью видна разница между институциологией и антропологией, во всяком случае, та разница, которая больше всего интересуется нас. Карл Маркс рассматривал такие материальные условия реорганизации общественной жизни, когда её разрушение должно было привести к появлению социальной позиции, способной осознать эти разрушения и встать на защиту по их изменению. Апостол Павел выделял такой внутренний зов-призыв, когда становится абсолютно не важно, какое социальное место ты занимаешь, что происходит с твоим статусом, и даже не столь важно, что происходит с социокультурно выделенными антропологическими маркёрами твоего тела: есть ли у тебя крайняя плоть или ты — обрезанный. Но, с другой стороны, именно в условиях этого зова-призыва только и возможно опознать и осознать, как устроены социальные институты и что с ними происходит, чтобы занять по отношению к ним соответствующую позицию.

Мы не рассматриваем основное критическое замечание Святого Апостола Павла о том, что Карл Маркс «секуляризировал идею мессианского времени». Эта тема слишком хорошо известна в русской философской литературе. Так, Н.А. Бердяев, рассматривая условия принятия пролетарской революции русским народом, указывал на соблазн секуляризованного мессианства, а антропологический тип большевика связывал с достаточно высоким уровнем самоорганизации на основе безблагодатной аскезы. С этой точки зрения, можно утверждать, что И.В. Джугашвили-Сталин продолжил дело формирования русской империи, разрушив и отменив таинство помазания на царство, в соответствии с которым царь является **высшим подражателем** Христового подвига — высшим Христомиметом. Эта секуляризация связана с отключением человека от самых высших духовных начал, но оставляет достаточное пространство для его экстраординарных усилий преодоления, трансценденции за рамки и границы сложившейся ситуации и преодоления собственных возможностей. Именно в этом поле,

¹ Там же. - С. 35.

например, находится удивительная тайна победы русского народа во второй мировой войне, поскольку основной вопрос состоит в том, за счёт каких духовных энергий, собственно, осуществляется это превозмогание.

С другой стороны, хорошо понятно, что рефлексия, самоопределение, воображение, создание новых образов и схематизация, порождение новых слов и речевых выражений не являются психическими функциями сознания — это духовные процессы. Возникает основной вопрос: за счёт каких энергийных источников эти процессы оказываются возможными и результативными? Ведь, с одной стороны, можно просто продекларировать метаинституциональный подход, но, с другой стороны, его ещё надо суметь осуществить — нужно обладать реальной действенной возможностью выхода в рефлексивное, эпистемическое и преобразующее отношение к существующим и действующим институтам. Важнейшее значение здесь приобретает само понятие способности/возможности («дюнамис») и виртуальной формы, оторванной от условий её реализации или, точнее, специально рассматриваемой безотносительно к возможности её осуществления и воплощения в действии. В этой точке начинается какое-то очень важное изменение функций сознания вообще. Если, с точки зрения аристотелевской «дюнамис», сознание вообще рассматривалось в однопорядковой линейной логике — «то, что понято или представлено в сознании, тут же может быть реализовано», то введение ещё одного оператора в виде понятия «виртуальный» весьма значительно изменяет взгляд на «природу» сознания. Появляется целый ряд функций, которые берутся безотносительно к тому, может или не может быть реализовано представленное: в какой-то мере, поскольку оно представлено, оно уже реализовано в сфере сознания...

Можно утверждать, что существуют три важнейших энергийных источника, которые преимущественно и определяют возможность формирования антропологических способностей/компетентностей и своеобразного горизонта представимостей — того, что вообще может быть представлено и воображено. Первый энергийный источник связан с эмансипацией и освобождением человека от всяких ограничивающих условий и всякого авторитета, с передачей в его собственные руки дела его собственной заботы о себе самом (Фуко) и, следовательно, с принятием человеком ответственности за своё собственное освобождение. Второй энергийный источник связан с постоянным обнаружением новых возможностей действия, мышления, коммуникации человека в связи изменением

общественных условий жизни людей, а также с организацией изменения условий жизни всех людей, с созданием инфраструктур, обеспечивающих подобные изменения, с преодолением социального неравенства в связи с присвоением незначительной частью людей в их собственных интересах результатов общественного прогресса. Третий энергийный источник связан с включением человека в традицию, внутри которой он ставит задачу воспроизводства сознания определённого типа и уровня. Эта задача фактически связана с трансляцией родовой национальной гениальности.

Эти три энергийных источника, за которыми лежат вполне определённые поля антропологического развития и возрастания человека и его возможностей, соответствуют трём принципиально разным идеологическо-мировоззренческим позициям, определяющим три основных проекта преобразования мира: либеральный, социал-демократический и консервативно-традиционалистский. Все эти три идеологических проекта определяют идентичность различных действующих групп, и, следовательно, они принадлежат не только к знанию и утопически проектно-проработанным сферам идеологии, но и к области конкурирующих мировоззрений, которые определяют, как человек видит и понимает своё место в мире, как оценивает жизнь своих предков и потомков. Как известно, идеологические кредо относятся к предмету компромиссов, корректировки, политтехнологического дизайнирования, чего нельзя сказать о мировоззренческих позициях, которые выражают внутреннюю, глубинную суть того или иного человека.

С нашей точки зрения, одно из важнейших оснований сегодняшнего действия в мире русских («рашинз») состоит в том, что нам нужна объединительная идеология, как пишет член-корреспондент РАН В.Н. Кузнецов. Проблема действия России в современном мире состоит в том, что мы не представляем сегодня единого (но не единообразного) субъекта, как, например, китайцы, за которыми стоит великая тысячелетняя китайская цивилизация. За нами тоже стоит тысячелетняя цивилизация (например, тысячелетняя история русского слова, как писал выдающийся российский гуманитарный учёный Вадим Валерьянович Кожин), но мы в настоящий момент не осознаём того, насколько мы едины или можем быть едины. Но объединительная идеология тем не менее может быть создана, если будет проделана работа по выявлению и установлению отношений между принципиально разными мировоззрениями-мирочувствиями. Проблема установления отношений между этими разными мировоззрениями-мирочувствиями может

быть удачной, если собрать их в единый государственный позиционный каркас и таким образом отличить, например, российско-русский либерализм от западноевропейского, американского или японского. То же самое можно сказать и о социал-демократии или коммунистическом мировоззрении. Очень важно отличить российское социал-демократическое мировидение от социал-демократических взглядов представителей Третьего Интернационала — Тони Блэра и Герхарда Шредера. Обращаясь к представлениям традиционалистско-консервативной позиции ситуация меняется на прямо противоположную. Здесь важно не отграничивать связь традиционно-консервативного русского мировоззрения от традиционно-консервативного мировоззрения представителей других наций, а, наоборот, показать преемственность и связь этих позиций как весьма универсальных позиций структуризации всего мировоззренческого поля. Традиционалистско-консервативное мировоззрение исходно стремится к утверждению себя в противопоставлении и отличии от других традиций, отстаивая ценность и самозначимость данной позиции. И только очень высокий уровень вхождения и освоения собственной традиции позволяет перейти к метакультурной и метаантропологической форме — умению выделять всемирные, общемировые конститuenty мировоззрения и мировоззренческих принципов, общечеловеческие черты, характерные для данной позиции.

Но здесь проходит, безусловно, очень важная грань — она заключается в различении реального живого мировоззрения, с одной стороны, и описания, а следовательно, умерщвления мировоззрения с целью его описания — с другой. Поэтому здесь очень важно остановить метакультурную и метаантропологическую рефлексию, чтобы оставаться на позициях реально действующего живого мировоззрения, а не перейти к построению универсального гербария с засушенными мировоззренческими построениями.

Для того чтобы более отчётливо прочертить отличие мировоззрения от идеологии, достаточно сослаться на работы Иммануэля Валлерстайна, в которых он показывает изменения конфигурации основных идеологических позиций и крах позиции либерализма. С точки зрения этого известного политолога и социолога, основная позиционная игра в области политико-идеологических столкновений состояла в противопоставлении консервативных и революционных социал-демократических, коммунистических сил и в посредничестве либералов между этими идеологическими лагерями. Именно это посредничество в конечном счёте и обеспечило

к концу прошедшего века господство либеральных групп практически во всём мире. Но одна из замечательных особенностей мира и вселенной, в которой мы живём, состоит в непрерывном изменении и развитии происходящих в ней явлений. Развал СССР и социалистического лагеря, по мысли Валлерстайна, означал слом и гибель одной из позиций, с которой необходимо было договариваться консерваторам, а следовательно, и конец господства либеральной позиции как таковой. Поэтому не случайно, скажем, в политико-идеологическом поле США произошло резкое смыкание неконсервативной позиции с радикально-либеральной. Резкое ослабление и слом социал-демократической, коммунистической позиций предполагают резкую трансформацию и переоформление всего идеологического поля. Подобные изменения партийно-политических позиций не связаны напрямую с изменением мировоззренческих позиций. Либеральное и социал-демократическое мировоззрения продолжают существовать и развиваться, несмотря на все произошедшие изменения.

Следует отметить, что выделенные позиции, по Максиму Веберу, образуют так называемые «чистые» типы. В реальном политическом взаимодействии происходит слипание и соединение этих чистых типов, образуются своеобразные мировоззренческие синкреты — по типу синкретического мышления, которое Жан Пиаже описывал при анализе процессов развития детского мышления. Мировоззренческие синкреты характеризуют в большей степени формы организации сознания, а не мышления. В отличие от спонтанно и произвольно формирующихся синкретов, может ставиться целенаправленная задача осуществления синтеза выделенных «чистых» форм. Но важно отметить, что появление синкретических мировоззрений свидетельствует о необходимости синтетического построения новой русской идеологии и оконтуривания поля, на котором могут формироваться новые конкурентные типы мировоззрения. Подобные синтезы востребуются, и именно поэтому люди спонтанно, естественно и безо всякой философской подготовки строят синкреты. Новое российское общество, в котором никто не указывает и не диктует, «кого любить, кому же верить», свободно от идеологического диктата. Но в подобном обществе люди начинают терять всякую ориентацию и понимать, как и ради чего действовать. Поэтому очень важным является намечаемая работа по выявлению государственнического контура, в котором должны формироваться российская идеология и конкурентные типы российского мировоззрения.

О.И. Глазуновой, кандидату психологических наук, которая много лет работает в экспериментальном образовании, формируя у школьников умение работать с проблемами, принадлежит разработка конкретного проекта формирования проблемного видения русской революции у школьников старших классов. С точки зрения исследователя, в феномене русской революции мы сталкиваемся с необходимостью посмотреть на единое событие с трёх разных позиций, которые и представляют основные идеологии — социал-демократическую, либеральную и монархическую. О.И. Глазунова¹ учит школьников понимать концептуальное содержание каждой из этих позиций, а затем самоопределяться и предлагать собственную точку зрения на проблему русской революции. В настоящий период в рамках данного проекта О.И. Глазунова предлагает выделить три современных мировоззренческих фигуры, которые наиболее выпукло отражают три мировоззренческих основания важнейших и наиболее непримиримых позиций. В качестве этих своеобразных «культовых» фигур ею для рассмотрения предложены Гефтер², В.В. Кожин и Е.Л. Шифферс. Эти три фигуры, наиболее активно проявившиеся в период перестройки и выдвинувшие свои мировоззренческие выстроенные кредо, в этот период и задают образцы принципиально разных мировоззрений. Очень важно, что эти люди, в принципе отрицательно относящиеся к тому, что происходило в период перестройки, смогли задать своеобразную «оптику», благодаря которой человек, прорабатывающий их тексты, может отстроить и отделить себя от происходящих перестроечных и постперестроечных событий, непосредственным и невольным участником которых он является. О.И. Глазунова предложила связывать Гефтера с либеральным мировоззрением, Е.Л. Шифферса с традиционалистски-консервативным, а В.В. Кожина, что несколько неожиданно, — с народническо-советским, с социал-демократическим — общественно-народным, если впрямую переводить латинско-греческие корни на русский язык.

Если не принимать во внимание замечательно глубокие филологические работы В.В. Кожина, а рассматривать его мировоз-

¹ Более подробно см. автореферат кандидатской диссертации Глазуновой О.И., а также нашу монографию «Метапредмет «Проблема», в которой мы используем материалы данного исследования и тексты О.И. Глазуновой.

² Следует отметить, что тексты Е.Л. Шифферса и Гефтера стали доступны широкому читателю благодаря Г.О. Павловскому. Он сам подготовил книгу, состоящую из его личных бесед и диалогов с Гефтером, и нашёл деньги для издания произведений Е.Л. Шифферса.

зренческую философию, то можно утверждать, что он являлся одним из наиболее жёстких критиков советской коммунистической бюрократии и коммунистической интернационал-пролетарской идеологии. В удивительной по чёткости позиции книге «Чёрная сотня» он развенчивает один из краеугольных либерально-советских мифов о мракобесии и националистическом фашизме представителей русских монархических организаций, пытавшихся спасти Россию от революций. Работы В.В. Кожина всегда вызвали очень острый и резкий отклик у либерально-настроенной интеллигенции, что свидетельствует о верности направления его размышлений. В частности, Кожин документально доказал, что основной период «красного террора» приходится вовсе не на 1937 год, а на 1918 и начало 1920-х. А 37-й год связан с уничтожением тех, кто организовал красный революционный террор в начале 20-х, и к 37-му году коммунистическо-революционная форма правления во многом стала «исправляться» и изменяться Сталиным, поскольку он был вынужден учитывать настроения и состояние населения. Ещё в большей степени это, конечно, происходило в период Великой Отечественной войны, когда Сталину пришлось восстанавливать русское самосознание в искусстве, культуре и идеологии, без чего победа в войне была бы невозможна¹. Можно утверждать, что В.В. Кожина всегда интересовала субстанционально народная точка зрения, а также роль и вклад тех или иных исторических деятелей в процессах, происходящих с русским народом.

С этой точки зрения, позиция Гефтера совершенно иная: она связана с проблемой преодоления населением России и особенно русской интеллигенцией комплекса прислужничества и раболепноеTM по отношению к власти. Очень важной здесь оказывается фигура и архетип Сталина, деспотически захватившего сферу, в которой возможно преодоление рабской покорности и прислужничества власти. Сталин, сформировавший у огромной части населения комплекс своей исключительной необходимости и нужности,

¹ Именно с этих позиций, например, В.В. Кожин разбирает замечательное стихотворение К. Симонова «Ты помнишь, Алёша, дороги Смоленщины», ряд интонаций и строчек в котором, с точки зрения В.В. Кожина, ещё год назад в СССР были немыслимы, особенно, например, такие:

«Как будто за каждую русской околицей,
Крестом своих рук ограждая живых,
Всем миром сойдясь, наши прадеды молятся
За в бога не верящих внуков своих».

спроецировал социальные и исторические процессы на культ своей личности. Если в мышлении историка разморозить и вынуть из структуры исторического процесса фигуру Сталина, то возникнет особая область возможной непроявившейся истории — иное несостоявшееся течение исторических процессов, своеобразные отобранные исторические возможности, которые, тем не менее, могут быть зафиксированы как возможности. Следует заметить, что подобное обращение к истории, например, для Кожинова, вообще было невозможно — для него история не могла носить сослагательного наклонения. И это определяется тем, что Гефтер и В. В. Кожинов рассматривают разные истории. В. В. Кожинов говорит об историческом процессе, в который в качестве единственно возможного субъекта исторического действия был включен русский народ. Гефтер же обсуждает возможность включения в историю личности каждого, то есть фактически процесс личного присвоения истории.

Точка зрения Е.Л. Шифферса предполагает выделение позиции поэта, учёного, политического деятеля, святого, которые воспроизводят сознание, принадлежащее традиции. Сами по себе формы организации данного сознания являются ценностью, поскольку «проблемы безопасности связаны с воспроизводством и культивированием национальной гениальности». Сервильность и рабство, подчинение и несвобода по отношению к существующей власти являются особым типом извращением и искажением принципа служения (вспоминается точное грибоедовское «Служить бы рад, прислуживаться тошно»). Воспроизводство антропологии, соответствующей традиции, и есть не что иное, как появление живого лица, которое предъявляет национальную идентичность, прекрасно понимая, что представляют из себя опасности и как они могут быть преодолены. Фактически, при подобном подходе речь идёт о воспроизводстве сакральной антропологии, которая вообще не может оцениваться извне, поскольку то, что внешним людям представляется слабостью, при внутреннем описании выступает силой. Сравните известные споры, связанные с оценкой личности последнего русского государя Николая II, когда одни — в основном либерально-коммунистическая публика — представляют его в виде слабой личности, а другие (монархисты) выявляют в нём сильный и волевой личностный тип. Воспроизводство традиционного сознания сходно с изготовлением обоюдоострого меча, который может быть обрушен и на национальные эгоизмы, поскольку традиционалистское сознание безжалостно выявляет и выделяет те грехи,

которые совершил народ данной страны. С точки зрения Е.Л. Шифферса, таким грехом русского народа является либо прямое участие, либо попустительство убийству царской семьи. В этом грехе есть вина и Московской патриархии. Поэтому для преодоления данного общенационального греха необходимо всеобщее институциональное покаяние. Как считает Е.Л. Шифферс, воспроизводство сознания, принадлежащего традиции православной русской государственности, есть путь культивирования сверхспособностей и обнаружение целого ряда новых возможностей человека.

Мы выделили три эти позиции для того, чтобы обозначить принципиальную воронку возможностей, внутри которой могут формироваться мировоззрение и идеология российской государственности. Все три вышеперечисленные позиции являются в равной степени необходимыми для построения идеологии российского субъекта, действующего в глобализованной экономической среде и мировом пространстве. Проблема состоит в том, что они должны быть увязаны между собой в едином государственно-контуре, поскольку России необходима либеральная позиция, способная продемонстрировать, что Россия по определённым показателям более демократична и является страной больших возможностей, чем США. С точки зрения Emanuell Tod, изложенной в книге *Après L'empire* («После империи»), этого больше всего боятся США. Если Америка перестанет быть держателем брэнда демократии, она потеряет все свои основные преимущества, в том числе и финансово-экономические. России необходима социал-демократическая позиция, которая должна быть связана с развитием общих страновых инфраструктур и созданием условий развития для всех слоев населения страны. Но не менее важно, чтобы в основе мировоззренческого поля России была бы представлена традиционалистско-консервативная позиция, основанная на укоренении русских (Russians) в своей религии и традиции своей государственности. Можно утверждать, что основная проблема сегодняшнего периода состоит в том, как, действуя в условиях открытой мировой экономики и имея интересы в любой точке земного шара, не потерять собственную идентичность, сохранить свою традицию, язык, веру и остаться единым великим народом. На наш взгляд, это возможно только в том случае, если в формируемом мировоззренческом поле появляется консервативно-традиционалистская позиция, смысл которой состоит в том, чтобы воспроизвести позицию традиционной русской государственности наряду с либеральной и социал-демократической позициями.

Именно из подобного самоопределения следует, что имеет смысл отстаивать суверенное национальное российское государство, несмотря на глобализацию и кризис национальных государств. XXI век отнюдь не является веком гибели национально-цивилизационных государств. Более того, мировое развитие и мобилизация сокровищ и возможностей национальной культуры, национального мышления возможны только при сохранении национально-цивилизационной формы развития.

Именно из подобного самоопределения следует, что мы должны развивать собственные полномасштабные производительные силы и осуществлять разработку и реализацию инфраструктурных проектов в глобальной финансово-экономической среде.

Из подобного самоопределения следует, что у нас должна быть своя культурно-цивилизационная политика, позволяющая нам создавать на основе наших ценностей произведения искусства высочайшего уровня. Российское кино и телевидение, музыка и литература должны быть способом обнаружения для мира русской традиции и русских идей, а также формой предъявления глобальному миру русского самоопределения.

Следует отметить, что существуют и другие стратегические видения глобального развития.

Глобалистско-либеральное видение состоит в том, что свободное движение по миру крупных финансовых капиталов и возможность воспроизводства на основе данных капиталов различных сегментов цепочки производств обеспечат отмирание и гибель национальных государств. Формирующийся глобальный спекулятивно-финансовый мир является миром нового неравенства с небольшими анклавами высокооплачиваемых финансовых аналитиков и огромными черными зонами разрастающегося тотального кризиса и мятежа. Основным игроком в этом мире тотальной неустойчивости и разрастающегося хаоса будут США — страна множества распределённых идеологических оболочек: одна идеология — для правящего мирового финансового класса, владеющего всем, другая оболочка — для внутренних жителей США, свободно перемещающихся по всему миру, третья оболочка — для подражателей режима США в других странах и т.д. Глобализованный финансовый мир является миром разрушения традиционных идентичностей и новых антрополоперсональных конструктов, протееобразной, текучей, бесфиксированной идентичности, своеобразных специально сдизайнированных искусственных квазиличностей, людей, изменяющих пол, произвольно трансформирующих

и меняющих естественные, природные составляющие жизни человека.

Сегодня существует и подробно описан либералистско-социал-демократический взгляд на природу глобального мира. Этот взгляд изложен в книгах А. Негри и М. Хардта «Империя» и «Множество». Вторую книгу русская публика стала называть «Мальтитюда». Возможно, это и правильно: то, что авторы пытаются выписать в виде определённого идеологического проекта, должно иметь своё персональное название. В какой-то мере эта самая «мальтитюда» похожа на «человеиник» видного русского писателя, логика и социолога А. А. Зиновьева. Авторы считают, что в настоящий момент почти сложилась, то есть находится в заключительной стадии формирования, совершенно особая глобально-социальная реальность, которую следует называть «империя».

Эта возникшая империя отличается от империализма, осуществляемого каким-либо национальным государством — например, США. Институты империи — везде и нигде: они детерриторизованы и делокализованы, но при этом обладают вездесущностью действия. Поэтому формирующийся финансовый, правовой, производственно-экономический порядок в очень малой степени может быть управляем. Он создаёт особую политико-финансовую реальность, которая требует адекватного действия в каждой отдельной экземплифицированной и сингулярной (единичной и неповторимой) точке.

В этой идее сочленения всеобщего и индивидуально-неповторимого, единичного, собственно, и состоит основная логическая конструкция авторов, воспроизводящая одновременно устройство мысли по Лейбницу и Спинозе. Для того чтобы глобальный финансово-политический порядок сложился, он должен проявляться и закрепляться в каждой из точек, но при этом сохранять особенности всеобщего, универсального порядка. И с точки зрения авторов, в настоящий момент мы подошли к такому моменту исторического существования, когда глобально-движущиеся по всему миру капиталы, информация, системы насилия, перемещающиеся люди могут вступать в коммуникации и участвовать в диалоге с любой единичной и неповторимой точкой земного шара. Глобальный порядок сложился. И, следовательно, мы переходим к постглобальному миру, поскольку нам надо будет самоопределяться по отношению к этой глобально-сетевой деиерархизированной инфраструктуре.

Этот глобальный порядок не является застывшей конструкцией, он обладает всеми чертами пульсирующего и живого организма,

вступающего в контакт с каждой единичной точкой земного шара и изменяющегося в результате этого контакта. Жизнь людей, протекающая в каждой точке земного шара, с одной стороны, принадлежит самому порядку глобальной империи, а с другой стороны, отлична от него, обладает самодействием и своей субъектностью. Более того, сам глобальный мировой порядок есть не что иное, как способность отдельных уникальных точек-индивидов, общностей, групп вступать во взаимодействие друг с другом и образовывать сети взаимодействия.

Этот сформированный глобальный мир, по мнению авторов, не стал более справедливым, более совершенным и благоприятным для живущих в нём людей. Огромное социальное неравенство, насилие и постоянно ведущиеся в самых разных точках земного шара войны повышают нестабильность и неустойчивость складывающегося социального порядка.

Борьба за переорганизацию этого мира в интересах большинства населения ещё только предстоит. Сейчас формируется субъект, который будет преобразовывать и изменять складывающийся глобальный порядок в своих собственных интересах. Этим субъектом как раз и является эта самая «мальтитюда» — трудящееся население всего земного шара. Оно сегодня способно самоорганизовываться и действовать в системе низовых производственных, потребительских, информационных, инсургентных (повстанческих) сетей без правительств, международных финансовых групп и транснациональных корпораций. Более того, правительства и транснациональные корпорации для получения прибыли заинтересованы в наём различных элементов, сегментов, стратов этой самой «мальтитюды».

Далее мы более подробно разберём видение-проект данных авторов. Здесь же нам важно указать лишь на следующее: авторы считают, что необходимо признать неизбежность уничтожения и отмирания национальных государств. Человечество должно слиться в единое сетевое общество, состоящее из равноправных и единично-неповторимых акторов данной сети. Самодеятельное человечество и образует единую имманентную субстанцию, которой одновременно присущи два атрибута — движение и мышление, как считал Б. Спиноза. Формирующаяся «мальтитюда» ещё только должна будет выработать новые формы самоуправления, в соответствии с которыми она будет представлять тотальное всемирное демократическое общество.

Данные взгляды авторы связывают с развитием марксистского подхода за рамками теории К. Маркса, выдвигая целый ряд новых

для марксизма представлений о том, что же определяет субстанциальную основу собственности, как изменяется сегодня всеобщий труд и т.д.

Вместе с тем следует признать, что авторы приняли то изменение мира, которое было организовано движением финансового капитала и действием различных финансовых центров и групп. С этой точки зрения, данный ход мысли авторов чем-то напоминает принцип самоопределения Б. Спинозы в ростовщических Нидерландах. Поскольку принципам действия ростовщического капитала нельзя помешать, то, по крайней мере, надо так организовать свою жизнь, чтобы извлечь максимальную пользу из данной системы обстоятельств. Но возможен совершенно другой ход, предполагающий реформу международной финансовой системы и изменения функций финансового капитала. Конечно же, это очень сильно нарушает все основные либеральные ценности — невмешательство в движение капиталов и рынка, независимость действия финансовых институтов от государства. Но в период, когда Китай (и согласованно с ним Малайзия) «с намерением установить и улучшить китайскую социалистическую рыночную систему, позволить рынку играть свою роль в распределении ресурсов, а также укрепить валютный режим управляемого курса укрепил юань на 2,1 процента и отменил его привязку к доллару»¹, невозможно не замечать возможности трансформировать и менять принципы действия международных финансов, а также всю финансовую архитектуру. Поэтому тот глобальный мир, который постепенно начали заселять «мальтитюдой» Антонио Негри и Майкл Хардт, является лишь своеобразной онтологизируемой тенью, которую отбрасывают особым образом организованные международные финансы.

Второе очень серьёзное ограничение, которое возникает при анализе глобальной империи авторов, состоит в том, что она скроена по образцу государственных и политических институтов США. Намечая демократическую организацию «мальтитюды», авторы сами признаются, что они мыслят её новые политические институты по аналогии с институтами США. Авторы фактически придают вечный онтологический статус тому миру, который возник на сегодняшний момент в виде однополюсного мира во главе с США.

¹ См.: Александр Лмзин. Отвязный юань. Китай и Малайзия в один день отменили привязку своих валют к доллару. - <http://lenta.ru/articles/2005/07/22/yuan/>.

И хотя авторы поясняют, что их конструкция империи отличается от империализма США, получается, что они оказываются не способны выйти за рамки политических институтов монополярного мира и увидеть иную альтернативу мирового целого. Это как раз и связано с тем, что авторы не используют метаинституциональный подход, в рамках которого сложившееся институционально-правовое, институционально-финансовое и институционально-политическое устройство глобального целого должно быть превращено в предмет преобразований. Но для того, чтобы появился предмет преобразований, должен возникнуть субъект, способный осуществить подобное преобразование. Этим субъектом, на наш взгляд, и должны являться национально-цивилизационные государства, которым авторы «Империи» отводят роль отмирающего анахронизма.

Вместе с тем без национально-цивилизационного государства, которое представляет собой огромный исторический мир, преобразовать и изменить конфигурацию мирового целого невозможно. И более того, без национально-цивилизационного государства невозможно и воспроизводство культурного разнообразия в сливающейся в единое целое мировой «мальтитюде» А. Негри и М. Хардта.

Когда мы говорим о национально-цивилизационном государстве и национально-цивилизационной государственности, мы обращаем внимание на то, что национальность может формироваться не только на основе этноса и этничности, но и на основе цивилизации, находящейся в общении с другими мировыми цивилизациями и понимающей своё отличие от них. С этой точки зрения, русское мультиэтническое национальное государство представляет в мировом целом русский многоэтнический мир, мир многих народов, мир России — особую цивилизацию, «мир миров», как называл Россию Гефтер. Сохранение подобной позиции, на наш взгляд, является важнейшим условием не только для сохранения русской государственной субъектности в мире, но и воспроизводством культурного разнообразия различных этносов и наций. Всё дело в том, что надвигающаяся «мальтитюда» Негри и Хардта построена на потреблении и использовании сложившихся самостоятельных цивилизационных, национальных и этнических культур. Вступая во взаимодействие и усредняясь, глобальная коммуникативная сеть создаёт свою собственную массовую культуру взаимодействия, которая не имеет ничего общего с сохранением традиции и воспроизводством сакральных культурных ядер, связанных с религией, языком и национальными ритуалами. Из подобного рас-

суждения вовсе не следует, что Russians должны стремиться к изоляции. Просто воспроизводство традиции и культуры является условием самостоятельного суверенного действия в условиях процессов глобализации. А. Негри и М. Хардт, кажется, понимают подобную возможность, но считают её утопической и иллюзорной. Им кажется, что лучше не сопротивляться размыванию и ослаблению национальных государств, а спокойно допустить возможность формирования единой империи. А в структуре данной сформировавшейся империи уже имело бы смысл взяться за тотальное общее освобождение всего населения, всей «мальтитюды». Данные аргументы могли бы выглядеть весьма заманчивыми, если бы Россия однажды не прошла бы уже через подобный опыт принесения себя в жертву международному интернационализму. Россия побывала во всех возможных политических мирах — от империи через «реальный коммунизм» (А.А. Зиновьев) до либерализованной демократии. Поэтому она в большей степени, чем другие страны, имеет возможность правильно выбрать, что больше всего подходит ей в современном мире. Подчинение же себя глобальной формирующейся «мальтитюде» означало бы полное уничтожение русской культуры и национально-цивилизационной государственной самобытности. В этом случае, действительно, территории и природные богатства России вполне можно было бы скормить «мальтитюде».

Если проанализировать наше отношение к идее-проекту Негри-Хардта, то можно увидеть, что основной принцип позиции, из которой мы исходим, состоит в следующем. У «рашинз» (Russians) появляется возможность стать игроком в новом формирующемся глобальном мире. Ни копирование западных либеральных государств, ни попытка впрямую воспроизвести форму государственности из прошлого не получатся. Можно сколько угодно причитать над величием умершего (отравленного) Сталина, но назад его не вернёшь. Хотя элементы и подобного заимствования, и подобного воспроизводства вполне допустимы и возможны. Но в этом случае возникает проблема: как сделать, чтобы эти заимствования не были настолько разнородны, что в результате приведут к внутреннему разрушению и конфликту различных групп и сил, участвующих в формировании государственности? Представим, что по представительскому пафосу наша страна будет фанфаронисто и амбициозно копировать священную царскую власть, по миродержимордности (миродержавности) и агрессивности заявлений она будет имитировать сталинский период правления, а по слабости и худосочности инфраструктурно-проектных предложений

станет повторять вороватую ельцинскую власть. Нам кажется, что результаты правления подобной администрации быстро приведут к изоляции нашей страны от всего остального мира.

Безусловно, у России сейчас, как никогда, есть шанс стать одним из ведущих глобальных игроков в формирующемся мировом глобальном целом. Правда, очень важно, чтобы пресловутая мироодержавность не превратилась бы в мироодержимость, в стремление любой ценой оказаться в центре мирового развития, поскольку возникает вопрос, чем придется платить за такое временное вращение во всемирном фокусе внимания.

Обсуждая проблемы самоопределения *Russians* («рашинз») в глобальном мире, мы отнюдь не стремимся заявить, что нам абсолютно всё известно и у нас есть готовые рецепты для правительства России. В большей степени мы бы хотели предложить программу исследований на основе деятельностного подхода и политической антропологии идентичности проблем формирования глобального мира. Эта программа позволила бы выделить наиболее важные точки формирования и развития российской государственности и принципы формирования и культивирования идентичности «рашинз». В целом, анализируя и разбирая различные темы, мы видим основную проблематику данной книги в своеобразном «тематическом треугольнике».

Идентичность (1) русских в формирующемся глобальном мировом целом, **территориальное развитие** (2) страны на основе создания новых инфраструктур, включая и трансграничное территориальное развитие, и создание **транснациональных русских корпораций** (3) в качестве агентов действия в глобализованной среде. Эти три тематических момента связаны для нас внутренней логикой. Идентичность определяет сохранение нас как самостоятельного народа, действующего в глобальном мире на основе собственного исторического опыта, прежде всего, конечно, духовного, и обладающего своей собственной национально-цивилизационной государственностью. Более того, мы считаем, что основной тип сегодня конкуренции и борьбы в глобализованном мире связан с ведением войн за изменение и преобразование идентичности. Смена идентичности не требует захвата территорий. Люди сами добровольно переходят под знамёна другой цивилизации. Так называемые оранжевые революции, на наш взгляд, являлись войнами за изменение идентичности целых народов — в данном случае грузинского и украинского. Результатом войн за изменение идентичности является цивилизационная перевербовка. Совершенно

неважно, что в результате осуществленного преобразования возникнет неаутентичная (неподлинная) аутентичность — скоморошная, карнавальная и т.д. Всё дело в том, что возникающая идентичность является «идентичностью участия», «идентичностью событийности», которые очень сильно отличаются от идентичности памяти и идентичности веры. «Идентичность участия» является формой самоопределения подростков. Но поскольку в настоящий момент мир американизируется, а американская нация — молодая, даже подростковая, то инициация «идентичности участия» является весьма действенным средством цивилизационных перевербовок.

Территориальное развитие и формирование транснациональных русских корпораций определяют основной способ и результат действия в глобальном мире. Территориальное развитие предполагает проработку каждого квадратного километра территории нашего государства и создание на нём самых разнообразных инфраструктур, обеспечивающих рост населения. Безусловно, это территориальное развитие будет идти неравномерно, но проблема состоит как раз в том, сколько будет сделано вложений в территориальные инфраструктуры развития, включающие электроэнергетику, транспорт, связь, современное жилище, а также гуманитарную инфраструктуру — учреждения здравоохранения и образования. С другой стороны, формирование российских транснациональных корпораций предполагает освоение совместных прорывных долгосрочных инфраструктурных проектов, которые являются трансграничными. Российские транснациональные корпорации должны перемещаться по всему миру и действовать по законам рынка, но проблема состоит в том, чтобы это конкурентное продвижение в любые точки земного шара не приводило бы к разрушению пространственной организации нашей страны. Как нам представляется, в этой точке соединяются три доктрины — антропологическая доктрина сбережения и возрождения народов России как основа продвижения страны к мировому лидерству, доктрина пространственного развития России и доктрина построения российских транснациональных корпораций, которые должны, на наш взгляд, формироваться при непосредственном государственном участии и выполнять функции государственнического строительства. Для этого между транснациональными корпорациями должен быть заключён договор о совместных действиях в глобализованном мире.

Прежде чем обсуждать разные формы и типы самоопределения русских в условиях глобализации, нам следует отметить одно

весьма важное обстоятельство. Мы сегодня живём в постстратегическом мире, и разработка любых стратегий поставлена на поток. Это означает следующее: из структуры стратегии «вымыто» и выброшено важнейшее обстоятельство — стратегия оказывается необходимой только при условии осознания ее теми, кто хочет одержать победу. Стратегия нужна антропологии потенциального победителя. Если эта антропология отсутствует, то нет потенциального победителя-человека, который хочет победы и строит победу, и формальный документ стратегии оказывается никому не нужным. Хотя таких стратегических документов может быть разработано невероятно много. В год 60-летия Победы СССР в Великой Отечественной войне у нас были все основания задуматься над антропологией Победы и ответить на вопрос: что означает для нас необходимость победить в условиях сегодняшнего передела мира, и кто на этом пути наш враг, а кто — друг.

«Мёртвые сраму не имут...»

Политическая антропология Победы

Так почему же нам так важен этот самый праздник Победы?

Неужели мы не устали от застолий и длинных каникул, ненапряжённого полурасслабленного существования и от механического истязающее-тупого бизнеса, от своеобразного «вкалывания» на фазендах, о работе на которых печётся лидер «Родины»?

Всё громче, всё более тускло и как-то всё более и более самоуничижительно звучат призывы к тени Сталина. Народ готов заново себя загнать на Голгофу и муку, только бы восстановить достоинство и самоуважение к себе как нации. Хотя взывание к тени Сталина — это соблазн. Сталин значим и велик в святом ушедшем прошлом. Оставим его там — в нашей памяти — и не будет взывать к его тени в настоящем!!! Потому что у сегодняшних имитаторов Сталина ничего не останется от него, кроме тупого деспотизма и страсти к самовыражению. Копия всегда бледнее и смешнее оригинала.

В чём же заключается значение и смысл этого выдающегося и замечательного праздника? Праздник Победы — это на сегодня единственный праздник общенародной идентичности русского народа в семье с другими народами.

В замечательном празднике Победы есть семь важнейших смысловых ядерных фокусов:

1. Праздник Победы связан с пробуждением религиозного чувства и диалога с мёртвыми, которые и образуют ценность нашей земли, на которой мы живём. Победа — это Радуница. Именно во время Победы мы разговариваем с тенями своих прадедов и дедов, никому не известных мальчишек и девчонок, православных воинов, которые умерли за Россию. Подготавливая себя к состоянию Победы в период жесточайших поражений, наши воины слышали голоса своих умерших предков — оттуда «из загробного» измерения. Об этом прекрасно написал прозревший в этот период К. Симонов:

Как будто за каждую русской околицей,
Крестом своих рук ограждая живых,
Всем миром сойдясь, наши прадеды молятся
За в бога не верящих внуков своих.

2. Праздник Победы есть праздник всенародной мобилизации, единения всех народов ради единой общей выстраданной цели. Благодаря Победе, каждый из нас и все мы вместе проверяем величием мобилизующего общенародного деяния свои устремления и свои мысли.
3. Праздник Победы есть праздник единства поколений, поскольку только выродок, человек, не принадлежащий русскому Духу и российскому народу, отделён стеной непонимания от этой даты и не празднует это замечательное событие, сводя его, например, исключительно к сталинскому тоталитаризму. Именно во время этого праздника заветы дедов передаются внукам, а внуки намечают для себя горизонты и перспективы, которые достойны памяти их предков. Праздником Победы меряется эффективность или, наоборот, беспомощность российской педагогики как невозможность передать от одних поколений другим святость данного события.
4. Праздник Победы есть почитание особой, важной для русских ратоборческой святости — геройства, воинских подвигов как искупления своих грехов, грехов своего рода и грехов нации в неравном бою с врагом перед лицом смерти.
5. Праздник Победы есть восстановление архетипа русской удали, святого счастливого мига, когда всё возможно, поскольку в этот момент выхода и прямого обращения к горизонту смерти в вечности возникает счастливый миг абсолютной личной правды, понимания, ради чего ты живёшь.

6. Праздник Победы есть прямой выход русских в мировую историю, поскольку русский народ, прошедший через всю Европу и освобождавший Азию от нацизма и фашизма, после этого уже больше не может мыслить локально. Он мыслит и действует глобально, всемирно-исторически, кафолично. Думающий русский человек, оказавшись в эмиграции, всегда прорывался к всемирному смыслу существования России — это подвиг русской религиозной философии в изгнании. Победа — это такой же прорыв.
7. Праздник Победы есть форма идеологического единения, способ заклания идеологических распрей и крамолы. Русский офицер, почитатель царской семьи, убитой и разодранной на кусочки в Ипатьевском подвале, либерал, поклоняющийся правам человека, и большевик-социалист, отстаивающий социальную справедливость, в этот момент перед угрозой уничтожения единого национального государства откладывают в сторону свои разногласия. Вспоминается оценка К. Марксом «Слова о Полку Игореве» — призыв русских князей к единению перед самым нашествием монголов.

Как в случае сложного стереоскопического зрения, мы получаем в празднике Победы единое переживание всех этих разных смысловых фокусов как единого целого. В нас запечатлевается целостное переживание этого праздника. Но каждое из этих пространств понимания произошедшего, если нужно, мы можем развернуть.

22 миллиона погибших наших соотечественников — это 22 уничтоженных города-миллионщика, в которых за прошедшие с начала Великой Отечественной войны 65 лет могло родиться ещё в два раза, пять раз больше русских людей. В какой-то мере мы все живём только постольку, что они умерли за нас. Мы живём за счёт погибших героев. Многие из них до сих пор не захоронены и не имеют могил, на которые могут приходиться их родственники. И в День Победы, если мы захотим, мы можем слышать голоса этих людей, которые ушли для того, чтобы в России и во всём мире продолжалась жизнь. Эти погибшие наши соотечественники призывают нас к героизму, они не дают нам жить просто так. Именно поэтому нам говорят: «Обогащайтесь!» и отлучают нас от героизма Победителей. Именно поэтому нам говорят: Россия никогда больше не будет сверхдержавой, и закупоривают нас в пустых и тухлых стенах общества потребителей. Вполне может быть, что России и не надо быть Мироводержавной Держимордой — World Power, не надо трогать поляков, прибалтов и «всяких там прочих шведов»

(В.В. Маяковский). Но занятие позиции мирового лидера нашей стране вполне по силам, да и как же без этого жить?

Делается всё, чтобы не дать русскому народу занять лидерскую позицию в мире. Именно за позицию лидера, того, кто задаёт стиль жизни, ведётся настоящая жесточайшая борьба. Поскольку, если США перестанут считаться мировым лидером, то мировая финансовая система, построенная на особой функции и роли доллара, тут же рухнет. Каждый день в страну не будут поступать для вложений в ценные бумаги американских компаний для покупки акций на Нью-Йоркской биржи 300 млн. \$. Для прагматичных американцев проблема лидерства тут конвертируется в проблему устойчивости финансовой архитектуры. Стоит осознать, что Америка не задаёт и не определяет стиль жизни, не создаёт новую моду на то, как жить; следует знать, что американцев больше всего сегодня, как утверждает Линдон Ларуш, интересуют новые формы сексуального извращённого опыта, и глобальная пирамида мировой власти если и не рухнет, то сильно подкосится.

Так что же такое антропология Победы? Это — антропология тотального результирующего конечного действия здесь и теперь, для достижения которого необходима мобилизация. Действие должно состояться и дать финальный конечный выигрыш. В случае антропологии Победы не может быть постепенной подготовки, когда невозможно ответить самому себе и другим на вопрос: а для чего в конечном счёте это делается? Антропология Победы — это нацеленность на главное, на центральный главный суммирующий итог — бессмертие народа и страны.

Это состояние описывает очень интересно гениальный русский философ-мистик Е.Л. Шифферс, утверждая, что всякий одарённый человек, решая любую задачу, слушая бессмертную музыку, повторяя слова спасительной молитвы, которые задолго до него придумали ушедшие святые, рассматривая гениальную картину, забегает в своём сознании в смерть и ставит перед собой всего одну проблему: как преодолевается смерть? Она преодолевается в человеческой памяти грядущих поколений, через духовное прозрение и обретение личного бессмертия, через создание условий для бессмертия своего рода и т.д. Можно утверждать, что все живущие сегодня на земле существа и общностные организмы — семьи, роды, народы, нации — бережно окутаны мыслью предшествующих поколений, заботившихся о нашем с вами бессмертии. Поэтому антропология состояния Победы — это всегда антропологии преодоления смерти.

Именно в этом зазоре при воспроизведении данного состояния руководители государства и оказываются способны сформулировать и поставить общенациональные стратегические цели. Без воспроизводства состояния Победы государственный руководитель не способен сформулировать цели развития страны. Если у страны нет целей, это значит, что ею правят люди, которые воспроизводят антропологию пораженцев. Они придавлены развёртыванием происходящих событий и у них нет собственного плана кампании.

Эти цели развития страны обязательно множественны. Не может быть одной цели по типу «наша цель — коммунизм». Хрущевское «колбасное» счастливое будущее, каким бы оно ни воспринималось сегодня светлым на фоне нищеты огромного числа регионов, являлось тупиком, подкосившим страну накануне маршматизирующего брежневизма. Но именно в период хрущевистской оттепели страна разучилась заниматься целеполаганием, поскольку до этого за страну мыслил и целеполагал мозг одного человека, который заставил поверить всю страну в его исключительной необходимости и весильности. Нам представляется в этом месте убедительной и интересной точка зрения учителя Г.О. Павловского — Гефтера, утверждавшего, что культ личности Сталина был основан на особом способе навязывания своей исключительности населению всей страны. Антропология культа личности есть антропология особого консциентального пленения сознания многих миллионов людей, искренне верящих в непогрешимость одного человека. Освобождение от подобного пленения и своеобразные «каникулы» на целеполагание (которые, видимо, у государственных мужей продолжаются до сих пор) привели к тому, что стратегические цели развития страны так и не сформулированы.

Именно в этом контексте нам представляется принципиально новаторской и подвижнической работа чл.-корр. РАН, директора института социально-политических исследований В.Н. Кузнецова, связанная с попыткой сформулировать двуединую цель нашего государства — обеспечение безопасности и благополучия населения Российской Федерации. То, что В.Н. Кузнецов называет двуединой целью, является телеотехническим принципом, который может быть развёрнут в множество целевых определений. Этот телеотехнический принцип — принцип, определяющий постановку целей, может быть конкретизирован не в среде целеполагания, а в работе своеобразного ГЕНШТАБА, ставящего задачу создать иерархию программ деятельности развития страны. Данный прин-

ципиальный телеотехнический принцип требует затем его конкретизации и необходимости развернуть постановку конкретных целей, обеспечивающих развитие страны и её неостановимую победу с выходом в позицию мирового лидера. Развёртывается данный целевой принцип в целую систему иерархизированных целей, за которым стоят связки множества деятельностей и формы их организации.

Подобный тип целеполагания отнюдь не означает построения нового Госплана, который должен подменить собой стихию самоорганизующихся рынков. Предполагается, что стихия рынков в России сложилась, и вот теперь в условиях этой кафкианской хаотической стихии и необходимо осуществлять целеполагание. Это очень важный момент: принцип целеполагания не подменяет собой и не замещает собою рыночных процессов. Целеполагание выстраивается поверх этих процессов на основе их рефлексии и превращения в предмет целенаправленной проработки.

Мы не собираемся ни в данной главе, ни в данной книге конкретно развёртывать всю структуру целей и иерархий деятельности, обеспечивающих работу потенциального (виртуального) Штаба русского лидерства и русской Победы. Укажем лишь на ряд важнейших ограничений и определений.

В настоящий момент намечается заключительная либеральная атака членов правительства Фрадкова (Греф, Кудрин) и советников Президента (Илларионов, Дворкович) на население России. Весь ужас положения состоит в том, что сам Путин говорит от имени сильной целеустремлённой суверенной страны — мультиэтнического национально-цивилизационного государства, а члены кабинета — от имени либерального мирового правительства, для которого не существует национальных государств. Поэтому все ходы по выстраиванию самостоятельной сильной российской субъектности тут же погашаются и разрушаются мерами и планами членов правительства. Основная задача состоит сегодня в том, чтобы разрушить единый инфраструктурный принцип социальной политики (политики здравоохранения, высшего образования), сделав их тотально платными, в систем расселения, раздробив территорию России на зоны, которые могут вести самостоятельную деятельность с любыми странами мирами, став автономными точками роста. Обе эти меры означают окончательную дезинтеграцию нации и дезинтеграцию территорий. Этому может противостоять только план единого инфраструктурного действия высшего образования, соединённого с развитием прорывной фундаментальной

науки и проектами создания новых производственно-технологических площадок.

Важнейшим моментом является сохранение территориальной целостности России для наших потомков. Это означает, что вся территория страны должна перестать быть бесхозной, она должна быть раскартирована и работать. Заставить территорию страны работать — это не означает, что нужно распродавать землю в частную собственность через подставных лиц. Это не означает также разделить территорию страны на перспективные зоны, которые могут обрастать экономическими связями и богатеть, и бесперспективные зоны, которые будут превращены в районы социально-экономического бедствия. Нацелить новую российскую экономическую элиту на то, чтобы выдрать и обособить страновые куски как личные вотчины для участия в процессах глобализации, расстравив их амбиции, очень просто. При этом остальному населению страны будет сказано: эти неостановимо богатеющие территории будут для вас примером. Но мы всё уже это проходили. Это всё равно, что отодрать нефтедобывающую отрасль от всего народного хозяйства и потом сказать академической науке: сверхприбыли нефтедобывающей отрасли послужат для вас образцом для подражания. Подобный способ действия закончился разрушением фундаментальной науки, разрушением целого ряда небольших сибирских городков и прекращением геологоразведки в нефтедобывающей отрасли.

Что же выполняет функцию скрепы, является геополитическим принципом, удерживающим Россию в целом как единое целеустремлённое государство? Это — идея геополитического странового моста с коридорами развития из Европы в Азию, объединяющего старую Европу с Китаем, Индией и Ираном. Но если не будет продумана функция каждого элемента странового моста по отношению к другим элементам, с одной стороны, а также по отношению ко всей остальной территории России - с другой, то мы столкнёмся с проблемами современного Китая. Богатые, быстро богатеющие южные провинции Китая и бедный неразвивающийся Север грозят дезинтеграцией единому государству. Именно в связи с подобной угрозой у Китая и появились программы ускоренного развития старых индустриальных баз на Севере.

Высокие мировые цены на нефть и металлы позволяют России сделать значительные накопления, которыми необходимо правильно распорядиться. Эти деньги должны быть вложены в технологическое перевооружение страны и построение новых

промышленных производств на основе прорывных технологий. Должны быть созданы исследовательско-технологические центры, обеспечивающие прорыв к технологиям следующего поколения. Следует принять, что мы сегодня должны сменить сам принцип развития: на место индустриализации и сверхиндустриализации, связанной с построением промышленных гигантов, должен придти принцип проектирования и создания мультимодальных гибридных инфраструктурных сред, объединяющих в своём устройстве транспортную, энергетическую, технологическую, информационную и поселенческую инфраструктуры. Проектирование и создание подобных инфраструктур создают условия для освоения всей территории Евразии. Мультимодальные гибридные инфраструктурные среды должны быть организованы в виде модулей как минимум пяти типов.

Модули, из которых могут формироваться и складываться коридоры развития, пронизывающие всю Россию, — это зоны формирования следующего техно-социокультурного уклада, предполагающие включение в эту работу Франции, Испании, Германии, с одной стороны, а также Китая, Индии и Ирана - с другой. Из этих модулей должны быть собраны единые коридоры развития по всей Евразии.

Модули модернизированных систем старого промышленного производства и ресурсной промышленности.

Модули формирования межрегиональных и макрорегиональных торговых площадок для участия представителей малого бизнеса.

Модули освоения биоресурсов и агро.

Наконец, рекреационные и резервационные модули территорий, которые должны быть сохранены в неприкосновенности как заповедники.

На основе подобной бластально-модульной организации вся страна должна быть раскартирована.

Модули коридоров развития являются зонами долгосрочных вложений, а не зонами сиюминутной сегодняшней прибыли. Поэтому предложения отодрать от дотационных регионов зоны ускоренного формирования богатства прямо противоположны.

Они, с одной стороны, должны создаваться на основе единого специально разработанного стандарта организации модулей такого типа, с другой стороны, должны быть выделены направления специализации:

- центры формирования новых систем автомобильного, авиационного, железнодорожного транспорта;

- центры создания новых энергетических технологий для обеспечения всей территории России потоками мощности;
- центры ретехнологизации на основе информационных систем старых промышленных укладов;
- центры создания лазерных комплексов и разработки новых композитных материалов, получения новых энергетических эффектов;
- центры биофотонических технологий для работы с живым веществом (пищевая промышленность, медицина и т.д.) природы;
- центры формирования новых мультимодальных информационных сред;
- центры автоматизации и робототехнологизации и т. д.;
- центры новых промышленных технологий на основе технологий быстрого прототипирования и продвинутых систем изготовления (*advanced manufacturing systems*).

Новая социокультурная научно-технологическая революция связана с обязательным вхождением в новые структуры вещества и энергий, с изменением форм организации самих технологий, а не просто с переставлением неизменных клеточек — финансовый капитал, торговый капитал и т.д.

Хорошо понятно, что победа России в сегодняшних условиях — это выдвижение научной методологии и предъявление конкретных образцов следующего этапа социокультурного развития для всего мира и включение в эту деятельность представителей всех государств земного шара, прежде всего — государств старой Европы (Франции, Германии, Испании) и Азии (Китая, Индии, Ирана).

Собственно с позиции антропологии состояния Победы отчётливей становится очевиден и результат решения второй, намеченной В.Н. Кузнецовым, важнейшей задачи — формирования идеологии примирения во имя будущего страны. Для решения этой задачи необходимо остановить идущую подспудно, под кожными покровами государства продолжающуюся «тёплую» гражданскую войну. Одарённость и невероятную чувствительность данного исследователя к проблемам государственной безопасности мы видим как раз в том, что он очень точно почувствовал, что гражданская война в России не закончена, а, возможно, лишь набирает обороты. Россия в XX веке прошла через возможные идеологические типы государственных систем (монархия, парламентская республика, идеократическое тоталитарное государство, президентская республика), оставив в результате этих переходов группы несдавшихся побеждённых — монархистов, либералов,

коммунистов. Не предъявленная нашим Президентом и правительством идеология строительства российской государственности в XXI веке с чётким обращением и задачами для каждой из этих групп создаёт условия для противопоставления и борьбы до победного конца, то есть до гибели России. С точки зрения антропологии Победы, задача состоит в том, чтобы очертить государственный контур единой общероссийской идеологии, внутри которого найдётся место и либералам, и социал-демократам, и традиционалистам-патриотам, за контур же должны быть выведены лишь маргинальные непримиримые идеологии социальной вражды и взаимной ненависти. Исследователь совершенно справедливо считает, что общая идеология компромисса и примирения должна образовывать своеобразную ценностную матрицу жителя России, имеющую единый набор ценностей. Иерархия этих ценностей меняется с возрастом человека, но сам набор ценностей остаётся одним и тем же. Такой взгляд на идеологию максимально приближает её к строению мировоззрения. А XXI век и будет веком конкуренции и состязательности здоровых мировоззрений — это главная форма борьбы за мировое лидерство в XXI веке. Человек, не имеющий ценностной опоры, перестаёт сохранять идентичность традиции, он покидает ареал обитания в зоне влияния определённых культурных образцов и устремляется к поиску новых ценностей. Фактически, перед нами налицо новый нomaдизм — идентификационное кочевничество. Для укоренения и проживания целого ряда ценностей необходимы специальные аксиопрактики (О.И. Генисаретский), позволяющие выявить ценностное самоопределение человека, казалось бы, в нейтральных, ценностно не окрашенных ситуациях.

Проведение своеобразного контура сферы, очерчивающей границы государственнической идеологии России, позволяет перенаправить основные типы идеологий из столкновения друг с другом на борьбу с внешними антироссийскими типами идеологий. В результате проведения подобного контура нам необходимо различить либеральную российскую идеологию и либеральную идеологию как таковую, социалистическую российскую идеологию и идеологию социал-демократии, идеологию коммунизма безотносительно к российским интересам, российскую консервативно-традиционалистскую патриотическую идеологию и консервативную идеологию, взятую безотносительно к интересам и возможностям сегодняшнего российского государства. Можно очень кратко сказать, в чём мы видим основные задачи российской либеральной идео-

логии, российской социалистической идеологии и российской консервативно-традиционалистской идеологии.

Задача российской либеральной идеологии состоит не в защите абстрактных «средневзвешенных» гражданских прав человека от произвола государственной бюрократии и чиновничества безотносительно к той среде, в которой родился и живёт данный человек, но в поддержке тех этнических конфессиональных общностей, того символического мира, в которых сформировался данный конкретный человек. Человек, который будет отчищен от символических сред общения с другими этносами, представителями других культур и конфессий, превратится в своеобразного стерилизованного биоида. Следовательно, проблема либеральной российской идеологии состоит в поддержке самостоятельности и субъектности человека и общностей, в которых он живёт, в условиях сохранения конкретной уникальной жизнедеятельностной среды, социокультурного гумуса, «почвы», организация которой не может быть нарушена путем подведения человека под абстрактного носителя всеобщих прав и свобод. Данный подход находит своё последовательное выражение в идее экологии культуры (О.И. Генисаретский).

Задача российской социалистической идеологии состоит в необходимости развития форм организации общественной жизни, социальных инфраструктур, которые необходимы всем, но не связаны с финансовым интересом или прибылью какого-то конкретного субъекта. Конкретная частная корпорация заинтересована в развитии социальных инфраструктур, обеспечивающих существование своих собственных сотрудников, но не общества в целом. Поэтому необходима специальная государственническая идеология, которая бы отстаивала «обществизм» — задачи развития российского общества и его институтов в целом для всего населения.

Наконец, российская консервативная традиционалистская идеология заинтересована в укреплении семьи, позиции институтов традиционных религий, а также во введении в поле общественных обсуждений представлений о традиционалистской российской государственности как православном царстве, которое стремилось не к территориальным захватам и экспансии, но к обеспечению бессмертия подданных народов. Православный царь в соответствии с таинством помазания являлся высшим для подданных государства подражателем Христу (Христомиметом) и был одновременно вписан с пантеоны всех традиционных для России ре-

лигий. При этом представителями данной идеологии должно пониматься, что православное царство является идеалом, который даётся подданным по благодати, а не институтом, который должен насильно насаждаться.

Объединительная общероссийская идеология и стратегические цели развития страны образуют своеобразное бессознательное и премудрость российского государственнического субъекта, которые должны проверяться через культивирование состояния Победы. Ведь Победа — это своеобразное прохождение через обряд инициации и забегания в смерть, перед лицом которой и должны выбрасываться в вечность важнейшие устремления, связанные с взятием на себя духовной ответственности.

Но с другой стороны, Победа — это не неоязыческий культ «мертвяков». Нет, это — Христос во славе, воскресший Христос, уничтоживший смерть. Высшим символом этого является знаменитая трогательная икона «Христос, золотые волоса». С этой точки зрения, очень знаменательно, что мы празднуем Победу после православной Пасхи. Антропология состояния Победы, прежде всего, важна нацеленностью на тотальную мобилизацию и на поиск финального конечного выигрыша. Как известно, грех не даёт возможности сконцентрироваться и целеустремлённо работать. Поэтому нам кажется, что когда сегодня ведутся разговоры про то, что с населением России ведётся война, нам очень важно воспроизводить не чувство войны, не продолжать бесконечные разглагольствования о том, что идёт война, а культивировать и проживать состояние Победы. Поскольку основная особенность действий против России состоит в консциентальной войне, направленной на смену идентичности населения нашей страны и изменения базового типа самосознания. Консциентальная война, как мы уже поясняли в другом месте¹, это не идеологическая война лозунгов и контрпропаганды. Консциентальная война нацелена на слом образов сознания и личностного поведения, на которых основана ваша идентичность. Поэтому это война, где нет внешнего и внутреннего, а эпицентром оказывается ваше «Я» и ваша совесть. Такой тип войны очень близок к протеканию «невидимой брани», где бороться надо прежде всего с самим собой силой внутреннего сосредоточения и молитвы. Основная особенность поражения в случае невидимой брани — это невозможность мобилизации и концентрации усилий. Но эту концентрацию усилий, нацеленную

¹ См.: Громько Ю.В. Сценарная паноупля. — М, 2004.

на достижение всеобщего финального выигрыша, даёт не ужас идущей войны, но антропология состояния Победы.

Бабочка, сдвигающая континенты

Выстраивая проблематику политической антропологии, мы начинаем понимать, что предприятие политантропологического дискурса неинтересно вообще и должно напоминать некое странное занятие формально академического и пустого вписывания накопившихся представлений о человеке в политический контекст, когда заведомо и отчетливо понятно, что никакой связи между первым и вторым не существует и быть не может. Политические порядки — это одно, а представление о человеке — это совсем другое. И в этом случае мы опять обречены на то, чтобы абстрактно перечислять человеческие свойства, что, с точки зрения Гегеля, во много раз бессмысленнее и тяжелее, чем рассматривать формальные названия характеристик насекомых. Но существует и другой подход к политической антропологии, когда становится ясно, что современные представления о политическом порядке очень внутренне и сущностно затрагивают представления о человеке и кардинальным образом грозят их изменить. И здесь перед человеком возникает проблема выбора — либо человек примет в этом участие и поймёт, как применить происходящие изменения для увеличения мерности его собственной свободы и его собственных возможностей, либо человек будет погружён в ещё большее и более страшное рабство и новые типы и формы господств.

Основная проблема политической антропологии состоит в следующем: являются ли государства производителями той биодинамико-политической жизнедеятельностной ткани¹, из которой человек, а точнее, общности и группы людей обретают новые возможности, чтобы действовать.

Здесь, конечно же, вступают в работу важнейшие особенности искусственно-естественных объектов, которые Георгий Петрович Щедровицкий предлагал называть кентавр-объектами. Искусст-

¹ Российские психологи (см., например, работы В.П. Зинченко) говорили и писали о биодинамической ткани движения, биодинамической ткани сознания. В какой-то мере эта биодинамическая ткань содержала возможность выхода за рамки психологии и психологических интерпретаций к физиологии. На наш взгляд, имеет смысл говорить о биодинамико-политической жизнедеятельностной ткани.

венно-естественный объект имеет следующую особенность: он не может состоять только лишь из искусственно сконструированных составляющих и не может быть образован лишь из естественных, нетронутых компонент. В его устройстве оестествлённое, представленное самостоятельному существованию и способу жизни, всегда соседствует с искусственно организованным и сконструированным. Существует множество отношений артификации естественного (того, что живёт своей собственной жизнью) и натурализации, оестествления искусственно созданного. Можно утверждать, что мир нашего существования, борьбы и взаимодействий — это мир исключительно кентавр-систем. Поскольку в настоящее время хорошо понятно, что любое проявление человеческих поведений и действий в современном обществе не может рассматриваться как естественное, натуральное. Любой тип человеческого поведения культивируется в определённом институциональном контуре специально организованной социальной среды. Вождённого чисто естественного человеческого поведения и форм его проявления не существует, оно специально культивируется и организуется различными социальными институтами — экономическими, политическими, образовательными, культурными. Из этого следует, что политические институты не могут рассматриваться как своеобразные замещающие, замещающе-корректирующие системы по отношению к естественному поведению и деятельности людей.

Политические институты не могут рассматриваться как надстройка над общественным производством, вероятно потому, что за последние 50 лет кардинально изменилось вообще само понятие общественного производства, представление о том, как сегодня устроен современный труд, обеспечивающий возрастание общественного богатства. С этой точки зрения, нам необходимо рассматривать для различных общественных групп населения стратегические типы занятости, которые определяют ключевые источники формирования богатства. К этим стратегическим типам занятости относится сплав новых форм образования, науки и производства, а также творческой жизнедеятельности, связанной с включением новых продуктов производства и услуг в свою жизнь. Более того, возможность открыть и сделать доступной жизнь для этих новых продуктов и услуг является ключевым условием общественного богатства. Именно поэтому сегодня такое значение придаётся маркетингу — различным техникам и механизмам исследования рынка, и брендингу — специальным коммуникативным технологиям

продвижения в поле общественного сознания марки данного товара и данной фирмы.

Безусловно, при подобном подходе важнейший вопрос оказывается связан с тем, что именно из себя представляет сегодня власть и какой она имеет механизм. И здесь мы должны зафиксировать одно весьма своеобразное обстоятельство: власть во всё большей степени уходит из поля насилия и денег — двух важнейших механизмов власти за последние 300 лет — и возвращается к исходным основаниям потестарности, тех оснований властности, которые генетически выявляются и проявляются в системах традиционных обществ¹. Власть всё в большей степени оказывается связанной с возможностями самого человека — с его способностью осуществлять внушающее воздействие, находить нестандартные решения, убеждать, получать доступ к новым коммуникативным контактам и т.д. в совершенно новой системе обстоятельств. Более того, власть в своей основе является способностью отвечать на любой состязательный вызов. Любой находящийся у власти Виндхиштра может получить вызов со стороны очередного Дурьядхана и проиграть ему империю в кости. И после того, как рикши простят ему этот проигрыш и второй раз доверят империю, он проиграет её и второй раз.

Мы возвращаемся на новом уровне к психократии — власти антропологической силы и энергетики человека, сплавленной с его способностями, знаниями, компетентностью². При этом было бы неправильно считать, что силовые механизмы и рычаги власти перестают играть хоть какую-либо роль, или финансовые потоки перестают что-либо значить в современных условиях политического давления. Это абсолютно неверно. Но данные способы воздействия оказываются опосредованными обращениями к общечеловеческой морали, духовным и религиозным ценностям всего человеческого сообщества. Возможно, силовые и финансовые механизмы власти вмонтированы и включены в идеологическую упаковку и антураж ценностных идеологий и аксиопрактик (О.И. Генисаретский), а может быть, и наоборот: финансовые и военно-силовые аспекты встроены в идеологизаторские аксио-

¹ Кубель Л.Е. *Очерки потестарно-политической этнографии*. — М: Наука, 1988, а также многочисленные работы школы французской структуралистской антропологии (прежде всего, работы Леви-Стросса).

² О психократии применительно к современной ситуации впервые заговорил О.И. Генисаретский, обращаясь к важнейшему для русской философской мысли наследию Николая Фёдорова.

практики. С этой точки зрения, вопрос о политической силе — это сегодня одновременно вопрос о морально-нравственной силе и новых, не звучавших до настоящего момента идеях справедливости. Обнаружение новых аспектов сегодняшнего мира и преодоление сложившейся в мире несправедливости — это способ сегодняшней космической трансформации мира. Но если этот способ оказывается не связанным с принципами формирования общественного богатства, с принципами построения образования, промышленности, науки, то все размышления о справедливости оказываются пустым резонёрством и рассуждательством.

Но ключевой вопрос онтологии (о картине объекта) политической антропологии состоит в следующем: а где, собственно, тот прирост, тот *influx, impetus* энергии и новых возможностей людей, который исходно не подконтролен современным политическим администрациям и принадлежит народам и человеческим обществам?

Здесь возникает достаточно трудная философско-мыслительная ситуация. Если мы полностью изолируем и отделим человека от представлений об устройстве политического порядка, что, в общем-то, и было сделано при построении объекта современной психологии, то для нас потом будет невозможно связать представление о человеке с современными политическими порядками, современным политическим устройством мира. Таким образом, человек, с одной стороны, должен быть включён в систему мировых порядков и институтов власти, быть им сообразен, а с другой стороны, он должен быть выделен и рассмотрен независимо от них, иметь самостоятельные формы проявления, активности, и более того, обнаруживать эти свои особые возможности, которые не определяются функционированием институтов власти. Только в этом случае может быть достигнут невероятный, но очень реальный сегодня эффект, когда бабочка взмахом своих крылышек может сдвинуть континент — слабое оказывается мощнее сильного.

Собственно, здесь нам оказывается весьма близка попытка рассмотреть эту проблему Антонио Негри и Майклом Хардтом в их работе «Империя», где Негри демонстрирует методологию спинозизма. Это — отдельный и сам по себе знаменательный факт, свидетельствующий о том, что вся методология современного исторического анализа «зашевелилась». Поскольку по отношению к субстанциональному имманентизму спинозизма тут же возникают альтернативные ходы и противопоставления трансценден-

тального идеализма И.Г. Фихте¹. И не обязательно противопоставление этих двух методологий будет снято и синтезировано в системной методологии Гегеля. Тем более, когда мы промышляем сегодняшнюю ситуацию, мы уже движемся из некоторого горизонта феноменально хоть в какой-то мере очевидных для нас решений. Эти решения, безусловно, придётся проблематизировать, погружаясь в ту или иную традицию, но результаты проблематизации не обязательно приведут к тем же самым результатам, которые, в свою очередь, определили наше понимание. Столкновение нашего сегодняшнего понимания с традицией является творческим и может привести к совершенно новым представлениям, что и определяет методологию исторической деконструкции.

Основная особенность данного подхода к анализу биополитики состоит в следующем: новые возможности людей возникают в результате их коммуникации, обмена знаниями, формирования новых целей и сценариев действия. Эти новые возможности людей оказываются одновременно связанными с новыми способностями и новыми энергетическими режимами работы сознания и жизнедеятельности, формами сна и бодрствования, организации семьи и родительского попечения. Но все данные энергетические режимы движутся по контуру мыследеятельности и мыследеятельностных процессов — мышления, действия, коммуникации, рефлексии, понимания-воображения, понимания-отождествления с другой позицией действия, а также со сложным пересечением данных процессов — мыслительной мыслекоммуникацией, мыслекоммуникативным действием, мыслительным действием, действительным мышлением и т.д. Эти практически новые мыследеятельностные функции, возникающие у людей в ходе их практической деятельности, запускают и включают новые энергетические режимы работы сознания, новые способы интенсификации человеческого поведения. Таким образом, человек, а точнее, люди, объединённые в общности, будучи включены в режимы политических порядков, одновременно начинают обладать другими возможностями понимания и действия, другим набором способностей.

Современные системы коммуникации становятся интегративными, обмен знаниями приобретает действительно глобальные черты, и человек, общающиеся группы людей оказываются включёнными в данный контекст взаимодействий.

¹ Возможный тип синтеза имманентных принципов анализа и трансцендентальности наметил в своих работах Джорджо Агамбен.

Но из этого следует, что в настоящий момент, как, вообще говоря, и в другие периоды общественной жизни, на планете Земля происходило формирование функций сознания и личности, которые, собственно, и образовывали реальность душевной жизни человека. Человек является таким существом, что он каждый раз заново учится видеть, понимать, действовать и чувствовать. Развивая новые способности, человечество в формировании функций сознания могло бы как угодно далеко уйти от своих предшественников — и не обязательно в сторону улучшения и развития или, наоборот, деградации, но и просто в сторону. Единственное, что удерживает человека и человечество в общем ареале исторической жизни людей, — это стремление понять, почему люди жили определённым образом, что они чувствовали и что они понимали, какими способностями они обладали.

Возникает следующий вопрос: способны ли люди осознать происходящие с ними изменения и выявить лежащие за этими изменениями принципиально новые возможности собственного действия? Ведь именно в этом обстоятельстве и заключается основная проблема политической антропологии. Новый мировой политический порядок, который одни связывают с формированием «сверхобщества» (А.А. Зиновьев), другие — с глобальными сетями производства, распределения, торговли (М. Кастел, В.Н. Кузнецов), третьи — с постиндустриальным обществом, четвёртые — с экономикой знаний и собственностью как формой доступа (Джереми Рифкин), порождает новую субъективность человека уже сегодня и уже сейчас. Все эти происходящие изменения требуют от человека новых режимов жизнедеятельности и новых режимов работы сознания. Мы не обсуждаем, хорошо это или плохо. Но факт заключается в том, что это происходит. Человек включён в новый общественно-политический порядок и за счёт этого меняется. Есть, кстати, и те, кто не включены, не обладают доступом и поэтому оказываются жителями нового быстро формирующегося гетто и непреодолимой нищеты. Однако главная проблема вот в чем: способен ли человек на основе произошедших с ним изменений выявить свои принципиально новые возможности и использовать их для преобразования нового политического порядка, для развития самого себя в собственных интересах и в интересах всего человечества с целью обретения большей свободы?

Основное утверждение таково: современный человек не только может это делать, но и должен делать это. И здесь, как ни странно,

и начинается кантовско-фихтевский трансцендентализм, связанный с трансценденцией, с выходом за рамки сложившихся способов действия. Современные группы и общности должны осознать, что именно могут они делать на основе открывающихся у них новых возможностей и способностей и каким образом осуществлять подобную работу.

Но прежде, чем перейти к новым возможностям действия, «зависнем» на секунду перед «пикированием» к этим новым особенностям, поскольку здесь возникает принципиальный и очень важный вопрос: а в чём и как фиксируются эти новые возможности?

И здесь перед нами развёртывается вся проблематика виртуального. Накопленный потенциал действия людей, нереализованные возможности сегодня могут быть выявлены и представлены в виде своеобразного символично-знакового «кокона» — предмета экспериментирования и проб, циркулирующего и движущегося в интернете. Этот предмет позволяет наметить новые типы идентичности, новые способы понимания и схватывания ситуации, новые принципы работы, новые скорости осмысления ситуации и освоения знаний.

В рамках так называемой виртуалистики сознание работает в соответствии с другими принципами. Здесь оно не отражает объективную реальность, объект, стоящий за знаками, но фактически предъявляет различные способы репрезентации объекта, формы его представления и изображения. Это сознание, строящее всё новый и новый язык, вырабатывающее новые формы и способы осознания. Казалось бы, это совершенно бессмысленная работа, которая не позволяет продвинуться к объективности, определить, как устроена реальность. Но это только на первый взгляд. Эти накапливаемые способы изображения объекта создают новое отражательное поле самой реальности, в котором можно попытаться оторваться от самой реальности и перестать её считать реальностью. Как только будет осознано, что новые накопленные возможности отображения предмета практической деятельности превосходят по сложности и усилиям сложившиеся представления о предмете практики, возникнут условия для построения новых предметов практики и преобразования сложившихся к этому моменту предметов практического действия. В подобной ситуации неизбежно встанут проблема создания новых онтик и специальные целенаправленные задачи онтопрактик (В.С. Дудченко).

Собственно, в этом месте возникает проблема различения и разграничения виртуального и возможного, о которой справедливо пишут Антонио Негри и Майкл Хардт в книге «Империя». Виртуальное работает по совершенно другим законам, чем возможное. И это разграничение связано с проблемами только понимаемого, воображаемого и идеируемого на основании присущей отражательно-вообразительной силе сознания, и возможного, которое предполагает переход к способности действия. Выделение виртуального как такового его отщепление, есть возможность изолировать и построить идеализацию воззрительно-вообразительной силы сознания как таковой. Возможность же есть способ переключения воззрительно-вообразительной силы сознания на результативность событийного действия в ситуации.

Часть первая

**САМООБРАЗ
РУССКОГО ЧЕЛОВЕКА
В СОВРЕМЕННОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ
МИРЕ**

В настоящий момент мы можем совершенно чётко зафиксировать, что жители России не воспринимают себя в качестве единой семьи, которая обладает едиными целями и единым способом действия в современном глобализирующемся мире. Между представителями разных общественных групп, разных общественных слоев достаточно вражды и разобщённости. В России «бешеными» темпами идут процессы расслоения, а население продолжает вымирать. Происходящее в огромной степени связано с тем, что в стране отсутствует мировоззрение, которое было бы обращено прямо к гражданину, семье, жителю современной России. Задачи такого мировоззрения хорошо понятны — необходимо мобилизовать население на решение общенациональных задач для осуществления социокультурного «рывка». В результате подобного рывка выиграли бы все — и население страны в целом, и представитель каждой из профессий, и представитель каждого из страт. Но, как порою кажется, никто целенаправленно не складывает условия общенациональной мобилизации — ни разрушающее мобилизацию бездуховное развлекающее (отвлекающее) телевидение, ни политики, ни различные профессиональные сообщества, представители которых хотят заработать.

В сознание населения всё это время целенаправленно вводился миф, что в России в принципе все источники богатства приватизированы, и новым сверхбогатым людям появиться неоткуда. Над страной опять замаячили экспроприационно-распределительные проекты — всё назад отобрать и национализировать. Подобные два-три витка приватизации и последующих национализации, затем опять приватизации и национализации вместо социокультурной революции и программ перевооружения и развития окончательно уничтожат потенциал страны, сделают бессмысленной жизнь тех, кто был способен разрабатывать и реализовывать программы развития.

В условиях угрозы «оранжевых революций» — консциентальных войн цивилизационной перевербовки и смены идентичности — проявился основной инстинкт людей, находящихся у власти — любой ценой удержать власть и не допустить передела собственности. Ради подобных целей все средства хороши. Но очень важно понимать, что при подобном подходе речь идёт не о создании нового общественного богатства, а о дележе и перераспределении того богатства, которое было создано раньше. Сегодняшняя власть не обсуждает форм и способов участия населения всей страны в формировании нового богатства, которое после того, как оно будет создано, будет присваиваться теми, кто его создаст. Поэтому отношение к так называемым «оранжевым революциям» у нас двойное.

«Оранжевые революции» как революции смены идентичности являются дальнейшим процессом разрушения русского мира. Но у «оранжевых революций» есть и элемент мобилизации населения против тех, кто захватил власть и собственность в результате проведения ошибочных реформ, направленных на разрушение национальных институтов образования, науки и промышленности, способных создавать национальное богатство. Поэтому очень важно вывести из-под структуры «оранжевых революций» недовольство тех, кто хотел бы создавать национальное богатство, а не просто делить прибыль от старых, но еще функционирующих технологических систем. Но в этом случае мы неизбежно столкнёмся с теми, кто ничего не хочет создавать, а только удерживает любой ценой власть и присвоенную собственность.

Это связано с проблемой поколений. Поколение, участвовавшее в приватизации и удерживающее в своих руках рычаги политической и экономической власти, те, кому сегодня от 35 до 55, не способны создавать новое общественное богатство. Они умеют лишь приватизировать и делить то общественное богатство, которое было создано не ими, а предшествующими поколениями. И они умеют создавать впечатление, что изменения, происходящие в стране, воспроизводят западное общество. Населению своей страны они продают тот призрачный образ того, что страна бешеными темпами движется к светлому капиталистическому послезавтра, создала рынки капитала, труда, услуг, сырья, денег, ценных бумаг и так далее. А представителям западного общества они продают такой призрак, который создает ощущение, будто в России, несмотря на огромные и разнообразные трудности, вводятся элементы подлинной демократии и рыночной экономики.

Эту жюльническую процедуру манипулирования сознанием на основе специально создаваемых образов и слов находящееся у власти поколение 35-55-летних называет «высокими гуманитарными технологиями». И они действительно могут и «мычашему» олигарху, захватившему кусок общественного богатства в результате приватизации, и серому незаметному чиновнику поставить речь, научить его осознавать свои классовые интересы и вооружить его специально сконструированными «дискурсами». Но подобный тип политтехнологических услуг не имеет отношения к «высоким гуманитарным технологиям», поскольку основное назначение высоких гуманитарных технологий состоит совершенно в другом:

- в возможности отрефлексировать и осознать, в какой мировой и глобальной ситуации мы находимся,
- ответить на вопрос, в чём заключается наше конкурентное преимущество в формировании общественного богатства в сегодняшних условиях,
- инициировать самоопределение населения, в результате чего оно увидело бы возможности обретения смысла своей жизни и мобилизации для полномасштабного действия в глобальном мире.

При этом высокие гуманитарные технологии обладают ещё одной важной характеристикой: они обеспечивают координацию и связь естественнонаучных и гуманитарных знаний, создавая условия для преодоления кантовского расщепления «наук о Духе» и «наук о природе».

Означает ли это, что социальное столкновение неизбежно между теми, кто присвоил общественное богатство, созданное в советский период, и теми, кто готов формировать новое общественное богатство? Отнюдь. Должен быть показан путь формирования общественного богатства на основе разработки и реализации крупных инфраструктурных проектов, в котором смогут участвовать два ближайших поколения России в течение ближайших 50 лет. На основе создания новых инфраструктур может быть сформирован новый организационный, социальный, эпистемический и технологический капитал (новые средних размеров фирмы¹, исследовательские и образовательные институты, которые и будут создавать, реализовывать, управлять определёнными узлами новой

¹ Постфордистский и посттейлористский принцип развития современного производства предполагает создание большого числа небольших инженерных разработческих фирм, которые способны находить новые инженерно-технологические решения.

инфраструктуры), который и должен быть присвоен теми, кто его создаст. Конечно, предстоит тяжелейшая борьба за возможность продемонстрировать, что разработка глобальных наукоёмких инфраструктурных проектов — это именно русский путь формирования общественного богатства и одновременно антропологического развития.

Один из важнейших моментов сегодняшней мировой ситуации заключается в том, что мир, мировая финансовая система находятся в глубочайшем и тяжелейшем системном кризисе. Поэтому вся идеология встраивания в Запад, подравнивания себя под западное общество, вхождение в западную цивилизацию оказалась абсолютно проигрышной и, самое главное, невыполнимой. Невозможно никуда встроиться — необходимо предлагать собственную стратегию глобального развития и собственного продвижения. Одно только создание и введение института частной собственности в России ничего не решает. Институт частной собственности наряду с институтами общественной собственности, коллективной собственности, национальной собственности является лишь необходимым элементом-инструментом сложной стратегии национального развития, вписанной в глобальное развитие. А вот про эту стратегию ничего как раз и не понятно.

Для того чтобы предлагать этот принцип глобального продвижения, первоначально необходимо понять, что происходит в глобализирующемся мире и что Россия могла бы в нём делать. Мы уже кратко охарактеризовали основную онтологическую схему А. Негри и М. Хардта, которая, на наш взгляд, является либерально-марксистской. В соответствии с ней, мы находимся в ситуации формирования единой глобальной империи, не имеющей национального центра. Как мы уже писали выше, авторы, выстраивая подобную картину объекта глобального мира, фактически онтологизируют тень национальных институтов США, стремящихся к мировому господству, несмотря на то, что идеологи этого господства утверждают, будто США стремятся всего лишь к всемирному лидерству¹. На наш взгляд, США и создали целый ряд международных институтов как раз для того, чтобы утвердить и провести свои собственные идеи мирового господства. Чего, например, стоит назначение на пост президента «Мирового Банка» Вулфовица, и объявление самой влиятельной женщиной мира Кондолизы Райе!

¹ См.: *Збигнев Бжезинский*. Выбор: Мировое господство или глобальное лидерство. — М., 2004.

Если мы перейдём к классическому анализу процессов глобализации, представленному в целом ряде отечественных и зарубежных книг, мы столкнёмся со следующим обстоятельством. Авторы, как правило, стремятся описать процессы глобализации, не определяя позиции того субъекта, с точки зрения которого создаётся данное описание. Поскольку глобализация является формой ещё не сложившейся реальности, то выявление субъектов, которые участвуют в формировании самой глобализации как феномена, является не менее важным моментом анализа, чем сами процессы глобализации. Авторы коллективной монографии Дэвид Хелд, Дэвид Гольдблатт, Энтони Макргрю, Джонатан Перратон «Глобальные трансформации» выделяют три основных подхода к оценке процессов глобализации — гиперглобалистов, скептиков и трансформистов.

«Для гиперглобалистов, например, таких, как К. Омаэ, современная цивилизация означает новую эру, отличительная черта которой состоит в том, что люди повсюду во всё большей степени попадают в зависимость от порядков, царящих на мировом рынке (Ohmae, 1990; 1995)»¹. «Гиперглобалисты доказывают, что экономическая глобализация влечёт за собой «денационализацию» экономики путём установления транснациональных сетей производства, торговли, финансов»². «Скептики — например, П. Херст и Дж. Томпсон — напротив, доказывают, что глобализация — это на самом деле миф, за которым скрывается тот факт, что в рамках мирового хозяйства всё более и более выделяются три основных региональных блока, где национальные правительства остаются очень сильными (Hirst and Thompson, 1996a; 1996b)»³. «Скептики воспринимают глобализацию и регионализацию как две противоположные тенденции»⁴. Они считают, «что если текущие события о чём-то и свидетельствуют, так только о том, что экономическая активность подвергается всё большей «регионализации» по мере того, как мировая экономика всё больше сосредотачивается в рамках трёх основных финансовых и торговых блоков, таких, как Европа, Азиатско-Тихоокеанский регион и Северная Америка...»⁵ «Наконец, для трансформистов, главными фигурами среди кото-

¹ См.: Дэвид Хелд, Дэвид Гольдблатт, Энтони Макргрю, Джонатан Перратон. Глобальные трансформации. — М.: Праксис, 2004. — С. 2

² Там же. - С. 3.

³ Там же. - С. 2.

⁴ Там же. - С. 6.

⁵ Там же. - С. 6.

рых являются Дж. Розенау и Э. Гидденс, современная цивилизация представляется исторически беспрецедентной. С их точки зрения, государства и общества во всех уголках земного шара испытывают глубокие изменения по мере того, как пытаются адаптироваться к более связанному изнутри, но весьма изменчивому миру (Giddens, 1990, 1996; Rosenau, 1997)¹. ...Для представителей этого подхода «новые модели глобальной стратификации связаны с растущей детерриторизацией экономической активности, тогда как производство и финансы всё в большей степени становятся глобальными и транснациональными... национальное экономическое пространство перестаёт совпадать с территориальными границами государства»². Авторы монографии обращают внимание на то, что эти три подхода к описанию и анализу процессов глобализации не совпадают с основными идеологическими позициями: «Более того, в рамках каждой великой традиции социальных исследований — либеральной, консервативной и марксистской — нет единых представлений о глобализации как социально-экономическом феномене»³.

Но подобные подходы к глобализации позволяют поставить основной вопрос: а кто становится игроком в этой сложнейшей среде и как себя позиционирует российское национально-цивилизационное государство? Поскольку, если государство принимает и полностью поддерживает либерально-финансовую глобализацию, то его функции в основном сводятся к различным типам поддержки глобализационных процессов: «...начиная с модели минимального нелиберального государства и заканчивая моделями государства-наблюдателя (правительство как главный покровитель экономической экспансии) и государства-катализатора (правительство как координатор коллективных действий)»⁴. В данном случае эти функции обозначают отсутствие самостоятельной долгосрочно-ориентированной игры с независимыми целями, обеспечивающими использование процессов глобализации для усиления позиции России в современном мире. Вполне понятно, что для организации в интересах российской государственности самостоятельного действия очень часто представитель российского государства должен на стратегическом уровне играть против складывающейся конъюнктуры и имеющегося расклада сил, а не только потакать международному общественному мнению. «Фактически государ-

¹ Там же. - С. 2.

² Там же. - С. 9.

³ Там же. - С. 3.

⁴ Там же. - С. 11-12.

ственная автономия означает способность представителей государственной власти, администраторов и исполнителей внятно выражать свои политические предпочтения и следовать им, несмотря даже на то, что иногда они могут вступать в конфликт с предписаниями метрополии и международными социальными силами и обстоятельствами (Nordlinger, 1981)»¹. Безусловно, есть и такая точка зрения, в соответствии с которой действие с позиции самостоятельного национального государства в сегодняшнем мире вообще невозможно. Для сравнения: «Глобализация ставит вопрос о том, отменяет ли участие национальных государств в глобальных региональных процессах «понятие суверенитета как неограниченной, неделимой и единственной формы публичной власти», так что «сам суверенитет должен рассматриваться сегодня как уже поделенный между рядом исполнительных институтов — национальных, региональных и международных, и ограниченный самой этой множественностью» (Held, 1991, p. 222)»².

Вот здесь мы как раз и подбираемся к проблеме собственно высоких гуманитарных технологий. Потому что для того, чтобы играть в сильную позицию России, у человека, ведущего эту игру (неважно является ли он представителем государственного органа или транснациональной корпорации), должно быть что-то, что позволит ему эту игру проводить. Просто положиться, опереться на сложившуюся ситуацию не получится: считать, что всё само по себе как-то будет двигаться в нужном направлении — это, значит, проиграть в пух и в прах всё: страну, богатство, престиж, а в конечном счёте территории и природные ресурсы, которые находятся на них. В настоящий момент, несмотря на страшную катастрофу, о которой сказал наш Президент, — гибель могучего государства, мы оказались в новой ситуации. И теперь, не выстраивая жизнеспособные стратегии и реалистичные сценарии, мы непременно всё проиграем. Однако сейчас у нас есть всё для единения и мобилизации нации.

Как справедливо подчёркивает член-корреспондент РАН В.Н. Кузнецов, наша страна обладает огромными природными сокровищами, которые мы должны передать последующим поколениям. Помимо углеводородов, Россия обладает колоссальными запасами пресной воды, которая в XXI веке будет важнейшим природным ресурсом. Этих природных запасов и территории до-

¹ Там же. - С. 34.

² Там же. - С. 35.

статочно для того, чтобы воспроизвести на ней многочисленное здоровое население. Поэтому обеспечение безопасности и благополучия населения на территории может действительно рассматриваться в качестве важнейшего двуединого целевого принципа российского государства, на основе которого может быть осуществлён процесс целепостановки и целеполагания в самых разных сферах общественной практики.

Но для того, чтобы ставить цели на основе данного принципа, разрабатывать стратегии и сценарии¹, необходимы игра и действия с позиции России и за Россию, а для этого нужна специфическая, особая идентичность. Что же должна представлять из себя идентичность игрока за Россию?

Однако, чтобы подобная игра вообще состоялась, первоначально необходимо понимать, что именно происходит с глобальным миром в целом.

Следует совершенно определенно признать, что сегодняшний глобальный мир — это не мир строгих устоявшихся правил, по которым на разных уровнях иерархии может функционировать тот или иной международный либо государственный чиновник. Глобальный мир — это бурлящий, неопределённый, быстро движущийся мир, в котором постоянно происходят стремительные изменения. В этом мире сегодня осуществляется борьба за господство и передел сфер влияния. Те, кто считают, что всё уже произошло, а мы теперь — тоже представители свободного демократического мира и члены «шестёрки», глубоко заблуждаются. Именно сейчас и происходит наиболее интенсивный передел мира. А его исходный момент — передел сознания, идей и мозгов. Если у вас нет собственных идей, которые вы можете проверять и отстаивать, вы попадаете в зону передела. Господство в этом новом ещё только формирующемся глобальном целом начинается с господства идей. Если у вас нет собственной философии глобального лидерства и переустройства мира, значит, вы уже находитесь в схеме или матрице чужого господства и чужого действия.

Нам очень нравятся книги про глобальную политику видного политолога О. Арина и более ранние книги товарища Алиева про организацию японской политической системы. Но если рассматривать принцип, по которому господин Арин видит сегодняшнее устройство глобального мира, то этой онтологией является устройство механизма, в которой разные части обладают определённой

фиксированной силой и мощностью. Значит, чтобы рассмотреть и просчитать влияние той или иной страны мира, необходимо посмотреть бюджеты внешних ведомств страны, разведывательных ведомств, военных ведомств и международных организаций, которые проводят в глобализованном целом внешнюю политику данной страны. И этот подход вполне правилен и заслуживает внимания, поскольку авторитет страны — это вопрос предъявляемой мощности. Но, с другой стороны, мы хорошо понимаем, что государственные и международные чиновники могут спокойно проедать государственные деньги и тратить их главным образом на свои собственные нужды. Поэтому один лишь анализ бюджетов далеко не объективно отражает реальную мощность и эффективность государственной машины.

Значительно важнее представлять, что именно необходимо делать и какие у нас есть идеи, свои собственные и оригинальные, по поводу того, как должен быть организован глобальный мир, в котором Россия могла бы быть лидером. Наличие собственных фундаментальных идей по поводу организации мирового глобального целого свидетельствует о нашей идентичности и субъектности в мировой игре.

Понятно, что Россия могла бы выступить за формирование более справедливого глобального мира, настаивая на принципах инфраструктурного развития, условием которого является возникновение самостоятельных субъектов в виде национальных государств, способных, мобилизуя общности, имеющие общую историческую судьбу, разрабатывать и реализовывать программы самостоятельного инфраструктурного развития. Но для этого национальные общности должны сохранять свою собственную идентичность. Для них должны быть важны и святы могилы прадедов, земли, на которых они живут, и их собственный язык. Ведь в том случае, если национально-культурная идентичность будет расщеплена и расплыта, просто не будет никаких субъектов, заинтересованных в инфраструктурном развитии с позиции национального государства. Помимо языково-культурной идентичности, важна расширенная идентичность, связанная с наличием институтов науки, образования и промышленности, поскольку инфраструктурное развитие возможно только в том случае, если функционируют и действуют эти институты. Поэтому проведение глобальной политики, связанной с формированием субъектов самостоятельного инфраструктурного развития в мире, предполагает создание условий, при которых национальные государства могли бы по-

степенно вырастить свои собственные национальные институты фундаментальной разработческой науки (исследования и проектные разработки), инновационной промышленности и общего фундаментального образования. Очень важно также понимать, что в настоящее время мы находимся в ситуации преобразования сложившегося технопромышленного и социокультурного уклада и перехода к укладу новому. Таким образом, речь идёт не о колониально-силовом переделе мира, а о формировании множественных субъектов инфраструктурного развития.

В настоящий момент площадки и формы этой самостоятельной игры и само проведение своей собственной согласованной игры возможны во многих областях — формирующегося международного права (космополитического права), мировых финансов, инфраструктурного развития, предполагающего соорганизацию гуманитарных и технологических принципов действия.

Следует чётко понимать, что мир сегодня управляется, с одной стороны, силой и военным оружием (и это нужно усвоить хотя бы на примере событий в Югославии и Ираке), с другой стороны, деньгами, и богатством, а с третьей стороны — юридическими и нравственными принципами оценки происходящего международным сообществом. В этом смысле границы внешней и внутренней политики в сегодняшнем глобальном мире оказываются принципиально размытыми. Если у представителя одного государства есть возможность через телеэкран аргументированно оспаривать несправедливость и неправомерность действия правительства другой страны, то он осуществляет мощнейшее воздействие на граждан этого другого государства.

И следует сказать, что и бомбёжки Югославии, и интервенция в Ираке оказались возможными, поскольку США и их союзники выиграли у международной аудитории спор о справедливом характере собственных действий в обоих случаях.

Следовательно, первой и основной областью, в которой может развёртываться наше самостоятельное действие как суверенного государства, является введение новых международных правовых стандартов оценки деятельности субъектов международного права, возможно, даже новой правовой инфраструктуры, которая будет включать не только кодифицированные нормы и принципы, но, возможно, даже и новые институты. Проблема состоит в том, как не дать под прикрытием идеологии защиты прав и свобод человека разрушать цивилизационно-национальную самобытную культуру, являющуюся основой самоопределения *Russians*.

Следует отметить, что международное право, обеспечивающее защиту прав и свобод личности, формировалось как способ борьбы с тоталитарными идеологическими режимами в период противостояния двух систем. Поэтому формирование гуманитарного права было направлено на то, чтобы сокрушить представление о суверенитете и всевластии национального государства. Для сравнения: «...пересматривается традиционное представление о том, что государственному суверенитету принадлежит приоритет над гуманитарными требованиями»¹. Тем самым происходит выход за рамки Вестфальского международного права, «главная роль в котором отведена государству, к новому праву, которое, как правило, стремится ограничить пределы государственного суверенитета»². Это осуществляется за счёт введения режима прав человека. Само существование международных прав человека может поэтому рассматриваться (и рассматривается многими правительствами) как неоправданное вмешательство во внутренние дела государств. Тем не менее, после окончания Второй мировой войны подавляющее большинство государств поддержало или признало общеобязательность международного режима прав человека.

В настоящее время этот режим состоит из глобальных, региональных и национальных соглашений и институтов, тесно сотрудничающих друг с другом. На глобальном уровне права человека прочно закреплены в Международном билле о правах человека, который включает в себя Всеобщую декларацию прав человека 1948 года и ряд соглашений по гражданским, политическим и экономическим правам, принятых преимущественно в 60-70-е годы XX века. В 80-е годы они были дополнены Конвенцией о недопущении дискриминации женщин и Конвенцией по правам ребёнка.

Начиная с 70-х годов «как численность неправительственных организаций по правам человека, так и их активность невероятно возросли (Donnelly, 1993, p. 14)³. В настоящее время существует более двухсот американских неправительственных организаций, связанных с проблемами прав человека»⁴.

¹ См.: Дэвид Хелд, Дэвид Гольдблатт, Энтони Макгрю, Джонатан Перратон. Глобальные трансформации. - М., 2004. - С. 82.

² Там же.

³ Авторы выше цитированной книги ссылаются на работу Donnelly, J. Human rights: a new standard of civilization?, International affairs, 74, № 1.

⁴ См. Дэвид Хелд у Дэвид Гольдблатт, Энтони Макгрю, Джонатан Перратон. Глобальные трансформации. - М., 2004. - С. 78-79.

«Соответственно, в региональном и международном праве наблюдается постепенный отход, — осуществляющийся, правда, неравномерно, — от принципа, согласно которому государственный суверенитет следует отстаивать независимо от последствий для индивидов, групп и организаций. Уважение к автономии субъекта и ко всему спектру прав человека создаёт новый набор принципов, которыми руководствуются в политической жизни и которые могут ограничить пределы государственной власти и видоизменить само представление об её эффективности. Всё это служит показателем изменения значимости, придаваемой тем претензиям, которые предъявляются от имени государства, с одной стороны, а с другой, — тем, что исходят от лица альтернативного организационного принципа мирового порядка, в котором неоспоримый государственный суверенитет больше не обладает высшими прерогативами»¹.

Ещё один вызов государственному суверенитету и первенству власти национального государства был сделан со стороны сформулированных прав национальных меньшинств. «Начиная с 1989 года события, развернувшиеся вокруг межэтнических конфликтов, породили стойкое ощущение, что некоторые меньшинства нуждаются в защите. В 1992 году Генеральная Ассамблея ООН приняла Декларацию по правам лиц, принадлежащих к национальным, этническим, религиозным и лингвистическим меньшинствам.... В рамках Совета Европы была разработана Декларация по языкам регионов и меньшинств и основополагающая конвенция о защите национальных меньшинств. Кроме того, Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) приняла ряд документов, подтверждающих права меньшинств, и учредила должность Верховного комиссара по национальным меньшинствам, чтобы обеспечить «своевременное обнаружение» и «принять заблаговременные меры» в отношении «напряжённостей, влекущих за собой проблемы национальных меньшинств...» Вследствие этого пересматривается традиционное представление о том, что государственному суверенитету принадлежит приоритет над гуманитарными требованиями»².

Как справедливо отмечают авторы, «...отныне средоточием дееспособной политической власти нельзя считать национальное правительство — эффективная власть раздроблена и разделена между различными силами и органами, действующими на национальном, региональном и международном уровнях. ... Представ-

¹ Там же. — С. 81.

² Там же. - С. 83.

ление о политическом сообществе с общей судьбой — самоопределяющейся общности — не может больше иметь места, если локализовать его в границах какого-нибудь одного национального государства. ... Хотя концентрация власти по-прежнему остаётся особенностью многих государств, она всё чаще оказывается разделённой между разными сферами политического управления, которыми и осуществляется»¹.

И до настоящего момента сформированная инфраструктура международного права обеспечивает возможность действий США против государств и стран, которые могут потенциально стать соперниками США. Механизм разрушения многоэтнических государств довольно прост: выделение соперничающих этносов, управление конфликтами между ними, постановка вопроса о возможности формирования своей государственности у каждого этноса, провоцирование конфликта между этносом и государственными структурами.

Поэтому области прав и свобод личности, права народов, формирующегося космополитического (глобального гуманитарного) права являются областями, в которых необходимы принципиально новые предложения со стороны России. Речь, таким образом, идёт не о том, чтобы отменить Декларацию прав и свобод личности — задача состоит совершенно в другом: выделить те области проблем, которые разрушаются или не замечаются при задействовании аппарата международного режима прав и свобод личности, прав этнических меньшинств, космополитического права (глобального гуманитарного права) и т.д.

На наш взгляд, таких областей, которые могли бы стать предметами дискуссий, может быть несколько. Например, это права народов на совместное соседское проживание на единой территории в одном государственном образовании и на образование единой полиэтнической общности. Следует отметить, что предмет любого права обеспечивает возможность управления сознанием. Поэтому для того, чтобы ответить на вопрос, чего действительно хочет тот или иной народ, то или другое меньшинство, необходимо фиксировать одновременно несколько альтернативных предметов. Так чего же хочет данная этническая группа — территориального отделения и попытки формирования своей независимой государственности или совместного проживания с другими этносами на данной территории в многоэтническом государстве? Можно

¹ Там же. - С. 95.

утверждать, что формирование моноэтнических общностей является своеобразной формой внешнего искусственного вмешательства в процессы жизни конкретного народа. Многоэтническим государствам, — таким, как Россия, Китай, Индия, — в первую очередь необходимо защитить свои проживающие на одной территории в едином государстве народы от искусственного раздробления на автаркные, отдельные этнические общины, что лишит их права взаимообщения и взаимодействия.

Вторым моментом является более глубокая проработка проблемы прав и свобод личности. Всё дело, на наш взгляд, в том, что отдельный индивид, искусственно отделённый от общности, в которой он живёт, от культурного наследия своего народа и противопоставленный суверенному государству, является специально созданной и достаточно искусственной абстракцией, которая служит мощным гуманитарным средством борьбы с тоталитарным государством, с его неограниченной властью. Вместе с тем для нормального существования и развития личности необходим её доступ к целому ряду инфраструктур (от электроэнергии до интернета), включённость в целый ряд институтов (образовательных, профессиональных, этнических, правовых), а также сохранение духовного космоса на территории проживания, в котором данная личность только и может существовать. И гарантировать личности эту «средовую ауру» существования может только национально-цивилизационное государство, обязанность которого и должна в этом состоять. Личность, взаимодействуя с представителями других наций и цивилизаций, хочет получить своё максимальное выражение и развитие внутри данного духовного космоса — религии, языка, культуры, межэтнических взаимопроникновений и прорастаний. Она не стремится обнаружить пустоту своей отделённое™ в виде выделенной собственной самости и оказаться в разреженном воздухе международных институтов, где весь её внутренний символизм просто редуцирован к набору абстрактных желаний. Противопоставление личности государству является формой особого типа биополитики, направленной на отделение живого индивида от всех систем мыследеятельности и символических сред, в которых существует личность. Цивилизационно-национальному государству, если оно хочет сохраниться и победить в борьбе с монстром-«мальтитюдой» и абстрактной системой международных институтов, надо хотя бы на порядок более содержательно формулировать права и свободы личности, которые только и может защищать национальное суверенное государство.

И, наконец, третья область правовых интервенций состоит в том, что у каждого народа есть право безгранично увеличивать свою численность на данной выделенной территории, даже если в настоящий момент его численность сокращается. Это также настолько серьёзное право, что реализацию его для данных народов может обеспечить исключительно национальное государство. Территория в этом случае выступает в качестве зарезервированного ресурса для возможной экспансии.

Как мы уже пытались сформулировать выше, мы стремимся восстановить в своих правах консервативно-традиционалистскую позицию в отношении к позициям либеральной и социал-демократической (марксистской). Задача консервативно-традиционалистской позиции заключается в максимальном выражении и развитии возможностей личности для того, чтобы в сегодняшнем глобализирующемся мире сохранить связь человека с традицией и обеспечить воспроизводство его идентичности. Личность человека получает максимальную выраженность в структуре суверенного национально-цивилизационного государства, если это государство выполняет не просто функции держиморды, а во взаимодействии с другими цивилизационно-национальными государствами формирует свой особый мир, который связан с развитием глобального целого.

Наша позиция состоит в следующем: сегодня воспроизводить традиционную идентичность оказывается в принципе невозможно, если мы отказываемся от традиционно-консервативной идеологической позиции. В условиях огромного потока образов и информационных сообщений, формирования феномена массовой культуры — специально препарированных элементов культуры, рассчитанной на массового потребителя, — человек теряет опору, необходимую для воспроизводства своей идентичности в традиции.

Свободно общающийся и движущийся в мире человек формирует особый тип квазиличностной структуры — так называемую протееобразную личность (см., например, Дж. Рифкин). Это человек, который свободно мимикрирует к любому окружению и приобретает личностные черты в соответствии с тем окружением, в которое попадает. Но необходимо понимать, что это совершенно особый человек, и не всякий выдержит подобную очередную перековку, связанную, в частности, с отказом от личных ценностей. Но в любом случае эта трансформация может быть основана на том перевариваемом и осваиваемом материале, который откуда-то был взят ранее и используется теперь.

Какова природа этой бесконечной пластичности протееобразного человека? Не является ли это просто формой потребления оказавшихся в наличии других культур и различных форм культурного проявления? Здесь, собственно, и начинается проблема биополитики: есть ли формирующийся человек новых глобальных порядков не что иное, как смешение различных форм поведения, представленных на поверхности в результате разрушения «цветущей сложности» (Константин Леонтьев), или у этого человека открываются некие новые возможности и способности? Характеризует ли данного человека оказавшаяся под рукой «всякость» или у него за счёт антропологического творчества может проявиться совершенно особый тип компетенций? Следует отметить, что, по мнению Антонио Негри и Майкла Хардта, люди, занимающиеся нематериальным трудом в сетевом обществе, формируют целый ряд новых и совершенно особенных компетенций. Например, одной из них является способность сообщать вашему оппоненту или участнику диалога содержание мысли таким образом, чтобы он *не мог вас не понять*, несмотря на то, что владеет другим типом профессионализма или придерживается иных взглядов. В этом случае коммуницируемая мысль превращается в действие. Но откуда у человека берётся способность видеть чужую мысль, определяющую его способ понимания? Каким образом ему удаётся перестроить свою собственную манеру выражения и найти новую форму для изложения мысли? В этом случае либо человек порождает новое содержание так же, как шелковичный червь производит шёлковую нить через секрецию особой субстанции, либо простое физическое смешение и столкновение людей в пространстве «малтияды» не позволяет нам заключить, откуда же у людей берутся эти новые видения, новые способы понимания и новые типы рефлексий. Но и более того — непонятно гораздо более простое и исходное: за счёт чего люди выдерживают напряжение, вступая друг с другом в непривычный и неудобный контакт, и какие источники позволяют им формировать подобные состояния напряжения?

С точки зрения консервативно-традиционалистской позиции, всё происходящее в России может быть рассмотрено как умирание царской антропологической матрицы¹. Многие учёные и мыс-

¹ Понятие антропологической матрицы в нашем коллективе впервые было предложено О.И. Глазуновой при подготовке конференции Л.С. Выготский — П.А. Флоренский: несостоявшийся диалог (антропологические матрицы XX века). См. коллективную монографию, издание которой было подготовлено А.И. Олексенко.

лителю утверждают, что И.В. Сталин наследовал и воспроизвёл имперский проект, и поэтому СССР в модели Сталина — это своеобразная и даже усиленная и усложнённая достижениями науки и созданием новых технологий (ядерной бомбой и полётами в космос) империя. Но антропологическая имперская матрица Сталина — это десакрализованная насильственная организация человеческой иерархии, основанная на страхе, а не иерархия на основании почтения и любви к более высокой форме организации. Но почему же, в таком случае, мы вообще говорим об иерархии?

И здесь мы сталкиваемся с новым и достаточно серьёзным обстоятельством для анализа. Царская антропологическая матрица является иерархической, и на самый её верх помещается лицо, существование которого в этой высшей точке антропологической матрицы далеко не случайно. Это установление в высшую точку антропологической матрицы конкретного человека осуществлялось в России в результате таинства помазания на царство. В соответствии с принципами организации и построения этого таинства, Государь оказывался для всех, кто входил в ритуальное пространство обряда православной церкви, высшим Христомиметом — подражателем мук Христовых и славы Христовой. Всем же остальным, кто находился на других уровнях иерархии, само наличие живого человека, который осуществлял реальное заполнение определённой клеточки матрицы, служило способом понимания и познания и человеческого мира в целом, и своих собственных возможностей. Ведь подобная матрица существует только в поле коллективного воображения и своеобразной очень жёсткой и чёткой игровой формы. Иными словами, иерархическая антропологическая матрица — это вполне определённое игровое действие.

Нам представляются очень интересными и глубокими мысли О.И. Генисаретского о сближении церковной литургии и игры через игровые феномены. Игровая форма, предполагающая актуализацию воззрительно-понимающих или воображительных способностей в сакральном пространстве, закрепляется на основе пределов человеческих возможностей и допустимо-достижимого продвижения конкретным человеком на данном уровне в соответствии с тем, что он способен вообразить. Игровому действию в литургическом пространстве противостоит игровая форма в повседневности в виде общества спектакля Ди Бора, когда всё происходящее есть представление, за каждым действием которого нет ничего подлинного.

Так точно равнодушный гость
На вист вечерний приезжает.
Садится. Кончилась игра,
Он уезжает со двора.
Спокойно дома засыпает.
И сам не знает поутру,
куда поедет к вечеру.

(Л.С. Пушкин)

Общество спектакля Ди Бора — это общество мёртвого представления, где никакого дерзновения и никакой серьёзной ставки достоинством в человеческую жизнь не делается. Все игроки лишь риторизируют и отработывают заранее расписанные и известные речевые жесты.

Антонио Негри и Майкл Хардт описывают Бахтинский карнавал с его культурой переворачивания как важнейшую игровообразительную реальность «мальтитюды». Но карнавал, как зона опрокидывания иерархии и смешений, переворачиваний и шутовских высмеиваний, возможен только по отношению к сценарно-игровому действию в сакральном пространстве с его жесточайшей иерархией. Игра в сакрально-литургическом пространстве не замечается, и стороннему наблюдателю даже кажется святотатственным и кощунственным назвать её игрой. Подобная «прозрачность» иерархизированной игры, сквозь которую можно смотреть на всё, что угодно, определяется тем, что смысл действия состоит в восстановлении предельных образцов человеческого действия, мыслекоммуникации, мышления. И эта устремлённость за пределы человеческих возможностей, интенциональная обращённость на большее, чем реально может сам человек, и одновременно стремление воплотить эти запредельные образцы мыследеятельности превращают человека в особый указующий знак. Поведение и действие человека не должно быть самостно-мутным — оно должно читаться, оно должно указывать на нечто, лежащее за его видимыми пределами.

С другой стороны, как это ни парадоксально, матрица с её жесточайшей иерархией задаёт весьма демократическую форму существования для человека, определившегося по отношению к ней. От человека, находящегося на определённом уровне иерархии, отнюдь не требуется, напрягаясь до изнеможения, пробираться наверх. Человек должен выполнять функцию служения на своём собственном месте. Если он не признаёт иерархического строения

матрицы в целом, и вместо этого ему нужна более жёсткая иерархия организации, он может выйти за рамки социальной антропологической матрицы в разные типы монашеского служения, ставя в качестве возможно недостижимого идеала продвижение к святости. Таким образом, возможными оказываются игра и взаимодействие с иерархической матрицей в целом. Одним из наиболее очевидных типов действия по отношению к социально-укоренённой матрице в целом является святость в форме юродства¹.

Если же царская иерархическая антропологическая матрица оказывается в целом разрушенной и произошло её сбрасывание, то любой человек попадает в абсолютно хаотичное «ничто», где по отношению к нему может быть осуществлено диктаторское, деспотичное, произвольное действие любого асоциального уровня.

Мы утверждаем, что имперская антропологическая матрица *может быть* восстановлена. И это, по сути дела, задаёт специфику русских: ведь именно они до сих пор не отказались от русской имперской антропологической матрицы. Они всерьёз (даже в начале XXI века) считают осмысленной и святой традиционноконсервативную позицию и эту позицию всерьёз соотносят с возможностью признания сакральности власти. Даже Анатолий Борисович Чубайс, который ненавидит Ф.М. Достоевского, и тот заговорил о либеральной Российской империи!..

Мы здесь не собираемся обсуждать этот странный и своеобразный концепт либеральной империи. Хотим обратить внимание лишь на следующее: А.Б. Чубайс, так же как и вообще (в основах своих) русский человек, чувствует, что без царской антропологической матрицы существование в России невозможно.

Но что происходит в сегодняшнем мире, если человек, носитель одной иерархической антропологической матрицы, сталкивается с представителем другой цивилизации, культуры, этничности, конфессии? Означает ли это непримиримое столкновение цивилизаций?

На наш взгляд — абсолютно не означает! Поэтому мы считаем, что постсовременный мир — это мир антропных гетерархий, разноиерархий, сталкивающихся и приходящих в соприкосновение друг с другом. Человеку, носителю, держателю определённой иерархии при взаимодействии с представителем другого мира требуется только одно — чтобы антропологическая матрица, определяющая

¹ См.: Кологривов И. История русской святости.

его форму существования, была бы опознана, выявлена и, главное, признана.

Иерархическая антропологическая матрица не может быть закреплена насильственно. Речь идёт лишь о понимании и, следовательно, признании со стороны иной цивилизационной формы самой возможности иной парадигмальной иноиерархичной организации мира, поскольку её непризнание означает превращение человека в ничто и требование от него подчиниться другим цивилизационным и культурным основаниям.

Поэтому основная идея самообраза *Russians* в условиях глобализации заключается в том, что они до сих пор являются носителями собственной иерархической антропологической матрицы, и они способны в диалоге признавать возможность и право на это «носительство» других иерархических антропологических матриц.

Что же такое антропологическая матрица? Матрица — это положенные пределы возможностей человеческой формы, допустимые в воображении и понимании представления о возможном росте человеческого потенциала: кем человек может быть на разных этапах возрастного развития, чем человек отличается от животного, чем человек отличается от Бога (от второй ипостаси Троицы — Богочеловека Иисуса Христа), на каком месте помещается человек в иерархической антропологической матрице... Сама по себе антропологическая матрица носит метаинституциональную, игровую природу, поскольку она не сводится к структуре конкретного института — церкви, монархии, президентства или личности. Возможности человека разыгрываются через сакральное ритуальное действие, освящающее и легитимизирующее пределы человеческой формы. Слом и уничтожение матрицы означают разрушение идентичности и превращение человека в материал для переплавки и переопределений. Человек превращается в промежуточное образование, которое может быть впоследствии встроено в другой тип антропологической матрицы. А структура антропологической матрицы представлена и зафиксирована в языке, в организации сознания, в телесной организации человека.

В настоящий момент в условиях разрушения суверенных национальных государств мы странным образом возвращаемся к структуре догосударственных властных отношений, к системе догосударственной потестарности, где движущийся, перемещающийся человек выстраивает властные отношения, не определяясь обязательно в системе государственных машин. Таким образом, получается, что некоторые подходы, наработанные в потестарной

этнографии, связанные с изучением механизмов власти до построения формализованного института государственности, оказываются применимыми и приложимыми к сегодняшним формам движения человека в системе формирующихся мировых порядков, к которым относятся миграционные потоки, формирование и покупка статусов и движение по различным институтам, специально семиотически конструируемые этничность, конфессиональность и гражданский тип идентичности, расщеплённые идентичности — идентичности хайфенетиков (идентичности через чёрточку от англ. *«hyphen»* — дефис), амбивалентное схватывание вражды и родовых связей. Всё огромное поле исходных отношений родства и родовой силы как-то вдруг оказывается актуализированным вновь на самых высоких уровнях политических структур.

Многие начинают воспринимать это как возврат по шкале времени в предшествующие эпохи. Например, современные исследователи политико-трансформационных процессов (как в свое время Н.А. Бердяев) заговорили о Новом Средневековье. Для сравнения: «Говорить о современном мировом порядке как о сложном, противоречивом и взаимосвязанном — значит признать «хаотический вид», который является определяющей чертой глобальной политики на рубеже тысячелетий» (Mann, 1993, р. 4)». Но некоторые тенденции вполне различимы: о них можно судить по меняющейся форме международных и междунациональных организаций, заметному увеличению числа межгосударственных и неправительственных организаций, стремительному развитию разного рода режимов, которые меняют структуру, содержание, сферу действия и представление о субъекте международного права, по появлению региональных организаций, институтов и т.д. Все эти достижения проливают свет на тот сдвиг, который произошёл в сторону от политики, полностью замкнутой на государстве, к новой, более сложной форме разветвлённого глобального правления. При нынешнем стечении исторических обстоятельств происходят многочисленные, частично перекрывающиеся друг друга политические процессы.

Это стечение обстоятельств позволяет провести некоторые довольно интересные исторические параллели. В частности, эпоха позднего Средневековья в Европе перекликается в чём-то с текущими событиями. Наличие во времена Средневековья целого ряда структур, наделённых властными полномочиями, от местных до транснациональных и наднациональных, сосуществующих с развивающейся системой территориально ограниченных политиче-

ских образований, имеет аналогии с тем, что происходит в настоящее время. Это вовсе не значит, что ничто, по сути дела, не изменилось. Скорее, это означает, что Новое Средневековье может оказаться полезной метафорой при размышлении о нынешней эпохе. Как пишет Х. Булль, «"Новое Средневековье" представляет собой современный светский эквивалент той разновидности всемирной политической организации, которая существовала в западном христианском мире в средние века. В этой системе ни один правитель и ни одно государство не было суверенным в смысле обладания верховной властью над той или иной частью христианского населения. Каждый должен был делить власть с вассалами, стоящими ниже, и с Папой Римским, а в Германии и Италии — ещё и с императором Священной Римской империи, стоящими выше» (Bull, 1977, p. 254)¹. Эта партиципативность (соучастие), перекрещенность и разделённость власти между разными субъектами позволяет говорить авторам о «Новом Средневековье». И это в том случае, если в качестве основы наших оценок мы полагаем саму структуру институционального ландшафта. Но если мы начинаем делать акцент на самоопределённости и формах действия самого человека в этом хаотичном и разрозненном институциональном ландшафте, мы можем забираться значительно дальше по шкале исторического времени в догосударственную предысторию. И утверждать, что необходимо вести анализ механизмов формирования власти не на институциональном уровне, а на метаинституциональном уровне, когда человек определяет преобразование институтов и формы аккумуляции властных полномочий (потестарности) в «щелях» и разделённости разных институтов. Причём именно от человека и его самоопределённости зависит, будет ли он восстанавливать в этих условиях суверенную государственность, действуя, например, от её имени, или человек полностью примет идею разрушения суверенных национальных государств и начнёт её активно осуществлять. То есть, сам человек на метаинституциональном уровне как носитель той или другой антропологической матрицы во многом определяет судьбу и строение государства. Сам человек складывает тот или другой узор или паттерн потестарности, принципов и форм властности, тот или иной тип событийности и т.д.

¹ См. Дэвид Хелд, Дэвид Гольдблатт, Энтони Макгрею, Джонатан Перратон. Глобальные трансформации. — М., 2004. Х. Булль цитируется авторами данной книги. Речь идёт о работе Bull Я. The anarchical society, London: Macmillan. 1977. - С. 100-101.

С этой точки зрения, нам кажется очевидным, почему не могут сработать все прямолинейно-простые схемы типа «восстановить СССР», «восстановить монархию», «выступить против США»... В таком случае мы необратимо провалились бы в совершенно новую эпоху «антропного ничего». В этой антропной пустотности у человека возникла бы иллюзия, что он может быть любим, каким угодно, — просто никаким; что у него нет никаких обязательств, он ничему не служит и не должен служить; что он живёт, как хочет. Подобное ощущение свидетельствует о том, что человек сбросил с себя один тип иерархической антропной матрицы. Но ведь при этом он становится безразличным материалом для другой матрицы!

С этой точки зрения, человек сам решает, хочет он быть субъектом социокультурного действия или он хочет быть никем. Если он хочет быть субъектом, он должен выйти в метаантропологическую позицию и понимать, как та антропологическая матрица, к которой принадлежит он, соотносится с противостоящими ей другими антропологическими матрицами. Он должен точно так же, как и прежде, выйти в метаинституциональную позицию, поскольку антропная матрица является своеобразным ключом, определяющим поведение и действие человека в самых разнообразных институтах. Поэтому институты по отношению к антропной матрице выступают в качестве предмета преобразований.

В своё время Георгий Петрович Щедровицкий, замечательный русский методолог и создатель системомыследеятельностного подхода, ввёл категориальное определение: «Человек есть материал деятельностиных систем», перенося на представления о деятельности гумбольдтовское представление о языке: «Не человек овладевает деятельностью, но деятельность овладевает человеком», поэтому человек является всего лишь сменным материалом деятельности.

У деятельностиных систем должно поддерживаться функционирование, обеспечиваться их воспроизводство, осуществляться развитие, а человеческий материал может устаревать и изнашиваться. Тогда его необходимо заменять. Данная технократическая реальность, описывающая технологический захват человеческого материала фордистским и тейлоровским производством, сегодня заканчивается. Человек включён в самые разнообразные коммуникации, и нематериальный идеальный тип труда оказывается предоставленным самому себе, заботе о себе самом. Но в этом случае он ничему не служит! Становится понятно, что освобождение человека от технологизированной деятельности переводит его не в царство антропных идеалов и человеческого самосовершенствования, а в

абсолютное ничто, где человек является не сменным материалом технологических систем, а материалом разных антропных матриц. И человек не способен этого осознать, даже если он переживает это на уровне выбора различных предпочтений и поведенческих привычек, поскольку в этом случае человек не способен понимать последствия своего подчинения определённой антропной матрице, включённым в которую он оказывается.

И этот момент связан с весьма глубоким моментом философской антропологии. Для того чтобы быть человеком, человек должен воспроизводить собственную человеческую форму. Но ведь именно эта самая антропная матрица и задаёт представление человеку о границах его формы, о её предельности и самых разнообразных возможностях.

Восстановление же субъектности связано с тем, что человек оказывается в ситуации антропной гетерархии, то есть он вынужден осознавать принципы устройства и принципы иерархии разных антропных матриц, беря на себя ответственность за судьбу одной из них. В этом контексте становится понятно, почему различные священные сакральные тексты, которые на протяжении всей человеческой истории обычно скрывались, и, более того, их раскрытие считалось страшным святотатством, наказываемым смертью, вдруг в последние 15-20 лет начинают публиковаться и вбрасываться в ситуацию массового потребления. С них снимается гриф «культурной секретности», они поступают в массовое пользование. Это означает, что мы попадаем в зону неразличённости нового Вавилонского столпотворения, смешения языков и Пятидесятницы, их различения и опознания в Духе Святом.

Ответственность за воспроизводство антропной матрицы несёт сам конкретный человек. Но это воспроизводство осуществляется не в изоляции от носителей другой антропной матрицы, а в диалоге и во взаимодействии с ними. При этом взаимодействии осуществляется цивилизационное распредмечивание как выход за привычные границы сложившейся культурной формы организации различных институтов и самого человека¹.

В этом случае мы находимся в ситуации антропных гетерархий — соотносящихся и сопоставляемых разных антропных матриц, за которыми стоит таинство святости того или другого народа. И антропная матрица, имеющая свою иерархию другого народа, безусловно, должна уважаться. Реальности антропных иерархий

¹ Громыко Ю.В. Сценарная паноплия. — М., 2004.

и цивилизационному распрямлению противопоставляет силовое наложение на весь мир институциональной матрицы американской квазиимперии, которую Антонио Негри и Майкл Хардт называют «американской империей без империализма». Можно утверждать, что американский империализм по своему формационному устройству тождествен советскому империализму. В их основе лежит наложение на любые народы единых институциональных матриц. США и СССР действовали и действуют одинаково. В любой точке земного шара должен появиться свой «Мак-Дональдс» и будут показываться голливудские фильмы, человеку должны предъявляться различные *options*, из которых он осуществляет выбор, а на самую высокооплачиваемую работу должны приниматься выпускники американских бизнес-школ. Точно так же и СССР осуществлял институциональную экспансию, создавая советские колхозы-фермы, социалистические предприятия в любой точке земного шара, а выпускники Университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы были способны формировать целые отрасли общественной практики, которые никогда не существовали в данной стране. Основа подобной институциональной экспансии была осознана давно родоначальником институциональной экономики Коузом. Его понимание, что рынок структурируется деятельностью особых мегасубъектных образований — фирм, легло в основу основных направлений развития экономической науки.

Но за институциональными матрицами лежат антропные, более тонкие и подвижные матрицы, определяющие воспроизводство человеческой формы, конкретных людей, которые движутся — функционируют, действуют в разных институтах. О том, что существует столкновение разных антропных матриц, и люди, попадающие в ситуации их выявления, это чувствуют, свидетельствует, например, странный феномен убийства русских усыновлённых детей вполне «добропорядочными» американскими родителями. У достаточно законопослушных американцев и на первый взгляд нормальных людей вдруг пробуждается ненависть к беззащитному существу. Американцы знают, что им придётся отвечать по всей строгости педантичного американского правосудия.

Хорошо известно, что если опасность наказания исчезает (как это бывает во время отключения электроэнергии, беспорядков), в прошлом благопорядочные американцы идут на любые нарушения — от воровства до бандитизма. Это не ситуация с разрушенной российской государственностью и всеобщим одичанием. США — государство с эффективно функционирующими право-

выми институтами. Однако в какой-то момент что-то как бы пересиливает все запреты и страхи наказания, и желание садистски уничтожить противное инородное существо — чужака, alien, пришельца — становится нестерпимым. Русский ребёнок инороден американской антропологической матрице, а вот что в поведении русского ребёнка вызывает такое неприятие и стремление уничтожить «урода»¹, требует, конечно, специальных социально-психиатрических исследований.

Для того чтобы победить во всём мире, англо-саксонским и голландским фирмам сначала надо было разгромить германские институты, которые имели совершенно другое строение и другие принципы организации². Но за строением немецких корпораций, безусловно, лежит определённая антропная матрица в виде истории формирования немецких товариществ³ (*Genossenschaften*), которые определяют принцип действия, но также и правовую, и этическую форму самоопределения человека в них. Точно так же, если мы воспроизведём нормальную американскую фирму в России, то правила и принципы действия в этой фирме будут определяться нормой жизни российской общности, и общность *Russians* («рашинз») будет диктовать способы и нормы поведения, уровень правовой культуры и нигилизма, доминирующую систему ценностей. По всей видимости, это соотношение институциональных каркасов и антропных матриц фиксировалось социологическим сознанием в виде разделения на формальную и неформальную организации.

С этой точки зрения, у «рашинз» — русских — есть вполне ясная и определённая задача стать ответственными за глобальную сборку нашего мира в целом. Но основу этой «сборки» составляют отнюдь не навязывание единых имперских институтов всему миру, не движение к единству и институциональной простоте, а выявление антропных гетерархий и демонстрация коммуникативной готовности понимать чужие ценности и принципы антропной организации. Возможность стать во главе подобного диалога по всему миру и означает реальное лидерство России. У России сего-

¹ Речь идёт о прошумевших на всю страну трёх убийствах подряд: об убийстве Ирмой Павлис шестилетнего Алекса Павлиса, Пегги Сью Хилт — двухлетней девочки Нины и Донной и Сэммуэлем Мерримен — восьмилетнего Дениса Урицкого (см.: Игорь Парфиненко, Обыкновенный садизм 3. — <http://www.pravda.m/accidents/2005/10/72/202/20496> CHILD, html: Обыкновенный садизм: американка убила двухлетнюю девочку из России — http://www.pravda.ru/accidents/2005/10/72/202/20286_NINA.html

² См.: *Освальд Шпенглер*. Прусский социализм. — М., 2003.

³ См. работы Gierke.

дня нет задачи навязать своё: она должна всего лишь суметь понять чужое, иное, другое и высказаться по поводу этого другого. Но формирование подобной ситуации, прежде всего коммуникативной ситуации антропных гетерархий, предполагает восстановление проекта суверенного национально-цивилизационного государства. Только в этом случае государственная машина, аппарат государства являются не верхним запределивающим этажом организации жизни Russians — русских людей. Подобное запределивание всегда приводит к террору государства по отношению к частной личной жизни.

Восстановление государственности необходимо, прежде всего, для того, чтобы не потерять идентичность остаться теми, кем мы являемся в глобальном целом. Эта суверенность национально-цивилизационного государства, которая тождественна сохранению и воспроизводству национальной идентичности, является очень важной предпосылкой для масштабного стратегического действия практически в каждой точке глобализованного мира. Суверенное цивилизационно-национальное государство необходимо нам для того, чтобы остановить диаспоризацию и рассыпание русских (*Russians*). Но это не означает, что русские должны перестать ездить по всему свету! Русский человек (*Russians*) может перемещаться по всему миру и волен по своему желанию начинать своё дело в любой точке земного шара. Однако необходимо восстановить государственность в такой форме, чтобы в условиях цивилизационных смешений и экспансий форма служения¹ могла бы обеспечивать самоидентичность Russians (русских) самим себе. Более того, по всей видимости, это и есть модель организации мирового целого с позиции антропных гетерархий. Проблема заключается не в том, чтобы усреднить мир и выделить в нём формальное общее², а в том, чтобы обнаруживать и проживать всё большее число различий между высшими образцами мыследеятельности, формой организации и состояниями сознания, составляющими основу культуры.

Выявление принципов антропных гетерархий является условием признаваемого всеми участниками взаимодействия факта взаимопонимания друг друга. А вот что можно делать в условиях устанавливаемого взаимопонимания — это уже другой вопрос.

¹ Помните в «Горе от ума» А.С. Грибоедова восклицание Чацкого «Служить бы рад, прислуживаться тошно»?

² См. работы замечательного русского психолога и философа В.В. Давыдова (прежде всего, «Виды обобщения в обучении» и «Теория развивающего обучения»).

Глава 1

Что такое антропологическая матрица. Антропологическая матрица по Л.С. Выготскому - П.А. Флоренскому. Антропологические матрицы XX века

1.1. Введение

Рассмотрение двух важнейших фигур, Л.С. Выготского и о. Павла Флоренского, за которыми стоят целые направления антропологических исследований и разработок, является невероятно важной задачей в современной ситуации для формирования отечественного гуманитарного знания. Эти два выдающихся методолога и философа гуманитарного знания, как нам представляется, надолго определили и расчертили само возможное поле гуманитарно-антропологических исследований и наиболее актуальных и интересных подходов.

Достаточно сказать, что на Западе существуют целые направления и общества тех, кто продолжает разработку идей Л.С. Выготского, считает себя представителем культурно-исторического подхода. Благодаря такому выдающемуся последователю Выготского, которым являлся В. В. Давыдов, на Западе создан постоянно действующий Конгресс по исследованию теории деятельности, культурно-исторической теории¹. А в Южной Америке начинается своеобразная реконкиста, основанная на принципиальном отнесении Выготского к основателям марксистской психологии. Здесь возникает даже некий своеобразный скандал, связанный с новым интересом к Выготскому. Многие психологи, разрабатывающие проблематику культурно-исторического подхода, считают, что неверно и необоснованно рассматривать Выготского в качестве представителя марксистской психологии. И вместе с тем возникла своеобразная группа южноамериканских психологов, сосредоточившихся вокруг Мария Гольдера, активно обсуждающих работы Махомеда эль Хамуди, иракца по происхождению, работающего сейчас в США. Они утверждают, что хотят продолжить разработку

¹ International Society for Cultural and Activity Research (ISCAR): <http://www.iscar.org/>

самых романтических и революционных идей Выготского, при этом противопоставляя себя деятельности такого видного американского продолжателя Выготского и Лурии, каким является Майкл Коул¹. Этот факт достаточно знаменателен, так как он позволяет утверждать, что это поле очень подвижное и живое.

С другой стороны, проведен целый ряд конгрессов, посвященных работам Флоренского — опять же за границей. Одним из таких форумов была, в частности, Потсдамская конференция 2000 года². Замечательные работы о Павла, которые переиздаются, а некоторые и впервые издаются полностью (до этого мы знали их только в списках и сокращенно), позволяют рассматривать антропологическое и психологическое знание, знание о возрастании человека в принципиально других рамках, соотношенных и связанных с духовным и богословским знанием, с другим прочтением представлений о культуре, как формирующейся прежде всего в системе культа. Так, формирующееся и возникающее поле требует некоторой специальной работы по расстановке (если пользоваться очень важной идеей Флоренского), требует расстановки термина — Бога межи, что позволяет прорабатывать и выявлять границы, которые возникают и прорисовываются между указанными двумя системами³.

Сам по себе знаменателен тот факт, что существуют психологи, достаточно плодотворно и одновременно работающие в нескольких направлениях: над разработкой проблемы духовной и христианской психологии, с одной стороны, и экспликацией и созданием новых представлений в культурно-исторической научной психологии — с другой. Я имею в виду прежде всего В.И. Слободчиков и Б.С. Братуся, хотя вопрос о том, как они сами идентифицируют и обозначают себя, — вопрос, конечно, особый. Но, на наш взгляд, налицо достаточно сложная проблема проведения границ и вычленения различий подходов при сопоставлении этих двух струй мысли и направлений работ.

С другой стороны, соотношение и сближение полей этих разных подходов начал В. В. Давыдов, мой учитель, сделавший это в свойственной для него предельно емкой и обнаженной форме в предисловии к книге о Бориса Нечипорова «Психология энергии и

¹ Коул Майкл. Культурно-историческая психология, М: Когито-Центр, 1997.

² Franz E, Hagemeister M., Haney F. (ed.)/ Pavel Florenskij — Tradition und Moderne, Frankfurt/M., Peter Lang, 2001.

³ Священник Павел Флоренский. Собр. соч. в 4-х томах. Т. 3(1). — М.: Мысль, 1999. - С. 185-212.

педагогика праздника»¹. Он обратил внимание на то, что «серьезные публикации о духовном сознании и духовной уникальности и самости человека связаны с ориентацией на религиозную философию и психологию». «Исходные основания духовной психологии и педагогики братства», — таков один из важнейших предметов изучения и работы, который выделил В. В. Давыдов в вышеуказанной книге о Бориса, — «...не совпадают с основаниями, привычными для меня и для многих других наук, и вместе с тем, они взаимно дополняют друг друга. То, что отсутствует в одних, имеется в других. И как я говорил несколько выше, такие разные, но дополняющие подходы не нужно сглаживать. Они решают разные жизненно важные задачи».

Безусловно, духовная психология и антропология значительно шире тех идей и представлений, которые были созданы о. Павлом, но вместе с тем можно утверждать, что он является замечательным основателем и разработчиком основ духовной антропологии, что им даже был предъявлен в системе работ определённый метод движения в этой области.

Такое разграничение как первый подступ к этим разным подходам вполне правомерно. Оно выполняет очень важную функцию, позволяя не смешивать и не склеивать разные подходы и разные содержания. Но возникает и совершенно другой момент, другое требование — определить, в чем разница представлений о человеке, лежащих в основе культурно-исторической теории Льва Семеновича Выготского, и его последователей, и антропологических воззрений о. Павла Флоренского. Важно выяснить; что принципиально, с точки зрения объектов изучения, позволяет разграничить и развести эти подходы, и что, наоборот, является принципиально общим моментом, позволяющим их сопоставлять.

Для того чтобы произвести подобную работу — соотнести разные подходы и направления работ этих двух мыслителей, живших в XX веке, — нам представляется необходимым специально рассмотреть такой особый предмет, как *антропологические матрицы*, которые задают и определяют способы описания человеческой формы, ее высших достижений и формы включения человека в различные поля практики. Необходимо отметить, что выделение подобных матриц — это специальная исследовательская задача, которая не может быть решена одномоментно и с кондачка. Ее надо

¹ Священник Борис Нечипоров. Психология энергии и педагогика праздника.

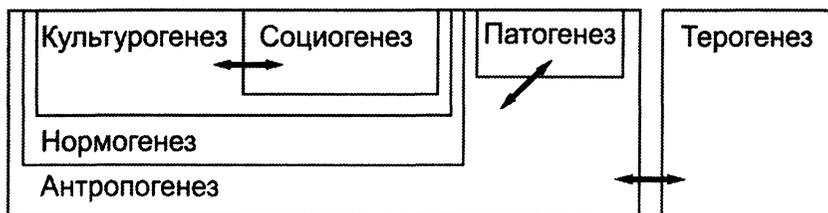

Схема 1. Структура полей антропологической матрицы по Л. С. Выготскому

специально намечать и решать. Мы здесь поделимся лишь некоторыми исходными соображениями.

Что может быть положено в основу антропологических матриц? Нам представляется, что эту основу могут составить основные интеллектуальные функции, которые не совпадают с психическими функциями: вниманием, памятью, восприятием — то, что у Г.П. Щедровицкого, который, на наш взгляд, также является последователем культурно-исторического подхода, получило название *мыследеятельностных функций*. К ним относятся *мышление, мыслекommуникация (речь), мыследействие, рефлексия и понимание*. Попытка связать эти функции с позицией человека показывает, что данное пересечение не может быть одного типа и одного уровня, как, скажем, это предлагал Г.П. Щедровицкий, рассматривая человека в качестве сменного материала мыследеятельности. Необходимо структурное упорядочивание нескольких взаимосвязанных, но совершенно разных планов анализа.

С этой точки зрения, можно утверждать, что основу антропологической матрицы Выготского образуют следующие поля (*схема 1*):

- специально организуемый и рассматриваемый *культурогенез*, в рамках которого обучение ведет за собой развитие, т.е. *социогенез*, происходит овладение собственным поведением;
- при этом *нормогенез*, т.е. нормальное, нормативное развитие, должен быть отделен и отчленен от *патогенеза*, т.е. нарушения норм в результате болезни, врожденных генетических эффектов или социальных срывов, которые выводят за рамки нормального развития;
- а также специальный анализ зоопсихологии, позволяющий отличать *антропогенез* от *терогенеза* — формирования взрослого организма животного.

Основную единицу *антропокультурогенеза* образует постоянное сопоставление *онтогенеза*, возрастного развития конкретного индивида, и *филогенеза* — родового развития человечества, что

может выявляться на основе методов этнографии, культурантропологии, исторической психологии. При этом сразу выделяется и может быть обозначена особая зона искусственного культуругенеза в отличие от оестественного культуругенеза, связанная со специальным *конструированием содержания образования*. Эта зона может обеспечить не совпадающее с зафиксированным нормогенезом развитие способностей: деятельностных, мыследеятельностных, психических функций, что, на наш взгляд, было фундаментально продемонстрировано в целом ряде работ советских российских психологов, прежде всего Давыдова.

Сам блок культуругенеза может быть тоже матрично структурирован {схема 2}.

Подобный тип развития, который может быть назван *секулярным* не опирается на анализ. Выяснение условий духовного развития человека и самое главное — обнаружение человеком самого себя. Предполагается, что в данном случае человек уже выделен как единица, как данность, как существующее «Я» и осуществляет развитие, опираясь прежде всего на собственные силы, будучи обособлен и отделен от мистической духовно-тайной благодатной стороны его развития, где, по справедливому выражению Давыдова, в котором он ссылается на работы Вышеславцева, рассматривается уникальность данного конкретного человека. При этом надо отметить, что Василий Васильевич в своих последних работах потому и не соглашался с традиционными представлениями о личности и личностном развитии, поскольку чувствовал здесь очень большую проблему и загадку, связанную в особенности с развитием старшего школьника. В этом случае процесс духовного развития становится совершенно очевиден, хотя при освоении мышления эта сторона тоже требует специального анализа и выявления.

Здесь мы обратили бы внимание на то, что некоторая условная полнота, которая выявляется при рассмотрении работ о. Павла, имеет совершенно другой вид. То, что мы могли бы отнести соб-

Схема 2. Структура полей блока культуругенеза по Л. С. Выготскому

ственно к человеку, к антропологическим матрицам, имеет отношение к своеобразному обретению ценности человека даже по отношению к совершенным существам — ангелам: поскольку они совершенны, то они не могут развиваться, а человек на это способен.

1.2. Теодицея — антроподицея

С этой точки зрения, можно было бы утверждать, что если согласно культурогенезу по Выготскому основные функции и представления об их происхождении могут быть реконструированы на основе специальных исследовательских программ в этнографии, исторической психологии и, в конце концов, они могут быть заданы как существующие в пространстве культуры, то в системе о. Павла выявляемые характеристики функций в антроподицее обнаруживаются после прохождения через тринитарно-ипостасные отношения в теодицее. В этом случае человек высвечивает и обнаруживает на основе мистического опыта представления и функции, о существовании которых он мог и не предполагать, но которые обнаруживаются, выявляются на основе установления взаимосвязи в системе тринитарных отношений между ипостасями. Предметом работы в антроподицее могут стать соотношение речи и языка, понятия, символы, типы духовного возрастания человека. Предпосылки же для позитивного выявления всего этого обнаруживаются и формируются в структуре теодицеи. Обретение возможности выявлять эти отношения достигается через проживание антиномичного состояния сознания, причем освоение антиномичности требует духовного возрастания личности и ее самостроительства. Здесь уже закладывается важнейшая часть духовного возрастания человека как необходимость вхождения в сферу антиномичного сознания, когда овладение антиномиями оказывается возможным лишь через процесс внутреннего самовозрастания. Важнейший момент, который требуется от человека, — вхождение в отношение с истиной, когда, по выражению о. Павла, различается знание об истине и знание истины.

Нам этот момент работы с антиномиями в другой перспективе, иной технике исполнения и с другими возможностями знаком, Он специально разрабатывается О.И. Глазуновой в рамках создания метапредмета «Проблема»¹. Учащихся в специально органи-

¹ Громько Ю.В. Метапредмет «Проблема». — М.: Пайдейя, 1998.

зованной проблемной ситуации подводят к необходимости зафиксировать предмет столкновения и конфликта между участниками диалога в форме антиномий. Следующий шаг освоения антиномий связан с самоопределением учащихся как самостроительством своей позиции по отношению к антиномии. И, конечно же, важнейшим моментом здесь является процесс прорыва через действительность формирующегося мышления к реальности, которая предполагает, прежде всего, самовозрастание себя и преобразование сложившегося мышления.

Собственно, выявляемая в четвертой беседе книги о Павла Флоренского «Столп и утверждение Истины» проблема тождества, разделение нумерического тождества на основе единосущия является основой идентичности ипостаси и лица, в отличие от атрибутивного тождества, связанного с под обносу щием вещи¹. И здесь бы мы обратили внимание на то, что в таком взгляде закладывается один из принципиально новых логических моментов, который для нас в какой-то мере выражен в работах Щедровицкого. Г.П. Щедровицкий настойчиво говорил о необходимости объектно-онтологических полаганий, т.е. полаганий объектов и собственно оргдеятельностных реализационных выстраиваний себя на основе подобного единства. Хотя, безусловно, этот момент является трудным и требует специальных экспликаций.

С этой точки зрения, можно было бы утверждать, что важнейший элемент выявляемой и обнаруживаемой антропологической матрицы Флоренского, которая могла бы быть соотнесена с антропологической матрицей Выготского, представляет собой промышляемый переход от выяснения на основе мистического богословского умозрения, совершаемого по милости Божьей, системы тринитарных отношений между ипостасями Святой Троицы, к раскрытию этой, но уже преобразованной системы отношений во взаимодействии людей при освоении и разработке ими понятий, научных символов; при установлении взаимосвязи между мышлением и речью; в техническом творчестве, связанном с принципами создания техники, выявлении органопроекций.

Выявляемые и обнаруживаемые о. Павлом онтологические, а не субъектно-психологические отношения сущностной любви между ипостасями составляют основу тринитарной онтологии. Важнейший момент отношения между ипостасями заключается

¹ Флоренский ПЛ. Столп и утверждение Истины. — М.: Правда, 1990. — Т. 1.

в опустошении себя ради другой ипостаси — кинозисе — и возвращении истощенной потерянной энергии за счет прославления ее со стороны другой ипостаси.

Эта возможность потери себя в даре сущностной любви одной ипостаси по отношению к другой, каждой по отношению к каждой, что образует принципиальный момент единосушия, а не просто подобиясушия, составляет основу идентичности личности, лица самому себе, когда ипостась не боится выйти за свои собственные границы в акте свободной жертвенной любви к другому лицу. Более того, условием сохранения тождественности лица является акт его свободного выхода за свои пределы. Этот момент нераздельного существования ипостасей, включенных в сущностные отношения обмена кенотических жертвенных опустошений и прославлений, при которых они остаются неслиянными и сохраняют идентичное тождество своих лиц, является глубинным действием, выводящим нас к таинству происхождения сознания и личности в общности. Это благоговейное выявление тринитарных теодицирующих отношений и попытка его переноса и осмысления в системе антроподицеи при рассмотрении проблем развития детского сознания отчётливо, на наш взгляд, прослеживается в ряде интересных работ В.И. Слободчикова, где происходящий переход режис (общение) ипостасей позволяет наметить очень интересные представления об органике и своеобразной органопластике общности в становлении ребенка¹. С другой стороны, это есть не что иное, как разные системы просматривания родства и родового в человеке — что было намечено о. Павлом — поскольку у человека могут расходиться системы родства в мышлении, кровного родства, а также родства в формах душевного и духовного здоровья².

Но, с другой стороны, если не считать, что соотношение хода теодицеи и антроподицеи есть уже момент совершенный (о. Павел это открыл, а мы в прослеживании его мыслей всю неисследимую тайну вместили в себя), то неизбежно будут появляться те, кто попытается освоить метод о. Павла. Они будут на свой страх и риск, не притязая на многое, стремиться осуществить свой собственный ход сначала в теодицирующем движении, стремясь проследить, увидеть, узреть, пусть и отраженно, систему тринитарных отно-

¹ См. раздел «Христианская психология и гуманитарные практики» в настоящем издании. — Прим. сост.

² См. раздел «Имя рода» в кн.: Священник Павел Флоренский. — Собр. соч. в 4-х т. — Т. 3(2).

шений Святой Троицы, с тем, чтобы после этого осуществить антроподицирующий ход, связанный с обнаружением важнейших онтологических загадок происхождения мышления и речи, создания символов, инструментов и орудий.

Будучи сотворенным по образу и подобию сами знаете кого, человек посвящен в софийность мира, в ее исходную разумность, и он способен познавать и проживать этот мир как такой, который можно уразуметь и понять. Это означает, что человеку, если он попросит Бога, могут быть открыты любые тайны вселенной. Вместе с тем по природе человек является совсем другим существом. Человек сотворен, а Бог — не сотворен. Для того чтобы двинуться хоть в мельчайшей мере к обретению способности Господа, человек должен проделать путь теозиса, обожения. Принципиально путь обожения оказывается возможным, поскольку, помимо Бога Отца, которого никто из людей не видел, существует вторая ипостась Святой Троицы — Бог Сын, Бог Слово, Спаситель Иисус Христос. Являясь вторым лицом Святой Троицы, будучи несотворенным, но рожденным от Отца, Иисус Христос соединяет в себе две природы — божественную и человеческую. Именно Иисус Христос, который был распят при Пилате, сходил в смерть и затем воскрес, позволяет нам понять, какие возможности преодоления смерти приобретает человеческая природа, будучи обоженной. Для того чтобы двигаться путем обожения, человек должен стяжать божественную энергию и вступать в богообщение с третьей ипостасью Святой Троицы — Святым Духом. Святой Дух, осенивший своим присутствием в таинстве Пятидесятницы апостолов, обнаруживает отдельное, онтологически независимое от человеческой природы присутствие в мире божественной энергии, именно во взаимодействии с которой возможно Богообщение. Проявление Духа Святого, который дышит аще хочет, проявляется в разнообразных дарах святых, в творческой гениальности поэтов, ставит в опасную ситуацию любого типа догматиков, поскольку хула на Духа Святого — единственный грех, который не прощается. Именно поэтому так опасен грех зависти, когда человек невольно выражает хулу на Духа Святого, действующего через другого человека, который оказался способен открыться ему. Именно поэтому возникает труднейшая задача, сформулированная апостолом Павлом: распознания духов и дохождения в анализе до разделения души и духа. В величайшей тайне рождения Девой Марией Господа нашего Иисуса Христа представлен опыт соединения человеческой и божественной природы, в результате

которого был рожден Господь, и заново через человеческую природу Девы Марии была предъявлена тайна рождения всей вселенной.

Современным выдающимся мистиком и религиозным философом Евгением Львовичем Шифферсом была сформулирована удивительная идея о возможности перехода ипостасей одной в другую на основе опыта предельного испытания, своеобразным испытанием «смертью», если так можно сказать о присно живущих лицах, причастных вечной жизни, захождением за крест¹. С точки зрения мистического прозрения этого ученого и мыслителя, ипостаси являются не одереженевшими вещами, которые мы невольно в силу ограниченности нашего сознания так воспринимаем, используя неверные категории, например, целое-часть, которая приложима только к вещным совокупностям, и не циклически по кругу движущиеся абсолютно одинаковые механизмы, а развертывающиеся динамические единства, которые, проходя через высшие испытания, обретают опыт действия другой ипостаси и тем самым обретают при неслиянности и нераздельности опыт родства друг с другом. С этой точки зрения, по мысли Шифферса, в онтологическом опыте любви в динамике кенозиса (опустошения) — прославления — одна ипостась, жертвуя собой в духовном состоянии предельной личной свободы, обретает в этом акте жертвы — крестном опыте тождество с другой ипостасью.

Отношение ипостасей, безусловно, прослеживается и в таком сложнейшем вопросе, как соотношение мысли и слова. Выход в ситуацию складывания речи, изменения самого языка связан с экзистенциальным риском. Форма устойчиво функционирующей речи может быть сломана, а нового ничего и не появится. И в этом, на наш взгляд, заключен важнейший момент писательского таинства и опыта, поскольку, как ни хитри, ни мудри, чего ни выстраивай, а язык вошел в лепетание ребенка (смотрите прекрасную работу на эту тему В.В. Бибикина «Слово и событие»²), и человек над этим не властен. Какую тебе дал речь Господь — непрозрачную, сложную или, наоборот, ясную — значит, такой и будешь говорить. Альтернатива всему лишь одна — это монашеский высокий духовный подвиг, направленный на обретение на основе особых упражнений другой ясной четкой речи-мысли. Как однажды мудро и пронзительно выразил эту мысль религиозный философ

¹ См. раздел «Творческое наследие Е.Л. Шифферса и его разработка» в настоящем издании.

² Бибикин В.В. Слово и событие. М: Едиториал УРСС, 2001.

и педагог о. Алексей (Сысоев): «Язык — это страх Божий». Действительно, вспомним широко известный и обсуждавшийся в отечественной психологической литературе феномен, выделенный Достоевским: «Мысль не идет в слова». Но это означает, что тринитарная проблематика отношений лиц Святой Троицы может символически вычитываться из сложнейшей реальности процессов обретения человеком речи, нахождения для мысли речевых одежд. Действительно, не случайно вторая ипостась Святой Троицы называется «Сын Божий Слово».

На наш взгляд, по символической аналогии подобно тринитарным отношениям лиц Святой Троицы, трех ипостасей: Бога Отца, Бога Сына, Бога Духа Святого, в ситуации обретения слова мы имеем отношения между мыслью-мышлением, словом-речью и деянием-действием. Мышление символически идентично Богу-Отцу, слово-речь — Богу-Слову и деяние-действие — Духу Святому. Символическая идентификация мыследеятельностных и тринитарных отношений может содержать очень большие ошибки, тем более, что мы излагаем здесь не более чем гипотезу. Но, с другой стороны, чем в большей степени мы подчиняем, не совершая, конечно, натяжек и ошибок, абстрактные концепты исходным символами-именам, тем в большей степени мы стремимся осуществить восхождение к единым основаниям. Мы в данном случае не богословствуем, а лишь символически размышляем. Нам, таким образом, важно лишь уяснить для самих себя мысль о. Алексия (Сысоева), что за успешным духовным движением оформления, материализации мысли в слове и, наоборот, неудачи ускользания бесплотного мыслеобраза в «чертог теней» стоит страх Божий. Мы здесь видим не только намек на возможность отнятия у человека духовной способности по мановению Божьему, не только символическое взаимопроникновение жизни и смерти, но и более сложные символические отношения и проблемы.

Возникает вопрос: а что, даже всякое, даже самое рассудочное мышление — это Бог-Отец-Вседержитель? По всей видимости, в соответствии с приведенной здесь мыслью всякое мышление в его отношении к способу выражения может занимать позицию Бога-Отца по отношению к Богу-Слову. Но высшей формой мысли является мышление жизни вечной, присно помнящей, досконально знающей условия продолжения этой вечной жизни, а поэтому постоянно нарождающей причастность этой вечной жизни из себя, из ничего (*ex nihil*). Отсюда Бог-Отец и есть жизнедаждец. Или отрицающий эту причастность у тех, кому она не важна, кто не забо-

тится о ней. Правда, для подобного отношения к мысли-мышлению как первой ипостаси необходимо отказаться от трактовок мышления как рациональной, рассудочной и абстрактно замещенной деятельности. Мышление в условиях вечной жизни есть концентрированная мыслеобразная энергия самой этой жизни, которая может быть закреплена в словесной материализуемой форме. Мысли о других, вполне земных вещах, лежат на других более низких уровнях иерархии. Именно в переходах этих мыслеиерархий возникает некоторое подобие лестницы Якова, уходящей на небеси.

Важнейшим моментом отношения мысли к слову, первой тринитарной ипостаси ко второй, является также другая проблема: пользуется ли мысль готовой формой, и следовательно, речевым формализмом, или эта форма впервые обретается, т.е. осуществляется акт формотворчества. Акт формотворчества означает выход за сложившуюся мысль в необходимость переопределять мысль, подыскивая для нее форму. В этих переходах, на наш взгляд, скрыты и сложнейшая философская проблема взаимоотношения платонизма, и традиции перипатетиков. В основе тринитарных отношений ипостасей лежит энергия любви, делая возможным сами переходы мысли в слово, мысли — в одухотворенное деяние, деяния — в мысль, деяния — в слово и т.д. Именно эти тринитарные отношения являются личностно-образующими, гипостазирующими лицо, т.е. рождающими ипостась, которая обладает энергией мышления, мыслеобраза, деяния и слова. Личность и есть не что иное, как включенность в тринитарное таинство подобных переходов.

Прослеживая связь тринитарных отношений ипостасей Святой Троицы, а затем идею генезиса важнейших способностей и функций мышления, речи-коммуникации, действия, рефлексии и понимания, мы могли бы сказать, что сама по себе искомая антропологическая матрица складывается для нас, как минимум, из четырех-пяти сложнейших опосредованиях (*схема 3*):

- из способов описания происхождения этих процессов в системе культурогенеза, как филогенеза, так и онтогенеза, в их возникновении (поле 1 искомой матрицы);
- из попытки описать, символически указать отношения ипостасей Святой Троицы на языке своеобразных мыследеятельностных процессов: мышления, речи-общения, деяния-действия (поле 2);
- из прорисовки способностей души (поле 3);
- из мыследеятельностной интерпретации высших антропологических образцов носителей духовных практик, осуществляю-

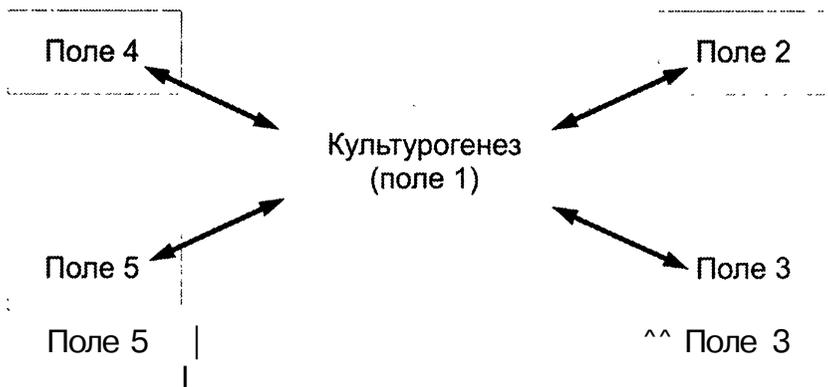

Схема 3, Структура антропологической матрицы по П.А. Флоренскому

ших трансценденцию, выход и снятие привычных форм осуществления данных социокультурных процессов (поле 4); — и, наконец, все это вместе взятое задается как культуральный ландшафт антропогенетического поля взаимодействия представителей разных цивилизаций, разных этносов с другими этносами (поле 5).

Выделяемая нами антропологическая матрица, представленная частично в учении о. Павла, должна рассматриваться не как система уточняемых вложений, конкретизируемых представлений о человеке, строящаяся как движение от оппозиции антропогенез-теогенез через нормогенез-патогенез и культурогенез-социогенез к онто- и филогенезу, но как система запределивающих полей описания мыследеятельностных функций по отношению к культурогенезу. По отношению к полю культурогенеза осуществляются запределивающие снятия в четырех других полях, которые позволяют установить границы культурогенеза — границы дерзновения в человеческом развитии.

1.3. Матрица мыследеятельностных способностей и душа

В.П. Зинченко мы обязаны попыткой возвращения представлений о душе в современную психологию, хотя в этом направлении есть ряд очень интересных работ О.И. Генисаретского¹. В.П. Зинченко совершенно прав, утверждая, что без интуиции души психология и антропология остаются незамкнутыми и принципиально

¹ *Зинченко В.П. Психологические основы педагогики. — М.: Гардарики, 2002. — С. 361-403; Генисаретский О.И. Навигатор: методологические расширения и продолжения. — М.: Путь, 2001.*

не целостными. Задавая понятие души, выдающийся российский психолог обращает наше внимание на то, что своеобразный геном единицы души оказывается связанным с организацией трех образований: слова, образа и действия. Понимая принципиальную важность этих трех выбранных элементов при построении представлений о душе, мы вместе с тем считаем, что эти элементы являются вещно-морфологическими образованиями, и при построении понятия души было бы важно начать с выделения процессов мыследеятельности, поскольку они образуют онтологическую единицу устройства полной мыследеятельности. Подобную предельную единицу мы и должны обнаружить в душе.

С этой точки зрения, мы считаем, что строение души может быть выделено на основе предельных редуций процессов схемы мыследеятельности. Так, редуцируя полную мыследеятельность исключительно до процессов мышления, в которых нет ни коммуникативности, ни элементов действия, мы получаем воззрительную созерцательность, то самое *intellectuele Anschauung*, о котором говорил и писал И.Г. Фихте¹. Это, собственно, и есть созерцательная идеирующая душа по Аристотелю, культивирование способностей которой является задачей подлинных философов. Редуцируя полную мыследеятельность исключительно до процессов действия, в которых нет ни мыслительности, ни мыслекоммуникативности, связанной со способностью общительности и восприимчивости понимания, мы получаем волятивность, волевую произвольность в осуществлении действий, деяний, актов, ключевым моментом которых является «*fiat*» — «Да будет!» И, наконец, редуцируя полную мыследеятельность до коммуникативности, в которой нет мыслительных компонент и компонент, связанных с действием, мы получаем способность улавливать новую интенциональность мыслеобразов, что у Платона называлось диалектикой, — диалог души самой с собой. Собственно, созерцательность, волятивность и отзывчивость, чувствительность к направленности сознания образуют важнейшие первофункции души. Возможность связать и интегрировать, объединить в живое органическое целое эти первофункции или, наоборот, невозможность их согласовать определяют, собственно, еще и четвертую первофункцию души, а именно ее аффективность. Речь-язык при этом исходно оказывается сращена с первофункциями души, создавая условия или, наоборот, блокируя проявления созерцательности, волятивности, эмоциональности-

¹ И.Г. Фихте.

аффективности, откликаемости на новую направленность. Энергема души является своеобразным резонирующим ресурсом человека в ситуации персонализации и обретения личной формы.

Мы хотели бы обратить внимание еще на две своеобразных функции протодуши, которые образуют саму структуру энергии психики человека. Эти две функции взаимополярны и противоположны. Одна определяет возможные расширения души и выход, выброс ее в новые, незнакомые для нее сферы. Это своеобразная функция раскручивания, расширения посылаемой душевной энергии при ее вхождении в новое пространство. А другая функция — это, наоборот, функция сжимания, скручивания, своеобразного замирания, и за счет этого — обретения в мире всего того, что уже содержится в душе до контакта со всем тем, с чем душа еще и не соприкасалась. Первую протопсихическую функцию мы бы назвали экстазисом. В мыследеятельности ей соответствует процесс трансценденции. Второй протопсихической функцией является процепция, выделенная и описанная О.И. Генисаретским¹. Эти две протопсихические функции являются доотражаемыми. На наш взгляд, они находятся за границами разделения на внешнее и внутреннее. Всё, что охвачено энергией души, есть внешнее и внутреннее одновременно. А то, с чем резонирует душа, опять же есть и внешнее, и внутреннее.

1.4. Образцы носителей духовных практик

Следующий момент, имеющий самое прямое отношение к антропологической матрице, — это идея высших антропологических образцов представителей духовных практик различных традиций. Подобная работа, на наш взгляд, была проделана коллективом ученых, объединенным вокруг монографии «Совершенный человек», в которой участвовали такие видные антропологи, методологи и культурологи, как С.С. Хоружий, В.А. Малявин, О.И. Генисаретский, Ш.М. Шукуров, где ставилась задача очертить поле высших антропологических образцов, осуществляя движение — по меткому замечанию Генисаретского — «окрест вершин»². Не беря на себя задачу подводить итоги этой работы, мы бы обратили внимание на очень интересный дискурс С.С. Хоружего, посвященный

¹ *Генисаретский О.И.* Навигатор: методологические расширения и продолжения. — М.: Путь, 2001.

² *Совершенный человек. Теология и философия образа.* — М.: Валент, 1997.

проблеме антропологической границы и трансцендированию, связанному с выходом за рамки усредненной человеческой формы¹. Подобный выход осуществляется представителями разных духовных практик и связан с «отвержением чувств», т.е. порождением качественно новых способностей. Сравнивая различные духовные практики — классическую йогу, тибетский буддизм, даосизм, суфизм, платонизм и неоплатонизм — с исихазмом, что для С. С. Хоружего является, безусловно, центральным моментом и точкой отсчета, исследователь устанавливает очень интересные, с нашей точки зрения, формы трансцендирования. Так, противопоставляя неоплатоническую традицию исихазму, С.С. Хоружий различает их как интеллектуалистский и холистический типы духовной практики. В традиции неоплатонизма, согласно Плотину, «душа и ум влекутся к первоединому, стремятся к нему, очищаясь и опрощаясь, душа уму вверяется, и умом становясь, восходит в полагаемую первоединым сферу» (цитирую по книге С.С. Хоружего «О старом и новом», СПб., 2000). «Они различаются как процесс холистический (в котором многоуровневая гетерогенная антропосистема самофокусируется в согласованное единство) и процесс интеллектуалистический (в котором сознание самоизолируется из многоуровневой гетерогенной антропосистемы и реализует собственную отдельную стратегию)²». Но это восхождение к исходной природе в неоплатонизме можно рассматривать как движение только на основе одной из трёх (мышления, действия, коммуникации) функций, а именно на основе мышления: «Первоединое созерцается «одним чистым умом, самой высшей частью ума, не пользуясь ни одним из внешних чувств»³. Для традиции же исихазма принципиальным моментом является обязательное преобразование и снятие всей полноты функций: «Мистика исихазма есть мистика диалогического Богообщения — а то последнее представляет собой, пусть сколько угодно особый, но всё-таки род общения».

По сравнению с восточными традициями, которые выступают как формы снятия и остановки любой и всякой чувствительности, выход в парадоксальный режим созерцания и просматривания пустотности любых типов восприятия, в традиции исихазма, по мысли Хоружего, «совершенное бытие предстаёт как личное бытие-общение, оно не только не есть чуждое всем различениям бытие-

¹ Хоружий С.С. О старом и новом. — СПб., 2000; См. также раздел «Синергичная антропология» настоящего издания.

² Там же. - С. 210-211.

³ Там же. - С. 394.

небытие, но раскрывается положительно как Любовь и взаимопроникновение Ипостасей, как перихорисис»¹. Таким образом, с точки зрения антропологии трансцендирования к высшим образцам духовных практик, промысливания представлений об антропологической границе, мы можем вычленять образцы антропологических достижений как своеобразный ряд, среди членов которого мы выделяем отключение человека от мыследеятельностных процессов, их остановку и сброс, духовное совершенствование, построенное на основе только одного из выделенных процессов, и, наконец, возможность снятия всей совокупности подобных процессов за счет действия нетварных энергий благодати и реорганизации на их основе всей совокупности процессов.

С этой точки зрения, можно было бы сказать, что момент выделения высших образцов духовных традиций становится абсолютно необходимым, когда мы начинаем осуществлять разметку пространства и переходим к проблеме взаимодействия различных цивилизаций и этноантропологических традиций. Эта проблема специально обозначается нами в политической антропологии как проблема консциентального оружия и консциентальных войн, которая разворачивается именно в последние десятилетия. Предметом воздействия и преобразования в этом столкновении являются идентичность человека и способ идентификации себя. При этом основной момент выделения и обнаружения идентичности заключается в том, каким образом человек полагает и устанавливает свое родство — с одной стороны, кровное родство, с другой стороны, духовное родство. Об этом тоже говорил о. Павел Флоренский, подчеркивая, что в этом и состоит обретение себя как принадлежащего к определенной традиции, но при этом вступающего в различного типа взаимодействия и общение с представителями других традиций.

С этой точки зрения, можно утверждать, что мы живем сегодня в условиях открытой конкуренции и взаимопроникновения здоровых соревнующихся сознаний, которые опираются в этом взаимодействии на определенную разметку и переработку самого поля взаимодействия. Эти взаимодействия, самоопределения, взаимоопределения являются обратной стороной проблемы консциентального оружия и консциентальных войн, смысл которых состоит в разрушении типов сложившейся этноконфессиональной, культуральной и общественной идентичности. Поэтому не случайно, что, по выражению ряда очень интересных западных исследо-

¹ Там же. - С. 368.

вателей, например, в постмодернизме проблема идентификации является *plastic words*, т.е. ее попросту не существует, потому что любой тип идентификации может строиться, вылепливаться при помощи экрана под то или другое лицо, которое будет демонстрировать самую причудливую идентичность. Может искусственно создаваться специальная группа, в которой будет культивироваться и тиражироваться специально сконструированная идентичность. И именно здесь, на наш взгляд, возникает очень серьезный и принципиальный вопрос политической антропологии, связанный с тем, как обнаруживается не только идентичность, но и подлинность подобных проявляемых самоопределений, т.е. того, что связано с аутентичностью того или другого типа идентификации.

С этой точки зрения, если мы попробуем проанализировать страшный террористический акт на спектакле «Норд-ост», который у многих на слуху, и попробуем выделить ключевую характеристику этого кошмарного события, то наше сознание упрётся в антропологическую проблему смерти. Абсолютно не важно, подлинными являлись действовавшие там шахида или кукольными. Важно другое: была совершенно четко обозначена проблема отношения к смерти, и, следовательно, была востребована со стороны тех, кто оказался предметом агрессии и актов терроризма, идентичность, формируемая по отношению к проблеме смерти. И с этой точки зрения, соответствующий духовный ответный акт мог бы состоять в том, если бы появился в этих условиях представитель любой другой духовной традиции (например, православной), святой или же человек, обладающий высоким духовным уровнем, и он мог бы предъявить свое отношение к проблеме смертной фигуры — Танатоса, которая лежала в фокусе данного события. В этом случае момент идентичности потребовал бы выявления меры подлинности предъявленного образца самоопределения на таком своеобразном культурально-антропологическом рынке идентификаций. И вот здесь тогда возник бы вопрос: а являются ли шахида подлинными воинами-смертниками или это всё бутафория? Демонстрирует ли православный подвижник соответствующее традиции отношение к смерти? Этого обмена образцами антропологического самоопределения по отношению к смерти не произошло, но феномен антропологического самоопределения был затронут. Поэтому одним из важнейших моментов столкновения различных традиций является проблема своеобразных принципов удержания - манифестации образцов самоопределения по отношению к предельным предметам — таким, как преодоление смерти в ситуации столкнове-

ния представителей разных традиций друг с другом. Возможность соотнесения подобных образцов самоопределения, культивируемых в разных традициях, требует выделения своеобразных конфигурационных пространств — коммуникативно-переговорных площадок для участников цивилизационного контакта.

Помимо тех образцов высших носителей духовных практик, которые мы обсудили выше, есть еще один образец, на наличие которого в своих работах обращал внимание Е.Л. Шифферс и который совершенно необходим в том числе и для обсуждения проблем государственности. Помимо антропосов святых, должен быть рассмотрен антропос православного царя, который, на наш взгляд, очень сильно и развернуто, с выделением ряда принципиальных моментов, описан в работах Б. А. Успенского. Позволю себе несколько цитат. «Таким образом, в Византии, как и на Западе, монарх при помазании уподоблялся царям Израиля; в России же царь уподоблялся самому Христу. Знаменательно в этом смысле, что если на Западе неправедных монархов обыкновенно сопоставляли с нечестивыми библейскими царями, то в России их сопоставляли с Антихристом»¹. «Итак, смысл помазания в Византии и на Руси оказывается существенно различным: если в Византии Христос помазует царя (василевса), то на Руси царь в результате помазания уподобляется Христу»².

Этот момент, на наш взгляд, является принципиальным и важным, в том числе и для осмысления различных полей взаимодействия представителей разных этносов, разных традиций этнокультур, потому что здесь, безусловно, осуществляется совершенно иная разметка поля, чем та, которую мы производим в ходе некоторого полевого этнографического эксперимента, включаясь в другую традицию, обсуждая формы построения родства и идентификации в этой традиции. Совсем иначе все это выглядит, когда мы понимаем, что находимся в ситуации установления цивилизационного контакта, что, с этой точки зрения, принципиально именно для российских азиатских пространств.

От ситуации межцивилизационных контактов необходимо отличать анализ условий взаимодействия разных этносов и этнородов, лежащих в основе формирования и складывания контура государственности, с включением в пантеоны высших антропологических образцов лица, символизирующего данную государствен-

¹ Успенский Б. А. Царь и патриарх. — М., 1998. С. 20-21.

² Там же. — С. 14.

ность. И эта проблема тоже требует своего просмотра и анализа именно при обсуждении и выделении антропологической матрицы.

1.5. Выводы

Теперь я хотел бы высказать нечто в качестве предварительных выводов.

1. Мне представляется, что метод о. Павла Флоренского, из которого может появиться вполне определенная культурантропологическая матрица, заключается в осуществлении определенного типа шагов. Сначала — просматривание теодицеи и осуществление по милости Божией продвижения в прикосновении к тайне тринитарных отношений. Затем — антроподицея как обнаружение человеком себя в мире на основе причастности тринитарной Божественной любви и в результате — возможность прослеживания происхождения всех основных мыследеятельностных способностей во всех полях человеческой культуры, вырастающей из культа: происхождение языка, понятий, техники, науки, в том числе и телесности. Возникает, безусловно, вопрос: как связано первое со вторым? И здесь, как нам кажется, ответ на этот вопрос представлен в работах о. Павла Флоренского, прежде всего, в его труде «Философия культа»¹, что, на наш взгляд, можно было бы на нашем языке интерпретировать как своеобразную литургическую мыследеятельность, в ходе которой происходит, как показывает о. Павел, освящение и проработка всех космических стихий за счет осуществления самого культа.

Следующий момент — это идея собственно родовых взаимосвязей как способ обнаружения и полагания родства человеком через разные типы этого родства — по крови, по духу, по приобщенности к традиции и т.п.

И, наконец, последний момент в этом пункте, про который я не говорил в своем докладе, но который, безусловно, очень важен — это сыновнее отношение при обнаружении каждым человеком в себе отцовского дара. Сыновнее отношение любви к отцу выступает как обнаружение в себе отцовского дара и одновременно как преодоление инструментализма деятельностного подхода, предполагающего осуществление бесконечной процедуры заимствования средств. Сыновнее сознание, как сознание ценностное, обнаружи-

¹ Священник Павел Флоренский. Собрание сочинений. Философия культа (Опыт православной теодицеи). — М.: Мысль, 2004.

вает в себе полноту дара, который является предпосылкой понимания мира и возможности осуществлять любую деятельность, используя различные средства. Если же этого дара нет, и человек является подкидышем (так О.И. Генисаретский предлагает переводить слово «субъект»), он обречён на бесконечные неостановимые муки эпилептически настойчивого поиска средств.

2. Второй вывод связан с проблемой построения антропологических матриц. Это понятие для обсуждения при подготовке данной конференции предложила О.И. Глазунова. Анализ на основе антропологических матриц, который бы позволял сопоставлять и соотносить метод Выготского и метод Флоренского, состоит в выявлении возможных переходов между совершенно разными пространствами бытования человека. Но эти переходы оказываются принципиально возможными, поскольку они могут быть описаны в едином языке типомыследеятельностных функций — мышления, мыслекоммуникации и мыследействия, понимания, рефлексии и т.д. Язык этих функций, которые по-разному интерпретируются и понимаются в каждом из этих пространств, обеспечивают единство антропологических матриц.

Что представляют из себя эти матрицы-пространства?

Это, с одной стороны, триипостасность, прослеживание мыследеятельностных процессов в структуре отношений любви ипостасей. Второе пространство — это собственно анализ строения души на основе типомыследеятельностных функций. Третье пространство — поле предельных образцов самоопределения, представленное в антропосах носителей духовных практик, которые опять же могут описываться и выявляться при помощи средств типомыследеятельностного подхода. Четвертое поле — практические системы мыследеятельности, положенные в координаты взаимодействия между носителями разных цивилизационных миров, где проверяется агонально и конкурентно духовный уровень самоопределенности представителей данной традиции, а также подвергается сомнению подлинность (аутентичность) демонстрируемых образцов. Еще одно измерение (еще одно поле, которое необходимо рассматривать в антропологических матрицах) — это трансляция образцов внутри традиции, т.е. это собственно внутреннее обретение родства конкретным человеком в рамках данной традиции.

3. И, наконец, последний третий вывод, который мне кажется тоже очень важным. В определенной мере, обсуждая подходы и системы Выготского и Флоренского, мы возвращаемся по какому-то очень сложному пути к началу XX века, к фундаментальным рабо-

там, касающимся проблем гуманитарного знания: к статье Выготского «Исторический смысл психологического кризиса»¹, к целому ряду работ о Павла Флоренского, прежде всего к «Философии культа», и к работе Г.Г. Шпета «История как предмет логики»². Основной вывод работы Шпета, которую он создал на огромном материале современной ему западной методологии, обсуждая работы Дильтея, Наторпа, Риккерта, Гуссерля, Вундта, Канта, состоит в том, что психология не может быть онтологической основой гуманитарного знания и представлением о системе антропологических практик. И здесь мы, обсуждая антропологическую программу и понимая, что антропология принципиально шире психологии, заново должны задать вопрос: а может ли антропология выступать в качестве предельной онтологии? И на наш взгляд, в настоящий момент такое пока невозможно. На данном этапе должна быть введена своеобразная промежуточная онтология, которую мы называем мыследеятельностной или деятельностной. Она предполагает специальный анализ и взаимоотношение важнейших процессов: мышления, действия, коммуникации, анализ которых намечен в том числе и блестяще развернут и в работах Выготского, и в работах Флоренского. Типомыследеятельностные представления выступают в качестве осаждающей рамки, в которой должен быть кристаллизован насыщенный раствор ускользающих от определенных антропологических представлений. Пронизывая разные поля антропологических матриц, они как бы выполняют склеивающую эти разнородные поля функцию. При этом сама антропология выступает как особое сложное пространство, требующая своих разметок и обнаружения. Важнейшими процедурами антропологического познания оказываются техники трансцендирования в виде транскогнитивизма и метакогнитивизма, направленные на прочерчивание антропологической границы (С.С. Хоружий) предельно возможного для человека в рамках данной духовной традиции. Правда, потом может оказаться так: то, что реально запределивает и снимает каждый раз любую антропологическую способность в предельных образцах, может быть положено в её ядро. Это прочерчивание границы предельно возможного для человека является одним из типов культуротехники, которая выходит за границы культуры как существующего и данного.

¹ *Выготский Л.С.* Исторический смысл психологического кризиса. // Собр. соч.: В 6 т. - М.: Педагогика. - Т. 1. - С. 291-436.

² *Шпет Г.Г.* История как предмет логики. Критические и методологические исследования. Часть 1. — М., 1916.

Глава 2

Антропологические матрицы сознания как предмет и проблема гуманитарного познания

Материалы данной книги посвящены одной из важнейших гуманитарных проблем — уровню коммуникативной связности существующих гуманитарных теоретических традиций. Принявшие участие в конференции учёные поставили своей задачей развернуть своеобразный несостоявшийся диалог между представителями весьма разных гуманитарных подходов — отца Павла Флоренского и Л.С. Выготского. Жившие приблизительно в одно и то же время, эти выдающиеся представители российской гуманитарной науки не участвовали во взаимодействии и в диалоге друг с другом, что можно, конечно, связывать с определённой прикровенностью и дистанцией, необходимой для самого факта существования и плодотворного творчества всяких сколько-нибудь выдающихся духовных научных фигур. Вместе с тем российское гуманитарное поле до сих пор остается разрезанным на несоприкасающиеся традиции важнейших гуманитарных подходов. С точки зрения участников конференции, по крайней мере, попытка преодоления данных разрывов во взаимодействии и взаимопонимании друг друга представителями этих разных духовных традиций является очень важным шагом рефлексирования и осмысления принципов организации гуманитарного знания как в каждой из них, так и гуманитарного знания в целом. Но, конечно, этот шаг на пути к диалогу ни в коей мере нельзя считать окончательным и состоявшимся. Это лишь некоторое и, на наш взгляд, небольшое важное продвижение в необходимом направлении в нужную сторону. Осуществлялась ли эта попытка участниками диалога в нужном месте в должное время, следует судить читателям данной книги.

Нам представляется очень важным, что аудиторией конференции стали представители разных гуманитарно-психологических и антропологических направлений исследований, которые смогли принять участие в данном диалоге.

Важнейший результат данной конференции — это постановка вопроса о соотношении и связи религиозно-метаполитической антропологии и культурно-исторической психологии. Казалось бы, отец Павел не может рассматриваться в качестве представителя политической антропологии, поскольку его работы посвящены исключительно проблемам религиозной антропологии и укоренённости в ней всех типов человеческой практики. Но такой замечательный религиозный мыслитель, как Е.Л. Шифферс, осмыслению творчества которого был посвящён специальный круглый стол данной конференции, на основании творческого осмысления работ отца Павла делает важный шаг именно в сторону политической антропологии. Знаменательный фильм Евгения Львовича Шифферса «Путь царей», в своё время вызвавший своеобразный шок и погружённость в молчание у многих людей, искренне заинтересованных в осмыслении путей развития России, является, безусловно, своеобразным политантропологическим манифестом, содержательные центры которого находятся в очень близком поле к работам Павла Александровича Флоренского. Строгий литургийный чин фильма, направленный на то, чтобы восстановить Голгофу последнего русского царя Николая II, перекликается с книгой П.А. Флоренского «Философия культа», целый раздел которой посвящён таинству помазания. Он, по свидетельству игумена Андроника (Трубачёва), писался накануне убийства большевиками царской семьи в Екатеринбурге. При этом мы, вслед за В.А. Малявиным, говорим именно о метаполитике, а не о политике, вводя особую метапредметность¹. Под метаполитикой мы понимаем особого типа рефлексивно-мыслительную предметность, которая позволяет выявить условия и возможности любых политических действий, политической коммуникации и политического мышления.

Несводимость и определённая противопоставленность работ, традиции Л.С. Выготского и наследия П.А. Флоренского создают условия для ситуации диалога и гуманитарно-герменевтических стратегий понимания, поскольку архитектоника содержания творчества одного и другого мыслителя отнюдь не выявлена и нуждается в специальном продумывании. Прежде всего, оказывается, что сознания мыслителей принадлежат совершенно разным типологически антропологическим матрицам. Собственно, отсюда

¹ О идее метапредметов см. работы Ю.В. Громыко: Метапредмет «Проблема». — М.: Пайдейя, 1998; Метапредмет «Знак». — М.: Пушкинский институт, 2001; Н.В. Громыко. Метапредмет «Знание», М.: Пушкинский институт, 2001.

происходит и подзаголовок конференции, который очень чётко был подмечен и обозначен членом нашего коллектива — О.И. Глазуновой. Сам этот поворот нам представляется весьма знаменательным и интересным: П.А. Флоренский и Л.С. Выготский — весьма разные и в чём-то взаимоисключающие фигуры, хотя сам характер этой взаимной исключенности ещё должен быть установлен. Очень важно, что и Л.С. Выготский и П.А. Флоренский вводят в антропологию и делают в ней операциональным центральное понятие — понятие культуры, освобождая тем самым антропологические дисциплины от субъективно-психологической редукции. Колоссальный успех культурно-исторической концепции Л.С. Выготского в США, где сегодня практически каждый университет имеет на том или ином гуманитарном факультете активного последователя данной теории, на наш взгляд, объясняется именно представлением о культуре, введённым Л.С. Выготским.

Это представление состоит в следующем: всякий рождающийся человек попадает в поле действия культурных образцов. Эти культурные образцы пронизывают взаимодействия ребёнка и взрослого. Именно культурные образцы закрепляют опыт деятельности предшествующих поколений при передаче их последующим поколениям. Опыт предшествующих поколений не передаётся человеку генетически. И всякий новорождённый появляется на свет абсолютно незащищённым и максимально раскрытым к действию обобщённого культурного содержания. Если ребёнок не осваивает в определённые жизненные периоды данные типы культурного содержания, когда он к ним наиболее чувствителен — сензитивен, то с маленьким человеком могут происходить необратимые изменения. Таким образом, культурно-историческая теория Л.С. Выготского намечает особую форму развития человека — антропогенез в культурнообустроенной среде. Но при этом, как это ни парадоксально, в культурно-исторической концепции остаётся нераскрытым понятие культуры. Остаётся неясным, что такое культура, культурные образцы и как действует культура, как осваиваются культурные образцы. Поэтому можно было бы сказать, что концепция Выготского — это антропогенез в культурнообустроенной среде, но без культурогенеза, без раскрытия особенностей процесса возникновения самой культуры. Но здесь мы бы обратили внимание на то, что как раз отсутствие исчерпывающего ответа на вопрос, что такое культура, и сделало концепцию Л.С. Выготского столь притягательной для американского потребителя. Во-первых, очевидные пустоты концепции сразу направляют большие группы

исследователей на то, чтобы эти пустоты заполнять выполняемыми работами, а с другой стороны, именно неопределённость понятия культуры позволила вписать эту концепцию в американский контекст.

Точка зрения отца Павла (П.А. Флоренского) на понятие культуры совершенно иная. Для этого выдающегося философа, естествоиспытателя, филолога и богослова всякая культура исторически растёт из культа, а само формирование культуры является ничем иным, как секуляризацией, омерщвлением культа, в ходе которого приходится забыть о личной включённости в культовое пространство. Поэтому процесс культуругенеза для П.А. Флоренского глубоко персоналистичен и интерперсоналистичен, основан на личной встрече человека с человеком в пространстве культа. Осваивая культурное содержание, человек обязательно переделывает себя, стремясь добровольно, в искреннем трепете и любви, сделать своё сознание подобным сознанию своего отца — родового предшественника. Для П.А. Флоренского культура не действует опосредованно и отчужденно, если только она, не омертвев и не орг говев окончательно, не превратилась в уже цивилизационные формы организации жизнедеятельности и не передаётся нам в виде орудий и инструментов. Культура, возникающая и формирующаяся внутри культового пространства, является одновременно процессом творения идеального и установления родовых связей происхождения и порождения. Именно в акте добровольного вторичного рождения от отца, в выявлении идеального знака предка человек устанавливает свою родовую связь со своим предшественником и обретает свою идентичность. Именно поэтому для П.А. Флоренского философской теорией культуругенеза является платонизм — развёрнутое учение о происхождении мира идей и одновременно ума человека — сложного сплава сознания и мышления.

Одной из величайших заслуг Л.С. Выготского является создание на основе его теории своеобразного плацдарма принципиально новой социальной практики развития — прежде всего практики развития средствами образования. Это было сделано в работах учеников и продолжателей, которых настолько увлекли идеи Л.С. Выготского, что им хотелось экспериментально проверить и реализовать идеи, выдвинутые Л.С. Выготским. Подобный тип социальной практики, построенный на основе проектных идей, у П.А. Флоренского отсутствует, если не считать практикой удивительную и вызывающую бесконечное почитание форму семейного воспитания

семьи Флоренских¹. Но, с другой стороны, искусственный проектируемый характер социальной практики оставляет в стороне вопрос об анализе условий происхождения целого ряда важнейших объективных «вещей» человеческой культуры — сознания, образов, символов, языка, поминальных обрядов, общности. Вопрос происхождения этих объективно существующих «вещей» культуры намечается и рассматривается в работах П.А. Флоренского. Мы не можем сказать, что данным философом создана исчерпывающая теории происхождения сознания, знания, символа, языка. Но подходы, связанные с возможностью заглянуть в странный мир антропокосмогонии, которая одновременно является процессом возникновения целого ряда «вещей» культуры в работах П.А. Флоренского, оказываются намеченными достаточно конкретно. Поэтому общее пространство соотнесения подходов обоих мыслителей может рассматриваться как спираль, то закручивающаяся внутрь, то раскручивающаяся вовне, когда каждый новый шаг познания форм происхождения вещей культуры (сознания, языка, символов) позволяет по-иному взглянуть на систему проектируемых социальных практик. А с другой стороны, каждый новый шаг проектирования, изменяющий смысл и механизмы социальной практики, ставит новые вопросы о строении и происхождение сознания, личности, языка и человеческих общностей (т.е. протосоциальности).

Одна из задач данной конференции состояла в том, чтобы поставить вопрос об антропологических матрицах — том предмете, который фактически начинает выделяться при целостном анализе человека в системе социальных практик. Хотя ни термина, ни понятия антропологических матриц ни у одного, ни у второго мыслителя в их произведениях не обнаруживается, но по мысли организаторов конференции (эта идея принадлежала члену нашего научно-исследовательского коллектива — Глазуновой О.И.) именно антропологические матрицы могут быть предметом, позволяющим сопоставить содержание систем и подходов этих двух авторов. Проведя конференцию, мы выяснили, что сходное представление об антропологических матрицах — матрицах сознания, в своих работах использует В.А. Малявин.

Что же такое антропологическая матрица? В нашем докладе на конференции, приведенном в данной книге, мы представили своё понимание антропологических матриц П.А. Флоренского и

¹ Благодаря работам А.И. Олексенко, эта сторона творчества отца Павла оказывается для нас теперь открыта.

Л.С. Выготского. Здесь бы мы хотели остановиться на общем понимании проблемы антропологической матрицы. На наш взгляд, антропологическая матрица является некоторой общей «развёрткой» представленности человека в его разных ипостасях. Антропологическая матрица позволяет выделять набор отдельных проекций целостного существования человека, в которых выявляются пределы его самовозрастания и развития. Антропологическая матрица является одновременно и структурным, и процессуальным образованием. Это — процессо-структура или структуро-процесс. Сам набор проекций задаёт определённую структурную организацию, но продвижение человека относительно граничных определений в каждой из плоскостей является процессуальной характеристикой. Возможен такой случай, когда продвинутость в одной из плоскостей, как единство процессуального и структурного описания, меняет набор самих плоскостей и их организацию.

Обсуждая устройство матриц, мы должны указать на пять важнейших характеристик матрицы, которые оказываются внутренне сплавленными в её устройстве.

Во-первых, матрица — это не что иное, как печать-трафарет, который отпечатывается на каждом антропологическом носителе, сохраняя свою неизменность. Поэтому для отцов церкви представление о монете как носителе образов мира не случайно является метафорой человека, созданного по образу и подобию Божьему. С этой точки зрения, человек является монетой двойной чеканки: на нём отпечатан образ Божий и поверх исходной чеканки (образа Божьего) осуществляется оттиск *imagines mundi* (образов мира). Эти два оттиска часто находятся в полной дисгармонии, но могут в соорганизованном виде одновременно проступать как на византийском солиде — первой и единственной прочной монете средневековья¹. Именно на солиде, как известно, изображался и портрет императора и лик Христа. Возможно, поэтому византийский солид и был долгое время единственной твёрдой монетой средневековья. Слова блаженного Августина указывают на возможность восстановления исходной чеканки по милости и благодати Божьей: «Мы — монеты Божий; как монеты из сокровищницы, ушли мы в скитания. В блуждании истерлось то, что было в нас запечатлено. Однако явился Тот, Кто обновит нас, ибо Сам нас создал, и Он Сам ищет монету Свою, как ищет свою кесарь. Поэтому **говорят: Отдавайте Богу — Богово, кесарю — кесарево, кесарю — монеты, Богу — са-**

¹ *Бутырский МЛ. Заикин АЛ. Золото и благочестие. — М., 2005.*

мих себя¹». С этой точки зрения, матрица есть не что иное, как парадигмальная организация сознания человека, а сам конкретный человек есть не что иное, как синтагматическая реализация этой парадигмы. Здесь возможен подход к человеку, как к языку, позволяющий рассматривать парадигмальный уровень существования человека как языка и реализационно-ситуативный уровень существования человека — как речи.

Второй взгляд на антропологические матрицы сознания предполагает представление их как системы взаимоотношающихся зеркал. Перебрасывание изображения с зеркала на зеркало, согласно Г.П. Щедровицкому, является важнейшей характеристикой и принципом работы сознания². Безусловно, данная идея сознания, как латунного покрытого патиной зеркала-таза, является очень древней идеей, получившей своё развитие, например, в системе китайского буддизма Сэн Джао. Идея матрицы, как системы зеркал, задаёт иной принцип работы с матрицей как целостностью, поскольку развёртывание матрицы предполагает различные виды отображений — например, целого на отдельный элемент матрицы или отдельного звена матрицы на другое отдельное звено. Но для того, чтобы сохранялась целостность матрицы, осуществление единичного отображения предполагает, что должны быть проделаны все отображения данного типа. Поскольку всякая матрица есть одновременно особым образом упорядоченный набор типов, то рефлексивные отображения являются общим способом развёртывания типологий.

Третий взгляд на матрицу предполагает представление её в виде системы досок — экранов мышления, на каждом из которых может появляться изображение. В этом случае весь набор досок является ничем иным, как единым сложным фасетчатым глазом, подобным глазу насекомого. В соответствии с этим третьим представлением матрицы сознания, матрица является живым непрерывно прозревающим/слепнувшим организмом, а не просто отпечатком на материале некоторого трафарета. Матрица сознания и её развёртывание являются своеобразным миром в мире, событием в мире, а её организация структурирует мир.

Четвёртое представление об антропологической матрице сознания предполагает соорганизацию в деятельности человека шести

¹ В кн.: Библиейские комментарии отцов Церкви. Новый Завет. Евангелие от Марка. М., 2001. *Августин Гиппонский*. Тракта́т на Евангелие от Иоанна. С. 196.

² *Щедровицкий Г.Л.* Принципы организации методологического сознания // Цикл лекций. — М., 1979.

процессов: функционирование; производство; воспроизводство; развитие; захоронение старых, отживших способов активности; управление развитием. Эти шесть процессов, в соответствии с идеями Г.П. Щедровицкого, являются базовыми для описания существования всякой сферы деятельности, такой, например, как наука, инженерно-геологические изыскания, гидроэнергетика и т.д. Но сферная форма организации универсума мыследеятельности точно так же переносима на базовый важнейший элемент всякой деятельности, её основу — человека. Человек, с этой точки зрения, и его сознание точно так же организованы сферно, захватывая всю бесконечную полноту деятельностной представленности. Эта деятельностная представленность в человеке не является машинно-технологичной, хотя сам человек может быть рассмотрен в одной из своих ипостасей одновременно как *automaton* — высший тип автомата автоматов, супермарионетка, подчиняющаяся, не задумываясь, улавливаемому божественно-небесному импульсу, от реализации которого ничто не отвлекает. Подобное мы наблюдаем, например, у мастеров боевых искусств высочайшего уровня. Поэтому тот способ, которым человек организует процессы собственного деятельностного функционирования, производства заданного продукта, воспроизводства своего жизненного уклада, свободного развития новых способов действия и форм организации жизни, управления развитием, является важнейшей характеристикой этого человека.

В этой области, на наш взгляд, развёртывается целый ряд важнейших проблем цивилизационного изменения основного назначения человека. Приведём только один пример: в своей книге «Тысяча плато. Капитализм и шизофрения» Жиль Делёз и Феликс Гваттари в невероятно насыщенной главе, посвященной Чингисхану, — «1227: Трактат по номадологии — машина войны», проводят важнейшее различие орудия и оружия, связывая орудие с включённостью в труд, а оружие — со свободным действием и возможностью экспериментирования с ним¹. Это подчёркивание

¹ См. «Конкретно, оружие как таковое соотносится не с моделью труда, а с моделью свободного действия при допущении, что условия работы реализуются где-то в другом месте. Короче говоря, с точки зрения силы, орудие связано со смещением по отношению к действию силы тяжести в системе высота-вес, а оружие привязано к системе скорость-вечный двигатель (и с этой точки зрения можно сказать, что скорость сама по себе — это оружейная система)». См. Gilles Deleuze, Felix Guattari. A thousand Plateaus. Capitalism and schizophrenia. 1987, University Minnesota Press.

того, что создание оружия связано со свободным действием, которое, с точки зрения авторов, осуществляют кочевники в оппозицию государству, создающему орудия и знаки¹, приводит нас к старому платоновскому различению «поэзис-праксис». Эта оппозиция, реконструируемая на основе анализа диалога «Государство», звучит для нас следующим образом: «поэзис» предполагает безответственное порождение любых технических новшеств, а «праксис» — нравственное действие, направленное на воспроизводство целостности жизни. С точки зрения авторов, продолжающих тему капитализма и шизофрении, сформулированную в их более ранней работе², расщепление человеческого ума является цивилизационной тенденцией, которую порождает западная капиталистическая форма жизни и хозяйствования. Проблема состоит в том, чтобы организовать разные импульсы — импульс автопоэзиса и импульс праксиса, связанного с воспроизводством и состраданием. В традиции русской философии линии этих двух импульсов, например, у А.Н. Бердяева, выступают как проблема организации творчества и святости. На наш взгляд, очень важной в этом контексте оказывается понятийная линия И.Г. Фихте, для которого автопоэзис передаётся хорошим немецким словом «*Die Selbsttdtigkeit*» — «самодеятельность». Поэтому проблема организации и взаимосвязи процессов саморазвития самодеятельности и воспроизводства в антропологической матрице является весьма актуальной, если только мы не хотим раскалывать любую цивилизационную систему на два лагеря — лагерь кочевников, формирующих машину войны, и лагерь конструкторов и организаторов государства.

Есть, наконец, ещё и пятое представление об антропологической матрице, на основе которого возможен синтез всех предшествующих представлений. Это пятое представление задаётся схе-

¹ Конечно же, для всякого исследователя, работавшего с творческим наследием Л.С. Выготского, возникает отношение к знаменитой работе данного автора «Орудие и знак». Становится очевидно, что плоскость рассмотрения орудие - знак должна быть дополнена плоскостью оружие — аффект. Очень интересно, что рассмотрению аффекта была посвящена последняя незавершённая работа данного мыслителя, связанная с изучением наследия Спинозы. Проблему оружия, в частности конциентального оружия, разрушающего идентичность и сознания, мы рассматриваем в своей работе «Оружие, поражающее сознание, что это такое?» — в альманахе «Кому будет принадлежать конциентальное оружие?» см. <http://www.dataforce.ru/-metuniv/consor/title.htm>.

² См.: Gilles Deleuze, Felix Guattari *Anti-Odipus*. Kapitalismus und Schizophrenic. — Frankfurt am Main, 1977.

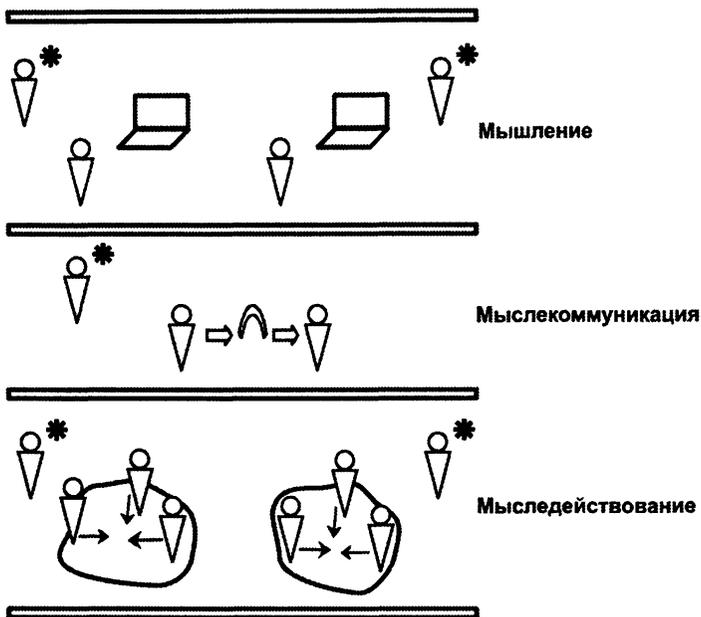

Схема 4. Схема мыследеятельности

мой мыследеятельности, предполагающей одновременное описание/реализацию трёх базовых процессов, в которые включён человек (см. *схему 4*).

Представление об этих трёх процессах может усложняться на основе «выворачивания» в каждый из процессов двух других процессов (см. *схему 5*).

Схема 5. Усложнение схемы мыследеятельности

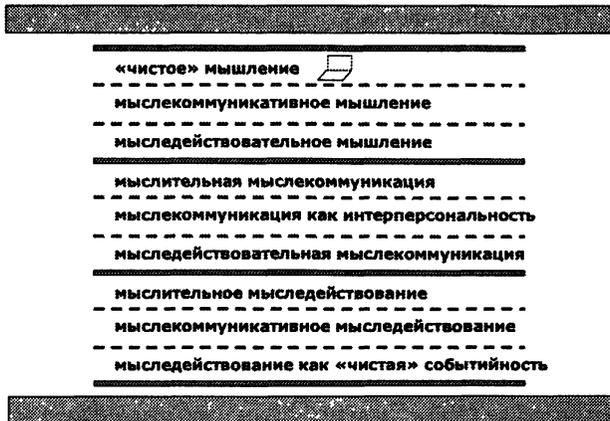

Схема 6, Результат усложнения схемы мыследеятельности

В результате этого выворачивания мы можем получить усложнённое представление о наборе процессов (см. *схему 6*).

Данный тип усложнения схемы мыследеятельности позволяет выявлять и намечать логику объективного усложнения представлений о процессах мышления, коммуникации и действия в ситуации. Но какое отношение эти процессы имеют к антропологическим матрицам сознания, помимо того очевидного момента, что сознание должно адекватно отражать усложнение и дифференциацию процессов, в которые включён человек?

Сознание оказывается одновременно включенным в осуществление и реализацию этих трёх процессов, но для этого эти три разных процесса должны быть представлены сознанию, на энергию которого они опираются как протомышление, протокоммуникация и протодействие.

Важнейшим моментом событийного сознания является ситуация встречи. Что такое онтика встречи — очень важный вопрос, поскольку это — случившееся, необратимое происшествие встречи. Диалектика со-бытия встречи и события с ударением на «ы» показывает, что происшествие должно ещё только состояться и сбыться. В противном случае бесконечные обмены репликами и коммуникации не приведут к со-бытию. Но при этом для каждого из участников пред-со-бытия, некоей возможности со-бытия есть предчувствие, особого рода мерило и критерий, который пробуждается или засыпает в этих предсобытийных коммуникативных обменах. Это предчувствие по поводу «быть», «существовать», «жить» и обнаруживается в некоторой пластике сознания,

с которой можно работать только в живом поле взаимодействия. Но само это поле, кстати, может быть мёртвым, и тогда для данной организации сознания может и диагностироваться (переживаться) как мёртвое. Тогда оно представляет либо гибель, либо счастливый момент «духовной жажды», выталкивающей к встрече в другом поле и другом уровне (другом теле?) иной событийности, например, с «шестикрылым серафимом», как у А.С. Пушкина.

Но если всё-таки важно разбираться, где, в каком теле и на каком уровне происходит встреча и происходит ли (или мы лишь находимся в особом типе сна — экспозиции бесконечных возможностей, что нечто может случиться и произойти, но ничего не происходит и не случается), с какими движущимися и меняющимися критериями — проживания, существования, наличной бытийственности — приходится иметь дело, то нам не миновать онтики, как и понимания, что в русско-санскритском иероглифе слова «событие» одновременно фонетически-морфологически-семантически разделительно-синкретически вычитывается:

«сангам», слияние, бытийствование разных существований (например, нас и Духа Святого), как подлинное существование, как начало, как протосуществование — с ударением на приставку «со»;

за счёт переноса фонетического акцента на другой звук (звук «ы») — происшествие — необратимость телеснопроисходящего; и пронизанность слова корнем «быть», «существовать» и, следовательно, вопрос о промыслительном удостоверении существования.

Поэтому, когда всё начинается с «бытия», а не с «со-бытия», это означает, что для так рассуждающего существа важны критерии, принципы, обеспечивающие удостоверение в существовании, а не момент протосоциальной возможности встречи. Вполне возможно, что для этого существа встреча уже произошла и не нуждается в её осмыслении и промысливании.

Когда всё начинается с события (*event*), для этого существа важно свершение и выход за рамки формальных возможностей.

А нам важно лишь указать, что могут быть три начала и три разных организации сознания, поскольку стремление настоять на каком-то одном исходном генезисе является одной из слабых форм эпистемического терроризма.

Можно сделать вывод, что для разных антропологически организованных сознаний может всё начинаться с бытия, с со-бытия

и с события, за которыми угадывается протомышление, протокоммуникация (протообщение) и протодействие, а также пересечение этих трёх разных процессов друг с другом.

Выделение этих процессов в сознании — протомышления, протообщения и протодействия — предполагает выявление своеобразных токов (гидродинамики) материала, на которых реализуется каждый из данных процессов. Понимание того, что, помимо выделения самих процессов, их организации, необходимо рассматривать динамику (токи) материала, образующего плывущую самодвижущуюся фактуру этих процессов, означает переход от формального системного подхода, при помощи которого описываются кибернетические системы, скелеты административных организаций и машины, к мультисистемному подходу, в рамках которого системы вкладываются в системы, системы рожают системы, и сам процесс подобного вложения и рождения тоже является системой. В соответствии с тремя процессами (протомышлением, протообщением и протодействием) могут быть выделены три типа материала, которые по преимуществу и создают основу этих процессов, — воззрительно-провидческий материал, лежащий в основе мышления; звуковые ряды и звучания, составляющие основу протообщения; и кинестетические образы телесной гравитации, образующей основу действия. Огрублённо мы можем сказать, что материал зрительных образов исходно составляет основу мышления, а материал слуховых образов — общение и коммуникацию и материал телесных переживаний лежит в основе действия. А процессы мышления, коммуникации, действия исходно оказываются включёнными в реальные общественные формы взаимодействия, контактов, противоборства с другими людьми и разворачиваются в конкретных социальных ситуациях. В этом случае процессы мыследеятельности, организованные как сплав процессов мышления, коммуникации, действия, захватывают и переорганизуют «вещи» социокультурного типа — знаки, машины, других людей, знания, понятия, телевизионный экран и текст интернет-портала. Конкретные процессы мыследеятельности существуют при опоре на эти вещи и во взаимопроникновении вещей и организуемых процессов. Хорошо известно, что в нашем сознании появляются мысли в ответ на то, что наше сознание воспринимает из текста книги, образов рекламы, телевизионного сообщения, ситуации взаимодействия с конкретным человеком. С этой точки зрения, процессы мыслекоммуникации вплавлены в конкретную социальную ситуацию и заряжены её энергией.

Но у сознания есть возможность другого режима работы, когда оно, опираясь на динамику (своеобразные токи материала процессов мышления, коммуникации, действия), выходит за границы и рамки социальной ситуации, осуществляя своеобразную трансценденцию с опорой исключительно на материал/энергетику самого сознания. Этот другой режим работы сознания, который состоит в том, чтобы по контуру материала сознания и психики прорисовать целое без опоры на существующее положение вещей, открепляясь от устройства сложившихся социальных вещей, собственно, и называется воображением.

Вплетение себя в материю визуально-провидческих образов, в слуховые провозвестнические шумы, в сдавливание позвоночника гравитацией может обладать такой силой и осуществляться с таким напором, что человек не просто готовит себя к некоторой ситуации близкого будущего на основе соединения воображения и перспективной рефлексии, но и выполняет упражнение святого, забегая в смерть¹. Возникающий оператор «имманентное нахождение в социальной конкретной мыследеятельности — трансцендирование за её границы, в том числе за рамки своих собственных возможностей, обнаруживаемых в ситуации процессов мышления, мыслекоммуникации, мыследействия» определяет переход от процессов мышления, коммуникации, действия, понимания и рефлексии к новым, пока не описанным процессам работы сознания и психики человека². Эту область работы выделения новых психоментальных процессов, разворачивающихся в поле аффективных, волятивных (или, если следовать идеям Б. Спинозы, мобилизационно-коннативных³) и воображительных (имагинативных) реалий, О.И. Генисаретский предложил называть психоматикой — учением о психическом.

Как мы уже указали выше, для того чтобы наметить совокупность новых психоментальных процессов, которые требуют специального изучения и экспериментальной работы с ними, следует

¹ См. на эту тему: Громыко Ю.В. Роман ЕЛ. Шифферса и мы: текст самодиагностики. — В кн.: Евгений Шифферс. Смертию смерть поправ. — М.: Русский институт. 2004.

² В этой области очень много намечено и сделано замечательным философом и антропологом О.И. Генисаретским, например, выделившим и описавшим такой новый ментальный процесс, как процепция.

³ Об особой роли коннатуса в рассмотрении процессов политической антропологии см. кн.: Антонио Негри, Майкл Хардт. Империя. — М.: Праксис, 2004.

проследить токи, движение специфического материала в процессах мыследеятельности — мышлении, мыслекоммуникации, мыследействовании. Проследить токи, движение материала для нас означает необходимость наметить направленность этих токов, этой динамики, а также выделить саму фактуру материала, с которой придётся иметь дело. Но в любом случае, в соответствии с идеей рефлексивных зеркал, нам будет необходимо замкнуть специфику динамики материала каждого из процессов на другие процессы мыследеятельности и на саму себя. Фактически нам необходимо заполнить следующую таблицу (см. *таблицу 1*).

Таблица 1

	Фактура материала (ФМ) мышления	ФМ мыслекоммуникации	ФМ мыследействия
Направленность динамики материала (НДМ) мышления			
НДМ мыслекоммуникации			
! НДМ мыследействия			

Отвечая на вопросы, фактически сформулированные в таблице, мы предполагаем, что базовая (исходная) направленность динамики материала мышления связана к экстатическим выходом за их собственные границы и способностью схватывать некоторое целое, в которое помещены сознание и сам человек, открывать космос и мир, в котором обнаруживает себя сам познающий этот космос. Базовая направленность процессов мыслекоммуникации, в которых ключевую роль играет понимание, лежащее в основе образования структуры смыслов, заключается в схватывании чужой направленности сознания — чужого, как своего. Это возможно, как справедливо указывает замечательный философ, исследователь китайской культуры Владимир Малявин, отсылая нас к реалиям китайской философии на основе общего (единого) сердца (сознания — «тун синь»). Динамика материала действия связана с улавливанием энергийного импульса, который образует основу состояний сознания и является абсолютно бескачественным, содержа-

тельно нулевым. Переходя к определению фактуры, специфики строения материала процессов мышления, мыслекоммуникации и мыследействия, следует сказать, что исходный материальный субстрат процессов мышления связан с воззрительными элементами провидчества. Фактура материала процессов мыслекоммуникации предполагает слуховое улавливание провозвестий. И, наконец, фактура материала мыследействия связана с телесным потенцированием, поскольку человек прикреплен к действию своим телом. В результате мы получаем следующую таблицу, которую необходимо заполнить. Заполнение клеток таблицы и позволяет выделить основной набор ментально-психических процессов, которые ещё только требуют исследования.

Таблица 2

	Провидение (воззрительность)	Провозвестие (слышимость- улавливание)	Телесное потенцирование (коинативность)
Экстазирование			
Сомыслие как смысл (схватывание чужой интенции)	Процелция		
Улавливание энергии иного импульса как состояние			

Клетки матрицы в настоящий момент являются пустыми, поскольку работа по их заполнению ещё только предстоит. В данном случае мы дали бы только несколько уточнений по поводу расшифровки процессов, намечаемых при помощи данной таблицы. Вообразительно-протомыслительные процессы, или, точнее, вплетающиеся друг в друга составляющие этих процессов, связаны для нас с воззрительно-провидческой компонентой. Это означает не схватывание того, что есть в действительности, но, скорее, символизирует фактический выход за горизонт привычного, «удобного» зрения. Прозреть всё-таки означает сделать что-то сложное с самим собой — и лишь после этого начинается реальное объективное видение вовне себя. Вообразительно-протокоммуникативная составляющая связана именно со схватыванием интенционально-шумового внешнего эффекта как своего собственного, как результата собственной активности. И, наконец, вообразительно-

протодействительный компонент предполагает обнаружение идущего через собственную телесность импульса и вложение этого импульса в предмет активности.

Обобщая строение таблицы, можно сказать, что названия столбцов указывают тип фактуры — воззрительность, слышимость, мощность импульса, а по строкам ее указан сам тип направленности — выход вовне, принятие извне, пропускание через себя (и для этого превращение себя в канал для протекания импульса). С этой точки зрения, выделенная и описанная О.И. Генисаретским процепция является вообразительно-протокоммуникативной способностью сознания (в смысле *facultas* с лат. — «возможностью»), осуществляемой в материале воззрительности. Приставка «про» указывает на включённость в траекторную целостность процесса целиком, как, например, в словах «продумывать», «прослушивать», «прочувствовать», а латинская составляющая корня «цепцио»¹ указывает на схватывание. Процепция — это «прохватывание» целого, в котором осуществляется движение.

Следующий шаг после выявления всего набора названий данных процессов состоит во введении в данную таблицу вещей особого рода, на которых осаждается энергетика данных процессов, — таких, как знание, схема, символ, орудие, оружие и т.д. В результате подобной работы мы сможем построить антропологические матрицы сознания, которые позволят поставить в соответствие русским понятиям ума, разума, озарения, просветлённости не менее сложную динамику, например, санскритских понятий — манас, чета, дхья, будхи, бхавана, праджня.

¹ От латинского *capere* — «схватывать».

Глава 3

А что всё-таки можно сделать в глобальном мире при условии установления взаимопонимания между представителями разных цивилизаций, конфессий, культур и этносов?

Вообще-то, сделать можно довольно много разного и своеобразного. Но сначала всё-таки лучше восстановить представление об источниках богатства — вопрос, который, как известно, был поставлен в политической экономике Риккардо и Адамом Смитом. Их ответ, что источником богатства народов является труд, а также рыночные обмены продуктами труда, требует серьёзных уточнений, поскольку необходимо ответить на более важный вопрос: что же из себя сегодня представляет труд?

Появление нематериального или идеального труда, эмоционального труда, основанного на заботе, может создать ложное представление о том, что носитель подобного труда, деятель совершенно независим от места труда. Он может творить в любом месте, где результаты подобного интеллектуального труда высоко оплачиваются. Поэтому носитель идеального труда, символический аналитик, согласно Райху, свободно перемещается по миру в поисках за более высокими результатами вознаграждения, следуя известному принципу «*Ubi bene, ibi patria*» — «Где хорошо, там и родина¹». И, как показывает в своих работах Иммануэль Валлерстайн, люди из третьего развивающегося мира, получив хорошее образование, неизбежно будут перебираться в первый мир за более высокими условиями жизни.

Но одно дело, если нас интересует рекрутинг и наём символического аналитика, и другое дело — если мы хотим регулярно подготавливать десятки или даже тысячи символических аналитиков высшей квалификации. Но при каких условиях нам необходимо производить столько символических аналитиков? Не лучше ли сбросить их подготовку на аутсорсинг, и самим не заниматься этим, а свои усилия потратить на то, чтобы специализироваться в области конкурентоспособности продукта, который производят символические аналитики? В условиях, когда знание во всё боль-

¹ Имеется, конечно, в виду не партия Д.О. Рогозина и С.Ю. Глазьева.

шей степени превращается в товар, а основной тип продукта — системы производства, загрязняющие среду, системы высшего образования базового уровня, не самые элитарные высшие этапы подготовки, может быть, вообще следует сбросить и перенести в другие регионы или даже третьи страны? А наивысшие уровни подготовки, которые закрепляются в самых престижных дипломах, обеспечивающих наиболее высокий уровень зарплаты, важно сохранять в своей собственности.

Но что это нам до боли напоминает? На что этот способ организации деятельности становится всё более и более похожим? Он становится похожим на подготовку аудиторов — символических аналитиков в области работы с организацией движения финансовых потоков. Аудиторская фирма, чтобы быть прибыльной, не нуждается в корпорации или экономическом университете. Аудитор должен знать, как ведутся документы в образцовой корпорации. Он должен иметь фундаментальное финансово-экономическое образование. Но внутри аудиторской фирмы не будет ни корпорации, ни университета. Другое дело — высшие аудиторские курсы и особый специальный диплом для аудиторов, зарекомендовавших себя и имеющих специальный опыт работы. Это способ создать бренд-марку собственной фирмы.

Но может быть другой тип организации мыследеятельности, при котором новое знание и новые способы фундаментального образования во многом формируются из анализа и принципов организации деятельности в конкретной экспериментальной корпорации, в сложнейшей системе практики, которая специально проектируется и осуществляется. Никакого «аутсорсинга» при такой организации деятельности не происходит. Важно соорганизовать и связать в единое целое инновационную практику производства, фундаментальную практико-ориентированную науку и фундаментальное образование. При этом речь не идёт о создании натурального хозяйства, когда все институциональные элементы выстраиваемого целого хоть и плохие, но всё-таки свои. Данный способ работы оказывается совершенно необходимым, когда создаются новые технологии, новые типы инфраструктур или на основе новых технологий модернизируются старые инфраструктуры. В том случае, когда осуществляется производство давно отработанного известного продукта, спрос на который в принципе понятен, такая форма работы, конечно же, не нужна. Надо «разрезать» структуру отработанного продукта на функциональные части и закреплять их изготовление в субконтрактах с внешними организациями,

у которых более дешёвая стоимость труда и более дешёвые ресурсы, а практически всё производство выносить вовне. Но, следовательно, проблема при подобной системе производства отнюдь не сводится к риторическому вопросу: «Зачем мне делать всё, если есть те, кто умеет это делать лучше?» Задавая данный вопрос, мы упускаем саму по себе главную предпосылку, которая позволяет этот вопрос задавать: уже известно, как делать продукт, который имеет фиксированный спрос, то есть прекрасно понятно, о каком продукте идёт речь.

Но ведь можно делать продукт, который никто не умеет делать. И никто не знает, получится ли этот продукт или необходимый эффект, — например, создание систем левитации, позволяющих преодолеть силу притяжения земли. Вот в этом случае, когда осуществляется революционное разработческое действие по получению пионерского продукта или пионерской технологии, выносить что-либо на *outsourcing* не представляется возможным, поскольку этого никто не умеет делать и никому этого не передашь.

Но, рассуждая подобным образом, мы выделим два идеальных типа — с одной стороны, рутинный, хорошо известный продукт, а с другой стороны — принципиально новую технологию. И эти два идеальных типа задают крайние точки некой шкалы. Обычно на эти идеальные точки приходится совсем немного реальных случаев, а все основные события оказываются именно между этими крайними точками. Конечно, можно постоянно проводить модернизацию и обновление всех традиционных продуктов и всех традиционных технологий. Может быть, в этом и заключается основное призвание России — создавать бесконечное число принципиально новых продуктов и принципиально новых технологий, используя революционирующий потенциал науки и фундаментального образования. Однако, если мы будем лишь копировать продукты и технологии, которые созданы в других странах, и создавать инновационную экономику по образцу Японии, у которой не было двухсотлетнего опыта развития института фундаментальной науки, то мы угробим собственный потенциал и потеряем свою идентичность.

Но каким образом можно организовать системы производства так, чтобы в их пределах постоянно происходило обновление технологий и создание принципиально новых продуктов? И кто будет оплачивать подобную работу? Ведь эти принципиально новые продукты просто не могут еще иметь устойчивого спроса! И вообще далеко еще не вполне понятно, что может быть получено в резуль-

тате их внедрения. Подобный тип продвижения можно организовать только в одном случае: если это будут так называемые прорывные мобилизационные программы, включающие в себя проекты по созданию и развитию всего набора жизнедеятельностных, инженерно-технических, энергетических, транспортных, информационных и эпистемических инфраструктур, включающие разнообразные знания и стандарты мышледеятельности.

Инфраструктура представляет собой своеобразную «вторую», «третью» природу, которая, с одной стороны, является продуктом человеческой деятельности, специально конструируется и создаётся людьми, но после своего создания она оестествляется и начинает существовать как естественное условие для развёртывающейся на ней следующих этажей деятельности. Для того чтобы инфраструктура воспринималась как естественное условие деятельности, она должна быть избыточной. В этом случае инфраструктура не замечается и начинает выступать как среда для развёртывающейся на ней деятельности.

Мы не обсуждаем здесь целый ряд гуманитарных инфраструктур — таких, например, как правовая инфраструктура или международная финансовая инфраструктура, поскольку в настоящее время встает вопрос о принципиальном преобразовании глобальных гуманитарных инфраструктур — правовой и финансовой. И условием этого преобразования являются как раз материально-технологические инфраструктуры и идеальные эпистемические инфраструктуры, на основе которых может быть осуществлено, например, преобразование международной финансовой системы, поскольку именно создаваемые принципиально новые материальные инфраструктуры и определяют стоимость денег.

Попробуем пояснить данную мысль.

Нам представляется, что в настоящее время всем становится всё более ясно, что встраивание в чужие эпистемические, правовые и финансовые инфраструктуры является принципиальной ошибкой. Основу гуманитарных инфраструктур составляет переговорный процесс между субъектами, сохраняющими собственную идентичность и способными вести переговоры и предлагать масштабные проекты. Развал СССР, как форма сдачи горбачевским и ельцинским руководством Советского государства, привел к тому, что мы стали встраиваться в финансовую архитектуру долларовой системы с плавающим обменным курсом валют. Россия своими природными богатствами, экспортом нефти, золота, алмазов, вывозом капиталов поддерживала данную финансовую

архитектонику. В настоящий момент эта финансовая архитектура находится в системном кризисе, и возникает вопрос о её преобразовании. Важнейшим направлением преобразования является предлагаемый проект международной группой Линдона Ларуша — возврат к периоду до 1972 г, когда существовала жёсткая привязка доллара к золотому эквиваленту. В нескольких странах мира (в Италии и на Филиппинах) в этом году депутаты парламентов приняли обращение к своим правительствам о проведении международных конференций для обсуждения проекта новой архитектуры международной финансовой системы. В конце июня 2005 года в Берлине проходил второй международный семинар, организованный Шиллер-институтом, журналом «Intelligence Executive Review» и лично Линдоном Ларушем, на котором обсуждалась проблема преобразования международной финансовой системы. Были высказаны две точки зрения на принципы подобного преобразования. Одну из них осветил член-корреспондент РАН, доктор экономических наук С.Ю. Глазьев. Он сказал, что обсуждать новое строение финансовой системы могут только страны, у которых есть золотовалютные резервы. Страны, у которых золотовалютных резервов нет, а есть лишь задолженности¹, не могут определять устройство финансовой системы. Другая точка зрения принадлежит организатору семинара Линдону Ларушу, в соответствии с которой необходимо определить стоимость самого измерителя стоимости (то есть денег) в новой международной финансовой системе. На взгляд Линдона Ларуша, эта стоимость денег определяется масштабными инфраструктурными проектами, которые могут быть реализованы за одно-два поколения (25-50 лет), определяющими увеличение создаваемой стоимости в масштабах мировой экономики. С точки зрения Л. Ларуша, США в случае кардинального изменения экономической промышленной политики могут претендовать на участие в разработке масштабных проектов развития инфраструктур в Евразии и Америке. Подобная точка зрения предполагает, что стоимость денег определяется тем, что именно на данные деньги может быть создано и в какой мере то, что будет создано, приведёт к росту мощности в различных инфраструктурных системах. На наш взгляд, здесь мы налицо видим деятельностный подход к организации мировой финансовой системы: деньги определяют не рост самих денег, но рост полезной мощности различных систем.

¹ Известна огромная внутренняя и внешняя задолженность США.

Нам представляется, что в настоящий момент было бы очень полезно провести на основе специального ролевого сценария организационно-деятельностную игру «Изменение международной финансовой архитектуры и позиция России» для того, чтобы проработать различные сценарии действия. Но, возвращаясь к теме нашей книги, следует отметить, что самоопределение «*Russians*», выводящих их в субъектную позицию по отношению к глобальному целому, состоит в возможности предложить масштабные инфраструктурные проекты, реализация которых, безусловно, определяет важнейшую роль России в формировании новой финансовой системы, которая прежде всего и необходима для того, чтобы финансировать эти проекты.

Разработка подобных проектов возможна на основе макрорегионального развития совместно с Германией, например, в Калининградской области, которая может стать плацдармом продвижения немецких передовых технологий в Евразию, с Китаем и Японией — на Дальнем Востоке, с Казахстаном, Арменией, Узбекистаном и Ираном — в центральной Азии. Это, прежде всего, могут быть крупные транспортные, энергетические, водные, телекоммуникационные проекты, предполагающие создание в дальнейшем коридоров развития по всей Евразии. При разработке подобных проектов мы начинаем рассматривать процессы глобализации на основе макрорегионализации.

Но как реализовывать инфраструктурные мегапроекты, если Россия в последние 90 лет знала всего один тип мобилизационного действия — сталинские шарашки? Совершенно очевидно, что нам нужна новая формула разработки и реализации инфраструктурных мегапроектов. В основе этой формулы должна лежать связь эффективного действия транснациональных русских (*Russians*) корпораций, сформированных на основе их стратегического партнёрства с государством, и территориального внутреннего инфраструктурного развития России. Основная предпринимательская схема транснациональной корпорации заключается в том, чтобы переносить производство в те страны, где труд более дешёв и более дешёвы ресурсы, а конечный продукт следует предлагать на рынке развитых стран. В западных странах стоимость рабочей силы крайне высока из-за необходимости социального обеспечения, связанного с оплатой пенсионных накопительных фондов, страховой медицины, оплаты комфортного жилья. В странах третьего мира стоимость рабочей силы на порядок ниже, поскольку в этих странах социальное воспроизводство (жильё, образование,

медицина, пенсионное обеспечение) оплачивается минимально. Поэтому трудящиеся сведены до уровня рабочего скота. В результате в настоящий момент происходит деиндустриализация целых регионов развитых стран (Великобритании, США, Германии, Франции).

Нашей стране нужна совершенно другая политика в области формирования транснациональных русских (*Russian*) корпораций. При поддержке государством транснациональные русские корпорации должны формировать свою систему производств в других странах мира — прежде всего для того, чтобы осваивать принципиально новые инновационные технологии, знакомиться со стандартами качества производства, на основе которых можно удовлетворить потребности западного искушённого потребителя¹ или реализовывать прорывные инфраструктурные проекты, которые приведут к совместному (с другой страной) созданию новых технологий. Затем эти новые технологии должны переноситься в Россию, и на основе освоенных стандартов должен разрабатываться и патентоваться свой собственный стандарт качества. Конечно, здесь отношения могут оказаться значительно более сложными. Например, очень важно перекрепить русских менеджеров, обеспечивающих сбыт западных качественных товаров на внутреннем рынке, на русские корпорации с тем, чтобы резко поднять требования к качеству и инновационности российских товаров.

Отдельный принципиальный вопрос — это обеспечение углеродным сырьём (газом и нефтью) Европы и Азии. В условиях мирового финансового кризиса долгосрочные договоры о поставках углеводородов могут обеспечить стабильность во взаимоотношении крупнейших стран. Но сверхприбыль от деятельности этих корпораций должна быть направлена, в первую очередь, на: разработку научных проектов, обеспечивающих потребление принципиально новых источников энергии, прежде всего — водородных двигателей; создание масштабных проектов управления природными ресурсами в масштабах всей Евразии, что возможно только на основе учения Вернадского о биосфере и ноосфере, а также на инфраструктурные проекты; создание проектов инфраструктурного развития российской территории.

¹ Хотя сегодня западный потребитель часто удовлетворяет свои запросы низкокачественным, но невероятно дешёвым китайским ширпотребом.

Безусловно, всеми этими аспектами необходимо целенаправленно заниматься. Сегодня же можно определенно утверждать, что в России нет промышленной политики. Отсутствует и политика формирования транснациональных русских корпораций.

Таким образом, одним из важнейших узлов действия является формирование транснациональных русских корпораций и одновременно с этим инфраструктурное развитие территорий, поскольку рост населения возможен только в том случае, если жителям России будут создаваться инфраструктурные условия для обеспечения жизнедеятельности, коммуникации и продуктивной занятости. Само по себе «жильё» не может стать русской идеей. Только если у русского человека есть «Дело», тогда «Дом» приобретает принципиальный и огромный самоочевидный смысл.

Для решения вышестоящих задач необходима программа мыследеятельностных исследований, позволяющая сопоставлять и принципы действия крупных российских и международных корпораций в различных областях практики, и формы и методы инфраструктурного развития территорий, и принципы разработки и управления крупными инвестиционными проектами, и формы организации инфраструктур различного типа, обеспечивающих эффективность практической деятельности.

В настоящий момент мы попытаемся сформулировать основные причины отсутствия у русского человека Большого Мирowego Дела, определяющего его идентичность.

Глава 4

Россия между аморфной потестарностью и мировой политкорректностью. Насколько структура государственной власти адекватна миссии России в XXI веке?

В существующем сложившемся варианте российская государственная власть не адекватна задачам развития российского общества. Российское общество для того, чтобы быть процветающим, должно быть патерналистским, то есть обеспечивающим высокий уровень защиты и поддержки для каждого своего гражданина, создавая условия для того, чтобы представитель нового поколения получал шанс на свой личный успех, а не повторял судьбу родителей. Конечно, родители всегда будут стараться обеспечить своему ребёнку максимально высокий старт, создать для него благоприятные условия для личного роста. Но российское общество может существовать только как особого типа большая патерналистская семья — в том случае, если некоторый достаточно высокий уровень старта обеспечивается для каждого члена этой семьи. Это означает, что в России должна быть создана некоторая единая социально-гуманитарная инфраструктура детства и старости, обеспечивающая поддержку и защиту фактически каждого жителя России.

Россия должна заново заселить и переосвоить свои территории. Безусловно, это переосвоение и заселение не может осуществляться равномерно по всей поверхности, что предполагает рассредоточивание, распыление достаточно небольшого человеческого ресурса. Это должны быть точки, пересечение нескольких точек, коридоры, зоны. Это региональное и территориальное переосвоение России должно, прежде всего, быть основано на росте численности собственного населения, а не на включении в чахлую российскую экономику иммиграционных потоков. Конечно, в какой-то мере, казалось бы, проще пригласить иммигрантов из других стран — из средней Азии, например, — и передать им все функции обслуживания городов, выделив им для обеспечения их существования определённые ниши неперспективного труда. Но возникает вопрос: и что же, мы будем строить общество сегрегации, не вступая в органические взаимодействия с этим пришлым

населением, не заключая браки с ним? Такое невозможно. Это предполагало бы создание изоляционистского сегрегационного общества, что, безусловно, привело бы к гибели России.

Рост населения России должен быть осуществлён за счёт создания условий для рождаемости собственного населения, а не за счёт заселения центральных областей России представителями других национальных государств.

Это требует другой социальной политики, другой гуманитарной политики и другой политики занятости. Деторождение нельзя сделать прямой задачей населения. В этом состоит недостаток и ошибочность демографических доктрин прямого действия. Демография является системой косвенных показателей благополучия населения на территории и в мире. Благополучие населения не может быть связано только с бытовым довольствием — оно обязательно предполагает духовную компоненту и ответ на вопрос, какие Russians (русские) делают на планете дело, какому делу они служат, поскольку это «Дело», энергия этого дела даёт желание жить и создаёт интерес к жизни. Отсутствие у россиян нынешнего интереса к жизни является самой острой и принципиальной проблемой, которая и является причиной вымирания и сокращения населения.

Другое качество жизни на территории предполагает работу с сознанием населения. Переход от потребительского развлекающегося сознания к сознанию служения является важнейшей и принципиальной задачей. Как должно быть устроено это сознание, по каким законам могут развиваться формы организации такого сознания — это отдельный вопрос, который предполагает проведение специальных исследований.

Важнейшим условием подъёма жизни в России в условиях глобализации является создание нескольких разных зон профессиональной деятельности, в которых должны быть разные условия социальной защищённости и возможности получить доступ к личному богатству. Мы видим, прежде всего, шесть таких больших секторов — сфера поддержания функционирования, модернизации и развития универсальных инженерно-технологических инфраструктур общего пользования; сфера экспериментальных и инновационных зон, коридоров развития, на которых создаются новые технологии и элементы новых инфраструктур; сфера транснациональных русских корпораций; сфера среднего и малого частного бизнеса; сфера гуманитарных инфраструктур общего пользования; сфера государственной службы. Повышение реального благопо-

лучия и развития России в условиях процессов глобализации состоит в том, чтобы организовать и построить самостоятельное развитие каждого из секторов, и при этом организовать взаимодействие этих разных секторов для достижения единых общих целей. Такими целями для согласованного действия шести перечисленных секторов являются переход России к новому техносотциокультурному укладу и инфраструктурное переосвоение территории России. По отношению к реализации данных целей у каждой из шести сфер должны быть свои функции. У сферы инженерно-технических инфраструктур общего пользования задача заключается в том, чтобы повышать эффективность функционирования и эксплуатации существующих инфраструктур, приближаясь к мировому уровню по эффективности использования имеющихся инфраструктур, снижая издержки и повышая рентабельность, а также создавая условия для модернизации существующих инфраструктур. У экспериментально-инновационной сферы задача состоит в том, чтобы на основе фундаментальных научных исследований и разработок осуществить переход к созданию технологий следующего поколения и обеспечить выход для страны к организации нового техносотциокультурного уклада. У сферы транснациональных русских корпораций задача состоит в том, чтобы зарабатывать деньги для социального обеспечения населения и финансирования фундаментальных исследований и проектных разработок, шаг за шагом переходить от продажи за границу сырья к продаже товаров с высокой добавленной стоимостью, а также, конкурируя на внешнем рынке, повышать качество товаров и услуг. У сферы малого и среднего бизнеса задача состоит в том, чтобы расширять спектр предоставляемых услуг самого высокого качества на всё большие территории и зоны страны. У сферы гуманитарных инфраструктур общего пользования, к которым относятся образование, здравоохранение, средства массовой информации, задача состоит в том, чтобы создавать условия для развития человека и его участия в творческой деятельности на протяжении всей жизни. У сферы государственной службы помимо обеспечения безопасности и территориальной целостности страны задача состоит в том, чтобы организовать взаимопонимание между представителями этих разных сфер во имя единого продвижения страны в будущее. Этот взаимный договор между важнейшими разными сферами по поводу инфраструктурно-территориального переосвоения России при одновременном участии страны в глобальной экономике может рассматриваться как метакорпоративный дого-

вор населения страны. Нам надо сложить новую форму получения богатства страны и договориться о различных функциях в этом процессе.

Нам очень важно, чтобы вал изобретений, связанный с созданием новых технологий, при переходе к новому техносциокультурному укладу реализовывался бы на территории самой России, а не в других странах.

В этих условиях для России при взаимодействии с другими странами необходимо предъявить представление о территориально-инфраструктурном глобально-мировом развитии. Феномен развития должен быть «осаждён» и реализован на территории самой России. Очень важно понимать, что развитие является глобально-мировым явлением. Не может быть американского развития или немецкого развития. Развитие — это всемирный процесс. Поэтому высказывается точка зрения, в соответствии с которой развитие нельзя организовывать или проектировать, поскольку развитие должно произойти, развитие по своей «природе» событийно. Но развитие можно подготавливать. И развитие, являясь моментом всеобщего, захватывает в своей структуре и формы организации сознания, и знания, и институты, и технологии. Дилемма состоит в следующем: либо будут сформированы условия для развития и Россия совместно с другими странами может быть лидером новых процессов развития, либо вселенную ждёт экологическая и социальная катастрофа, связанная с распространением зоны «мятежной» на всё большее число стран, и необратимое уничтожение биоресурсов планеты. Именно Россия, опираясь на потенциал прорывной науки, могла бы стать в этой области лидером, предлагая общие принципы продвижения в будущее.

Для этого необходимо заявить свою позицию страны-лидера, проектирующего условия для глобального мирового территориально-инфраструктурного развития и отстаивать эту позицию во взаимодействии с другими государствами.

Сегодня же мы находимся в условиях непрерывного передела власти внутри страны, демонстрируя мягкую политкорректность по отношению к США вовне. «Прежде чем быть сильными, надо быть умными», — сказал на конференции по проблемам международного терроризма член-корреспондент РАН В.Н. Кузнецов. И действительно, прежде чем предпринимать какие-либо действия, нужно понять, в каком глобальном мире мы находимся. В этом глобальном мире США также непрерывно осуществляют передел геополитической власти, либо расширяя зону своего непосред-

ственного влияния, либо создавая очаги, где отсутствует какая бы то ни было власть — там идёт постоянная мятежевойна. Наша же страна в период правления Б.Н. Ельцина фактически провалилась в ситуацию разрушения государственной власти, и поэтому мы сейчас находимся один на один с различными типам потестарностей — проявлениями разных типов произвола и возможностью бесконечных исчислений и конвертации одних потестарностей в другие. Чтобы жить в такой стране, необходимо постоянно осуществлять исчисление власти на самых разных уровнях. Власть не образует единую социальную инфраструктуру, которая работает на гражданина, поэтому все мы работаем на разобщённую, плохо организованную, фактически догосударственную власть. Типичным примером таких догосударственных потестарностей является Кавказ, в частности, Чечня и Дагестан, с влияниями различных региональных баронов, интернационализацией конфликта, способами экономических воздействий и возможностью покупки любых административных чинов и т.д. В.В. Путин много сделал для восстановления государственности и ухода от архаичной догосударственной разобщённой потестарности, различных властно-силовых, властно-экономических и властно-родовых форм господства. Именно поэтому сегодня В.В. Путин воспринимается многими как символ восстановления государственности и национально-цивилизационного единения. Но все эти разнообразные типы потестарностей уравниваются друг с другом лишь тогда, когда в сознании у жителей страны формируется государственная идентичность, и они понимают, в каком государстве и ради чего они живут.

Если эта идентичность не будет сформирована, то у власти отберут её население и, прежде всего, молодёжь. Как раз на это и направлены «оранжевые революции» — своеобразный новый тип войн и бунтов против власти, связанный с изменением идентичности молодёжи. Эти бунты организуются через включение молодёжи в неординарное, необычное поведение. Участвовать в этих специально организованных акциях весело, «прикольно», потому что участник через приобщение к нестандартному поведению отличается от других, тех, кто ведёт себя обычно. Таким образом, здесь перед нами предстает антропологическое управление молодёжным поведением по типу моды — за счёт отделения одной возрастной когорты от другой, за счёт формирования другой манеры поведения, другой лексики, позволяющей сформировать специальный символ, знак, отличающий тебя от «толпы», серых, неярких других, которые смирились со своей участью. Формируется спе-

циальное пространство творческого нестандартного действия. Другое дело, что предмет этого действия ничтожен — поведенческое самовыражение, позволяющее выделиться независимостью и противопоставлением тем, кто подчиняется существующей власти. Далее важно сделать только одно — противопоставить это нестандартное поведение законопослушанию и продемонстрировать, что власти можно не подчиняться. И это «приколбно»: можно нарушать любые приличия и любые формы уважения социального порядка.

Рассматривая данный тип индуцированной вызванной идентичности, мы должны признать, что она отличается от трёх типов идентичности, описанных и выделенных Мануэлем Кастеллсом — проектной идентичности (*project identity*), идентичности сопротивления (*resistance identity*), легитимизирующей идентичности (*legitimizing identity*)¹, поскольку получается, что данная специально выведенная гибридная идентичность включает в себя все перечисленные три. Это — проектная идентичность, поскольку она обращена на будущее, на то, чего ещё нет. Эта идентичность специально выводится лабораторным образом и имеет определённое название — идентичность подлинно проектного поведения. Одновременно это — идентичность сопротивления, идентичность, направленная против сегодняшней официальной власти, нацеленная на разрушение её имиджа, на противопоставление ей, на разрушение самого механизма законопослушания. Но в то же время это и идентичность легитимизирующая, поскольку легитимация здесь происходит через демонстрацию присвоения подлинных демократических ценностей и борьбы с «лживыми и подлыми бюрократами», «коррупцированными чинушами», «подлыми олигархами», которые, «присвоив общенародную собственность», не дают народу демократически себя чувствовать и проявлять. Таким образом, как нам представляется, все эти три типа идентичности являются не типами, а характеристиками процесса идентификации. И вполне возможно, что, когда выводят гибридную идентичность для специального управления поведением большой массы людей, приходится проходить через все эти три этапа процесса идентификации. Сначала надо спроектировать образец нового притягательного поведения, новый притягивающий образ опыта. Далее этот новый тип поведения необходимо противопоставить массовому поведению законопослушных жителей и власти. Данный тип поведения

¹ См. не переведённый на русский том Manuel Castells «The information age: economy, society and culture, volume II. The Power of Identity. The construction of identity, London, 2002. — Pages 6-12.

и действия являются формой сопротивления власти. После этого надо легитимизировать данную идентичность как служение определённым ценностям, построить рефлексивное отнесение сложившегося образца поведения к ценностям определённого уровня и класса. Здесь мы видим очень большое сходство выводимого нового гибрида идентичности для управления поведением с «экономикой опыта», когда потребителю надо показать не товар, не услугу, а заманчивую новую форму поведения при употреблении данного товара и услуги. Управление потребительским поведением на основе рекламы нового для него опыта, новой формы жизни, намного более эффективно, чем управление этим поведением просто за счёт демонстрации товара и услуги. Экономика опыта — это некоторый эрзац опыта развития и тяги всякого человека к развитию, к желанию стать другим, более эффективным, более успешным, чтобы сделать свою жизнь более содержательной.

«Оранжевые революции» — это особый тип «бунтов идентичности», направленный на насаждение специальных гибридов идентичности, выведенных в заморских лабораториях, например в институте им. Альберта Эйнштейна. Управление на основе включения людей в особые формы идентичности — более эффективный способ управления человеческим поведением, чем рефлексивное управление, предложенное в своё время В.А. Лефевром, «когда я знаю, что ты знаешь и как ты знаешь меня». Размыкание В.А. Лефевром внешних и внутренних границ, внешней сферы наблюдения и внутренней стороны сознания выглядело даже как своеобразное чудо, когда вы могли на основе специальных процедур читать сознание другого человека. Но сегодня пришло время внешним образом конструировать сам внутренний мир человека, его внутренний движитель поведения. Безусловно, это — вторжение во внутренний интенциональный мир сознания, который давно осуществляет реклама. В этой области можно построить контрпроекты управления идентичностью и создать специальные группы молодёжи, которые будут создавать альтернативные притягательные формы управления молодёжным поведением, ещё более операциональные и ещё более дерзкие. Например, возможно спроектировать способ действия рекламобойцев (*adbusters*)^x, направленных на мгновенное дезавуирование и уничтожение притягательного смысла действия любой политической рекламы, или подготовить молодых ребят, которые могут за счёт особых демонстрируемых состояний

¹ См.: Мелани Клайн. No Logo. 2003.

сознания вызвать ужас *у flash mob*, остановить её и перепрограммировать.

Проблема же формирования наведённой, индуцированной идентичности располагается совсем в другом. Она связана с разрывом поколений и отсутствием пространства для встречи поколений, внутри которого может произойти самоопределение и присвоение идентичности личностного продвижения и рывка. Дееспособное поколение (поколение отцов) и поколение дедов оказываются не способными передать молодёжи прорывные стратегические видения и свои собственные задачи, выполнение которых должно быть продолжено. А, следовательно, и непонятно: в какое же, собственно, наследование вступает поколение 18-25-летних¹? Получается, что задач, на основе которых можно было бы строить будущую Россию и продолжать то, что делали предыдущие поколения, просто нет. А поэтому возникает возможность встраивать в сознание молодёжи специально сконструированную идентичность, либо создавать отряды молодых антропологических опричников для взлома способов действия на основе индуцированной идентичности. Почему приходится идти на такие жертвы? Просто потому, что у страны до сих пор нет идеологии, а средства массовой информации не понимают, что необходимо удерживать государственный контур, внутри которого и должно строиться действие. Может дешевле, чем создавать молодёжное движение «Наши», провести работу по оформлению идеологии и назначить министра культуры, который сформирует эффективное действие средств массовой информации?

Но борьба на поле изменения сознания и слома традиционной российской идентичности усиливается. Пример — материал С. Варшавчика, Н. Орловой и А. Терехова, опубликованный 8 августа 2005 г. в «Независимой газете»:

Медийные доллары против диктаторов из СНГ
Госдепартамент США определил, кому и сколько он будет платить за поддержку демократии

Американский Госдепартамент во вторник выступил с заявлением, что собирается на территории ряда постсоветских республик

¹ См.: результаты реализации проекта «Поколение», подготовленного в своё время в 1997-1998 гг. Е.А. Курнешовым, Ф. Дмитриевым, А.А. Андриушковым, К. Красильниковым под руководством Ю.В. Громько и Ю.В. Крупнова, а сегодня — статьи О.И. Генисаретского, продолжающие и углубляющие эту тему. В журнале «Поколение» было опубликовано замечательное интервью Е.Л. Шифферса.

реализовать ряд проектов, направленных на демократизацию населения и защиту прав человека. Речь идет в первую очередь о финансировании независимых СМИ Киргизии, Казахстана, Таджикистана, Азербайджана. Как известно, это делается в рамках соответствующей программы Госдепа, куда, наряду с бывшими республиками СССР, входят несколько десятков стран Азии, Африки и Латинской Америки. На эти цели всем странам участницам программы из соответствующего фонда выделено 43,7 млн. долларов.

Как заявила «НГ» в посольстве США в Москве, «Соединенные Штаты твердо намерены оказывать поддержку людям во всем мире в их стремлении к построению сильных демократических обществ, которые дают гражданам возможность активного и прямого участия в принятии решений как органами местного самоуправления, так и региональными и верховными властями». По словам сотрудника пресс-службы, реализация финансирования проектов осуществляется сотрудниками американских посольств в странах-донорах.

887 тыс. долларов достанется Таджикистану, где, по замыслу американских дипломатов, планируется открыть 5 независимых от местной власти радиостанций с обучением журналистов, которые будут на них работать, а также спонсировать новостные радиопрограммы. В Казахстане задуман мощный новостной интернет-портал, который должен будет служить «узлом связи» между независимыми казахстанскими изданиями. Его стоимость американцы оценили в 557 тыс. долларов.

Что же касается Киргизии, то на тамошние независимые СМИ внешнеполитическое ведомство США выделило сумму в 350 тыс. долларов плюс еще 613 тыс. долларов на создание к уже имеющимся в стране трем информационным центрам демократии еще пяти. 540 тыс. долларов на такие же центры в ближайшее время будут направлены и в Азербайджан. В этой кавказской стране оппозиционеров будут обучать искусству вести пропагандистские кампании, благо осенью должны пройти парламентские выборы в Узбекистане, в городах, где недавно были жестоко подавлены антикаримовские выступления, Андижане и Карши планируется создание общественных центров (стоимость которых оценена в 80 тыс. долларов), где всех желающих будут бесплатно консультировать адвокаты.

Еще 300 тыс. долларов выделено негосударственным журналистам и неправительственным организациям Киргизии, Казахстана, Таджикистана, Туркмении и Узбекистана.

«НГ» обратилась к российским государственным учреждениям с просьбой прокомментировать ситуацию, однако в департаменте информации и печати МИДа сообщили, что официальный представитель ведомства Александр Яковенко сейчас находится в отпуске, и попросили прислать вопросы в письменном виде по факсу. Подобная картина наблюдалась и в другом заинтересованном ведомстве — Федеральной службе безопасности, в Центре общественных связей которого обозревателя «НГ» попросили прислать запрос, пообещав ответить в течение недели, максимум — полторы. Как пояснил сотрудник центра, «мы экстренно отвечаем, только если что-то касается ФСБ — где-то захват заложников, взрыв и т.д.».

Что же касается реакции госструктур стран-получателей финансовой помощи, то она по большей части оказалась сдержанно-выжидающей. Так, по словам руководителя департамента информации МИД Таджикистана Игоря Сатарова, «мы понимаем, с чем связано такое внимание журналистов к внешнему финансированию. И хотя оно было и раньше и никаких нареканий не вызывало, главное, чтобы деньги, предназначенные на СМИ, не уходили в другую сторону».

В Узбекистане заявление Госдепа США было воспринято с гораздо большей напряженностью. Директор правительственного Агентства информации и печати Узбекистана Бабур Алимов от комментариев уклонился, однако источник в руководстве МИДа пояснил, что «в случае негативной реакции официального Ташкента на планы Соединенных Штатов никакого финансирования не будет».

Что касается Киргизии, то, судя по всему, в Бишкеке единое мнение еще не выработано: и пресс-служба президента, и МИД уклонились от комментариев на эту тему. Однако, по словам источника «НГ» в новом правительстве республики, официальное мнение Бишкека будет зависеть в том числе и от переговоров с Ташкентом.

В администрации президента Азербайджана с осторожностью отнеслись к инициативам Госдепартамента. Заместитель заведующего общественно-политическим отделом администрации президента Назим Исаев сообщил «НГ», что не берется комментировать «этот вопрос, сперва надо изучить этот документ». В отличие от него председатель Совета по прессе Азербайджана Афлатун Амашов заявил, что приветствует решение Вашингтона, поскольку «эта помощь позволит азербайджанской прессе вырваться из фи-

нансовой зависимости и объективно отражать события, происходящие в стране».

Российские же политологи не видят в действиях Госдепартамента каких-либо враждебных для России действий. В интервью для «НГ» эксперт Московского центра Карнеги Алексей Малашенко заявил, что, несомненно, для российских властей такой шаг американцев будет болезненным раздражителем, поскольку у них может возникнуть впечатление, что если сегодня США финансируют оппозиционные СМИ в соседних с Россией государствах, то завтра могут начать давать деньги российским СМИ с целью создания оранжевой революции. Однако, по словам политолога, он бы не стал переоценивать роль СМИ в изменении общественной ситуации. По мнению Малашенко, «обладание телевидением еще не означает, что его владельцы будут владеть всем, что, кстати, показывают и опросы. Телевидение при всей его силе и влиянии — это не стопроцентный фактор, который формирует общественное сознание, что и доказывает пример Украины».

Эксперт центра Карнеги подчеркнул, что деятельность СМИ и свершившиеся в Грузии и на Украине революции не очень тесно взаимосвязаны и, по его мнению, «во всем произошедшем была огромная доля случайности». Что же касается действий США, то «такие вещи американцы делали всегда, «всю дорогу», — например, в 40-е годы в отношении Франции и Италии. Это типично американский подход — думать, что если повлиять на прессу, то это вызовет какие-то общественные пертурбации. Я бы такие вещи не преувеличивал».

Между тем в Госдепартаменте США называют серьезные перемены. Речь идет о предстоящем реформировании этого ведомства, которое, по мнению администрации Белого Дома, должно соответствовать современным приоритетам. Особый акцент при этом делается на содействие демократии. По мнению главы ведомства Кондолизы Райе, должность замгоссекретаря по глобальным вопросам необходимо переименовать в заместителя госсекретаря по вопросам демократии и глобальным вопросам. Эта мера, отметила Райе, призвана способствовать прогрессу в реализации президентской повестки по укреплению свободы и институционализировать продвижение демократии. Появится также новый пост — заместителя помощника государственного секретаря по вопросам демократии. Нововведение направлено на рационализацию усилий США по продвижению демократии.

Что получит Россия

В этом году от всех американских государственных учреждений на развитие демократии в России выделено 43 млн. 440 тыс. долларов, на гуманитарные программы — 8 млн. 500 тыс. долларов, на проведение экономической и социальной реформ — 33 млн. 170 тыс., на обеспечение безопасности (в том числе и на охрану ядерных объектов) и улучшение работы правоохранительных органов — 828 млн. 420 тыс. долларов.

Проекты Фонда прав человека и демократии в 2004/2005 финансовом году

(Выдержки из справки Госдепартамента)

ФПЧД поддерживает инновационные программы, предназначенные для укрепления демократических принципов, поддержки демократических институтов, продвижения прав человека и построения гражданского общества в странах и регионах мира, имеющих решающее геостратегическое значение для США.

Фонд поддерживал в прошлом и поддерживает в настоящее время следующие программы (по Европе и Евразии):

- информационные центры за демократию в Киргизской Республике (613 000 долл.);
- лидерство женщин в Таджикистане (500 000 долларов);
- информационные центры за демократию в Азербайджане (540 000 долларов);
- проект по участию женщин в политической жизни в Казахстане (400 000 долларов);
- женские адвокатские центры в Таджикистане (350 000 долларов);
- «Фабрика новостей» в Казахстане (557 000 долларов);
- центры государственных защитников в Узбекистане (80 000 долларов);
- независимая сеть радиовещания в Таджикистане (887 000 долларов);
- независимая типография в Киргизской Республике (350 000 долларов);
- подготовка репортеров по правам человека в Центральной Азии (300 000 долларов);
- проекты малых грантов посольствам (477 000 долларов)».

Организуемые концентрированные войны, основанные на сломе и изменении идентичности, связаны со сценариями больших гео-

политических переделов. Совершенно очевидно здесь решение Кондолизы Райе, самой популярной женщины планеты — сделать всё для внедрения американских ценностей на всём земном шаре. И здесь, конечно, первенство должно принадлежать высоким гуманитарным технологиям, связанным с формированием идеалов действия России сегодня в мире, определением её миссии и также созданием условий для самоопределения молодёжи относительно этой миссии. Здесь у России нет никакого другого выхода: либо она становится страной — духовным лидером, либо она гибнет, поскольку лидерство — это энергичный коридор экспансии в будущее. Либо всей своей прошлой жизнью, всем своим прошлым опытом ты подготавливаешься, чтобы занять в этой точке достойное место. Если возможности и функции лидерства непонятны, не за чем жить, не за чем превозмогать неудобства, испытания, лучше переместиться в более комфортные условия жизни и жить как все.

У России сегодня есть все шансы стать страной-лидером нового цивилизационного строительства в условиях невероятного геополитического усиления и одновременно социально-экономического и идеологического ослабления США. Но для этого необходимо понимать две вещи, почему самая лучшая западная институциональная экономика ведёт к гибели население страны, почему невозможно восстановление улучшенного, изменённого СССР-2, СССР-3 и т.д.?

Сейчас очень традиционной является точка зрения о том, что в России ничего не известно про настоящую институциональную экономику, а не экономику «невидимой» руки рынка двухсотлетней давности — по Адаму Смиту. Основу институциональной экономики образуют различные экономические институты, которые и выступают субъектами рынка. При подобном подходе Карл Маркс может рассматриваться как первый экономист-институционалист. Такой субъект рынка, как фирма, организована вокруг пучков контрактов, которые и образуют юридически зафиксированную ответственность. Если институциональные каркасы различных институтов рынка рассматривать только в виде ограничивающих условий, то институциональная экономика является всего лишь одним из ограничений, по отношению к которому необходимо выстраивать стратегию действия, двигаясь сквозь структуру экономических институтов как через своеобразные среды. В этом случае проблема состоит в том, чтобы занять метаинституциональную позицию и определиться, как в данной среде действовать. Если же институциональная экономика выступает в качестве самоцели и задаёт

жёсткую необходимость подводить под структуру институтов жизнь и самоорганизацию общностей и различных людей, то ничего кроме «зачистки» до мёртвого пепелища социокультурного ландшафта данной страны не произойдёт. Если в глобальной мировой экономике конкурируют различные институты различных стран, то выигрывает тот, кто понимает, на каких принципах действуют органически пророщенные общности в каркасах-скорлупках институтов, в чём отличие принципа действия общности, в которой существуем и действуем мы. Сама по себе институциональная экономика не содержит некоторого органико-энергийного позыва на экспансию — его как всё живое порождают сами общности и люди, она лишь представляет собой набор ограничений. Но, безусловно, очень важно понимать, на основе каких общностных принципах формируются сетевые структуры мировой экономики. Например, Мануэль Каstellс в томе «Подъём сетевого общества», ссылаясь на работу Николая Биггарта и Гари Хамильтона, утверждает, что сеть японских фирм задействует коммунитарную логику, а сеть корейских фирм — логику рода и китайских фирм — логику наследования по мужской линии¹. Рассматривая саму организацию фирм в Японии, Корее и Китае, Мануэль Каstellс пишет следующее: «В Японии бизнес-группы организованы вокруг сетей фирм, которые взаимно владеют друг другом (*kabushiki mochiai*) и основные компании которых управляются менеджерами. Существует два подтипа подобных сетей:

1. Горизонтальные сети, основанные на сцеплении разных рынков между большими фирмами (*kigyo shudan*). Эти сети простираются на большое число экономических секторов. Некоторые из них являются наследниками *zaibatsu* гигантских конгломератов, которые управляли японской индустриализацией и торговлей до второй мировой войны перед их формальным и неэффективным роспуском во время оккупации США. Три самые старые сети — «Митцуи», «Митцубиси» и «Сумитомо». После войны три новых сети были организованы вокруг главных банков — *Fuyo*, *Dao-ichi Kangin* и *Sanwa*. Каждая из сетей имеет собственные источники финансирования и конкурирует во всех основных областях деятельности.

2. Вертикальные сети (*keiretsu*), построенные вокруг *kaisha*, больших специализированных индустриальных корпораций, включаю-

¹ См. *Manuel Castells. «The information age: economy, society and culture», volume I, The Rise of the network society, London 2001, Page 195.*

щих сотни, а порой и тысячи поставщиков и вспомогательных организаций. ...

...Корейские сети (*chaebol*), хотя исторически возникли под воздействием японской *zaibatsu* являются более иерархическими, чем их японские двойники. Их основная отличительная черта состоит в том, что все фирмы в сети контролируются центральной холдинговой компанией, у которой есть определённый владелец, включая членов его семьи. Вдобавок центральная холдинговая компания поддерживается правительственными банками и контролируемые правительством торговыми компаниями....

...Китайская бизнес-организация основана на семейной фирме (*jiazuqiye*) и межсекторальной бизнес-сети (*jiatuanqiye*), которые часто контролируются одной семьей. ...

Ключевой компонентой китайской бизнес-организации является семья. Фирмы представляют собственность семей, и их базовые ценности касаются семьи, а не фирмы. Когда процветает фирма, процветает и семья. Таким образом, после того, как было накоплено достаточное богатство, оно делится между членами семьи, которые инвестируют его в другие бизнесы, чаще всего никак не связанные с деятельностью исходной фирмы. Иногда форма создания нового бизнеса, по мере того как семья накапливает своё богатство, становится межпоколенной. Но если этого не случается при жизни основателя фирмы, это происходит после его смерти. Это, в отличие от Японии и Кореи, составляет семейную систему оснований на наследование по отцовской линии и равного деления наследства между сыновьями таким образом, что каждый сын получит свою долю семейного актива для того, чтобы начать свой собственный бизнес. *Wong*, например, считает, что удачные китайские бизнесы проходят через четыре фазы в трёх поколениях — фаза возникновения, централизации, сегментирования и дезинтеграции, после чего начинается новый цикл¹».

Отличие формы организации китайской экономики от японской и западной Мануэль Кастеллс объясняет на основе как раз институциональной экономики, обращаясь к одному из её выдающихся представителей — Норту. «Без надёжного государственного навязывания права собственности вам и не требуется быть конфуцианцем для того, чтобы связать своё доверие с родством,

¹ См. *Manuel Castells*. «The information age: economy, society and culture», volume I, The Rise of the network society, London 2001, Pages 190-194.

а не с правовым контрактом на бумаге. Отнюдь не случайно, что как раз активная включённость государства в навязывание прав собственности, как показал Норт, а отнюдь не недостаток его вмешательства, выступила в качестве решающего фактора в организации экономической активности при осуществлении рыночных сделок между свободными индивидуальными деятелями. Когда государство не действует для того, чтобы создать рынок как в Китае, семьи делают это сами, оставляя государство в стороне и встраивая рыночные механизмы в социально сконструированные сети¹». Но из подобного утверждения следует совершенно другое рассуждение. Государство должно раздробить общности, семьи и другие неформально действующие организации или, по крайней мере, ослабить органические связи и естественные привязанности до отдельных индивидов, связанных формальными правовыми контрактами, для того, чтобы начали действовать механизмы рынка отработанного западного образца. Но ведь институциональная экономика — это дисциплина объяснения того, что без знания институциональной экономики случилось в истории. Это не техническая дисциплина проектирования эффективных рыночных институтов. И мы сегодня прекрасно знаем, что техническое действие, основанное на понимании, и объяснение, возможно, вообще никак не связаны.

Можно научиться делать ременную передачу, но объяснить её, как писал выдающийся учёный XX века Побиск Кузнецов, современная наука до сих пор не в состоянии. Почему же нам надо во второй раз разрушать, как уже получилось один раз с марксизмом, органические общности, чтобы соответствовать какому-то типу объяснения западных процессов формирования рынка, которые весьма разрушительны? И разве не разрушение семейных общностей на Западе привело к тому, что европейские нации не воспроизводятся естественно, а вместо этого происходит их старение? Россия тоже находится на самом пороге разрушения возможности воспроизводства народонаселения.

Но, с другой стороны, Россия — не Китай, например, потому что у неё есть фундаментальная практико-ориентированная наука, на основе которой можно создавать новые технологии и новую инфраструктуру. Населению должны быть предложены проекты создания новых технологических производств и новые формы заселения страны на основе её нового инфраструктурного переосвое-

¹ Там же. - С. 197.

ния — создания всего набора гуманитарных и инженерно-технических, коммуникационных, транспортных инфраструктур, обеспечивающих нормальные условия проживания в разных точках страны. Государство должно являться держателем программ инфраструктурного и технологического развития и обеспечивать долгосрочное кредитование по разработке и реализации проектов, из которых состоит программа. А реализовывать эти программы могут на конкурсной основе любые типы организаций — от крупных корпораций до небольших фирм. Таким образом, как нам кажется, в настоящий момент для мобилизации населения должны быть предложены одновременно две большие программы, на которые могут тратиться деньги стабилизационного фонда и прибыль от продажи углеводородов: программа, для реализации которой необходимы стратегические типы занятости на ближайшие 50 лет, предполагающие создание новых технологий и новых типов инфраструктур, и программа переселения России. Стратегические типы занятости, обеспечивающие прорыв к новому социокультурному технологическому укладу и комфортное поселение, образуют двуединое основание благополучия населения. Обращение к духовному служению и телесно-социально-бытовому благополучию образует необходимое двуединство мобилизации русских (Russians) — нации-цивилизации. Но основной принцип формирования субъектности действия в глобализованном мире — создание взаимосвязанного межинституционального единства — практико-ориентированной фундаментальной науки, развивающего образования и прорывной промышленности — может быть перенесен и на другие страны и континенты. Это трёхинституциональное единство определяет национальный суверенитет сегодня в глобализованном мире.

Этот принцип, как показывает профессор М.Д. Дворцин, фактически и складывался в СССР, который был вынужден нарастить достаточно развитые все три сферы — сферу практико-ориентированной фундаментальной науки, сферу образования и сферу производства. С точки зрения Линдона Ларуша, известного американского экономиста-диссидента, противника режима Буша, основное противопоставление Франко Делано Рузвельта действию Великобритании в колониях состояло в передаче новых технологий населению колоний и тем самым подлинное их освобождение. Но освоение передовых технологий не освобождает страну от колониальной зависимости, осуществляется переход от «твёрдого» колониализма к «мягкому». Ведь кто-то технологии дол-

жен уметь разрабатывать и создавать. Для этого, кроме сборочных технологизированных производств, должны существовать фундаментальные исследования и проектно-конструкторские разработки, а также фундаментальное образование. Именно этот путь осуществлялся на всей территории СССР.

Если считать, что Россия в структуре СССР, возникновение которого определялось целым рядом исторических обстоятельств, продолжала создавать новую цивилизацию, то сегодняшняя задача России - вынести этот цивилизационный принцип на пространство всего мира в диалоге с другими цивилизациями. Зачем нам пытаться воспроизводить Советский Союз, зачем повторять лагерь, ВОСР, дело врачей, кукурузизацию и брежневскую геронтократию? Зачем так бороться за Болгарию и развитие Прибалтики? Всё равно они нас продадут при первой обещанной коврижки. Ни онемечивание Прибалтики, ни отуречивание Болгарии для этих народов ничего не означает. Для реализации нового цивилизационного принципа на пространствах бывшего СССР слишком тесновато и скученно, как в коммунальной квартире. Новый цивилизационный принцип требует масштабов всего мира. Конечно, первоначально этот цивилизационный принцип необходимо осознать. Следует понять, кто может являться полноправным наследником данного принципа, а кто от всего уже отказался и мечтает «жить, как вся Европа». Следует отметить, что реализация данного принципа — воспроизводство полномасштабных производительных сил, включающих согласованное развитие трёх сфер — сферы фундаментальных исследований и проектных разработок; развивающего образования; сетевых производственных платформ, - является своеобразным набором конструктивных элементов, из которых ещё должно быть выложено и выстроено кластерно-территориальное развитие, в каждом случае весьма конкретное. Таким образом, мы здесь видим определённый шаг восхождения от абстрактного к конкретному.

Необходимо осознать себя как отдельную цивилизацию, у которой есть свой государственный принцип, необходимо понять себя как национально-цивилизационное государство, за которым стоит определённая традиция.

Понять себя так - означает обнаружить себя в диалоге с другими цивилизациями, реализующими свой принцип суверенного национального государства, — прежде всего с великими евразийскими цивилизациями, но точно так же с США, цивилизациями Южной Америки и Африки.

Этот диалог, как справедливо указывает Линдон Ларуш, сводится к банальностям британской этноантропологии¹, обслуживавшей британскую империю, крупные британские корпорации и британско-голландские финансовые семьи, если не ставится задача преобразовать существующую глобальную финансовую архитектуру, изменить существующую мировую финансовую систему. Изменение этой системы возможно только на основе предложения прорывных долгосрочных инфраструктурных проектов, реализуемых совместно с другими странами.

Реализация прорывных долгосрочных инфраструктурных проектов возможна на основе цивилизационного принципа, предполагающего воспроизводство трёх взаимосвязанных сфер, — фундаментальной науки, развивающего образования и инфраструктурных производственных сетей.

Этот конструктор предлагаемых решений должен реализовываться в виде проекта конкретного территориально-пространственного развития.

Результатом его реализации является преодоление мальтузианского принципа сокращения численности населения и переход к безграничному росту народонаселения, способного осваивать всю территорию планеты, а далее — реализацию космического императива и выход в космос. Конечно, подобная стратегия требует формирования другого, уже планетарно-ответственного сознания.

На наш взгляд, подобная цивилизационная стратегия России предполагает переход от **миродержавности как миродержимордности**² и мироодержимости к мировому лидерству. Мировое ли-

¹ Из данного утверждения не следует, что в британской антропологии нет работ и исследований, которые не обслуживали бы британский империализм, или что французские или советские этнографы не обслуживали интересы своих государств, или что ангажированность исследователей напрямую определяет уровень их исследовательских результатов.

² Как ни крути, «мировая держава» переводится на английский язык как world power. Получается, что нашим миродержавистам не за что «держаться»: господин Бжезинский уже предложил похоронить World Power для США и двигаться к World Leadership на основе предложения всему миру своих ценностей. Мы же очень хотим быть самозначимыми и лепить из А, а за аксиопрактиками (формами работы с ценностями), как давно показал О.И. Генисаретский, стоят высокие гуманитарные технологии и то, что трансформирует идентичность. Короче, здесь перед нами встает ситуация необходимости гуманитарного манёвра, о чём просто и гениально сказал на одном из закрытых совещаний по терроризму член-корреспондент В.Н. Кузнецов: «Прежде, чем быть сильными и миродержавными, давайте будем умными». И здесь, как всегда, прав Кот Матроскин из Простоквашина: «Не денег нам не хватает — ума нам не хватает».

дерство предполагает цивилизационный принцип, который стоит за страной и относительно которого может выстраиваться диалог с теми, у кого есть другие цивилизационные принципы. Этот диалог по поводу разных цивилизационных оснований и есть новый способ познания мира и его цивилизационных основ. Подобная стратегия не должна рассматриваться как идея новой перманентной революции в духе Троцкого, хотя способ мыслить искомое решение и лежит в масштабах действительной кафоличности — всемирности и всеобщности, является нормальной реализацией принципов святых отцов и немецкого классического идеализма. И разве не является один из самых умных помощников Дж. Буш-младшего сегодняшний президент Мирового Банка Пол Вулфовиц, настоящий «неокон», одновременно сионистом и троцкистом с молодых ногтей, то есть человеком, который ищет глобальные решения? То, что для него при обнаружении этих глобальных решений, как и для Льва Троцкого, не важны затраты человеческих ресурсов, тем более, если речь не идёт о гражданах США и Израиля, — это как раз проблема иных ценностей. А нам не хотелось бы рассыпать русских (*Russians*) в пыль для реализации каких-то миродержавных идей.

С этой точки зрения, можно утверждать, что поскольку развал СССР и угроза существования русской (*Russian*) цивилизации определялись мировыми процессами и являются мировым феноменом, то восстановление русского лидерства (*Russian leadership*) в мире тоже требует глобальных всемирных самоопределений *Russians*. Здесь очень важны баланс и мера концентрации, самоуглубления, закрытости, даже изоляции от всего остального мира и, наоборот, максимальной открытости, экспансии (если вдруг позовут и попросят). Поэтому не правы изоляционисты, предполагающие изолировать Россию от всего остального мира в условиях глобализации. Неправы и «раскрыватели» страны настежь, вплоть до потери самих себя и своей идентичности. Нам очень важно понимать, какой цивилизационный принцип мы несём в остальной мир. Возможно, что мы никогда и не выйдем с этим принципом в глобальный мир, но знать, что стоит за основаниями нашего диалога с другим миром, за нашим предложением, нам очень важно. Понимание цивилизационного принципа, с которым мы выходим в глобальный мир и включаемся в диалог с другими носителями равномогущих принципов, позволяет закончить период глобализации и перейти к постглобальному миру.

Мир глобализации — это Эйкумена, разрушающаяся из-за безудержной экспансии ограниченного набора технологий на всю вселенную, разрушающих биологическое разнообразие в мире, а также распространения на всех жителей мировой деревни весьма ограниченного круга ценностей, уничтожающих их идентичность. А пост-глобальный мир — это мир антропологических гетерархий, где хранители разных цивилизационных принципов могут обсуждать их различия и сходства во имя решения общих задач.

Так в чём же состоит миссия русских (*Russians*) в сегодняшнем глобальном мире?

Часть вторая

**РУССКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ
И МИССИЯ РОССИИ**

Глава 5

**Миссия России (Russians). Русские как интегратор Евразии.
Соединение старой Европы и азиатских цивилизаций.
Цивилизационное распредмечивание:
формирование цивилизации, которой ещё не было**

5.1. Развалилось ли СНГ? Или у России просто нет своего геополитического проекта?

Заполонившие средства массовой информации утверждения об окончательном развале СНГ после победного шествия «пёстрых» революций являются, на наш взгляд, своеобразным прикрытием, дымовой завесой реальной проблемы сложного выбора, перед которым стоит Россия. СНГ являлся рыхлым советским наследством, по отношению к которому никто до сего времени не предъявлял никакого геополитического проекта. Единственным самоочевидным проектом являлась вялая постсоветская ностальгия, которая многим казалась самоочевидной: отмотай плёнку назад, восстанови Советский Союз-2, Советский Союз-3 — и всё будет нормально. Вялые дружественные объятия и пылкие неискренние речи, амбиции и походы на поклон к другому заявившему о своих претензиях на пространство СССР хозяину — вот интонации СНГ-политики.

Но набухающий организм мирового имперского монстра требует новой пищи. Растущему организму необходимо питание. И поэтому помчавшиеся на поклон за океан Саакашвили и Ющенко обрели в лице американской администрации надёжную защиту. Но о каком развале и закрытии СНГ может идти здесь речь? Просто Россия находилась в перепутанном неструктурированном комплексе ненужных её людей и связей, которые она никак не хотела упорядочить, везде пытаясь найти прямую коммерческую выгоду. Но, более того, обломки Союза можно было бы собрать хотя бы во что-то, если при этом иметь геополитический проект, сопоставимый по мощности со сталинским геополитическим проектом мирового социализма. А этого проекта никто и не строил. Поэтому СНГ как был, так и остался кучей уже ненужных строительных

материалов. Но так часто бывает. И как только объявился хозяин подобных строительных материалов для создания другой нероссийской конструкции, стало очевидно, что эти материалы очень нужны. Но для чего, господа?

С нашей точки зрения, несмотря на наших соотечественников, находящихся в трудных условиях в государствах СНГ, Союз Независимых Государств не является исходным первым концентром создаваемого геополитического пространства России. За СНГ, как мы уже говорили, не стоит никакого геополитического проекта, за исключением разве что ностальгически-реконструкционного.

Подлинным проектом России, определяющим её миссию, является создание условий для технологического и социокультурного развития Евразии. Построение коридоров развития, о которых пишет и говорит известный оппозиционный бушевской администрации политический деятель Линдон Ларуш, технологическое перевооружение производств, освоение слабозаселённых пространств Евразии и построение практики соразвития между государствами старой Европы и динамичными самыми густонаселёнными государствами Азии при центральном участии России — вот те перспективные миссионерские задачи, которые должна взять на себя Россия. Не глобалистскую геноцидально-мальтузианскую концепцию золотого миллиарда, но программу соразвития Евразии с выходом к новому техносциокультурному укладу необходимо предложить ведущим государствам Евразии, для которых центральным моментом является феномен российской фундаментально-разработческой науки. Собственно, объединение в единой сфере соразвития старой Европы (Франции, Германии, Испании) с Азией (Китаем, Индией, Ираном) через Россию и вокруг России задаёт весьма чётко прорисовываемую оппозицию американской имперской концепции.

Подобный геополитический проект мы называем проектом Ивашова-Примакова, поскольку именно ими впервые была озвучена идея о необходимости выстроить квадрат взаимодействующих стран в Азии (Россия-Китай-Индия-Иран). Замечательный исследователь геополитики Вадим Цимбурский считает даже, что для подобной структуризации геополитического пространства необходимо перенести столицу России за Урал, тем самым символически зафиксировав волю и стремление к определённому геополитическому строительству. Но нам кажется, что в этот уточняемый проект соразвития должна быть обязательно втянута технологически развитая Европа (прежде всего, французские и германские фирмы

и испанская элита), а также и патриоты Америки, которые выступают сегодня с резкой критикой действия администрации президента Дж. Буша и готовы поддержать проекты технологического рывка в Евразии, поскольку развитие Евразии потребует смены мировой финансовой архитектоники и предполагает отказ от плавающего курса обмена валют. А крупные прорывные проекты, создающие общественное богатство, потребуют другой финансовой счётности вместо финансовых спекуляций. Мировые же финансовые олигархические семьи, конечно, выступают против подобных проектов развития Евразии.

Но СНГ не является для России даже и вторым по важности геополитическим концентром. Второй концентр — это контакты с действительно мировыми развивающимися странами: Бразилией, Малайзией, Индией и Китаем. России ещё только предстоит из олигархически приватизированного ресурсного государства стать действительно развивающейся страной.

Китай и Индия присутствуют в одном и втором концентре в различных функциях. В первом геополитическом проекте они являются важнейшими субъектами континентального развития Евразии. Во втором геополитическом концентре Китай и Индия вместе с Россией, Бразилией и Малайзией создают феномен и практику мирового соразвития, с мощно выраженной социальной политикой, обеспечивающей рост благосостояния для всех контингентов и преумножения населения всех народов страны.

И только после чёткой проявленности России во втором геополитическом концентре приходит время проекта СНГ, поскольку государствам СНГ в этом случае придётся определяться, взаимодействуют ли они с сегодняшними США или же с Россией, Бразилией и Китаем. У некоторых стран (Армения, Казахстан, Белоруссия, Азербайджан) вообще нет никакого выбора: они просто долго и безнадежно ждут, когда же, наконец, самоопределится Россия. Это самоопределение, кстати, очень серьёзно повлияет на либерализацию строя и прекращение всяких неблагоприятных занятий — типа продажи оружия в этих дружественных странах. В других же странах население будет очень серьёзно «поправлять» и наставлять свои правительства. Но до этого счастливого часа ещё надо дожить. Сначала необходимо выдвинуть и разработать подобные проекты. Ведь у России до сих пор нет никакого внешнеполитического осмысленного курса, кроме прагматического лавирования и действия по ситуации. Ведь у нас нет ни европейской внешнеполитической концепции, ни азиатской, ни планетарной.

И всё это очень чётко проявилось на праздновании святого для всякого российского и русского человека - Дня Победы. Но ведь оказывается, что мы так и не определились с «конструкцией событийности» — какой, собственно, праздник мы праздновали? Ведь за каждой из протраиваемых событийностей или за сочетанием этих событийностей должна стоять жёсткая субъектная воля России по участию в формировании определённого мирового порядка.

Мы могли праздновать:

- Победу над фашистской Германией антигитлеровской коалиции;
- Победу Советского Союза над фашизмом — у СССР наибольшие жертвы в этой войне;
- Окончание второй мировой войны и создание конструкции мирного существования всех государств планеты, ялтинских и думбартоноксенских международных институтов;
- Победу всего мира над фашизмом как особым политическим режимом расовой исключительности, формируемым финансовой олигархией и несопоставимым с тоталитаризмом;
- Победу русских во второй мировой войне вместе с братскими народами и России — правопреемницы СССР, которая приняла на себя долги СССР.

Как мы уже сказали, конструкция каждого из этих событий, и тем более их сочетаний, требовала специального сценирования. Но это сценирование отсутствовало опять по той же самой причине — у нас нет глобального проекта развития мира с позиции России. Похоже, что у всех других государств конструкция событийности уже есть. И они заранее выстраивали свою концепцию отношения к окончанию второй мировой войны. Буш, для которого важны страны Прибалтики и Украина, Коицзуми, который не знал, стоит ли ехать в Москву, но, видимо, после массовых демонстраций в Китае против японского милитаризма ехать пришлось.

Казалось бы, придёт Дух Великой Победы, в котором и воплощён гегелевский *Zeitgeist*, и он всё сам сделает. Но Духу Победы надо было помочь, а для этого надо было оказаться хоть чуточку вровень с самим Духом. А вот с этим у российской бюрократии дело обстоит очень плохо.

Так почему царит такой шум по поводу развала СНГ? На наш взгляд, всё очень просто. Мы неудержимо приближаемся к ситуации необходимости смены политического курса или, скажем

более осторожно, его самой серьёзной и радикальной коррекции. И День Победы тоже имеет отношение к этому. Войну выиграл народ, а не Сталин, что бы там ни говорили радетели церетелевских памятников. Поэтому Дух Великой Победы — это Дух единения народа. А у нас пока еще очень плохо с социальной ориентированностью экономики, но, как высказался Греф, у него ещё очень много идей непопулярных экономических реформ.

Так, может, всё очень просто? Люди, которые сформировали богатство и власть в предшествующий период, хотят удержать это богатство и эту власть. И поэтому любые покусительства на их власть тут же будут называться чуть ли не фашизмом и империализмом. Они, устами Михаила Леонтьева, признались, что всё «профукали» — и СНГ, и позицию России в мире. Поэтому для них их политическое и связанное с ним экономическое бытие — это катастрофа, апокалипсис и конец света: «Всё развалится, всё будет уничтожено. Нас захватят американцы».

Хорошо, что у властьпредержащих есть подобное состояние ума — значит, они ещё живы, и не всё у них атрофировалось. И это, в общем-то, похвальное умосостояние, вызванное инстинктом самосохранения. Хотя бы поэтому разваленная, растревоженная страна, брошенная ими на произвол судьбы, никогда их не забудет.

Но ведь возможна вполне определённая тонкая настройка изменений власти. Нам важно сохранить в качестве Президента В. В. Путина, который начал вытаскивать страну из трясины ельцинизма. И он на фоне Ельцина — замечательный человек, который делает именно то, что может делать. И пусть наш Президент служит до окончания президентского срока! Но нам важно изменить курс правительства, убрав из него представителей либералистских антисоциальных подходов к экономике. Вот где линия преодоления американизма. Ведь реформы Зурабова до боли напоминают в отдельных своих деталях реформу пенсионных фондов в США, предложенную Дж. Бушем. Но это тема отдельного разговора.

Иногда кажется, что смена власти в СНГ готовится двумя согласованными действиями. Первое действие — это антисоциальные экономические реформы, которые проводят либеральные экономисты, а второе — это стилевая антропологическая революция молодёжи, у которой после этих антисоциальных реформ нет будущего. И им «клёво» и «прикольно» участвовать в весёлых карнавалах изгнания бюрократии. В России молодёжь, если антисоциальные грефовские реформы будут продолжены, сомкнётся

со стариками. И политтехнологические манипуляции тут, к сожалению, не помогут.

Нам не надо крушить президентскую власть. Нам необходимо изменить экономические подходы правительства и предложить крупные проекты развития для всей Евразии. Подобные действия очень близки Духу Победы.

В своё время (в 1996 г.) нами совместно с А. Савельевым и Ю. Крупновым была проведена конференция по теме «Локальные войны в сценариях больших геополитических переделов»¹. Основной смысл этой конференции, на наш взгляд, состоял в утверждении, что на постсоветском пространстве идёт подготовка геополитического передела, а у России отсутствует проект и свой собственный сценарий действия. Рассматривая сегодня ротацию элит в странах СНГ и Балтии, важно ответить на вопрос, в рамках какого сценария рассматриваются подобные процессы. На наш взгляд, основной сценарий — это формирование администрацией Буша зоны глобальной неустойчивости в Средней Азии и системы управления Евросоюзом через его новых членов - представителей авторитарных восточноевропейских режимов.

Говоря о сценариях, мы считаем необходимым различать абстрактные прогнозные сценарии — так называемые «Что?-сценарии», где выделяются объект, поведение которого необходимо спрогнозировать, и сценарии конкретной операции, сценарии действия. Сценарии действия — это всегда «Кто?-сценарии», поскольку в них рассматриваются действия конкретной фигуры.

Приведём несколько важнейших характеристик «Кто?-сценария»:

1. «Кто?-сценарий», или сценарий операции, осуществляется конкретным субъектом. Для реализации сценария необходима мобилизация всех сетевых ресурсов.
2. Сценарий операции предполагает выявление основных держателей ресурса, связанного с данным действием. Эти держатели ресурса будут моментально отвечать и противодействовать вам, и их сценарий будет всегда интерактивен в отличие от вашего проекта.
3. Различие лобового и флангового удара. Когда ресурсов хоть отбавляй, удар наносится лобовой, а движение осуществляется

¹ См. Фонд «Российский общественно-политический центр». Бюллетень № 1. «Локальные войны в сценариях больших геополитических переделов». Материалы конференции, 25 октября 1996 г., Москва. — Громько Ю.В. Неправильные «малые войны». — С. 43-54.

по всему фронту. Когда ресурсов не хватает, необходим фланговый удар.

4. Сценарное мышление есть мышление событиями, которые должны специально организовываться и затем обыгрываться, в том числе в рефлексии по поводу данного события.
5. Сценарный ход предполагает реакцию на организованное событие, которое моментально меняет всю основную диспозицию. Перехват инициативы может происходить в оформлении событийности¹.

Итак, в рамках «Кто?-сценария» важно ответить на вопрос: кто именно является держателем сценария и кто осуществляет операцию? Анализируя этих потенциальных «Кто», мы сегодня должны зафиксировать смерть профессии политтехнолога и передачу его профессиональных полномочий другой профессиональной фигуре — политическому кризис-менеджеру.

На наш взгляд, вестником гибели этой профессиональной фигуры явились первые выборы президента США, во время которых Дж. Буш-младший столкнулся с Гором. Именно тогда многим независимым наблюдателям стало очевидно, что время так называемых политтехнологов закончилось навсегда. Что же случилось? Две приблизительно равные по профессиональному уровню работы политтехнологические команды примерно за одни и те же деньги на одном и том же идеологическом содержании произвели шизофренизацию американской нации, разделив американцев на «остроконечников» и «тупоконечников» — сторонников Буша и приверженцев Гора. Всё население Америки поделилось на две относительно равные части, которые собирались продолжать борьбу и после выборов. И если бы не брат Джорджа Буша — губернатор Флориды, которому удалось заблокировать бесконечные пересчёты голосов, — избирательная кампания могла бы закончиться социальными бунтами. После подобного технологического осуществления выборов стало совершенно очевидно, что если за декорацией выборов не завязываются значительно более сложные «узелки», связанные с переделом собственности, конвертацией власти в собственность, защитой захваченной собственности через новый политический проект, то подобные абсолютно честные, абсолютно равные, абсолютно демократические выборы при минимальной метафизичности программ кандидатов могли закончиться произвольным разделением общества на взаимовраждеб-

¹ Более подробно см. кн.: *Громыко Ю.В. Сценарная панолия.* — М., 2004.

ные друг другу стаи. При этом у этой электоральной вражды двух группировок, голосующих за разных депутатов, не было абсолютно никаких содержательных оснований. Катастрофа электорального поведения возникала в том случае, если за выборами действительно не стояло ничего, кроме самозначимого электорального поведения — если, разумеется, выборы — это конечная и самая последняя реальность.

Фигура политического кризис-менеджера кардинально отличается от фигуры политтехнолога. Политтехнолог занимается такой хрупкой (и, возможно, никому ненужной) вещью, как электоральное поведение, и законными (не запрещёнными по Конституции) способами манипулирования сознанием избирателя. А вот политический кризис-менеджер — это профессиональная позиция, обеспечивающая конвертацию власти в собственность. Но всякая работа начинается с конца: сначала определяется, сколько будет стоить передел собственности и кто за него готов будет заплатить, а уже после этого создаётся технология смены власти. Таким образом, кризис-менеджер разрабатывает предпринимательскую схему смены власти, при которой произойдет передел собственности, и определяет тех, кто оплатит передел собственности, а дальше «свинчивает» ресурсы под реализацию данной схемы. Основной вопрос, интересующий нас, заключается в следующем: обладает ли кризис-менеджер своей собственной субъектностью или он действует по указке других взрослых дядей, у которых есть собственные сценарии передела большого геополитического пространства, а он, лишь получив санкции свыше, затем подбирает интересных под намечающуюся схему? В Грузии и на Украине никакой самостоятельной субъектности у кризис-менеджеров не было, они лишь удачно воплощали американский сценарий. В Киргизии, похоже, не было кризис-менеджера. В Молдавии, кажется, нашей элите и пиарным политтусовщикам очень не нравится, что Воронин — коммунист, поэтому они и сформировали мнение Президента для заталкивания Воронина в Евросоюз и ГУАМ: «Что это ещё за Лукашенко в евредакции? К ногтю его!»

Но что такое этот субъект сегодняшнего самостоятельного политического действия? Этот субъект должен конституироваться через институт собственности, если экономика берёт верх над политикой. Если человек чем-то владеет и готов любой ценой удерживать это владение, он готов к политическому поведению и политическому предпринимательству. Основная максима, действующая на постсоветском пространстве, состоит в том, что политиче-

екая власть обязательно конвертируется в предел собственности — это верно по отношению и к Ходорковским, и к Пинчукам, и к Шеварднадзам. Следовательно, удержание собственности или планы по её переделу должны конвертироваться в политическую власть как в средство амбициозных планов по овладению богатством. Но именно здесь начинаются основные сложности: в какой мере институт собственности, созданный на постсоветском пространстве, един с институтом собственности, оформленным, прежде всего, через юридические права собственности во всём остальном западном мире, а не является жалким примером СНГшной *local methodology*? А он ни в какой мере и вообще не един! И никакие «Price Waterhouse Cooper» и «McCensey» тут не помогут. В любой момент, если это будет нужно по отношению ко всем этим миллионным и миллиардным состояниям, выделенным и описанным в журнале «Форбс», западная юридическая машина может поднять вопрос о законности и юридической безукоризненности данных капиталов. Скажем, можно задаться вопросом: а не входит ли в основу данных состояний отмывание наркоденег и средств от незаконной продажи оружия?

Напомним знаменательное событие, произошедшее в марте этого года. Владимир Путин заключил сделку с российскими олигархами, пообещав им, что приватизация 90-х больше не будет предметом анализа налоговых органов и финансовой полиции — в обмен на амнистию и возвращение в страну вывезенных капиталов. Реакция международных финансовых кругов последовала незамедлительно. В Гибралтаре, Нью-Йорке, Испании, Швейцарии и Израиле тут же были инициированы многочисленные обвинения русских крупных олигархов в организованной преступности и незаконном отмывании денег. Западные финансовые круги показали, что они не дадут просто так вернуть назад в Россию предварительно выкачанные оттуда миллиарды долларов. Но одновременно было продемонстрировано, что российская и СНГшная частная собственность — это серая собственность, владение которой всегда может быть поставлено под вопрос, а имидж любого *tycoon* всегда может быть оспорен. Следовательно, экономика, в данном случае большая и многомиллиардная, оказалась подчиненной политике, в том числе и принципам геополитических переделов. Здесь видна окончательная незаживающая трещина безумного плана Чубайса «встроить Россию в западные институты экономики, стать как все». Это встраивание принципиально возможно, но лишь при условии полного слома субъектности России

и любых постсоветских государств с сохранением лишь бутафорских декоративных национальных государственных институтов. Сдать украинскую государственность и встроить Украину в Евросоюз, куда ещё долго будут не пускать, а заодно и унижать, — это, пожалуйста. А строить свою собственную геополитическую субъектность — пусть даже не коммунистическую, исходя из тысячелетнего опыта государственности, — это очень опасно для США и Евросоюза, поскольку данный процесс не контролируется и не управляется. Поэтому никакой самостоятельной геополитической субъектности в происходящих процессах на постсоветском пространстве не просматривается. Ротация элит происходит в соответствии с идеей обслуживания чужих геополитических проектов геополитического пердела.

Так, страны Балтии, а в частности, и Ющенко обслуживают борьбу с модернизированным советским проектом: не дать никоим образом восстановить «СССР-2» и Российскую империю. Этот проект приписывается России, и против него ведётся отчаянная борьба по противодействию его реализации. Желая показать, что в России никто не разрабатывает данный проект, В.В. Путин поспешил зайти так далеко, что даже сказал, что Россия никогда не будет «сверхдержавой». Если В.В. Путин имел в виду, что Россия не собирается стать «неосталинской державной держимордой», то с ним можно согласиться. Но, к сожалению, В.В. Путин ничего не сказал про мировое лидерство России. А без движения к мировому лидерству России грозит дезинтеграция и развал. Хотя, с другой стороны, проект «СССР-2» никто не строит.

Почти что геополитическим, а точнее, геоэкономическим, проектом является борьба с постсоветской олигархией и плутократией, представители которой возникли на волне захвата государственности в 90-х годах. Западу важно присвоить эти огромные сбережения, захваченные в результате приватизации и выведенные в офшоры, и не пустить их назад в государства СНГ. Именно за счёт грабежа ресурсов бывшего СССР удалось удержать от дезинтеграции мировую финансовую систему, построенную на плавающем курсе обмена валют, и сохранить от краха слабый доллар. Борьба с постсоветской олигархией, которая в домашних условиях государств СНГ воспринимается как популизм, с большим сочувствием поддерживается западными финансовыми кругами и является внутренним механизмом самих цветных революций. «Угнетённая» олигархия миллионеров, получив добро от полит-

элиты США, выводит на борьбу с процветавшей до момента очередной цветной революции олигархией массы миллиардеров. Социальное же недовольство является результатом проведения реформ по указке МВФ и Мирбанка. В СНГшных революциях постоянно соединяются два потока — молодёжь, для которой противостояние скучной бюрократии и приспособленчеству — это «отвязанный» модный стиль жизни, и старики, которым реформы разрушили стабильное сносное существование. Именно поэтому Юлия Тимошенко, сумев извлечь уроки из механизма захвата власти, остановила цены на бензин, игнорируя советы и ремарки рыночного романтика-маргинала Е. Немцова.

Третьим геополитическим проектом является перехват со стороны США управления Евросоюзом на основе поддержки новых членов и новых кандидатов Евросоюза в их противостоянии России. Речь фактически идёт о натравливании на Россию слабых, недееспособных государственных образований, вставших в очередь на членство в Евросоюз, в оппозицию старой Европе — Франции, Германии, частично Италии, а сегодня и Испании. Мы помним, каким шоком для администрации Буша было выступление Шредера и Ширака против войны США в Ираке. А после замены Хосе Марии Аснара и прихода к власти Хосе Луиса Родригеса Сапатеро и вывода испанских контингентов из Ирака к критике военных действий США в Ираке со стороны Франции и Германии присоединилась Испания.

Четвёртым типом геополитических проектов являются проекты санитарных кордонов вокруг России, которые замечательный российский геополитик Вадим Цимбурский описал на основе своей концепции формирования лимитотрофа — своеобразного геополитического, создающегося на основе тесных контактов и связей между государственными образованиями по краям и границам «острова» Россия, исключаящего из прямого взаимодействия саму Россию. Примером такого лимитотрофного образования является блок ГУАМ, потерявший среди своих членов Узбекистан. Члены государств, образующих санитарный кордон вокруг России, имеют в своём арсенале и фантазматические проекты, предполагающие расчленение России — типа Великой Финоугории или Великого Турана. Подобные курьёзные проекты, поддерживаемые Турцией, группами в США и Канады, можно было бы быстро остановить, предложив для обсуждения представителям этих стран контрпропагандистские проекты: Турции в оппозицию Великому Турану выделяющееся новое государство — Курдистан, которое претен-

дует на часть территории Турции, США — великую Мормонию, и Навахию, которая хотела бы иметь побратимов среди народов ханты и манси и к которым представители наваха возводят своё родство до перехода через Аляску. Эти лингвистико-политические проекты, переходящие напрямую от близости языков и культур к новым идеям переделки мира, не заслуживали бы никакого внимания, являясь своеобразным курьёзом, если бы не одно обстоятельство — отсутствие внешнеполитической концепции и глобальных проектов со стороны России.

В рамках этих четырёх проектов геополитических переделов и мечется «СНГшная» элита, когда, по всем законам постмодернистского театра, «благородные львы» (консервативные представители элиты), по Вильфреду Парето, быстро преобразуются в хитроумных лис, и, наоборот, податливые на козни и выдумку «лисы» начинают поучать с позиции «львов» политическое руководство России в том направлении, что надо твёрдо следовать своим принципам.

С нашей точки зрения, лицезрея вползание ряда государств СНГ в Евросоюз и НАТО, нам надо перестать мучаться ностальгией по СССР. СССР не восстановим. Он навсегда останется в памяти тех, кому он был дорог. Но из ностальгии не рождаются проекты. Из ностальгии появляются лишь фантомные боли. Попытки собрать соотечественников, оставшихся во враждебных России государствах, с этнократическими режимами через пустую и сверхэластичую, гнущуюся во всех направлениях концепцию русского мира с «интерлокерами» — универсальными замыкателями — обречены на провал. Сторонники таких концепций могут надувать щёки, но соотечественники будут выживать в этой ситуации сами — без них и часто вопреки их помощи. Сам русский мир должен быть включён в некоторое геополитическое мировое действие России и рассмотрен внутри него как определённое инструментальное средство. Вот здесь и возникает самый интересный вопрос: русский мир — средство чего?

И здесь мы сталкиваемся с определённым парадоксом: самое дальнее — часто самое ближнее, и, наоборот, самое ближнее — самое дальнее. Не следует рассматривать СНГ по аналогии с Британским союзом, в котором Россия с позиции уже владычествующей Великобритании переходит на роль самодостаточной большой пассивной Канады и перестаёт быть центром строительства в СНГ. Будем помнить, что это всего лишь весьма условная аналогия. Старая Британия выдохлась, и у неё нет сил для нового строитель-

ства и рывка. А у России такие силы и энергия есть! Поэтому надо перестать озираться на СНГ. Энергия России должна быть направлена на то, чтобы стать мостом между старой Европой и Азией — между Францией, Германией, Испанией, с одной стороны, и Китаем, Индией и Ираном — с другой. Эта функция моста не означает, что надо предоставить свою территорию для транзитных перемещений грузов и потоков нефти и газа.

Это важно, но всё не должно закончиться только и именно этим. Россией должны быть предложены новые прорывные инфраструктурные проекты на основе фундаментальной практико-ориентированной науки. Миссия России состоит в том, чтобы выступить с конкретными проектами и планами развития всей Евразии, ядром которой является Россия. Вокруг этой задачи и должно формироваться экономическое пространство влияния и действия русских транснациональных корпораций. Это экономическое пространство развития Евразии, которое должны осваивать русские транснациональные корпорации при поддержке российской власти, не должно совпадать с территорией России. Конечно, очень важный вопрос: а что будет основой прибыли этих корпораций, чем будет определяться присваиваемая дельта, — по-прежнему сверхдешёвым сырьём, электроэнергией по демпинговым ценам и дешёвым рабочим трудом или осваиваемыми новыми технологиями и результатами перевооружения и реорганизации предприятий?

Конкретная успешность подобных инициатив зависит от способности русской молодёжи собрать вокруг себя молодёжь этих опорных стран Евразии и увлечь их новыми проектами:

1. Ядерной энергетики, и большой и малой.
2. Новых лазерных технологий.
3. Проектами управления ресурсами и энергией всей Евразии в интересах всего континента.
4. Проектами освоения мирового дна, ближнего и дальнего космоса.
5. Новых систем связи и транспорта и многими другими.

Средством подобной работы должен стать Евразийский молодёжный парламент или Евразийская молодёжная ассамблея, разрабатывающая и обсуждающая подобные проекты перевооружения Евразии. Данный геополитический сценарий является старой идеей Ивашова-Примакова, которая должна, наконец, начать реализовываться. Собственно, собрание вокруг себя первого кольца государств старой Европы и Азии, исходя из задач развития

Евразии, могло бы стать первой важнейшей зоной восстановления функций России как мирового лидера.

Вторым таким кольцом важнейших геополитических контактов является клуб развивающихся стран, в который сегодня входят Бразилия, Малайзия, Индия и Китай. Россия ещё должна стать развивающейся страной и занять важное и достойное место в данном клубе. Совместно с этими странами Россия должна прорабатывать амбициозные проекты прорыва к технологиям следующего поколения.

И только создав активную опору в работе с системой из этих двух колец, Россия может вернуться к заботе о странах СНГ и их самоопределению. Правда, часть важнейших государств, таких, как Беларусь, Казахстан и другие (Армения, Таджикистан?), могут включиться в проработку первых двух сценариев — в освоение первых двух колец. Остальные страны будут самоопределяться.

Без выдвижения геополитического проекта и сценария создания плацдарма развития во всей Евразии оглядки на СНГ сбивают с толку. Мы как будто ждём: а вдруг кто-то захочет восстановить СССР? Но ведь никто ничего такого не хочет!..

Мы прошли через этап прокламирования бренда «русского мира» при вялой невыявленной миссии России. Вялый, непастионарный русский мир, помноженный на неубедительную внешнюю политику России, дает убогий результат всеобщих договорённостей и продажности. Этативная опека русского мира бессмысленна. Члены так называемого «русского мира» предлагают себя в качестве посредников, но это посредничество дорого стоит и недостаточно эффективно. Нам нужен пастиионарный русский мир, каким, например, был русский мир религиозных философов и богословов первой волны эмиграции, каким был мир русских (*Russian*) воинов, осваивающих пространства центральной Азии. Основа так понимаемого русского мира — миссия России в Евразии. На эту миссию может работать и русская фундаментальная наука, и большой бизнес, и наши соотечественники, живущие сегодня за пределами РФ, но обладающие трансграничной идентичностью. Но сначала эту миссию надо сформулировать. Наличие этой миссии будет отличать русских (*Russians*) от всех остальных. И миссия — это не вопрос крови или почвы, а вопрос самоопределения и Духа.

Один из вариантов выявления функции Russians в сегодняшнем глобальном мире состоит в том, что русские являются своеобразным клеем мирового целого. Они соединяют мировое зер-

кало, разбившееся на многие осколки, в единое целое¹. Но соединять надо не всё со всем и не всё подряд, но по определённом плану.

Например, сегодня очень многих расстраивает процесс переживания остатков бывшего присутствия России в странах СНГ. Русский язык забывается, и специалисты высочайшего класса с дипломами советских вузов депрофессионализируются, а среди них возникает всё больше этнических и конфессиональных перегородок. Но, как мы уже сказали выше, первым исходным моментом является необходимость организации субъектов, которые были бы готовы развивать Евразию. Именно этот союз задаёт возможность и масштаб глобального действия. К этим государствам относятся наиболее принципиальные государства старой Европы — Германия, Франция, Испания, а с другой стороны, государства цивилизации Азии — Индия, Китай и Иран.

В подобном соединении есть сам по себе немалый смысл. Мы можем долго переживать по поводу того, что Россия не является страной-нацией русского народа. Но в диалоге с азиатскими странами можно заставить переживать национальные государства Европы за то, что они недоразвернулись до отдельных, самостоятельных цивилизаций — таких, как германская или французская. Испанская нация сформировала своеобразную испанскую цивилизацию, которая распространилась за пределы территории проживания испанской нации. В этом понятии суверенного национально-цивилизационного государства есть своеобразный порожек, зазор между двумя обозначенными терминами, который запрещает и делает невозможным зачистку представлений о государстве лишь под один из этих парных терминов. Соотношение нация-цивилизация удерживается волей и мощью народов, которые сохраняют национально-цивилизационную идентичность. Жизнеспособной органической единицей является только пара нация-цивилизация. При этом сама нация может состоять из множества этносов. И в удерживаемой усилиями народов цивилизационной ауре каждому этносу предоставляется возможность доформировать нацию со своих собственных позиций и на основе собственного сакрального опыта.

Получается, что цивилизация, которая обнаруживает себя в своем существовании по отношению к другим цивилизациям,

¹ Образ собирания зеркала из осколков был придуман и часто использовался Г.П. Щедровицким при объяснении им смысла и техники мышления на основе системного подхода.

есть некоторое пространство, в котором остаётся место для продолжающегося органического этногенеза народа-нации. Организация взаимодействий суверенных национально-цивилизационных государств вокруг проблемы инфраструктурного развития Евразии позволяет нам избежать проблемы олигархо-бюрократического империализма, по образцу которого стали спешно кроить Соединённые Штаты Европы и «человеиник» «мальтитюды», который совсем не за горами и которым нам грозят А.А. Зиновьев и А. Негри совместно с М. Хардтом. В объединении суверенных государств для решения прорывных задач пространственно-инфраструктурного развития возникает возможность органического возвращения к первоосновам формирования народа-цивилизации, к его этногенезу и новые этапы прошагивания пройденных вместе с ним и достигнутых рубежей¹. Подобный взгляд на органические проблемы антропологических гетерархий в междисциплинарном диалоге чем-то сродни генетической детской антропологии, которую весьма успешно развивает В.В. Рубцов вслед за своим учителем — гениальным русским психологом В. В. Давыдовым. Во взаимодействии с ребёнком, у которого еще только формируется мышление, можно заново восстановить и прожить стадии формирования интеллектуальных процессов: рефлексии, понимания, воображения, появления которых у взрослого является героическим свершением антропологического развития и удерживается не стадной социальностью и привычкой, а волевой инициативой.

Организация подобного союза не означает построения геополитического или военного блока против кого-нибудь. Этот союз предполагает начать долгосрочное инфраструктурное перевооружение Евразии — формирование коридоров развития и зон совместного освоения. Именно при организации данного континентального союза по инфраструктурному развитию Евразии Россия могла бы занять достойное место одного из лидеров, предлагая совместно с учёными всех перечисленных стран разработку и создание принципиально новых технологий и инфраструктур.

¹ Вслед за выдающимся религиозным мыслителем Е.Л. Шифферсом мы считаем, что для русских (Russians) спасителен диалог с буддистами — китайскими, тибетскими, японскими, позволяющий им восстановить проблему генезиса структур личности для изживания греха - измена царской семье. Мы понимаем, что это совершенно отдельная особая мифологема, для обсуждения которой здесь нет места. См. два замечательных тома Е.Л. Шифферса и нашу книгу «Подонки». — М., 2004.

Важнейшим при этом является вопрос: как должны быть организованы международные корпорации, осуществляющие разработку и построение коридоров и очагов территориального развития? Следует отметить, что это должен быть совсем другой тип корпораций, нежели транснациональные корпорации, выступающие либо средством проникновения данной страны на зарубежные рынки, либо на так называемые независимые от государства частные корпорации. Вопрос автономности частных корпораций от укоренения в экономике своей страны сегодня вызывает большие споры. «Хотя многонациональные корпорации и различаются между собой по своей способности организовывать внутрифирменную производственную кооперацию и торговлю, в целом, они размещают производство и обслуживают рынки по всему миру. Даже при том, что некоторые многонациональные корпорации не снабжают каждый отдельный национальный рынок или источник из каждой страны, в совокупности их деятельность породила структурный переход к более глобальной конкуренции вследствие расширения сетей глобального производства.

Скептики склонны сомневаться в том, что такой переход произошёл. Они замечают, что даже у самых крупных национальных корпораций часто большая часть производства, объёмов продаж, активов, прибылей и оборудования для научных исследований и разработок приходится на их родную страну (см. Hirts and Thompson, 1996, ch. 4) и заключают, что «глобальные корпорации являются просто национальными компаниями, осуществляющими международные операции» (Ни, 1992). Другие авторы, и прежде всего А. Портер, признают, что многонациональные корпорации теперь конкурируют на глобальном уровне, но утверждают, что они остаются укоренёнными в экономических системах и культурах своей родной страны (Porter, 1990). Согласно этой точке зрения, они достигают преобладания над конкурентами главным образом именно благодаря этим национальным корням, а далее уже, чтобы выдержать конкуренцию, используют глобальные стратегии¹. Авторы указывают на «сложные взаимосвязи между корпоративной и государственной властью...» и «...те пути, по которым глобализация производства усиливает структурную власть корпоративного капитала. Это не значит, что многонациональные корпорации программируют действия правительств или что они

¹ См.: Дэвид Хелд, Дэвид Голдблатт, Энтони Макгрю, Джонатан Перратон. Глобальные трансформации. — М, 2004. — С. 307-308

делают государства излишними. Скорее, эта точка зрения предполагает, что глобализация производства трансформирует условия создания и распределения богатства и одновременно трансформирует весь контекст, в котором реализуется государственная власть, и инструменты этой реализации. В этом отношении глобализация производства формирует новый и не простой баланс сил, при котором национальным правительствам ещё только предстоит приспособиться к новому мировому производственному порядку»¹. М. Кастеллс задаёт вопрос: «Насколько национальны эти мультинациональные корпорации?»². И отвечает на него, ссылаясь на исследования Cohen (1990) и Porter (1990): «Высшее руководство компании, культура компании, привилегированные взаимоотношения с правительством страны, откуда родом руководство компании, обладают устойчивыми характеристиками национальной матрицы. Однако целый ряд факторов свидетельствует в пользу в значительной степени мультинационального характера этих корпораций. На продажи и прибыль иностранных филиалов приходится значительная часть общей прибыли корпораций, особенно для компаний США. Как правило, набирается персонал, знающий особенности среды. И продвижение лучших талантов происходит по корпоративной цепочке управления независимо от национального происхождения, таким образом, внося свой вклад в мультикультурное смешение в высших эшелонах. Решающую роль играют деловые и политические контакты, но они обладают спецификой того национального контекста, в котором действует корпорация. Таким образом, чем больше степень глобализации компании, тем больше спектр её бизнес-контактов и политических связей в соответствии с условиями каждой страны. С этой точки зрения, это в большей степени мультинациональные, чем транснациональные корпорации, поскольку они обладают мультинациональной лояльностью скорее, чем безразличием к национальности и национальным контекстам»³. В этом же томе Мануэль Кастеллс указывает на наличие самых разнообразных и разнофункциональных сетей, которые образуют сегодня мультисетевую структуру транснациональных и интернациональных корпораций: это и производственные сети, и финансовые сети, и сети разработчиков и реализаторов

¹ Там же. - С. 333-334.

² См. *Manuel Castells*. «The information age: economy, society and culture», volume I, The Rise of the network society, London 2001. — P. 121.

³ Там же.

стандартов, сбытовые сети и сети разработчиков IT. Весь этот сложный многомерный клубок сетевых организаций позволяет поставить вопрос о коммуникативно-пространственной организации корпораций. На наш взгляд, требуются специальные системомыследеятельностные исследования, которые бы позволили проанализировать и разобрать, из какого сочетания процессов производственной мыследеятельности, коммуникативно-сетевых взаимодействий и различного типа схем — предпринимательских, инженерно-технических, символических, знаниево-эпистемических — складывается деятельность сегодняшних корпораций. Само выявление, за счёт каких решений корпорация присваивает себе дельту — разницу между расходами и общим доходом — составляет задачу увлекательного и принципиального анализа. Анализ того, как корпорация получает новое знание о самой системе производства, о стандартах и их использовании, о компетенциях людей, является важнейшим слоем анализ. Без подобного анализа и рассмотрения выстроить устойчивый и осмысленный корпоративный остов для России невозможно.

Но основная проблема, на наш взгляд, состоит совершенно в другом: необходимо целенаправленно сформировать международные российско-германско-французско-китайско-индийско-японско-американско-иранские корпорации, которые осуществляют прорыв к новому технопромышленному и социокультурному укладу. Это не корпоративные монстры, которые самостоятельно складываются в рыночной среде и основная задача которых состоит в том, чтобы извлекать любым путём прибыль, а уж затем, если получится, тратить средства и силы на что-то возвышенное, например, на покупку яиц Фаберже. С самого начала основная задача этих создаваемых парных и смешанных международных корпораций должна заключаться в том, чтобы получать принципиально новые инфраструктурные решения, создавать новые технологии для перехода к инфраструктурам нового качества, которые затем смогут распространиться по всем коридорам развития и очаговым территориальным зонам. При подобном подходе речь фактически идёт не о создании *^ош^ ventures*, рискованных совместных предприятий, в которых участникам действия будет важно продемонстрировать, что каждый из них не «надует» другого и быстро «срубить» прибыль, а о долгосрочной стратегии (50-55 лет) инфраструктурно-технологического развития. Речь идёт о том, что это должны быть корпорации, движимые прорывной наукой, — *science-driven corporation*.

Собственно, в создание подобных корпораций и должны вкладываться деньги стабилизационного фонда и на конкурсной основе должны разыгрываться проекты разработки и реализации отдельных узлов принципиально новых инфраструктур. Сами подобные корпорации должны представлять собой международное правление с государственным участием разных стран, которые внесут деньги в разработку и реализацию конкретной программы, и множество различных фирм, в том числе и частных, которые могли бы участвовать в конкурсе на разработку и реализацию отдельных небольших или, наоборот, сквозных проектов. Например, по подобной схеме вполне может работать компания, создающая через всю Россию и Европу скоростную магистраль поездов на магнитной подвеске подобно той, которая была построена между Шанхаем и Пудонгом в Китае. Так же может действовать компания, цель которой состоит в том, чтобы создать новый тип самолётов для внутрирегиональных перевозок, принципиально новых турбин для гидроэлектростанций, и т.д.

Но обсуждение задачи подобных компаний состоит для нас в том, чтобы наметить построение вполне определённого нового уклада в мировой экономике — стратегического прорывного уклада, основой которого являются фундаментальные практико-ориентированные исследования и разработки. Предъявление же долгосрочных инфраструктурных проектов является условием преобразования существующей финансовой архитектоники, о чём мы писали выше, и требует создания принципиально новых финансовых институтов, — типа банка евразийской реконструкции и развития, один из проектов которого разрабатывается сотрудником Шиллер-института Джонатаном Тененбаумом.

Подобное этим, наше предложение может быть оспорено по нескольким основаниям сразу. Где вы видели такую науку, которая будет куда-то через свои фундаментальные гипотезы прорываться к новому устройству практики? Ученые будут требовать огромных денег, не предлагая никаких результатов и утверждая, что идеи не появляются по заказу, а требуют вдохновения и долгих лет поиска. С этой точки зрения, наука может проесть любые суммы, ничего не предлагая взамен, а требуя лишь постоянного возрастания денежных сумм на оплату оборудования. Но мы видели и знаем подобную науку — это наука, существовавшая внутри малоизученного института русских (*Russian*) генеральных конструкторов типа Королёва, Курчатова, Капицы и иже с ними. Более того, именно гениальный Капица, вернувшийся в Россию из

Оксфорда, понял, что научные исследования могут вестись только на основе крупных промышленных инфраструктурных платформ.

С этой точки зрения, нам хорошо известна форма организации деятельности, внутри которой задача заключается в том, чтобы открыть новый физический принцип или эффект и приступить к его промышленному использованию. В.В. Давыдовым и Ю.В. Громыко была выдвинута идея, что полноценная развёрнутая деятельность — с формированием замысла, постановкой целей, рефлексией осуществлённых действий и т.д., а не её технократические редукции, сводящие человеческую деятельность к функционированию автоматов, существовала только внутри института так называемых генеральных конструкторов.

В какой-то мере создание этих транснациональных межгосударственных корпораций нового типа является формой восстановления института генеральных конструкторов с российской стороны. Но в то же время можно утверждать, что это и есть тот самый нерыночный мобилизационный уклад, который позволил нашей стране выиграть войну, первыми полететь в космос, да и сегодня пока ещё опережать США в целом ряде направлений технологического развития. Да посмотрите, например, как оценивает неудачи с полётом «шаттлов» американский журналист Майк Томас в статье из «*Chicago Tribune*» за 28 июля 2005 года «Я скорее доверюсь Ивану с разводным ключом, чем выпускнику Калифорнийского Политехнического с его научной степенью и навороченным компьютером»¹. «Русские действуют по принципу: «Все гениальное — просто». Они впервые запустили корабль «Союз» в 1967 г. У него отказал парашют, и космонавт погиб. Еще три космонавта погибли в 1971 г., когда при спуске произошла разгерметизация кабины. Но после этого все пилотируемые полеты в СССР и России обходились без жертв. «Шаттлы» же стали могилой для 14 астронавтов. Катастрофы «Колумбии» и «Челленджера» приостановили американскую космическую программу в общей сложности на пять с лишним лет и обошлись в миллиарды долларов.

Русские же, тем временем, просто летают в космос. Они разработали эффективную базовую конструкцию и остаются ей верны. Американцы создали куда более сложный в техническом отношении корабль, и сегодня, почти четверть века спустя, все еще не понимают, как он работает. Для запуска кораблей на орбиту русские используют ракету «Союз», сконструированную еще в 1960-е гг.

¹ <http://www.inosmi.ru/translation/221231.html>.

Она стала «рабочей лошадкой» их космической программы: на счету «Союза» более 1000 запусков, он доставлял на орбиту все что угодно — от военных спутников до космического туриста Денниса Тито (*Dennis Tito*). Такую ракету конструкторы называют «простой как топор». На ум сразу приходит пикап «Шевроле» 1967 г. — он пробежал уже 245000 миль, насквозь проржавел, но все равно заводится с первого раза. Вот и русские ракеты надежны, как скала. Десятки лет эксплуатируя одну и ту же систему, вы изучите ее как облупленную, и сможете устранить любые неполадки. ... В 2010 г. «шаттлы» подлежат списанию. Высокотехнологичная система Х-33, которая разрабатывалась для их замены, была настолько высокотехнологичной, что оказалась непригодной для практического использования, и от проекта пришлось отказаться после того, как на него уже было потрачено 1,3 миллиарда долларов. Теперь у нас появилось нечто под названием «Пилотируемый исследовательский корабль» (*Crew Exploration Vehicle*): проект обойдется в 15 миллиардов долларов, а первый запуск запланирован на 2014 г. Вместе с ним в нашу космическую программу придут неполадки «нового поколения». «Союз» же к моменту первого полета «шаттла» верой и правдой служил своим создателям почти 15 лет, и будет служить и дальше — после того, как последний «шаттл» встанет на вечную стоянку в Смитсоновском музее авиации и космонавтики. В отличие от «шаттла», «Союз» вечен. Меня нисколько не удивит, что нам снова придется полагаться на него, чтобы выручить из беды программу «Пилотируемого исследовательского корабля». Слава Богу, у нас есть эти неумехи-россияне с их «безнадёжно устаревшей» космической программой!». Хотя, на первый взгляд кажется, что смысл данной статьи прямо противоположен тому, о чём говорим мы, не надо усложнять, надо отрабатывать в эксплуатации простые надёжные решения. С точки зрения смены социокультурного технопромышленного уклада, всё совсем не так очевидно. «Наворочено», «не простое» — это характеристики промежуточных этапов перехода к следующему технопромышленному укладу после того, как этот переход будет сделан. Целый ряд решений в рамках этого нового социокультурного, технопромышленного уклада можно будет упростить и объяснить даже ребёнку. Но проблема состоит в переходе к этому новому укладу. И этот переход осуществляется не по законам сложившейся конкуренции товаров и установившихся рыночных предпочтений, а требует мобилизации усилий на основе новых знаний и замыслов.

В целом ряде статей известного социального философа С.Б. Чернышёва¹, опубликованных в журнале «Эксперт» в 2004-2005 гг., обсуждалась одна из важнейших проблем российской экономики, связанная с некапитализацией российских активов, которая определялась тем типом приватизации, который был предложен Чубайсом и реализовывался Ельциным. С.Б. Чернышёв предлагал свой вариант повышения капитализации активов на основе формирования предпринимательских проектов. Поставленная в его статьях проблема является важнейшей для развития экономики страны и формирующегося социально-политического климата. Автор, на наш взгляд, показывал несколько принципиальных вещей:

1. Стоимость актива является мыследеятельностным феноменом, поскольку при покупке актива необходимо учитывать не только то, что данное предприятие производит, но и что оно сможет производить в ближайшем будущем. А момент преобразований и изменений производимой продукции, изменение форм взаимодействия с кредиторами, поставщиками и потребителями, развитие персонала предприятий, напрямую влияющие на стоимость актива, — это вопрос организации мыследеятельности. Сам актив имеет слоистое строение, в нём могут быть выделены производственные технологии, информационные технологии, финансовые технологии.
2. Стоимость российских активов как системы определялась проектной формой деятельности, которая зародилась из гонки вооружений. Стоимость российских активов до перестройки определялась противостоянием российской промышленной системы западной, и мы очень долго наблюдали их паритет и приблизительное равенство, что выражалось в их неденежной стоимостной сопоставимости, — например, приблизительном равенстве стоимости киловатт-часа в США и СССР, на что не раз наше внимание обращал Побиск Кузнецов.

¹ С.Б. Чернышёв. Страна, не стоящая почти ничего. Узел российских проблем: некапитализированные активы. Круг первый [file://localhost/C:/DOCUME~1/ADMINI~1/mCALSM/Temp/Rar\\$EX04.875/20041122_cher-or.html](file://localhost/C:/DOCUME~1/ADMINI~1/mCALSM/Temp/Rar$EX04.875/20041122_cher-or.html): Особенности национальной приватизации. Узел российских проблем: некапитализированные активы. Круг второй. [file://localhost/C:/DOCUME~1/ADMINI~1/mCALSM/Temp/Rar\\$EX01.031/20041215_cher-or.html](file://localhost/C:/DOCUME~1/ADMINI~1/mCALSM/Temp/Rar$EX01.031/20041215_cher-or.html): Управление собственностью: русский стандарт. Узел российских проблем: некапитализированные активы. Круг третий. [file://localhost/C:/DOCUME~1/ADMINI~1/LOCALS~1/Temp/Rar\\$ EXPO. 750/20041221_cher-or.html](file://localhost/C:/DOCUME~1/ADMINI~1/LOCALS~1/Temp/Rar$ EXPO. 750/20041221_cher-or.html).

3. Приватизация активов была связана с приватизацией финансовых потоков на основе связи с государственными чиновниками и политической элитой. Основные активы были распределены как подарок между теми, кто финансово поддержал Ельцина на выборах 1996 года.
4. Повышать стоимость российских активов можно, прежде всего, на основе предпринимательских проектов, обеспечивающих улучшение эксплуатации функционирующих активов за счёт получения прибыли от этой эксплуатации и использования части прибыли для модернизации активов.
5. Предпринимательский проект содержит в себе три блока — коммерческий, инвестиционный и юридический, поскольку он должен приносить прибыль от продукта или услуги, ассимилировать финансовый поток, обеспечивающий производство продукта и услуги, и закреплять права на производство данного продукта или услуги.

С.Б. Чернышёв обсуждает проблему собственности на активы как ключевой момент и условие их капитализации. Мы очень кратко пересказали какие-то ключевые моменты из достаточно развёрнутого представления автора для того, чтобы перейти к интересующему нас вопросу: можно ли осуществить полноценную капитализацию ветшающих и устаревающих российских производственных активов, не вступая в конкурентное взаимодействие с транснациональными и международными западными корпорациями? Может ли процесс капитализации российских активов выступать как дело исключительно внутреннее и домашнее? Мы знаем точку зрения С.Б. Чернышёва по данной проблеме на период начала перестройки. В то время автор и возглавляемый им коллектив предлагали использовать программу СОИ, выдвинутую президентом Рейганом, для согласованной и объективной оценки российских активов, создающих условия для включения их в рыночную экономику. Но это дело прошлое. А как сегодня?

Важнейший пункт, связанный с резким удешевлением российских активов после приватизации, состоит в том, что после приватизации мы больше уже не имеем промышленной системы. У нас остались различные обрубки, фрагменты предприятий, которые не работают на полную мощность — сравните: «Положим, по оценке рынка мы «просели» в среднем в 400 раз. А как же мы ухитрились раньше так много стоить? Раз у нас не было рынка, что означала эта старая «стоимость»? В частности, сколько стоил завод в СССР?

Ответ простой. В Советском Союзе он, как правило, выпускал все 10 тыс. тракторов, как и полагается. Активы работали, они не стояли, загрузка основных фондов была близка к проектной. Капитализация завода, рассчитанного на выпуск 10 тыс. тракторов и загруженного работой под завязку, и такого же, чьи мощности не используются и на десятую долю, — это, как говорят в Одессе, две большие разницы¹.

Целостность российской экономики и российской промышленной системы удерживалась за счёт специальной надстройки, которая могла осуществлять работу с этой системой в целом по законам специально созданной нормативности. Речь идёт о системе Госплана.

Советская экономика и советская мультисистема производства была закрытой. В условиях же глобализации у нас не может быть автономной и закрытой системы производства. Вернее, её можно было бы искусственно создать, но тогда мы бы окончательно разорились и деградировали.

Здесь есть ещё одна важнейшая проблема, которая состоит в том, что капитал в XX веке освоил циклы воспроизводства. В «Философии права» Гегель писал, что есть всего две идеи собственности — англосаксонское *dominium* («владение») и умение воспроизвести. Вторую идею Гегель, безусловно, заимствовал, исторически и творчески её переосмысляя, у Фихте — его знаменитую «собственность на деятельность» из «Замкнутого торгового государства». Но в XX веке человечество освоило процессы воспроизводства: просто строить и не уметь воспроизводить, работать безотносительно к циклам жизни систем стало уже недостаточно.

Здесь мы заметим кратко, что методология воспроизводства в СССР прежде всего была связана с методологией и философией образования и по-настоящему оказалась раскрытой в работах В.В. Давыдова, Г.П. Щедровицкого и В.П. Зинченко.

Сравните с тем, что было сказано у С.Б. Чернышёва: «Управление капитализацией, взятие под контроль циклов воспроизводства капитала — вообще узловая проблема прошедшего столетия, доставшаяся новому в наследство. Теперь все более очевидно, что она приобрела новое качество, стала глобальной»².

¹ *Сергей Чернышев. Особенности национальной приватизации. Узел российских проблем: некапитализированные активы. Круг второй* [file://localhost/C:/DOCUME4/ADMIN1/LQCAL54/Temp/Rar\\$EX01.656/20041215ch?r-pr.html](file://localhost/C:/DOCUME4/ADMIN1/LQCAL54/Temp/Rar$EX01.656/20041215ch?r-pr.html).

² Там же.

Именно циклы воспроизводства освоил прежде всего финансовый капитал, подчиняя своим задачам промышленный капитал. Если мы умеем разложить производственные процессы на модули, если мы знаем точно время жизни из каждого модуля, если мы можем эти процессы жизни модуля оцифровать и затем контролировать, то, что с ними будет происходить, если мы можем вычленивать компетентности, которые необходимы для обслуживания конкретного фрагмента производственного процесса, то мы можем переносить таким образом отмодулированное, близкое к автоматизации производство в другую страну, где стоимость рабочей силы меньше.

Этот важнейший принцип развития финансового капитала в XX веке был выделен целым рядом других исследователей. Для осознания этого факта, например, достаточно посмотреть глубокие работы Эрнеста Георгиевича Кочетова¹. Важнейшее понятие этого автора — «блуждающие интернализированные воспроизводственные ядра» — как раз и позволяет проследить, каким образом мировые финансовые потоки начинают определять географическое место воспроизводства и построение системы производства. Этим исследователем был очень точно отмечен тот факт, что если финансы начинают двигаться по всему миру, то мы должны от экономики переходить к геоэкономике, а от финансов — к геофинансам, прослеживая место и форму оседания и реализации финансового потока. Движение финансов опосредует мировые трансграничные хозяйственные системы. Мысль исследователя состоит в том, что Россия должна освоить принцип геофинансов и применить его как особый тип геофинансового оружия².

Но здесь следует отметить следующее обстоятельство: СССР не овладел процессами воспроизводства и, в частности, циклами воспроизводства капитала. Но в СССР были реализованы принципы проектно-программного движения и создания систем, которых до того в стране не было никогда. Мы создали огромное число отраслей и новых типов производств, которых до этого в России прежде не было.

¹ См. например, его работу «Глобалистика» или «Геоэкономический атлас мира как стратегическая инновационная интерпретация глобального пространства / География инновационной сферы мирового хозяйства / Под редакцией И.С. Мироненко. М.: Пресс-Соло, 2000, а также другие работы.

² См. интересную работу данного автора в коллективной монографии «Гуманитарный стратегический манёвр». — М.: РАН, 2005 и предисловие к данному изданию В.Н. Кузнецова.

И этот тип движения — совершенно особый. Можно отдельно обсуждать, мешал ли реализации этого принципа царский режим, или к 1913 году Россия развивалась огромными темпами и превратилась в по-настоящему развивающуюся страну. Конкретный факт состоит в том, что СССР владел этим принципом построения нового из ничего (*ex nihil*), если считать «ничем» сознание и волю. И это — совсем другой тип развития технологий и инфраструктур, чем овладение процессами воспроизводства и циклами воспроизводства капитала.

Можно сказать вслед за Иммануэлем Валлерстайном, что всему глобальному миру сейчас очень не хватает СССР. Нечто, что умел делать только СССР, сейчас либо не умеет никто, либо был вынужден делать кто-то другой, поскольку раньше существовал СССР. В частности, можно совершенно точно сказать, что СССР умел осуществлять «прорывы» и своего рода «забегания вперед».

Такие «прорывы» не являются развитием. Они могут вызвать и своеобразный экономический «рак», и полное истощение процессов экономической жизнедеятельности. Прорывающийся человек будет неостановимо прорываться, так и не переходя к процессам воспроизводства мыследеятельности и жизни. Развитие же предполагает соединение «прорывов» и процессов воспроизводства.

Но сегодня в мировой экономике очень сильно не хватает спроектированных на основе фундаментальных исследований и разработок прорывов, которые обеспечили бы смену самого уклада экономико-производственных систем и форм жизни. Именно умение осуществлять прорывы через мобилизацию определяло, на наш взгляд, основной уклад советской экономики, который и задавал стоимость советских экономических активов. Если убрать эту энергию мобилизации и творчества, связанную со способностью любой ценой добиться поставленной цели, и создать то, что выходит за рамки здравого смысла, то от советской экономики действительно не останется ничего — только груды ржавеющего и устаревающего железа, а также природные ископаемые и люди, которые в тех условиях тоже могут быть сведены до уровня «полезных ископаемых».

Для того чтобы попытаться осуществить переоценку советских активов, необходимо вернуться назад к советской экономике. Но это невозможно: она перестала существовать как реальность и как факт. Попытаться поставить перед крупнейшими олигархами вопрос о переоценке имеющихся у них в собственности активов — означает усилить в стране режим безопасности, чрезвычайщины,

полицейского нажима и одновременно — ослабить возможности демократии и творчества. С точки зрения занятия лидерских позиций в мировой экономике, это слабый и разрушительный ход — тем более, что эта старая игра «олигархи-прокураторы» приводит к тому, что «прокураторы» стремятся стать «олигархами».

На наш взгляд, исключительно за счёт локальной полноценной капитализации активов не удастся осуществить домашнего предпринимательства, даже если вдруг все российские бизнесмены, увлекшись идеями СБ. Чернышёва (и с нашей помощью тоже!), перейдут в разряд предпринимателей. Стоимость российских активов определяется во взаимодействии с крупными зарубежными компаниями и государственными системами, которые поддерживают эти компании. В том случае, если предпринимательская схема крупной российской компании при покупке зарубежного актива определяется возможностью использовать более дешёвое российское сырьё и заниженную стоимость российского труда, данная схема будет допущена к осуществлению и руководству данной компании дадут разбогатеть. Если же схема связана с освоением принципиально новой инновационной технологии или созданием нового продукта — нового автомобиля, космического аппарата, лекарственного препарата — российская компания не будет допущена к данному активу, если свои усилия для достижения желаемого результата не приложит государство. Но стоимость российских активов определяется именно в этой области — в возможности создать принципиально новые технологии и инфраструктуры, которых нет на Западе. И именно с этим связана проектно-программная форма деятельности, которая очень сильно отличается от традиционной кабинетной науки.

Поэтому для того, чтобы возвращаться назад к переоценке существовавших советских активов, надо идти вперёд — создавать международные компании по созданию технологий и инфраструктур нового социокультурного и технопромышленного уклада. Собственно, на это и должны быть потрачены деньги стабилизационного фонда. Такого рода компании должны быть размещены пространственно, то есть иметь геоэкономическую составляющую, в виде коридоров развития и зон развития. Они, собственно, и должны стать основой перехода страны к новому технопромышленному и социокультурному укладу. С этой точки зрения, это должны быть не только промышленные корпорации нового типа, но и новый тип поселений. В рамках подобных международных корпораций можно воспроизвести старый-новый советский про-

ектный экономический уклад совместно с развитыми странами старой Европы и развивающимися странами Азии. Именно этот уклад будет определять стоимость других производственных активов, поскольку в рамках него будут создаваться технологии, на основе которых можно перевооружать старые промышленные производства.

Данная мысль является, безусловно, спорной, и мы, чтобы подчеркнуть её проблемный, спорный характер, попробуем даже отменить и усилить, доведя до парадокса ряд содержащихся в ней моментов.

Мировая рыночная экономика не имеет никаких представленных внутри самого рынка рычагов для перехода к новому технопроизводственному и социокультурному укладу.

Финансовый капитал, который полностью подчинил себе промышленный капитал, редуцирует промышленное предприятие к воспроизводимым автоматизированным модулям, которые не содержат в себе принципиально нового опыта работы с веществом природы и социальными отношениями. Это своеобразная формализованная модульная фабрика — японский тойотизм. Не случайно важнейшую роль в подчинении промышленного производства финансовому капиталу сыграли японцы. Не имея фундаментальной науки, они доводили созданные технологии до совершенства, приспособляя деятельность людей к обслуживанию технологий.

Но возможно другое отношение к самой постинформационной промышленной форме труда как к авантюрному инициативному предприятию, обеспечивающему уточнение и открытие целого ряда фундаментальных физических принципов. В этом случае промышленное предприятие является платформой получения новых знаний. При подобном подходе кардинально изменяется труд самого промышленного рабочего. В своих книгах «Империя» и «Multitude» Антонио Негри и Майкл Хардт говорят о нематериальном труде как о новом родовом типе занятости. Но предприятие, на котором принципиально приходится опробовать эффекты действия новых создаваемых технологий, будь то ядерная энергетика или биофотоника, или организационные технологии построения новой организации, требует поискового и экспериментального материального труда. И более того, знание, извлекаемое на основе этого труда, невозможно получить из комбинирования идеальных символов на компьютере. Таким образом, сама идея нематериального труда — это продолжение бренда информационного общества, предполагающего разделение на модули сложившихся промыш-

ленных технологий и их воспроизводства в любой точке земного шара.

Таким образом, миссия России состоит в том, чтобы создать очаги, зоны, коридоры нового технолого-инфраструктурного развития в Евразии, включив в эту работу государства старой Европы и Азии. Скорее всего, в этом случае речь пойдёт о формировании корпоративной культуры совершенно нового типа. В соответствии со старыми определениями этот уклад, в рамках которого должны создаваться принципиально новые технологии и новые системы поселений, является глобальным и межцивилизационно-социалистическим. Но он огромным числом ниточек связан с работающими на прибыль корпорациями, которым необходимо будет перевооружать свои фонды в каждой из стран. Поэтому он — маленький островок развития в рыночной капиталистической экономике.

Конечно, в этом случае экспериментально-инновационные зоны развития должны быть организованы вполне определённым образом. Государствам придется договариваться о финансировании работ в этих зонах лет на 50 и примерно на этот срок определять фонд уставного капитала, вносимого разными странами. И еще должно будет создаваться международное правление этих зон, являющееся держателем программы развития и фонда финансирования данной программы, а заодно и множество корпораций, которые смогут участвовать в конкурсе на получение подряда разработки определённого проекта внутри программы.

5.2. Миссия русских: русские (*Russians*) как интегратор развивающегося и развитого мира. Трансграничная идентичность

Одна из важнейших миссий русских (*Russians*) заключается в том, чтобы обеспечить создание действительно независимых суверенных субъектов международного развития. На наш взгляд, эта независимость определяется, прежде всего, наличием в стране трёх фундаментальных институциональных сфер — развивающегося образования, фундаментальной практико-ориентированной науки и прорывного промышленного производства. Если у страны нет одной из этих сфер, то она не сможет выступать субъектом суверенного национально-цивилизационного действия. Преодоление неокOLONиализма заключается в том, чтобы помочь стране, если для этого есть соответствующая решимость населения, сформиро-

вать эти три взаимосвязанные, но одновременно автономные достаточно выраженные и развитые институциональные сферы.

В этом, на наш взгляд, и состоит идея мирового развития, связанная с созданием суверенных государственных национально-цивилизационных субъектов самостоятельного мирового действия, с которыми можно будет вступать в равноправную коммуникацию, а не использовать их для реализации собственных геополитических, идеологических или коммерческих схем. Это совершенно другой принцип мирового сотрудничества, который исключает фукиямовско-кожевский конец истории, поскольку та страна, которая быстро пробегает до апофеоза либерального государства и начинает видеть во всей мировой политике торжество либерализма, просто попадает в своеобразную комнату смеха, заполненную зеркалами, и больше ничего не видит там, кроме бесконечных собственных отображений. Проблема же заключается в том, чтобы ввести как можно большее число стран в орбиту мировой истории, вступая затем с ними в равноправный диалог. В этом случае самодвижущиеся отнюдь не все подряд национально-цивилизационные государства обязательно усвоят идеологию либерализма как единственный светлый путь человечества: это может быть и консервативный традиционализм, и социализм и т.д. Но самое важное в другом: в этом случае национальная история данного народа, его язык, формы организации сознания будут важнейшей опорой для фундаментального научного познания, технологических прорывов и антропологической самоидентичности. Своеобразный институциональный трансферт и формирование мультисферы из трёх самостоятельных институциональных сфер позволяет ещё раз нации-цивилизации проиграть всю свою этническую предшествующую историю, историю формирования собственного языка, образно-эстетических систем и вывести в сферу открытой мировой коммуникации, как это в XX веке сделала Россия и как это в конце XX века удалось осуществить Китаю, и как сейчас, например, делают это Малайзия, Бразилия, Индия и Иран. Формирование мультисферы полномасштабных производительных сил, как называет эти три вышеперечисленных институциональных сферы профессор М.Д. Дворцин, требует особой решимости от осуществляющих их стран и предполагает создание специфических условий институционального трансферта.

По поводу применения гегелевской методологии описания мирового развития следует отметить следующее: он выполнен в определённом мезослое описания воплощения Абсолютного Духа

в мировой истории, отсекая протоисторию с происхождением языка, сознания, феномена мысли и святости каждого из национально-цивилизационных субъектов и постистории, когда таких описаний было получено множество с позиций разных субъектов, стяжающих в своей организации Абсолютный Дух. Но, в соответствии с органическим принципом движения гегелевской системы, можно утверждать, что как только происходит значимое для Абсолютного Духа проникновение в слой протоистории и постистории, всё целое меняет свою топическую и топологическую форму. Выявленная и описанная в гегелевской философии действительная история воплощения Абсолютного Духа в мировой истории превращается в предысторию, поскольку она оказывается отягощена вполне определёнными национальными, этническими и конфессиональными предрассудками. Типичным примером подобного предрассудка является, например, точка зрения Гегеля о том, что иероглифическое письмо менее развито по сравнению с алфавитным, поскольку оно менее спекулятивно. Нам видится в фукуямовско-кожевском идеале конца истории та же самая попытка финансового капитала остановить развитие производственной формы как таковой, формализовать философскую систему и научиться её воспроизводить в виде отдельных модулей. Но может так случиться, что человечество ещё только учится по-настоящему мыслить, поскольку одновременный поток синхронного мышления в разных системах письменной и образных формах восприятия впервые может оказаться возможен на основе Интернета и развития принципов схематизации и прорисовки смыслов на основе методологии Московского методологического кружка.

Мы считаем, что совершенно особой специфической миссией русских (*Russians*) может быть трансферт феномена прорывной фундаментальной науки в страны Азии, связанный с реализацией программ инфраструктурно-технологического развития и формированием поселений нового типа. Средством подобной трансляции могут быть специальные университеты новых типов.

5.3. Типы и функции университетов в процессе регионостроительства

В настоящий момент во всём мире активно идут процессы формирования международных макрорегиональных университетских сообществ, в рамках которых формируются условия для внутри-

вузовской специализации, определяются условия межуниверситетского сотрудничества, а также ведутся дискуссии для ответа на вопрос, что из себя будет представлять новый институциональный уклад формирующихся университетов XXI века.

Мы видим три взаимосвязанных ядерных функции университета следующей формации, каждая из которых прорисовывается во вполне определённой рамке:

- специализированные исследовательские университеты внутри складывающейся мегакорпорации образовательно-исследовательских центров, интенсивно разрабатывающих определённую исследовательскую программу и стремящихся модернизировать и создать новую эпистемическую систему;
- инновационные университеты, продвигающие целую группу перспективных технологий, формирующих единую макрорегиональную технолого-эпистемологическую среду развития и перевооружающих на её основе определённую область практики;
- наконец, международные университеты, основой которых является установления плотных скоординированных взаимосвязей профессионалов определённых практических областей разных стран.

С точки зрения подобных рамок, становится очевидным, что развитие университетов и вхождение их в межрегиональные корпорации будут предполагать специализацию и определённый *outsourcing* целого ряда функций, которые еще лучше смогут совершать другие партнёры по межуниверситетской корпорации. В какой-то мере это противоречит тем тенденциям, которые были связаны с проблемами выживания и развития крупных и сильных университетов в России, стремившихся двигаться во всех возможных направлениях для превращения университета в мощную хозяйственно-экономическую цитадель в условиях ресурсной зависимости (см. Э. Морган, Е. Князев).

5.4. Исследовательские университеты и трансферт института фундаментальной науки в Евразию

Региональная стабильность определяется возможностью выделения объективно существующих программ, которые способствуют усилению кооперативных контактов в АТР. Эти программы, прежде всего с позиций РФ, могут быть связаны с уточняющимися функциями и миссией России в Евразии. Важнейшими функциями

могут выступить построение инновационной экономики, специализация взаимодействий в рамках сложившихся научных направлений, но также и формирование программ фундаментальных научных прорывов относительно имеющегося пакета наиболее перспективных так называемых критических технологий. Пакет технологий, являющихся критическими для усиления позиции страны на мировой арене, с одной стороны, определяет доступ к общественному богатству в ближайшей перспективе на основе формирования системы перспективных производств, а с другой стороны, закрывает возможности разработки принципиально новых прорывных направлений, определяющих технологии следующего поколения.

Но всякая технология основывается на определённых принципах и физических эффектах. Поэтому очень важно, с одной стороны, расширять наши знания о физических принципах и эффектах, а также последствиях их воздействия на биосферу и человека, которые заложены в существующие так называемые прорывные технологии, а с другой стороны, проводить фундаментальные исследования, позволяющие осваивать новые физические принципы и эффекты, которые могут стать основой создания технологий следующего поколения. Здесь необходимо понимать, что для получения действительных знаний об эффектах использования целого ряда технологий (например, о производстве дешёвых пищевых продуктов на основе генетических модификаций или воздействии излучений мобильных аппаратов на мозг пользователя) необходимы десятилетние исследования, связанные в том числе и с изучением потомства пользователей новых технологий.

Основное ограничение взгляда на университеты как инновационные центры, осуществляющие систематическое освоение и внедрение нового, предполагает ответ на вопрос, откуда берётся это новое. А это новое связано с постоянно возобновляющимися успехами в фундаментальных исследованиях, результаты которых дают возможность создавать плацдармы для разработки критических прорывных технологий следующего поколения. И здесь Россия обладает огромными возможностями, поскольку до сих пор, несмотря на имеющийся *drain brain*, у России остаётся множество научных школ, которые могут быть перевоспроизведены за счёт включения в научную работу молодых людей, в том числе и из зарубежных стран. Это перевоспроизводство отнюдь не предполагает повторение уже проделанных исследований. Наоборот, оно связано с постановкой прорывных задач нового уровня.

Нам представляется, что Россия может многое сделать для формирования и трансферта фундаментальных научных школ в Юго-Восточную Азию. Точно так же, как в своё время Лейбниц создал по просьбе Петра Первого проект Академии наук в России, ученые России сегодня через структуру университетов и международное сотрудничество могут создать условия для трансферта институтов фундаментальной науки в АТР на взаимовыгодных условиях. Формирование множества фундаментальных научных направлений в АТР и будет объективно способствовать преодолению стратегии «гусиного клина». Эта стратегия, как известно, состоит в том, что некоторая опережающая в технологическом отношении страна «сбрасывает» освоенные промышленные технологии идущей за ней следующей группе стран. Страна-лидер технологического развития продвигается к новой группе технологий, надстраивающейся над уже освоенными. Тем самым формируется относительно однородная, с точки зрения всей суммы технологий, макрорегиональная технологическая среда и одновременно возникает технологическая зависимость стран-акцепторов технологий от страны-лидера внутри данного региона. Если университетская наука за счёт международного сотрудничества будет постоянно расширять базу фундаментальных прорывных научных направлений, определяющих создание технологий следующего поколения, стратегия «гусиного клина» станет невозможной.

В этом случае усилия учёных будут связаны с освоением новых физических принципов, которые определяют продвижение к технологиям следующего поколения. От страны, имеющей собственную фундаментальную прорывную науку, отнюдь не потребуются следовать по стопам страны — технологического лидера на сегодняшний момент, поскольку на основе результатов фундаментальных исследований будет можно осуществлять технологический прорыв на собственных основаниях. Важно лишь всё время точно определять границы фундаментально-научного и технологического продвижений. В трансферте института фундаментальной прорывной науки в АТР может состоять важнейшая функция России в этом регионе. С этой точки зрения, абсолютно понятно тогда, с чем может прийти Россия в этот регион: с разработкой в рамках университетской науки прорывных программ фундаментальных научных направлений, определяющих следующий шаг технологического продвижения. Безусловно, очень важно указать на некоторые интегративные программы продвижения фундаментальных исследований. Существует точка зрения на то, что в настоящий

момент может быть выделена всего одна глобальная интегративная мультипрограмма, определяющая продвижение научных работ в огромном числе предметных и междисциплинарных направлений, — это учение о био- и ноосфере Н.И. Вернадского. Осмысление последствий роста технологической изошрённости системы производств на основе анализа процессов, происходящих в биосфере и ноосфере, а также разработка альтернативных направлений, интегрирующих технологическое и социокультурное развитие, являются важным принципом развития учения Вернадского о биосфере и ноосфере.

5.5. Инновационные университетские среды, обеспечивающие транспорт технологий из Европы в Азию через Россию

Внутри второй рамки перспективным типом университета является инновационный университет. Программирование новых фундаментальных исследований, обновление и системная организация нового комплексного полидисциплинарного эпистемического проекта, являющегося продуктом деятельности исследовательских университетов, не означают, что России не надо будет осваивать самой никаких технологий, уже созданных и используемых в странах технологического лидерства.

Традиционная задержка в переходе от фундаментальных научных открытий к технологиям и затем изменение на основе новых технологий форм организации промышленного производства всегда являлись уязвимой пятой инновационных циклов России. На преодолении этих узких мест и могут специализироваться российские инновационные университеты, в структуре которых формируются технопарки и бизнес-инкубаторы, а также ресурсные центры по подготовке венчурных проектов.

Сегодня понятно, что принципиальную основу инновационных циклов составляют правильно выстроенный менеджмент и адекватная институциональная организация системы национальной и международной экспертизы инновационных проектов, определяющая важнейшие шаги инновационного развития. Роль инновационных университетов в укреплении региональной стабильности возрастёт, если Россия возьмет на себя функции трансферта технологий, в том числе в окружающие её страны СНГ центральной Азии, опираясь на единство полномасштабных производительных сил

науки, промышленности, образования, поскольку интеграция этих трёх комплексов и определяет единство технологической платформы, имеющей общую эволюционную судьбу и шаги продвижения.

Конечно, очень многое зависит от того, насколько глубоко будет осмыслена проблематика процессов инноваций. Если под инновациями будет пониматься просто заимствование некоторых своеобразных «цифровых штучек» (дигитальных гаджетов), налицо будет формирование технологического фетишизма начала XXI века по аналогии с товарным фетишизмом, о котором в свое время писал К. Маркс. Альтернативное технологическому фетишизму понимание процессов инноваций предполагает прорисовку сферы инновационного продвижения, объединяющей в своём устройстве множество разных слоев:

1. Освоения новых типов мыследеятельности и новых институциональных принципов организации прежде известных типов мыследеятельности;
2. Форм инновационного менеджмента и управления этой деятельностью;
3. Новой структуры технических знаний, которые стоят за использованием инновационных технологий;
4. Новых фундаментальных знаний, включающих описание новых физических принципов и физических эффектов, являющихся основой прорывных технологий;
5. Описания формируемого на основе фундаментальных знаний горизонта технологического продвижения в данном направлении, выявление которого позволяет разрабатывать принципиально новые технологии, на основе других физических эффектов;
6. Описания последствий использования новых технологий для природного комплекса;
7. Социокультурных и антропологических знаний, описывающих изменения горизонта жизненного мира (по Гуссерлю), форм и принципов организации жизни различных общностей, трансформируемых за счёт освоения данной группы технологий.

При формировании своеобразной инновационной социокультурной среды на основе сети координирующих свою деятельность инновационных университетов Россия может стать особым типом оселком или даже ступицей инновационной инфраструктуры, обеспечивающей трансферт технологий из Европы для перевооружения огромной системы производств и формирование новых отраслей

промышленности в северо-восточной, центральной и юго-восточной Азии. Попадая в подобную инновационную среду, любая опережающая технология распродумывается, подвергается деконструкции, превращается из вещи снова в мысль на основе выявления лежащих в её основе новых фундаментальных знаний и новых принципов мыслительности. Инновационные университеты в рамках формирующейся инновационной инфраструктуры станут центрами осмысления и сценарирования наиболее перспективных направлений технологического и научного развития. Именно они и должны будут сформировать агентов инновационных изменений, владеющих принципами рефлексивного мышления и сценарного действия.

5.6. Международные университеты: кросс-культурный менеджмент и обнаружение межцивилизационной синергии

Формирование трансграничной инновационной среды окажется возможным, если появятся люди, обладающие трансграничной идентичностью, способные разрабатывать и реализовывать сценарии макрорегиональных изменений. На наш взгляд, это оказывается возможным только при формировании стратегии общецивилизационного продвижения; поскольку Азия является континентом нескольких взаимодействующих цивилизаций, то общецивилизационное продвижение является согласованным продвижением одновременно в нескольких разных цивилизационных горизонтах или перспективах. Для того чтобы выработать сценарии подобного разноцивилизационного продвижения, необходимо вести межцивилизационный диалог. Его важнейшим результатом является достижение межцивилизационной синергии (по О.И. Генисаретскому) групп учёных, деятелей образования, представителей предпринимательского сообщества, которые понимают и уважают ценности друг друга. Поэтому важнейшим направлением международного сотрудничества между университетами является политика межцивилизационной синергии, связанная с выявлением принципов взаимодействия, реализация которых может усиливать участников диалога.

Это предполагает создание более плотной сети взаимного изучения социокультурных условий, истории, культуры, языка, религии разных стран, результатов согласованного развития инсти-

тутов промышленности, науки, образования. Помимо усиления и углубления программ международного сотрудничества, стимулирующих поездки преподавателей и студентов в другие университеты и формирование своеобразной лоции перемещения групп студентов по кафедрам выделенной группы университетов, важным усилием в этом направлении является создание международных университетов, имеющих кампусы в нескольких странах и обеспечивающих реальное глубинное сопоставительное освоение социокультурных условий разных стран. В этом сегодня заинтересованы, с одной стороны, международное предпринимательское сообщество и транснациональные корпорации, для которых жизненно важно укоренение одновременно в нескольких разных точках планеты. А с другой стороны, это оказывается принципиально важным и для реализации некоторых глобальных, сегодня только ещё намечаемых интеграционных программ, — например, создание страновых мостов и коридоров развития, о которых говорит известный американский оппозиционный политический деятель Линдон Ларуш.

Основу подобного университета составляет не столько научно-исследовательский институт, производящий фундаментальное прорывное знание, и не столько инновационно-разработческая фирма с системой технопарков, что характерно для университетов в первой и второй рамках, сколько своеобразный театр, форум идентичностей, на котором демонстрируются образцы разностилевого мышления, имеющих разную социокультурную, цивилизационную и, возможно, конфессиональную подоснову. Именно подобный театр идентичностей может рассматриваться в качестве специального института, обеспечивающего подготовку российского человека к межкультурному диалогу между жителями европейского сообщества и крупнейших азиатских стран.

На основе этих трёх типов вполне и может быть сформулирована идеология русского университета.

5.7. Международный русский университет (ПРОЕКТ)

Создание университетов сыграло огромную роль в развитии России как мировой державы. В течение нескольких веков университеты обеспечили перенос европейской культуры, естественно — научного и гуманитарного мышления, на российскую почву. Одно-

временно университеты стали форпостами цивилизационного расширения и укрепления российской государственности на огромной многонациональной и многоконфессиональной российской земле.

Миссия Международного русского университета состоит в подготовке российских людей, способных разрабатывать и реализовывать стратегию цивилизационного продвижения России в мире на основе знания глобальной мировой среды, освоения прорывных научных, образовательных, инновационных программ.

России необходимо подготовить специалистов, экспертов, предпринимателей, способных действовать в глобальной среде, создавать инновационные сценарии и возможности для развития России в динамичном глобальном мире.

Деятельность университета будет складываться вокруг нескольких инновационных направлений на основе корпоративных контактов с университетскими и академическими группами в России и за рубежом, крупными промышленными корпорациями и государственными институтами власти. На основе сотрудничества с другими университетами и научно-разработческими центрами, студенты университета получают возможность детально осваивать различные (исторические, правовые, экономические, культурные, институциональные) компоненты глобальной среды.

Для этого будут открыты филиалы и созданы кампусы Международного русского университета за границей. Филиалы университета станут своеобразными российскими центрами глубинного сопоставительного изучения мировых и региональных социально-культурных процессов. Предлагаемая форма университетского образования должна позволить выпускникам университета свободно ориентироваться в разноцивилизационной среде, вступать в диалог с представителями других конфессий и этносов, представителями разных научных, практико-управленческих, общественно-политических парадигм, сохраняя свою идентичность российского русского человека.

Евразия является континентом нескольких взаимодействующих цивилизаций, поэтому важнейшей миссией университета является формирование диалога между цивилизациями, нахождение предметов и принципов взаимодействия, которые создадут эффект межцивилизационной синергии. Это предполагает создание более плотной сети контактов для взаимного изучения истории, культуры, языка, религии разных стран, проработки механизмов согласованного развития институтов промышленности, науки и образования. Это оказывается принципиально важным для реали-

зации некоторых глобальных сегодня только ещё намечаемых интеграционных программ — например, создание с участием России страновых мостов и коридоров развития. Международный русский университет станет активным субъектом подобного диалога и межцивилизационного продвижения.

Хорошее знание иностранных языков, практики развития управления, наук, культурного и политического развития в различных странах будут весьма востребованы в транснациональных и российских корпорациях, обладающих собственностью за границей. Запланировано включение студентов в разработку комплексных сценариев, проектов и программ регионального, корпоративного и государственного уровня. Выпускники университета ещё на этапе обучения приобретут опыт участия в международных научных, инновационных и консультационных проектах.

В университете предполагается достаточно объёмная языковая программа, обеспечивающая освоение выпускниками университета двух европейских и одного-двух восточного языков.

Данный университет обязательно будет строиться на основе двухуровневой подготовки — программы бакалавриата и магистерских программ. Предполагается начать формирование структуры университета на основе магистерских программ для выпускников лучших российских вузов.

Хотя данный университет является **гуманитарно-методологическим**, для анализа основных тенденций развития знаний в разных областях, в том числе всей совокупности естественных наук, учащиеся университета получают достаточно фундаментальную подготовку в области истории и методологии естественных наук, математики, истории, философии разных цивилизаций.

Основу дидактической модели университета составляет интеграция четырёх разных типов образования:

- гуманитарного (философского, теологического, историко-филологического и антропологического) образования;
- естественно-научного образования;
- международного дипломатического образования;
- экономического образования.

Основной интеграцией данных форм знания являются современные методологические теории и способы «мышления-деятельности-коммуникации», описывающие логические, герменевтические, антропологические и историко-институциональные механизмы порождения знаний, символов и знаков и инноваций в человеческой культуре.

Интеграция этих форм образования создает условия для перехода от подготовки исключительно предметных специалистов, «заточенных» на те или иные стандарты деятельности и решение типизированных задач, к выращиванию мета- и мегаэкспертов, способных осуществлять опережающее аналитическое и сценарное мышление в проблемных ситуациях.

Именно важнейшие компоненты этих четырёх образований обеспечивают возможность осваивать и разрабатывать прорывные инновационные программы и реализовывать их в виде сценариев деятельности частных корпораций и государственных институтов.

Гуманитарно-антропологический пласт исследований будет связан с изучением различных типов цивилизационной и национальной идентичности и типов сознания, которые связаны с культивируемыми формами искусства, религиозными традициями и опытом. Поэтому в структуре университета предполагается иметь небольшую консерваторию, театр-студию и киностудию для исследования роли и функций различных искусств в изменении форм самоопределения и самосознания человека.

Хорошо известно, что одна из основных задач формирования корпоративных университетов связана с уменьшением транспортных издержек гостевых профессоров. Для этого предполагается оснастить университет телекоммуникационной платформой для эффективной связи с сетевыми филиалами.

Для того чтобы университет функционировал как международный, важно иметь три российских кампуса — в Москве, Казани и Владивостоке. В соответствии с идеей евразийского моста будут созданы кампусы в Германии, Франции, Иране, Китае и Японии. А в соответствии с идеями российского духовного присутствия оказываются важными Иерусалим и маленький кампус на Афоне. Для контроля всей геополитической ситуации необходимо присутствие в Сан-Франциско (город первого российского присутствия в Америке), в Бразилии и Малайзии. Бразилия договаривается о сотрудничестве с Китаем и может быть геополитическим союзником России. Малайзия лидирует в системе АСЕАН и может стать подлинными воротами для России в юго-восточную Азию. Эта страна крайне заинтересована в том, чтобы воссоздать в своей стране структуру фундаментальной российской науки и образования.

У нас есть группа партнеров, которая могла бы взять на себя функции контакта с правительствами других стран с тем, чтобы составить договора на построение кампусов в Германии, Франции,

Индии и Малайзии. У нас есть партнёры по совместным исследовательским, образовательным и кросс-культурным проектам в Японии, Китае, Бразилии, США, ЮАР и Иране.

Критически важно иметь для начала кампусы и представительства в Германии, США, Китае, Японии, Малайзии и три центра в России, по которым будут перемещаться студенты.

Московский центр будет охватывать своим вниманием Германию, Францию, США. Владивостокский центр (Китай, Япония, Малайзия, Казань) охватывает арабские страны — в частности, Турцию и Иран (по сути, мы воспроизводим Восточный факультет Казанского Императорского университета).

Строительство кампусов включает в себя учебные корпуса, студенческое общежитие, дома для проживания преподавателей и гостей, приобретение земельного участка и обустройство окружающей территории. Так как Международный университет представляет собой многоэтническую и многоконфессиональную среду, необходимо особым образом и весьма компактно воссоздать религиозно-символическое пространство. Кроме того, кампусы будут оснащены и телекоммуникационным оборудованием для проведения качественных телемостов.

Средняя стоимость кампуса без телекоммуникационного и иного специального оборудования составит 25 миллионов долларов. На строительство и оснащение всех кампусов потребуется не менее 300 миллионов долларов. Начальное количество студентов во всех кампусах составляет 500 человек, с доведением в последующем их общего количества до 2500. Полная стоимость обучения студентов — 25 миллионов. Оплата труда преподавателей — 24 миллиона в год. Общее количество преподавателей и административных работников — 800 человек. Общая стоимость труда преподавателей и обучения студентов составит 145 миллионов долларов при полной численности 265 миллионов. Совокупная стоимость проекта составит 600 миллионов долларов в течение пяти лет. Строительство основной сети кампусов целесообразно завершить в течение трех лет.

Элитарный университет начнет свою работу с набора и обучения четырёх групп студентов — 100 человек. Набираются четыре группы студентов, в основном закончившие университеты, которые получают магистерское звание по следующим специализациям:

- международный менеджмент и предпринимательство;
- научная, промышленная политика и инновации;
- образовательная политика;

- управление человеческими ресурсами;
- государственное и территориальное развитие.

Миссия Международного русского университета — создать связную когерентную среду русского присутствия и русского мира в важнейших точках земного шара для того, чтобы люди из России могли свободно двигаться по всему земному шару, исповедуя традиционные идеалы духовности и обеспечивая усиление русского присутствия в мире.

Задача Международного русского университета состоит в подготовке российских людей, способных разрабатывать и реализовывать стратегию цивилизационного продвижения России в мире на основе знания глобальной мировой среды, освоения прорывных научных, образовательных, инновационных программ.

Международный русский университет возьмет на себя миссию формирования нового поколения российской элиты — патриотичной, талантливой, деятельной, глубоко образованной, способной к гениальным замыслам и свершениям.

Университет предоставит шанс способной российской молодежи сформировать деятельную содержательную миссию в жизни. Конечно, такое возможно обрести только в окружении подлинных учителей, наставников, которые прошли богатую практическую школу духовного взросления и дела.

В целом данный подход совершенно иначе позволяет взглянуть на проблемы развития высшей школы в России.

5.8. Возможен ли в России образовательный дефолт? Образование и безопасность

1) Отсутствие целей развития высшего образования. Являясь открытой демократичной страной и обладая значительными образовательными возможностями, казалось бы, Россия имеет все шансы подготовить очень быстро, всего за 5-6 лет, программы социокультурного технологического рывка в различных областях практики, а также коллективы «прогрессоров» — группы молодых людей, которые будут способны реализовывать эти программы. На основе реализации подобных программ может быть кардинально изменён институт собственности — собственность из институционального механизма олигархического присвоения и владения может превратиться в меритальную (связанную с воздаянием за заслуги, от английского *merit* «заслуга») систему вознаграждения

за создание эффективных систем управления. Но ничего подобного не делается. Члены правительства отказываются выполнять задание премьер-министра и президента по разработке программ развития страны.

Речь не идёт о том, чтобы создавать абстрактные, никому не нужные программы ради программ. Существуют специальные тонкие институционально-антропологические инструменты подстройки носителей и реализаторов программ развития различных областей практики к существующим полям деятельности. Учителями автора данной статьи были выдающиеся люди — психолог В.В. Давыдов, методолог Г.П. Щедровицкий (не путать с известным предпринимателем — Петром Щедровицким!) - создатели в России теории и технологии анализа различных областей практики — деятельностного подхода, а также практических метода анализа и развития коллективов и групп во многих предметно-практических областях — например, организационно-деятельностных игр. Теория деятельности была освоена целым рядом зарубежных учёных (Майкл Коул, Кёши Аmano, Юрьё Энгештрём, Мариана Хайдегард) и перенесена в виде метатехнологии развития на Запад, где она стремительно развивается. Создан целый ряд новых техник деятельностного анализа и преобразования — лаборатория изменения (*change-lab*), конференции по выработке консенсуса, лаборатория выявления границ между деятельностными системами, которые прочно вошли в арсенал развития организаций и коллективов.

Именно на основании деятельностного подхода можно сопоставлять принципы развития профессионального дела в различных областях практики в России и за рубежом и определять направления эффективного преобразования форм организации практики в соответствии с самоопределением коллективов. Выступая на конгрессе Международного общества по исследованию социокультурной теории деятельности в Амстердаме в 2002 году в качестве ключевого докладчика от России, автор данной статьи сформулировал необходимость разработки специальной компаративистской энциклопедии, рассматривающей развитие систем деятельности в России и за рубежом — строительного дела, станкостроения, авиастроения, энергетики, медицины, образования и т.д. На основе подобного анализа можно уже совершенно осознанно, а не вслепую, разрабатывать программы развития различных областей практики, в соответствии с целями развития страны. Систематически организованные материалы подобной энциклопедии, в которой

сопоставительно описываются направления преобразования и перевооружения различных систем практики, могут рассматриваться в качестве одной из компонент нового содержания высшего образования. Но сегодня в высшем образовании наукоёмкие программы, ориентированные на выработку нового знания о развитии систем практики, отсутствуют. Реформа высшей школы связана с общим курсом экономических реформ правительства, строящихся по принципу *austerity* — «Экономь или проиграешь». И подобный подход к реформам чреват социальной катастрофой, а отнюдь не развитием системы высшего образования.

2) Почему сегодняшняя реформа высшего образования конъюнктурна, бесперспективна и опасна. Всем известно, что в России все последние 10 лет осуществляется непрерывный рост людей, получивших высшее образование. Мы, не заявляя, как Япония, о возможной перспективе перехода страны к всеобщему высшему образованию (что действительно является правильным ответом на вызовы формирующейся глобальной экономики знаний), казалось бы, негласно направились по этому пути. Несмотря ни на что, на любые самые непонятные декларации власти, российский человек понимает, что наличие диплома об окончании высшего учебного заведения является минимальной гарантией возможности изменения его жизни к лучшему. Конечно, диплом, купленный и подделанный, да и даже реально заработанный, ничего не гарантирует в условиях постоянной нестабильности сырьевой экономики и неразработанности программ развития страны, несформулированное™ миссии России в современном глобальном мире. Но отсутствие диплома окончательно закрывает для вас возможность карьерного продвижения.

На наш взгляд, такой рост интереса среди жителей России к высшему образованию определяется тем, что приобретенный диплом является минимальной гарантией от нестабильности, а также обеспечивает для родителей возможность занять молодёжь хоть чем-то стоящим. Поэтому вокруг обучения юношей и девушек в вузах складывается определённый консенсус разных поколений, который соответствует старой русской традиции всеми силами выучить ребёнка на скопленные медные деньги. Ведь действительно: если не занятия в университете и вузе, то чем тогда займётся молодёжь — наркотиками, проституцией, вступит в преступные группировки? Результатом вовлечения в данный тип времяпровождения является прямая или отсроченная гибель молодых людей.

Поэтому с большой опаской люди, способные хоть в какой-то мере анализировать последствия, относятся ко всем сегодняшним начинаниям Правительства РФ, результатом которых может стать подорожание образовательных услуг или уменьшение предложения образовательных услуг в результате закрытия вузов. Ведь молодёжь, которая не будет учиться, как раз и сомкнётся с пенсионерами, которые ещё не до конца пережили унижение от плохо продуманной монетизации льгот и вновь попали в «полное зурабство» в результате намечающегося сокращения медицинских услуг. Старый человек, который вдруг видит, что молодой человек, ради кого он, возможно, жил, попадает в ещё худшую ситуацию, чем он сам, и переходит в состояние, когда ему нечего терять, хотя он и не приобретёт весь мир. Молодой человек, у которого отобрали будущее, сталкиваясь со старым человеком, которому просто нет места в «новой российской экономике», быстро проходит «свои университеты». Перед ним возникает страшная перспектива навсегда попасть в положение своего деда или бабки.

Нам иногда кажется, что американские советники играют одновременно в двух измерениях — в одном они на специальных семинарах концептуально подготавливают реформы Грефа и Зурабова, которые Жуков предложил называть «мероприятиями развития», а в другом они на основе учебника по «оранжевым революциям» Джина Шарпа «От диктатуры к демократии. Концептуальные основы освобождения» готовят молодёжь выступить против тех условий жизни, которые создаются реформами Грефа и Зурабова. Такая игра является, конечно, циничной, но зато беспрорышной.

Audiat et altera pars! — «Но послушаем и другую сторону!» Утверждают, что в настоящий момент огромное число вузов, многочисленные региональные филиалы московских вузов дают некачественное образование. Самые разнообразные недоброкачественные филиалы просто зарабатывают деньги на торговле дипломами. Это, безусловно, верно. Но возникает вопрос: почему какой-то страшный источник коррупции стремятся обнаружить исключительно в сфере образования, а не в системе торговли нефтью или лесом или в сфере банковских спекуляций? И как сделать так, чтобы борьба с недоброкачественными вузами не привела к превращению высшего образования в полностью платную услугу? В этом случае высококачественное высшее образование окончательно превратится в кастовую зону под стеклянным колпаком, к которой не будут допущены многочисленные группы населения.

Тем самым будет сделана ещё одна попытка присвоить «символический капитал», по Бурдьё, закрепив экспертную-эпистемическую, знаньевую функцию за выходцами из элитарных семей, представителями властьпредержащих. Но подобное действие в России не получится. Оно приведёт, скорее всего, к разнообразным бунтам.

Но есть совсем другая методологическая часть в рассмотрении данной проблемы: а при каких условиях динамично развивающееся образование действительно является важнейшим механизмом социокультурного развития? Если, скажем, не трогать российскую высшую школу, а давать на неё деньги и позволить ей эволюционировать по своим собственным законам, может быть, она в этом случае доразовьется до каких-то совершенно выдающихся результатов?..

К сожалению, подобная перспектива весьма сомнительна, если не сказать большего.

И сомнительность подобной перспективы определяется многими обстоятельствами.

1. Мы всё ближе приближаемся к ситуации «образовательного дефолта», когда ни отдельный конкретный диплом, ни их общая совокупность не будут иметь никакого значения. Люди отвечают на вопрос «Какое у вас образование?» совершенно парадоксальным образом: «А какое вам надо?» И протягивают пачку многочисленных дипломов, включая и документы иностранных образцов. Люди сегодня не работают, но позиционируются. Но эти дипломы — и отечественные и зарубежные — абсолютно не способны выявить и установить, что реально может профессионально делать этот человек в сегодняшних российских социокультурных условиях, и что он, при определённых условиях, будет уметь делать завтра и послезавтра, и каковы границы его переспециализаций и смены дорожек профессионально-карьерного роста.

Сегодня российский человек имеет справки, но не обладает нужными компетентностями, а у нас не хватает подготовленных специалистов для самых нужных, повседневных профессий. С одной стороны, существует переизбыток плохо подготовленных юристов и экономистов средней руки, а с другой стороны, не хватает инженеров, врачей, педагогов и менеджеров высшей квалификации. Конечно, это в значительной степени связано с тем, что огромная часть выпускников вузов не хочет работать по специальности, поскольку заработная плата специалистов в их отраслях совершенно недостаточна для нормальной жизни. Но в то же время следует

признать, что у нас произошло старение уникальных специалистов в целом ряде областей — в фундаментальной науке, среди разработчиков новой техники, среди инженеров-конструкторов, среди специалистов в области безопасности, специалистов в аэрокосмической отрасли, атомной энергетике, станкостроении и т.д. Если мы не осуществим воспроизводства научных кадров в этих областях в ближайшие годы, то лишимся огромного числа стратегических сфер занятости для наших людей и нам надо будет приглашать «варягов», а их деятельность придется оплачивать народными бюджетными деньгами.

2. Россия впервые за свою историю попала в ситуацию, когда необходимо исходить не из избыточности и фактической неограниченности людского ресурса, но из его кардинальной недостаточности. Поэтому на повестку дня должны выйти совершенно другие технологии — рачительного учёта имеющегося человеческого ресурса, стратегии его воспроизводства и развития и целенаправленной капитализации, долгосрочного длительного применения. Это означает кардинальный ценностный сдвиг в работе на кадровом поле и в социальной политике. Впервые в России необходимо исходить не из того, что если мне человек не нравится, то я найду другого, но из совершенно иного понимания — все люди нужны, все пригодятся, все могут *найти* выгодное профессиональное место, работая на благо России и на своё личное благо.

3. Представители бизнеса очень часто не заинтересованы в использовании специалистов высшей квалификации в соответствии с их потенциалом. Очень часто выпускник вуза «избыточен» и является сверхквалифицированным (*overqualified*) для владельца данного конкретного бизнеса или руководителей корпорации. Поэтому очень часто требования представителей бизнес-сообщества «усилить специализацию и снизить образовательный уровень выпускников вузов» направлены на приспособление и адаптацию российского человека к куцым и убогим возможностям совсем не мирового сегодняшнего российского бизнеса. Если принять за правило, что бизнес-сообщество платит, а поэтому оно и заказывает музыку, то оно и определяет, с какими компетентностями, с каким уровнем подготовки нужен ему специалист. Поэтому в скором времени мы уничтожим наш единственный резерв — нестандартных людей, воображение и мышление которых превышает серый уровень российского бизнеса и разрушающейся сферы технологий. А по этой причине идти на поводу у бизнеса высшая школа не может — и не должна. Она должна бороться за лидирую-

шие позиции в мировой системе образования. Должна — но не борется. И почему же?

4. Высшая школа не отвечает за востребованность своих выпускников на рынке труда, поскольку высшая школа не контролирует выход в различные поля практики и не обеспечивает их перевооружение. Делать подобную работу могли бы только своеобразные консорциумы, объединяющие в своём устройстве вуз или несколько вузов, прорывные научные фирмы, опережающие системы промышленных производств. Вузы и университеты в этом случае должны были иметь в своей собственности или в управлении систему прорывных производств и те самые инновационные площадки и промышленно-производственные площадки — сетевые экспериментальные зоны развития, о которых говорит Президент РФ.

3) Для эффективного развития высшего образования необходимо Федеральное кадровое агентство. Руководить развитием подобных концернов и сетевых экспериментальных площадок развития должно не отраслевое министерство образования и науки, а *Федеральное кадровое агентство* опережающего образования, фундаментальной науки и прорывных технологий, занимающееся перевооружением различных областей практики.

При подобном подходе мультисфера образования, объединяющая в своём устройстве опережающую развивающуюся науку, использующую средства проектного подхода и очаги новых, ещё только формирующихся отраслей производств, становится важнейшим элементом технологии развития. Конечно, было бы наивно считать, что механизм развития можно разместить в одной отрасли. Никакого министерства развития не бывает. Это была бы опять вредная и опасная ошибка отраслевизма, которая во многом и погубила в свое время советскую экономику. Но ориентировать образование в целом на обновление знаниевого проекта — смену научных принципов, на формирование и развитие продуктивного и творческого мышления для всех детей страны (в этом и состоял смысл программы выдающегося русского психолога Василия Давыдова) — это, безусловно, важнейшая задача введения в жизнь идеологии национального развития вместо людоедства и самопрозябания.

И лишь вокруг подобного «кулака», состоящего из трёх элементов:

- 1) развивающего образования на основе нового содержания образования,

- 2) фундаментальной практико-ориентированной науки, предполагающей выявление новых физических принципов,
- 3) прорывных промышленных производств, создаваемых на основе технологий следующего поколения,

можно выстраивать взаимодействие с работодателями и формировать кадровый проект развития России. Попытка напрямую устроить переговоры между вузами и работодателями означает либо навязать сегодняшней профессиональной практике монополистом-вузом вполне определённый продукт низкого качества по монополю-высокой цене, либо подчинить фундаментальное вузовское образование сиюминутным задачам бизнеса, прагматизировать и выхолостить его.

Но, конечно, обосновываться эта кастрация будет благими намерениями — привести в образование большой финансовый поток. И многих ректоров при помощи этой аргументации купят. Это равносильно подчинению общего среднего образования задачам поступления в вуз на основе ЕГЭ, что приведёт к развалу российской средней школы. Не случайно многие представители образовательной политики США называют основным бичом американской системы образования школьные тесты. Как остроумно заметил в своей книге *«Big Test»* Николай Леман: «Существует жёсткая альтернатива: либо образовывать нацию, либо отбирать наиболее подходящих. Между этими задачами не может быть компромисса».

Университет и коммерческая организация, заинтересованная в приобретении высококвалифицированной рабочей силы, не пересекаются напрямую ещё и потому, что возможны усложнения как формы организации университета, так и коммерческой организации, где в результате подобных усложнений могут формироваться специальные университетские консорциумы, межкорпоративные сети, обеспечивающие реализацию совместно разработанных программ и создание новых промышленных инновационных зон, новых экспериментально-тематических поселений. Форма реализации подобных решений должна разрабатываться специально под содержательные проекты перевооружения отраслей, формирования новых производств и так далее. В системе подобных альянсов вузовская наука может выступать одним из партнёров, претендующих на часть прибыли от создаваемого уникального продукта.

Сегодня же образовательный дефолт является вполне вероятной и реальной перспективой.

Можно утверждать, что сегодня мы не имеем реальных знаний о том, как себя «чувствуют» различные контингента из различных социальных слоев в структуре образовательной практики. Это антропологическое (или социально-антропологическое) знание прежде всего необходимо для того, чтобы чётко понимать, какую функцию выполняет реально сфера образования в современном обществе. Например, обеспечивает ли образование реально «равные старты» для представителей разных социальных групп, двигаются ли представители разных социальных групп в системе образования в соответствии со своими собственными достижениями, или их продвижение в более престижные институты системы образования определяется социальным положением и финансовыми возможностями их родителей? Можно ли вообще применять критерии справедливости к современному российскому образованию? Если нет, то в этом случае образование обеспечивает устойчивое воспроизводство застывших социальных каст. И успешность продвижения в образовательном поле, с точки зрения занятия образовательных мест для подготовки к престижным профессиям, будет соответствовать социально-кастовой структуре общества. Таким образом, перед нами встаёт важнейшая проблема воспроизводства символического и культурного капитала в том виде, в каком эта проблема была сформулирована П. Бурдьё¹.

Но, с другой стороны, **у нас отсутствует сегодня знание о результативности системы образования.** В какой мере и какой процент выпускников, получив дипломы о специальном профессиональном образовании, затем работают дальше по специальности именно в соответствии со своим дипломом, и в какой мере данная подготовка является качественной, удовлетворяя требования к данному специалисту? На эти вопросы сегодня нет ответов. Допущения, что современный выпускник более эффективно сможет искать место работы, не опираясь на административно-бюрократические механизмы государства, не оправдались. У нас просто нет такого рынка!

В целом ряде регионов мы имеем огромное число невостребованных юристов и экономистов при неудовлетворенной потребности в инженерах и врачах. За этим социологическим знанием стоят также отсутствующие антропологические знания о модели выпускника, востребуемой в данной профессиональной области. При выявлении данного фокуса знания мы приближаемся к основ-

¹ См., например, его книгу «Homo academicus».

ной проблеме сегодняшней сферы образования — оценке внешней результативности и качества образования. Существующие вузы навязывают сферам практики тот продукт, который они могут производить, но отнюдь не тот продукт, который действительно пользуется спросом и имеет стратегическое значение для развития различных областей. А частный бизнес требует тот продукт, который может быть им использован в российских условиях для получения максимальной прибыли, а вовсе не тот продукт, который обеспечит максимальное социокультурное развитие. И без специальных программ, разрабатываемых агрессивным и мобильным **Федеральным кадровым агентством**, обеспечивающим кадровое перевооружение различных областей практики, которое в равной степени понуждает и образование, и бизнес искать компромисс и создавать согласованные программы, развал лучшей в мире в недавнем прошлом образовательной системы неизбежен.

4) Стране необходима другая стратегия развития высшей школы - опережающего образования, практико-ориентированной фундаментальной науки и прорывной промышленности.

Каким образом можно реализовать подобную стратегию?

1. Из этого следует, что, прежде всего, было бы правильно создавать сортирующий выпускников механизм не между школой и вузом, а между вузом и различными полями практики — чтобы ответить на вопрос: а действительно ли востребуется тот тип выпускника, который создаётся в данном вузе? В противном случае, если реализовывать схему формирования специализированных групп вузов, вузы станут аккумулировать значительные средства, но взамен не будут предоставлять ни то качество образовательного продукта, в котором нуждается сегодня практика, ни те документы, которые могут данное качество удостоверить.

2. Современное российское производство и российский бизнес не заинтересованы в специалистах высшей квалификации, которые способны революционно развивать российское производство на основе фундаментальной прорывной науки, а не просто подводить его под западные образцы. Сегодня российскому бизнесу нужен человек, который бы имел знания о том, как устроена западная экономика, и при этом понимал бы, что наша экономика устроена не так, как западная, и пытался бы потихоньку подводить наши бизнес-предприятия под модель западных. В случае революционного развития технологий, как правило, появляются новые типы производств, а у них — новые собственники. Заинтересована

ли сложившаяся группа олигархов в появлении новых тысяч собственников на основе создания новых технологий, на основе проектирования новых продуктов и услуг? Нам кажется, что нет. Но ведь именно они образуют сердцевину общественного развития.

Оценка экстерналильных эффектов образования, реально показывающая, какую стоимость создаёт образование, определяется возможностью на основе специально разработанных образовательных программ обеспечивать развитие профессиональных полей в новых институциональных условиях организации практики, на основе использования средств профессионального мышления, коммуникации и действия. Поэтому оценка качества программ профессионального образования предполагает анализ общего дизайна данных программ с точки зрения важнейших пяти моментов, пяти фокусов анализа.

А. Эпистемический фокус. Как на основе данной программы студент осваивает знания, техники и способы мышления, действия, коммуникации в конкретных полях практики (в заданных институциональных условиях)? Это и есть проблема знаний в инновационной экономике — преобразующий инструментализм знаний и схем, средств и способов.

В. Исследовательско-проблемный фокус. В чём заключается знаниевый горизонт, который сегодня не освоен российской и мировой практикой? В чём проблемный горизонт фундаментальных принципов самого данного знания?

С. Антрополого-технический фокус. Как на основе данной программы студент диагностирует свой уровень компетентностей (институционально востребуемых способностей), а также имеющиеся у него включённость в профессиональное дело и стремление работать, осуществлять профессиональный рост, карьерное продвижение, личностный рост.

Д. Менеджеральный фокус. Как на основе данной программы студент будет осуществлять коммуникацию и организационные действия для построения коллектива, способного достичь поставленные перед ним цели.

Е. Фокус построения предпринимательских схем. Как на основе данной программы студент сможет разрабатывать схемы продуктов и услуг, которых сегодня не существует, но потенциальная потребность в которых весьма значительна.

3. Оценка учебных программ на основе выделенных пяти моментов должна быть связана с присвоением ранга программе, кото-

рый позволяет определённым образом оценивать её стоимость. Присвоение программе ранга предполагает организацию экспертных советов, с включением в данные советы выдающихся представителей различных полей профессиональной практики в данной области и крупных работодателей. При подобном подходе возникает возможность формировать и оценивать вузы как консорциумы (интеграторы) учебных программ определённого типа. Высшие ранги программ по каждому из направлений должны присваиваться в исключительных случаях.

4. Для решения целого ряда задач кадрового перевооружения и развития региона (округа) вузы могут объединять свои лучшие программы и формировать особые консорциумы для решения сложных, многоуровневых задач перевооружения отдельных профессиональных полей.

Таким образом, для того чтобы связать эффективно высшее образование и поля практики не через абстрактную «невидимую» руку рынка, а на благо страны, необходимо проделать определённую исследовательскую работу:

- должны быть представлены и описаны поля деятельности в различных областях практики;
- должны быть описаны кадровые потребности в данных полях деятельности;
- должна быть задана модель профессионала, эффективно действующего в данном профессиональном поле;
- поля профессиональной деятельности должны получить статус стратегических форм занятости с точки зрения социальной и социокультурной политики страны. Таким образом, у каждого из типов программы должна быть деятельностьная «подложка». Должно быть представлено не только описание содержания и структуры самой учебной программы, но и устройство самого поля практики, которое должно быть преобразовано;
- это поле преобразований полей практики должно быть согласовано с держателями полей практики: корпорациями, профессиональными союзами, представителями ведомств.

Но программы преобразования профессиональных полей практики не должны замыкаться только на «капитанов бизнеса», поскольку этот очень часто сложившийся тип бизнеса в России является примитивным и рассчитан на коммерциализацию результатов науки тридцатилетней давности, а не на осуществление научных прорывов. В этом случае мы и к подготовленным специалистами относимся как к возможному ресурсу, в соответствии

с принципами ресурсной экономики: людей мы не собираемся воспроизводить и развивать — мы их хотим потреблять.

Структура программы по отношению к осваиваемому полю практики должна выступать в качестве инструментального средства, обеспечивающего преобразование и продвижение в данном профессиональном поле.

Можно выделить несколько разных типов образовательных программ:

Инновационная образовательная программа. Описание инфраструктур в данной профессиональной области, подлежащих преобразованию. Описание новой технологии или проекта института, подлежащего инновационному преобразованию. Описание модели действий агента инновационных изменений в данной области по преобразованию форм действия, мышления, коммуникации. Межпрофессиональные взаимодействия и коммуникация с заказчиком и потребителем услуги (продукта), новые формы организации действия и мышления. Принципы, позволяющие осуществлять опробование и поиск новых принципов действия в данной области.

Исследовательская образовательная программа. Формы организации исследовательской деятельности в данной области. Принципы исследовательской деятельности в междисциплинарном исследовательском коллективе. Описание исследовательских технологий получения новых знаний. Формы кооперации и координации деятельности исследователя с проектировщиком и разработчиком. Уровень патентования и защиты интеллектуальной собственности в данной области.

Проектно-конструкторская образовательная программа. Формы организации проектной деятельности и инженерно-конструкторских разработок в данной области. Принципы проектирования и конструирования в полидисциплинарном коллективе. Описание конструкторских и проектных технологий, обеспечивающих получение новых решений.

Базовая образовательная программа профессиональной подготовки для данной практической области. Описание базовых моделей профессиональной деятельности в данной области: формы мышления, коммуникации, действия. Условия повышения качества деятельности в данной области, рост профессионализма и перспективы капитализации труда на основе данной модели профессиональной деятельности. Владение определённым набором технологий. Формы взаимосвязи с важнейшими кооперантами.

Вертикальная и горизонтальная мобильность, перспективы профессионального роста.

Программа подготовки управленцев. Распространённая модель управленческой деятельности в данной профессиональной области. Предлагаемая новая модель управленческой деятельности и её преимущества. Существующие корпоративные стандарты в данной области, перспективы развития стандартов в данной области. Принципы управленческой деятельности, обеспечивающие снижение издержек и повышение качества продуктов и услуг.

Предпринимательская образовательная программа. Существующие предпринимательские схемы в данной области: качественная характеристика этих схем. Новые типы предпринимательских схем. Требования к действию, мышлению и коммуникации предпринимателя, обеспечивающим создание новых предпринимательских схем в данной области.

Безусловно, что за проблемой развития профессионального образования стоит более фундаментальная проблема мыслительностной компаративистики, связанная с сопоставительными исследованиями развития различных профессиональных полей практики в России и за рубежом. В виде некоторого эскиза данная исследовательская программа может иметь следующий вид:

**План работ
по определению требований к развитию профессионального
образования, исходя из современных тенденций изменения
профессиональных полей практики.
Исследовательская программа**

1. Анализ кадастра профессий и выдвижение гипотезы об основных укрупнённых полях профессиональной деятельности.
2. Определение основных *stakeholders* (держателей) данных полей в России и за рубежом — профессиональные группы, ассоциации, сети, сообщества, научные коллективы.
3. Формирование междисциплинарного международного коллектива, проводящего сопоставительные исследования деятельности организации различных областей практики. — *Seth Chaklin (Denmark — USA), Mariana Hedegaard (Denmark), Yurio Engstrom (Finland), Benita Maria (Brazil), Bernd Fichtner (Germany), Mickle Coal (USA),* Малявин (Тайвань.), *Kyoshi Amano (Japan).*

4. Выделение для более глубокой проработки пяти сфер, в которых одновременно может быть проведена подобная работа: инженерная мультисфера с тремя полями (строительное дело, авиастроение, станкостроение), медицина, военное дело, пищевая промышленность, энергетика.
5. Разработка стандарта перевооружения (модернизации, развития, *upgrading*) полей профессиональной деятельности.
6. Проведение организационно-деятельностных игр (мозговых штурмов) и дискуссий в соответствии с разработанным стандартом.
7. Разработка деятельностных и антропологических моделей профессионала для различных полей профессиональной деятельности.
8. Формулирование требований к изменению содержания методов и форм образования.
9. Описание проделанной работы в формате «Мыследеятельностная энциклопедия развития наук и практик. Чем заняться в России?»

За данным организационным планом лежит определённая концептуальная исследовательская программа — сопоставительного описания основных тенденций развития деятельности в различных полях практики. набросок данной программы может быть представлен следующим образом:

1. Основные международные стандарты качества профессиональной деятельности в данной области.
2. Основные институциональные принципы организации деятельности в данной области — фирмы, корпорации, сети. Институциональный каркас профессиональных полей деятельности.
3. Анализ традиционных областей и новых формирующихся областей — (*health promotion*) в Канаде, *advanced manufacturing system* в США.
4. Схемы и принципы реальной организации рабочих процессов (*work-flow*) в ядерных зонах профессиональной деятельности.
5. Условия выделения «единичек» («клеточек») полномасштабное™ — взаимосвязь науки, образования, промышленности, финансовых и маркетинговых схем.
6. Определение схем собственности и форм владения в данных профессиональных сферах.
7. Типы эпистемической организации данной области — фундаментальные знания, технические знания, гуманитарные знания,

управленческие знания. Новые типы знаньевых членений — практико-ориентированное знание в отличие от прикладного, полидисциплинарное комплексное знание, обеспечивающие реализацию новых компетентностных моделей профессионала.

8. Экспертные системы в данной области: экспертные сообщества, информационные системы, сертификация профессионального роста.
9. Типы знаково-символической организации деятельности в данной области. Информационные технологии и IT-подход.
10. Задачно-проблемная организация. Типология решаемых задач. Типология проблем.
11. Маркетинго-коммуникативная форма организации деятельности в данной области.
12. Типодеятельностный анализ организации данной области — соотношение исследовательской, конструкторской, проектной и менеджеральной составляющих. Принципы и способы организации типов деятельности в данной области.
13. Отраслевая-сферная-полисферная организация данных профессиональных полей.
14. Типомыследеятельностный анализ — формы коммуникации, действия, мышления.
15. Антропологические модели данной профессиональной сферы. Соотношение способностей и компетенций. Компетенционная матрица развития данных профессиональных полей. Модель специалиста.
16. Ремесленно-техническая организация полей профессиональной деятельности. Редчайшие навыки и искусство в данных профессиональных полях.
17. Принципы инновационного перевооружения данных отраслей. Технологические пакеты организации труда в данных областях.
18. Формы организации бизнеса и предпринимательские схемы в данной области.

Реализация данной программы позволит выделить те зоны и области, в которых сегодня может начаться перевооружение профессиональных полей деятельности, и сориентировать вузовскую молодёжь на продвижение в данных областях. Уже сегодня у нас существует несколько десятков коллективов, которые могут проводить организационно-деятельностные игры по описанию и выделению направлений развития данных полей деятельности.

5.9. От внешних принципов развития России к внутренней структуризации.

Региональный университет как субъект стратегий развития: регионоформирование, научно-техническая, кадровая и инновационная политика, идентичность¹

Прошедшее десятилетие, сделавшее возможным сопоставление структур российских и западных университетов, подвело нас к важнейшему рубежу — необходимости самоопределения и ответа на вопрос: хочет ли академическое образовательное сообщество реального развития университетов, вузовской науки, инновационных комплексов? Становится совершенно очевидным, что российские вузы не будут развиваться в соответствии с принципами американского высшего образования — в России другие ресурсные возможности и другие институционально-политические особенности². Вместе с тем российское академическое сообщество, составляющее основу организации вузов и вузовской науки, будет определять в нашей стране важнейшие цели и направления изменений, происходящих в высшей школе, науке и кадровой экономике. В этом контексте мы приходим к важнейшему вопросу: является ли современный университет в России структурой, порождающей новые знания и создающей условия для формирования особого экономического уклада экономики знаний?

Можно совершенно чётко утверждать, что существовавшая ранее политика экономического выживания не была направлена на то, чтобы превратить университет в ключевого игрока региональных экономических стратегий, разработки политик и своеобразного законодателя мод. Университеты выживали, а следовательно, и не выступали в качестве субъектов — разработчиков или фасилитаторов стратегий регионального развития. Они продавали

¹ Автор при разработке данного материала использовал ряд принципиальных экспертных оценок по проблеме формирования университетских комплексов и университетско-научных инновационных комплексов, высказанных одним из фундаментальных разработчиков этой проблемы — профессором Тверского университета Е.А. Лурье. Интерпретация и выводы остаются полностью на совести автора.

² «Мы прекрасно знаем наши бюджетные возможности — 80 млрд. рублей (меньше 3 млрд. долларов) — всего два бюджета Калифорнийского университета или бюджет 3-4 американских вузов». — Жураковский ВМ. Университетские комплексы: цели и задачи // В сб.: Практика структурно-институциональных преобразований в системе высшего профессионального образования. — М., 2003.

те знаниевые активы, которые у них накопились к моменту начала рыночных реформ в России. Они стали быстро формировать пакеты образовательных, кадровых, модернизационных услуг, вставляя в систему перекошенного плохо сбалансированного российского рынка.

Формирующаяся в российском истеблишменте мода на инновационную экономику отнюдь не означает, что российскому университету будет предложена ключевая роль законодателя мод в инновационной, научно-технической или кадровой политике. В российских условиях так называемая инновационная экономика предлагает капитализацию тех прорывных открытий и идей, которые пока ещё не проданы и не вывезены за рубеж, но были реально сделаны в конце 50-х и начале 60-х годов. Под инновационной экономикой в отечественном контексте отнюдь не понимается проработка полного цикла жизни знания от получения новой фундаментальной прорывной идеи до создания новых технологий, реализуемых в новых ещё только формирующихся отраслях промышленности. Инновационная экономика сегодня — это создание условий для серии продаж системы устаревающих знаниевых активов, которые не удалось вывезти за рубеж и реализовать ранее. Российский университет сегодня не может развернуть подобную работу по стимулированию и обеспечению фундаментальных открытий, а затем и переводу этих фундаментальных открытий в технологии нового поколения, затем формированию на основе пакетов новых технологий пока не существующих, а ещё только формирующихся отраслей промышленности, одновременно по осуществлению маркетинговых исследований для продвижения принципиально новых товаров и услуг. Выполнение подобной работы предполагает создание реальной инфраструктуры экономики знаний. Такая инфраструктура — не виртуальная экономика движения финансовых потоков, а развёртывающиеся циклы жизни технологий от рождения до смерти и связанных с ними товаров, услуг, форм организации сознания потребителей на основе нового полученного знания.

Но здесь начинается основной и самый принципиальный разговор о функциях университета как субъекта построения региональных моделей развития. С точки зрения гуманитарных «тонких» технологий, именно университет сегодня может занять позицию разработки новых идеологий регионального развития и формирования идентичности. В структуре продолжительных крупных циклов формирования новых инфраструктур — в частности, ин-

фраструктуры экономики знаний — именно самоопределённость людей и готовность их реализовывать долговременные проекты становится важнейшим и решающим фактором успеха. Поэтому университетское академическое сообщество, ориентированное на получение и накопление фундаментальных научных результатов, является одной из устойчивых точек формирования региональной идентичности.

Рассматривая университет в качестве важнейшего элемента полномасштабных производительных сил, включающих в систему институтов образования и специализированной переподготовки институты производства и науки, необходимо проанализировать, какой тип стоимости создаёт университет в системе региональной экономики. Сегодня университеты, пытавшиеся пятнадцать лет выжить в ситуации ресурсного дефицита, стремятся сформировать различные организационные структуры, позволяющие им вписаться в непростые условия региональной экономики. Сегодняшний относительно успешный университет — это структура, которая смогла вращаться в региональную экономику всеми своими тремя важнейшими ипостасями: подготовкой кадров под заказ, проведением прикладных исследований и освоением инновационных востребуемых технологий. Но остаётся ли при этом университет структурой не прагматизированных академических интересов и совершенствования поиска сугубо научных фундаментальных знаний как базовой институциональной ценности? Каким образом можно различить защиту академическим сообществом некоторых заскорузлых и устаревших знаниевых принципов от поиска новых фундаментальных преобразующих структуру знаний открытий?

Удалось ли университетскому сообществу нарастить опережающее знаниевое фундаментальное ядро, или оно полностью потеряно в маневрировании и приспособлении к скудным заказам и возможностям оказаться на плаву в системе региональной экономики?

На наш взгляд, формирующиеся организационные структуры университета, определяющие три важнейших направления его деятельности — образовательную, научную и инновационную, хорошо известны и описаны в литературе¹. Вместе с тем эти организационные структуры представляют собой не полноценные правильно

¹ См.: *Шукинуев В. More scholastico. — Высшее образование в России, № 4, 2003. - С. 66-72.*

развёрнутые проекты, но фактически рационализированный опыт того, что смогло сформироваться в наших условиях при ограничении самых разнообразных ресурсов. С этой точки зрения, данные организационные системы, по меньшей мере, неполны и, возможно, с точки зрения полноценной инфраструктуры экономики знаний - и неверны. В предложенной модели современного университета В. Шукшунова фактически обозначена тенденция «подгребания» университетом в регионе всех возможных ресурсов под себя. И в принципе этот подход правильный в условиях ресурсного дефицита и стремлении выжить, но абсолютно не эффективный и затратный в условиях жизнеспособной экономики, когда приходится делать всё, поскольку за то, что мы действительно умеем делать, платят мало.

В сегодняшней экономике эффективные фирмы и предприятия стремятся не «сгрести» все ресурсы под себя, а осуществить аутсорсинг, оставив за собой производство только монопольного продукта, создание которого именно данная фирма делает лучше всех, а никто другой делать его не может. Поэтому по отношению к предложенной схеме В. Шукшунова возникает всего лишь один вопрос: а каким образом руководство университета получило доступ ко всему набору внешних для университета ресурсов, не имеющих к системе высшего образования никакого отношения? И ответ на подобный вопрос известен: политический лоббизм. Хорошо известен ректор университета — в качестве крепкого хозяйственника, способного по шагам отгрызать от региональной экономики ресурсы и собственность. Такая фигура весьма эффективна и продуктивна, но вряд ли является идеалом и меньше всего претендует на роль духовного вождя, способного вести за собой отряды региональных учёных и деятелей образования.

Университет, как специально выстраиваемый сложный институциональный организм, должен представлять собою не только целостную сферу образования, но и возможно полисферу¹, включающую в себя целый ряд других сфер — региональной науки, производства, экспертизы и т.д. Но это формирование современ-

¹ Понятие сферной и полисферной организации мыследеятельности разрабатывалось членами ММК — Г.П. Щедровицким и Н.Г. Алексеевым. Всякая сфера мыследеятельности обязательно включает набор из шести процессов — производство, воспроизводство, функционирование, развитие, ОРУ (организацию-руководство-управление) и захоронение демонтированных устаревших технологий. Полисфера представляет собой взаимодействие нескольких разных сфер.

ной институциональной структуры университета должно определяться не простой логикой поглощения любых элементов региональной экономики, а чёткими функциональными принципами подчинения разнородных элементов задачам функционирования и действия университета. Решение задачи подобной организации предполагает разработку миссии университета в системе региональной экономики. Подобная продуманная и ясная миссия является важнейшим политическим документом, определяющим стратегию действия.

На наш взгляд, важнейшей миссией российских университетов на сегодняшний день могла бы быть задача построения и формирования инфраструктур новой экономики — экономики знаний, обеспечивающих соответствующее позиционирование России на мировой арене. Формирование инфраструктуры экономики знаний предполагает, что **цикл жизни знания** является стержневым процессом, вокруг которого организуются различные институционально-функциональные подразделения деятельности университета. Процесс обновления знания, осуществление фундаментальных научных открытий являются обязательным элементом экономики знаний. Если новое знание никто не получает, не проблематизируя старые модели и не получая новых экспериментальных эффектов, которые нуждаются в объяснении, то инфраструктура экономики знаний принципиально неполна. Она нуждается в притоке новых знаний и новых фундаментальных открытий извне.

В своё время в царской России и затем в Советском Союзе был создан достаточно эффективный институт академической науки, способный производить научные открытия. Но инфраструктура экономики знаний не заканчивается фундаментальными научными открытиями — она с них только начинается. В современной экономике капитализируются не знания, но способы употребления знаний, то есть продукты прорывных технологий, создаваемые на основе новых знаний, а также формирующийся новый опыт и новая идентичность человека¹. Поэтому следующий важнейший фрагмент инфраструктуры экономики знания представляет собой разработку новых технологий на основе фундаментальных открытий.

Формируемые новые технологии могут представлять собой вырабатываемые новые отрасли промышленного производства, дела-

¹ *B. Joseph Pine II, James H. Gilmore. The experience economy. Work is theatre and every business a stage. Harvard Business School Press, 1999. Jeremy Rifkin. The age of access, N.-Y. 2000.*

ющие ненужными целые системы устаревших допотопных производств. На базе новых технологий и должны формироваться новые, не существующие сегодня отрасли промышленности, а также формироваться маркетинговые системы, обеспечивающие продвижение продуктов и услуг. Основная особенность университета состоит в том, что он, с одной стороны, должен владеть всем циклом движения знания, а с другой стороны, должен быть способен овладевать каждым элементом цикла — максимально его конкретизируя и специализируя деятельность по работе над ним на основе создания специализированных институциональных структур — лабораторий, исследовательских институтов, технопарков, центров инжиниринга, центров изучения смены идентичности, маркетинговых исследовательских сетей, центров формирования стратегических компетенций, кадровых центров и т.д.

С этой точки зрения, университетский научно-инновационный комплекс не может выступать в качестве простой организационной нащёпки над университетским комплексом и не может рассматриваться в качестве дополнительно создаваемой ещё одной структуры внутри университетской структуры. Инновационный комплекс является результатом освоения особого режима работы всем университетским комплексом. Этот режим работы предполагает постоянное продвижение от фундаментальных научных прорывов к созданию новых технологий и освоению этих технологий в системе региональной экономики в результате переподготовки профессиональных кадров.

Освоение всего цикла жизни знания делает университет принципиально открытым к предложениям и проектам любого типа. При этом цикл жизни конкретного знания может быть максимально рассредоточен и распределён между разными научными корпоративными структурами. Так, на основе нового фундаментального физического знания, получаемого в Тверском университете, могут создаваться новые технологии во Владимирском университете, которые выступают основой построения новых предприятий промышленности в Ивановской области, для работы на которых готовят специалистов в Ивановском университете. С этой точки зрения, выделенный единый цикл жизни знаний может выступать принципом кооперативного взаимодействия разных университетских комплексов.

Современная мировая экономика — это экономика конкурирующих брендов и стандартов, предлагающая услуги и продукты, за которыми стоит возможность получения нового опыта и фор-

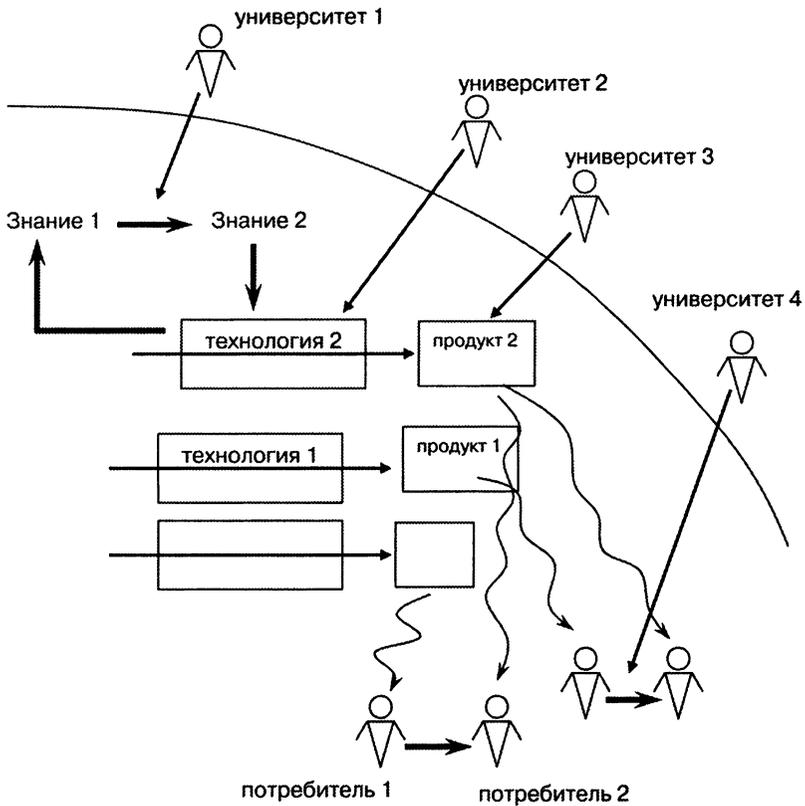
мирования нового стиля жизни. Поэтому важнейший принцип формирующейся новой экономики — это самоопределённость человека, принципы его целеполагания, готовность потреблять определённые продукты и включаться во взаимодействия с представителями фирм и корпораций. При этом значимой ценностью является способность человека сохранять свою собственную субъектную позицию, ставить собственные цели действия и выступать полноправным участником разнопозиционного диалога. Именно сохраняющая в любых условиях собственную самоопределённость личность знает, как употреблять те или иные имеющиеся знания в данных конкретных региональных условиях, как вскрывать новые физические принципы, стоящие за пионерской технологией, осуществлять получение нового фундаментального знания и создавать прорывную технологию, опережающую данную пионерскую. Собственно, самоопределившийся житель региона, имеющий вполне определённую идентичность, является важнейшим продуктом деятельности университета. В этом месте мы вынуждены воспроизвести сакраментальный вопрос Фолкнера из романа «Авессалом, Авессалом!!!»: «Почему на данном месте вообще люди живут?» Почему они не сбегают туда, где жить легче и проще — то есть в Москву или за границу, если у них есть соответствующие востребуемые компетенции?

Ответ на этот вопрос и должен давать современный университет, который готовит человека, обладающего опережающим видением и целым рядом стратегических компетенций, позволяющих ему создавать инфраструктуры развития региональной экономики в системе взаимодействия с другими регионами страны и мира.

Становится совершенно очевидным, что правильно сформированная идентичность позволяет позиционировать и включать проблемы развития данного региона в структуру интересов и стратегий развития других регионов, поскольку только самоопределившийся человек способен ставить цели, исходя из важнейших особенностей именно данного региона, и представлять интересы данного региона для участников диалога из других регионов. Поэтому, забегая несколько вперёд, можно сказать, что эффективно работающий в регионе университет формирует вокруг себя мультирегион, то есть целую систему взаимодействия с множеством представителей самых разных регионов.

Очень важно понимать, что вход в инновационную экономику циклов жизни и употребления знаний (*схема 7*) множествен,

Схема 7

и именно эта множественность и должна быть освоена при построении университетских инновационных комплексов.

Этот вход может происходить через освоения различными региональными производствами новых стандартов управления, за которыми стоят внедряемые стили жизни. Освоение подобных стандартов предполагает организацию специальных университетских центров стандартизации, которые могут готовить людей, способных осваивать и реализовывать данные стандарты. Отличие университетских центров стандартизации, реализующих принципы экономики знаний, от простых курсов передового опыта состоит в том, что университетские центры могут:

- 1) сформировать на основе опыта употребления общепризнанного мирового стандарта отечественную марку собственного стандарта, который может стать основой успешного регионального бренда;

- 2) выделить стоящий за данным стандартом стиль жизни, изменить ценностную основу данного стиля жизни и переформатировать стандарт, чётко определяя границу преобразований;
- 3) выделить стоящий за стандартом технологический уровень организации производства, фундаментальные знания, изменение которых в дальнейшем приведёт к переформатированию стандарта.

Таким образом, отличие университетских центров стандартизации от обычных курсов передового опыта состоит в том, что для университетских кадровых центров стандарт является эпистемической (знаниевой) конструкцией, за которой лежат трассы изменения фундаментальных знаний, технологий, ценностных структур.

Другим входом в систему инновационной экономики является подготовка стратегических компетенций, освоение которых позволяет изменять организационные структуры и добиваться получения продуктов более высокого качества. Формирование стратегических компетенций может осуществляться в специальных кадровых центрах, которые обеспечивают разработку и реализацию отраслевой и региональной кадровой политики. Основное назначение университетских кадровых центров состоит в том, что они позволяют связывать стратегические компетенции и стоящие за ними способности с уровнем технологического развития данных производств и типом организационно-институциональных структур. Формируемые на основе тренингов стратегические компетенции одновременно ставятся в соответствие с уровнем развития технологий и организационных структур.

Третьим входом в систему инновационной экономики являются традиционные инжиниринговые центры и бизнес-инкубаторы, в которых происходит освоение и опробование принципиально новых промышленных технологий. Но в университетских комплексах, работающих в рамках инфраструктуры знаниевой экономики, данные передовые технологии соотносятся с фундаментальными знаниями и институциональными условиями функционирования региональной промышленности. Тем самым определяется принадлежность данных технологий к определённому укладу, когда изменение институциональных условий организации производства, получение нового фундаментального знания будут создавать условия для разработки технологии нового поколения.

Четвёртым входом в систему инновационной экономики и экономики, основанной на употреблении знания, является система технопарков, в которых на основе принципиально новых физических эффектов и продвижения в фундаментальном знании проис-

ходит формирование новых технологий и опережающих систем изготовления *{advanced manufacturing systems}*).

Пятым входом в систему экономики знания являются центры фундаментальной науки, ориентированные на новый онтологический прорыв в целом спектре самых разнообразных наук¹. Без обновления фундаментальных знаний никакой экономики знаний быть не может — может лишь существовать экономика продажи чужих стандартов и знаний.

Сегодня перед университетами при попытке занять ими позицию субъекта инновационного развития в регионе и включиться в процесс регионоформирования, на наш взгляд, возникает необходимость одновременно участвовать в нескольких процессах. С одной стороны, придется попытаться собрать и соединить все имеющиеся образовательные ресурсы вокруг модели регионального университетского комплекса внутри региона, а с другой стороны, вступить в процесс кооперации с другими университетскими комплексами и региональными университетами.

В этом случае целая группа университетских комплексов и ведущих региональных университетов может сформировать своеобразную разноуниверситетскую мультиинновационную корпорацию, например, в масштабах федерального округа. Смысл формирования подобной корпорации состоит в том, чтобы сделать предметом совместной экспертизы, бенчмаркинга² и анализа ресурсы значительного числа регионов, входящих в федеральный округ. Подобная инвентаризация ресурсов имеет смысл прежде всего в тех случаях, когда каждый из членов мультиуниверситетской корпорации может чётко определить зону своих конкурентоспособных преимуществ не только в рамках исходного региона, к которому приписан университет, но и в границах первоначально-диффузного мегарегиона.

Если мы ещё раз рассмотрим, например, центральный федеральный округ с позиции немосковского регионального вуза, то регионообразование будет осуществляться на карте, из которой вырезана Москва и Московская область с её наукоградами. При этом градиенты воздействий московских вузов на другие регионы центрального

¹ См. например: Кузнецов О.Л., Кузнецов П.Г., Большаков Б.Е. Система Природа-Общество-Человек: устойчивое развитие. — Москва-Дубна, 2000. Или: Инженерия истории. — Часть 1 и 2. — М., 2002.

² Евдокимова Я.Ш., Князев Е.Л. Классификация вузов и бенчмаркинг // В Материалах первой международной конференции «Стратегическое управление и институциональные исследования в высшем образовании». — Казань, 2003. - С. 65-70.

федерального округа могут быть рассмотрены региональными вузами как своеобразный ресурс, который за счёт специальных программ доводки может быть привязан к региональным экономикам, — например, обеспечивая востребованность специалистов в региональных экономических комплексах, а не «вытекание» их в Москву.

Мультиуниверситетская инновационная корпорация является не юридическим лицом, но своеобразным клубом политиков, управленцев, экспертов. Мультиуниверситетская инновационная корпорация не может строиться по жёсткому иерархическому принципу, и она предполагает свободную игру различных проектов, выносимых на Совет корпорации. В Совет мультиуниверситетской инновационной корпорации обязательно должны входить, кроме ректоров университетов, губернаторы, экономические эксперты и представители руководства центрального федерального округа. Основным смыслом предлагаемых инновационных проектов различными университетами, входящими в состав мультиуниверситетской инновационной корпорации, состоит в том, чтобы выделить зоны специализационного роста различных университетов и сделать этот рост предметом общей капитализации. А это возможно только в том случае, когда будет за счёт специальной экспертной работы определено, в рамках каких инновационных циклов и с какими предметами инновационных внедрений наиболее успешно действует тот или другой университет. Внедрение лазерных технологий во все машиностроительные предприятия центрального федерального округа может осуществлять структура одного университета, а разрабатывать агротехнологии — структура другого. В силу неравномерности развития исследовательских структур по различным направлениям фундаментальной науки и структур практико-ориентированной науки при формировании мультиуниверситетской, инновационная корпорация возможна как специализация отдельных университетов в рамках предлагаемых для разработки и реализации программ регионального развития центрального федерального округа, так и заимствование и освоение наиболее интересных технологических решений, созданных разными университетами. Может получиться так, что региональный университет значительно быстрее сможет аккумулировать объём финансирования, необходимый для получения статуса университетского комплекса при работе в мультиуниверситетской инновационной корпорации с разными регионами центрального федерального округа, чем при изолированном стремлении подчинить себе все ресурсы в отдельном регионе.

Предварительные выводы о превращении вузов в средство территориального развития. Важнейший сектор, в который могла бы сместиться активность современного вуза, — это деятельность по обновлению знаниевых структур и формированию стратегических компетенций на основе фундаментальных способностей, за которыми стоят базовые способы мыследеятельности.

В сегодняшних условиях, когда в регионах фактически отсутствуют институты новой экономики, основанной на использовании и употреблении знаний, университет фактически мог бы стать важнейшим центром и формирующей системой, способной обеспечить в России прорыв к новому техносоциокультурному укладу, основу которого составляют новые источники энергии, новые материалы, биофотоника и инженерия знаний. С этой точки зрения, возникает далеко не простой вопрос: должен ли университет в современных условиях только лишь приспособливаться к формирующимся рыночным институтам и в какой-то мере их рационализировать, или основная задача университета — это разрабатывать программы смены сложившегося в России техносоциокультурного уклада?

Можно ли сегодня университетам в России ставить задачу освоения всей инфраструктуры экономики знаний — фундаментальных знаний и нового комплекса высокоэффективных технологий, на основе которых возможно перевооружение сложившегося технопромышленного и социокультурного уклада?

Понятно, что отдельному региональному университету подобная задача не по плечу. А если мы ещё возьмём центральный административный округ, где налицо близость к Москве, обладающей другими информационными и финансовыми ресурсами и снимающей ренту по положению, или даже Московскую область, нафаршированную наукоградами, то ситуация становится вообще безвыходной. Вместе с тем мультиуниверситетская инновационная корпорация в перспективе могла бы стать субъектом формирования нового технопромышленного и социокультурного уклада в центральной России.

5.10. Цивилизационное распредмечивание и трансграничная идентичность

Итак, мы применили в данном разделе следующий приём в соответствии с основным смыслом нашей книги: мы обсудили внешнее международное направление продвижения, а после этого

рассмотрели условия структуризации внутреннего пространства России. Эти два аспекта для нас связаны тесно и глубоко внутренне: отвечая на глобализацию, мы одновременно должны понимать, как мы будем структурировать внутреннюю территорию.

Но одновременно нам необходимо отвечать и на другой вопрос: что такое трансграничная идентичность *Russians*, живущих и движущихся по всему миру? Эта трансграничность, с гуманитарной точки зрения, не имеет никакого отношения к натуральному пространственному способу пересечения границы. Тем более, что это сегодня многократно делают многие из нас, уткнувшись в экран телевидения или просматривая сообщения по интернету.

Подлинная трансграничность предполагает вход в сферу иного этнического, конфессионального, идеологического, тендерного сознания. В какой-то мере это связано просто с сопереживанием и со способностью сострадать другому существу, переживать боль другого как свою собственную. Но, с другой стороны, подобный способ действия предполагает осуществление цивилизационного распределения¹, возможность понять, что представитель другой цивилизации придерживается иных принципов, совершенно по-иному структурирует мир и иначе организует сам способ взаимодействия, в котором мы в данный момент находимся.

Осуществление цивилизационного распределения не предполагает отказа от национально-цивилизационной идентичности. Наоборот, это — способ выявления личностных оснований той формы идентификации, которой придерживается представитель данного национально-цивилизационного мира. Трансграничная идентичность предполагает выделение оснований идентификации в сфере совершенно чуждого для себя цивилизационного, национально-цивилизационного, конфессионального сознания. Это способ проникновения данного типа идентичности в своё инобытие. Но, как известно, инобытие (*Das Andersein*) не уничтожает данный тип сознания, но лишь позволяет открыть его энергичный источник, если, конечно, носитель данного идентификационного сознания не откажется добровольно от собственной идентификации и не уступит цивилизационной перевёрбовке. Трансграничная идентичность предполагает проникновение в сферу чуждого и другого.

Подобная процедура обнаружения трансграничной идентичности оказывается возможной благодаря различению сознания и

¹ О процедуре цивилизационного распределения см.: Громько Ю.В. *Сценарная паноплия*. — М., 2004.

личности и возможности осуществлять управление состояниями сознания с позиций личности. В какой-то мере помещение себя в мир чуждого сознания есть процедура умирания, забегания в смерть, но одновременно и акт инициации, позволяющий обнаружить внутри себя совершенно новые энергийные источники. Без этих энергийных источников любая идентичность есть лишь замерзшая на лице маска, личина, отсутствие спонтанности и, значит, жизни.

С этой точки зрения, вполне возможно, что наибольшими пассионариями строительства новой русской (*Russian*) государственности в условиях глобализации станут жители новых государств СНГ, а также и других стран мира, если российское правительство сумеет разработать и провести политику релокации, предложив части наших соотечественников, проживающим за пределами России, вернуться назад в Россию для освоения целого ряда внутренних территорий — центральной России, Дальнего Востока... Ну, и ещё найдётся, где поселить бывших советских граждан.

Это вполне возможно, поскольку, побывав на чужбине и в чуждом цивилизационном и социальном окружении, они в значительно большей степени начнут ценить источники русскости — язык (школьники Прибалтики и Крыма), веру (соотечественники в мусульманских центрально-азиатских республиках), необязательность материального стяжательства на фоне американских стандартов жизни и подлинный интернационализм в условиях, с одной стороны, специально выравниваемой моноэтнической и конфессиональной однородности и одновременно межэтнических столкновений - с другой. Но одновременно это — достаточно серьёзная проблема идентарной политики: как усилить самоопределённость русских в условиях глобализации, не сводя её к изоляционизму и ксенофобии? На наш взгляд, осуществить это можно только одним образом — выводя русских (*Russians*) к самоопределению по отношению к новым проблемам, которое всё остальное человечество будет решать лет через 50-70. Об этом говорил Михаил Гелфтер, формулируя своё видение России как мира миров.

Так что же может быть отнесено к подобным проблемам? Безусловно, проблема бедности, и, конечно, проблема живого/мёртвого в оппозиции к соотношению искусственного/естественного, а также, безусловно, проблема развития новых мировых метаантропологических форм сознания на основе государственнического национально-цивилизационного сознания и т.д.

Глава 6

Миссия русских: русские (*Russians*) как интегратор экономического богатства и социальной справедливости

Россия в результате тех кардинальных трансформаций, которые с ней произошли в XX веке, накопила антропологический опыт, игнорировать и не использовать который было бы ошибкой и преступлением. Этот опыт, с антропологической точки зрения, заключается в том, что в России окончательно разделились богатство и благородство родословной, власть и влияние, способность осуществлять действие и социальное закрепление полномочий. Человек в России оказался как бы вынутым, выделенным из структуры социального порядка и предоставленным самому себе, но одновременно и противопоставленным самому себе. Человек оказался окончательно и совершенно «голым». С человеком в России может произойти всё, что угодно, — он может баснословно разбогатеть или, наоборот, полностью разориться, он может занять любое социальное положение и, наоборот, лишиться любого высокого поста.

Сам тип социального строя тоже является предметом своеобразного выбора, поскольку Россия за XX век побывала в трёх из возможных социально-политических мирах: в России были самодержавие, коммунистический строй и демократическая республика. Благодаря этим пертурбациям, становится очевидным, что, помимо социально-политического порядка, важнейшим условием идентификации себя в этом мире является самоопределение людей.

Подобная динамика позволяет осознать, что почти все социально-политические характеристики являются предметом волевого действия и молитвы, то есть специально культивируемой способности верить в вещи, в настоящий момент отсутствующие и невидимые.

Мы в данном случае хотим уйти от банальной социологизаторской мысли о том, что в период неустойчивости у людей исчезают внутренние опоры, и субъекты становятся подверженными влия-

нию любых проходимцев. Мы обращаем внимание на то, что в период глобальной мировой неустойчивости у нации-цивилизации появляется возможность занять то место, в которое она верит и каковое должно быть её местом в мире. Для этого только надо, конечно, приложить соответствующие усилия в нужное время и в нужном месте.

И это место, на наш взгляд, с точки зрения социальной миссии России вполне понятно. Россия может продемонстрировать форму создания мирового богатства и показать, что в принципе любой народ и любое национально-цивилизационное государство способны участвовать в формировании мирового богатства и, следовательно, претендуют в дальнейшем на созданную часть этого богатства. Для того чтобы участвовать в процессе формирования богатства, необходимо иметь три сформированные сферы — фундаментальную практико-ориентированную науку, развивающее/развивающееся образование и прорывную инновационную промышленность.

Но интеграция экономического богатства и социальной справедливости оказывается возможной лишь в том случае, если в формирование богатства могут оказаться втянутыми любые слои населения. Поэтому формирование и присвоение богатства не должно быть закреплено за узкими кастово-элитарными группами. Это предполагает, что все дети, независимо от их социального происхождения, должны иметь право на бесплатное общее фундаментальное развивающее образование. Это фундаментальное общее развивающее образование создаёт основу для профессионализации, личного роста и развития человека. А основу этого общего фундаментального образования составляет выращивание базовых мыследеятельностных способностей — мышления, понимания, рефлексии, социального действия, понимания на основе работы с материалом чувственности (воззрительное понимание, слуховое понимание) в форме воображения, трансцендирования, имманентизации и т.д.

На основе данных фундаментальных способностей могут формироваться институционально востребуемые и социализируемые типы способностей в форме компетентностей. Если способность — это своеобразный самородок, то компетентность — это отшлифованный и ограненный драгоценный камень. Обладание способностью, отчеканенной и доведенной до уровня социально признаваемой компетентности, включённой в коммуникативные сети опосредования, означает экономию времени человека для его

социального продвижения. Осваивая компетентность, человек осознаёт границу социализации и общественного признания его способности.

С этой точки зрения, институт образования должен обеспечивать для всех детей страны возможности развития и выращивания их способностей и компетентностей. Но это необходимо, прежде всего, для того, чтобы включить подрастающее поколение в очередной рывок по формированию новых технологий, а на их основе — модернизированных и качественно новых инфраструктур, которые и определяют вновь создаваемое богатство. Именно это создаваемое богатство сможет затем оказаться присваиваемым и капитализированным, одновременно продвигая вперёд страну и создавая условия для общественного благополучия людей, которые и сформировали это богатство.

Такие прорывные технологии и принципиально новая инфраструктура на основе воспроизводства и модернизации эксплуатируемых технологических систем создают условия для переприсвоения того капитала, который в настоящий момент уже присвоен. Таким образом, формирование нового производственно-технологического и социокультурного уклада создаёт условия для переприсвоения национального капитала и обеспечивает возможность социальной справедливости, если у народа данной страны есть возможность участвовать в процессах развития, а правящий класс не противится этому процессу развития.

Конечно, не стоит быть наивными. Правящий класс сделает всё, чтобы участвовать в переприсвоении приватизированной собственности на основе создаваемых новых технологий. И это будет достигаться за счёт обеспечения более высокого уровня образования для детей господствующей прослойки и за счёт захвата командных высот в процессе управления самим технологическим и социокультурным «прорывом». Хотя управлять развитием невозможно, поскольку социокультурное развитие — это как революция, то есть сложнейший социальный процесс многоуровневых разноочаговых преобразований и тотальных разнонаправленных изменений. Поэтому финансовая мировая элита боится такого развития и делает всё, чтобы не допустить научно-технической и социокультурной революции, в которой участвовало бы всё население страны.

Нечто подобное происходит сейчас в России: принадлежащие мировой финансовой элите члены правительства делают всё, чтобы не допустить превращение России в действительно разви-

вающуюся страну, осуществляющую рывок развития, связанный с формированием принципиально нового технопроизводственного и социокультурного уклада. Несмотря на то, что у страны есть деньги, правительство боится создавать и обсуждать программы действительного технологического и социокультурного прорыва.

Но включение подрастающего поколения в долгосрочную программу развития страны является всего лишь одним механизмом формирования условий интеграции экономического богатства и социальной справедливости, поскольку для нас социокультурное развитие, помимо создания прорывных технологий и новых инфраструктур, ещё обязательно связано с территориально-пространственным развитием, конкретной формой заполнения пространства инфраструктурами, обеспечивающими высокий уровень жизни на данной территории. Этот тип инфраструктур предполагает создание новых типов поселений, новых транспортных и информационных инфраструктур, новых энергетических систем.

Наличие данных инфраструктур должно рассматриваться как вознаграждение за государственную службу и подвиг женщины в России, связанный с рождением пяти детей¹. Человек, прослуживший на благо своей родины 15-20 лет, рискующий жизнью в горячих точках, имеет право получить дом и земельный участок со всем набором инфраструктур, обеспечивающих высокий уровень жизни. То же самое должна получить семья, хозяйка семьи, в которой насчитывается пятеро детей. С этой точки зрения, пространственно-организованная инфраструктура жизнедеятельности является формой капитала², который должен вкладываться в определённые категории населения, обоснованно рассчитывающие на вознаграждение за подвиг служения стране.

С этой точки зрения, если обеспечивается возможность всё подрастающее население включать в процесс формирования общественного богатства и последующее его присвоение, с одной стороны, а с другой стороны — за приоритетные типы служения рассчитываться территориально-инфраструктурным капиталом, в стране складываются новые условия биополитики. Это биополитика выращивания ткани растущего населения страны.

¹ См. Антропологическую доктрину в качестве приложения.

² На наш взгляд, это — территориально-инфраструктурный капитал, обеспечивающий конкретный тип биополитики — формирования благосостояния нации.

Территориально-пространственное развитие, которое не опирается на биополитику роста населения страны и не предполагает её, является очередной формой распродажи национальных богатств. На наш взгляд, подобные схемы будут предлагаться регионам со стороны хитрых лукавых разработчиков, предлагающих региональным правительствам позиционироваться для международных инвесторов. И разнообразные утверждения о том, что одна часть регионов войдёт в условиях глобализации в контакт с инвесторами, а другая часть «просядет», являются новой формой мягкой лукративной («за большие деньги») дезинтеграции страны.

Нам же представляется, что зоны и коридоры развития должны обеспечивать предложение стратегических типов занятости на основе создания принципиально новых технологий и инфраструктур нового поколения в течение активной жизни двух поколений (50-55 лет) и одновременное создание жизнедеятельностных инфраструктур, обеспечивающих благополучную жизнь на территории страны. Только два этих принципа в совокупности обеспечат биополитику национального благополучия и роста населения.

Именно поэтому программа «комфортного жилья» и «русского дома» не может быть национальной идеей. На комфортное жильё необходимо зарабатывать, и в первую очередь молодым людям. А для этого необходимо иметь для всех групп населения России предложение стратегических типов занятости — чтобы человек знал, что, занимаясь жизненно важным для страны и интересным для него делом, он может за 10-15 лет заработать себе на дом.

Если подобного предложения не будет, то мы будем иметь в перспективе комфортное жильё, которое осваивает финансовая олигархия, а затем через некоторое время у нас возникнут механизмы спекуляции и перепродажи такого жилья с его постоянным подорожанием. Это тот механизм, с которым связаны последние годы формы якобы экономического «успеха» в Америке, представляющего рост раздутого пузыря недвижимости, который вот-вот лопнет. Сравните с этой точки зрения статьи очень острого аналитика «Нью-Йорк-тайме» — Пола Кругмана, особенно статью от 12 августа 2005 года: «Так вышло, что я живу по соседству с русским эмигрантом. Однажды он попросил меня объяснить ему то, что озадачивало его в новой стране. «Это место кажется очень богатым, — сказал он. — Но я никогда не видел, чтобы кто-нибудь здесь чем-нибудь занимался. Как же страна зарабатывает деньги?» Ответ сегодня состоит в том, что мы зарабатываем себе на

жизнь, продавая друг другу дома. С декабря 2000 года занятость в обрабатывающей промышленности США упала на 17 процентов, но членство в национальной ассоциации риэлтеров возросло на 58 процентов.

Бум жилищного строительства создал рабочие места двумя способами. Многие рабочие места были созданы прямо и косвенно всплеском жилищного строительства. И поднимающаяся стоимость домов запустила одновременный всплеск потребительских расходов.

Давайте начнём с жилищного строительства. Между 1980 и 2000 гг., которые предшествовали буму жилищного строительства, траты на строительство нового жилья в среднем составили 4,25% валового национального продукта. В последней четверти, однако, эта цифра была 5,98%. Разница между этими двумя цифрами равна 200 миллиардам долларов в год дополнительных затрат, порождающих приблизительно 2 миллиона дополнительных рабочих мест.

Затем имеется скачок в ценах домов. За последние пять лет цены на жильё росли значительно быстрее, чем в целом прожиточный минимум, добавляя около 5 триллионов долларов к общественному богатству. В соответствии с типичными расчётами можно сказать, что каждый добавочный доллар богатства жилищного строительства добавляет около 3 центов к годовым потребительским расходам, так как семьи уменьшают свои сбережения и занимают деньги под залог их заново оцененных домов. Таким образом, мы говорим о дополнительных 150 миллиардах долларов расходов и грубо о ещё 1,5 миллионах рабочих мест. Есть ли ещё хоть что-нибудь в экономике США, что могло бы соперничать с жилищным строительством как источником создания рабочих мест? Ну, впрочем, есть ещё нарастание военных расходов. В соответствии с оценками Института экономической политики, возросшие военные расходы за последние 4 года создали 1,3 миллиона рабочих мест в частном секторе.

И есть ещё бушевское снижение налогов, по поводу которого администрация настаивает, что это — источник всего хорошего в экономике. И действительно, часть снижения налогов, которая достигла 225 миллионов долларов в этом году, должна была быть потрачена на разные способы создания рабочих мест. Однако, давая рациональную оценку эффекта влияния снижения налогов на расходы, следует сказать, что это снижение налогов, вероятно, было меньшей силой создания рабочих мест, чем рост военных рас-

ходов, и оно смотрится просто карликовым по сравнению с бумом жилищного строительства. Таким образом, экономику движет недвижимость. Что тут такого?

Одним ответ состоит в том, что это оказалось весьма разочаровывающим восстановлением экономического роста. В двух новых докладах — один из Центра бюджетных и стратегических приоритетов и второй из Комитета конгресса по бюджету — сравниваются сегодняшний экономический рост с другими послевоенными периодами экономического роста. При любых сопоставлениях, за исключением прибыли корпораций, с которыми всё очень хорошо, это восстановление экономического роста оказывается весьма кратковременным.

Даже хорошие месяцы следовало бы рассматривать как весьма посредственные: администрация перевозносила рост рабочих мест за последний месяц как что-то удивительное, но в годы правления Клинтона было 68 месяцев, в которые занятость росла быстрее.

Итак, есть экономический рост. Но поскольку этот рост зависит очень сильно от недвижимости (без бума жилищного строительства экономическая картина действительно могла бы приобрести достаточно мрачный вид), следует подумать, насколько ей верить.

Я уже писал о причинах, по которым считаю, что текущие цены на недвижимость по всей стране представляют собой пузырь. Когда начнёт сдуваться пузырь, то же самое произойдёт с занятостью, связанной со строительством и продажей жилья.

Но, кроме этого, есть ещё один вызывающий раздражение момент, состоящий в том, что мы платим за жилищный бум (и за рост военных расходов, и за снижение налогов), заимствуя деньги у иностранцев.

Сегодня в любом учебнике по экономике вы прочитаете, что брать деньги из-за границы здорово, если эти деньги используются для увеличения производственной мощности экономики. Когда Америка XIX века брала займы в Европе на строительство железных дорог, это также усиливало её способность оплатить свои долги позже. Но занимала она не для того, чтобы создавать производственную мощность. В отношении к валовому внутреннему продукту все прочие инвестиции, помимо инвестиций в жилищное строительство, оказались ниже средних показателей между 1980 и 2000 годами — и значительно ниже их уровня в конце 90-х годов.

Другими словами, более полный ответ моему старому соседу сегодня был бы следующим: «Американцы зарабатывают себе на жизнь, продавая друг другу дома и расплачиваясь деньгами, взятыми займы у китайцев». В общем-то, это не назовёшь приемлемым образом жизни.

И ещё: насколько прочно восстановление экономического роста? У британцев есть подходящая фраза: «Надёжный, как дом». Наша экономика надёжна, как дома. К несчастью, принимая во внимание наличные цены и нашу зависимость от работодателей, наши дома совсем не надёжны¹.

Таким образом, совершенно очевидно, что комфортное жильё, «русский дом», не может быть национальной русской идеей. Вечный крик, вечная ставка русского человека «Дела!!! Настоящего дела бы!» и сегодня переполняет сердца и умы очень многих. Но русским необходимо настоящее большое дело, настоящая миссия, реализация которой должна, безусловно, обеспечить и комфортное жильё, и создание большой семьи.

Существует и такая точка зрения, что в США массовый выезд «белых воротничков» и представителей среднего класса в коттеджные посёлки из городов, начиная с середины 60-х и особенно в 70-е годы, разрушил интеллектуальную среду города. Но ведь и в коттеджных посёлках никакой новой интеллектуальной среды не возникло! Люди живут достаточно изолированно и предоставлены сами себе, не формируя соседства, не обращая внимания на тех, кто живёт рядом. Безразличное, обособленное и отчуждённое друг от друга житие людей в коттеджных посёлках — это тоже особая идентичность. Понятно, что подобное отчуждение исчезает, если у людей есть общая судьба, общие задачи, общая устремлённость. Если каждый выживает сам по себе, то ничего, кроме безразличия по отношению друг к другу, не появляется.

Вопрос о том, вокруг каких ценностей формируются общности, очень важный и центральный — как при построении бизнес-корпораций и при формировании детско-взрослых образовательных общностей, так и при складывании поселенческих жизнедеятельностно-бытовых общностей. Тем более, что очень часто напряжённая и ненормированная работа очень многих творческих коллекти-

¹ См. <http://www.nytimes.com/2005/08/12/opinion/12krugman.html>. См. также первую статью автора от 8 августа "Это то, как кончается пузырь; не лопааясь, но шпийа" по адресу http://www.nytimes.com/2005/08/08/opinion/08krugman.html?ex=11392848QQ&en=92cb0b5510adb629&ei=5087&nl=ep&emc-ep&rd-hcmcp?p-Q492Oo0492Rx4_6Ym012000mWQF8WO2c.

ВОВ и групп переходит в жизнедеятельность. Проблема заключается в том, вокруг каких ценностей, на основе каких аксиопрactices (термин, введённый в методологический обиход О.И. Генисаретским) по проращиванию определённых ценностных ориентации начинается формироваться общность.

Этот вопрос является важнейшим и для американской экономики. Не случайно он стал предметом пристального рассмотрения и анализа в книге Фрэнсиса Фукуямы «Доверие».

Название книги отнюдь не случайно. Отсутствие в корпорации взаимодоверия, отсутствие доверия в обществе предопределяет, что данный коллектив не существует как общность. Вместе с тем именно проращивание в корпорации общности является важнейшим вопросом биополитики, поскольку только в общности, в которой складываются доверительные отношения, люди могут обмениваться наиболее внутренними из своих принципов понимания дела и жизни.

6.1. Что делать с мировыми финансами?

Возможна сессия по ролевому моделированию мировых финансов с участием международных специалистов

Такая безоблачная и ясная ситуация с развитием экономики страны — удержание инфляции, постепенная возможность рассчитаться с задолженностью перед западными кредиторами, рост ВВП (правда, в основном за счёт выгодной конъюнктуры на нефть), может внезапно завершиться. Всё дело в том, что развитие российской экономики и её финансовое положение железной цепью приковано к состоянию мировых финансов. Хаос или, точнее, по определённым принципам управляемый хаос мировых финансов не может не сказаться на России.

Конечно, можно радоваться тому, что весь набор ураганов — и «Катарина», и «Рита», и приближающийся к Калифорнии «Отис» — прошли стороной, обошли Россию, что с какой-то затаённой болью ожидалось от всегдашнего российского августа. Но природный ураган выявляет колоссальный ураган социальный, который всё более набирает мощь. Неустойчивость финансовых рынков, резкий рост стоимости углеводородного сырья и обветшавший характер инфраструктуры оказываются прочно связанными звеньями одной ужасной цепи.

Этот ураган связан с непроизводительными формально спекулятивными формами движения мировых финансов. И здесь вездесущий господин Сорос, который вовремя собрался сбросить свои долларовые накопления, является очень важным показателем. Жалко, что неизвестно, как будет организовано общее валютное распределение его финансов — портфель валютных сбережений. Я имею в виду следующее: не конвертирует ли господин Сорос свои долларовые сбережения в валюту своих заклятых врагов — юани и малайзийские ринггиты, в своё время частично защищенные господином Махатхиром Махаматом, обвинённым конгрессом США в антисемитизме за его высказывания по поводу спекулятивных операций Сороса? Эта информация действительно бы являлась весьма ценной.

Но и без этих сведений становится совершенно очевидным, что с мировой экономикой происходит что-то страшное. Раскручивающийся валютно-финансовый смерч захватывает в своё плотное движущееся и набирающее обороты кольцо всю мировую политику, природные ресурсы, производительные активы и т.д. Хитроумная (*хэнь цун мин*) китайская государственность летом предложила, наконец, отцепить юани от долларов и сделать обмен долларов на юани плавающим. При условии, что основные сбережения КНР в основном накапливались в долларах, это означает, что китайский мир начал постепенно формировать другую систему накоплений. Эти действия КНР тут же были поддержаны Малайзией. Поскольку Малайзия является *showcase* исламского мира, это означает, что китайский и исламский миры готовы к обсуждению широкого спектра предложений по изменению мировой финансовой системы.

Но разберёмся чуть подробнее с тем, что происходит на самом деле. Здесь мы воспользуемся подсказкой американского политического деятеля и экономиста Линдона Ларуша, которую он высказывает уже давно. Заключается она в следующем: именно финансовый капитал определяет, что происходит с промышленными активами и стоимостью природных ресурсов, и именно финансовый капитал является оператором и регулятором сдвигов, происходящих во всех системах деятельности. И сегодня это перепределение совершенно очевидно в зоне изменения стоимости сырья, и прежде всего — нефти. Линдон Ларуш для объяснения происходящего феномена использует модель звуковой волны, когда ударный фронт звуковой волны двигают «*Hedge Funds*», а результаты продвижения этой волны мы ощущаем на себе в виде цен

на нефть и другие продукты физической экономики. «Как и в гауссовом-римановском представлении комплексной области, видимые, или эмпирически вычисляемые величины (в данном случае цены), определяются в невидимой, комплексной области. Римановский ударный фронт образуется в граничной зоне, где скорость возрастания (объемов) неконтролируемых спекуляций сталкивается с затухающей скоростью роста реальной физической экономики¹».

Основной интерес данной модели состоит в том, что с её помощью Л. Ларуш определяет взаимосвязь физической экономики реального сектора производства с финансовыми спекуляциями в существующих политико-социальных условиях. Это означает, что «*Hedge Funds*» действуют наподобие ударного фронта звуковой волны от самолёта, который летит со сверхзвуковой скоростью. Другими словами, они коммуникативно передоговариваются друг с другом по поводу существующих задолженностей и их погашения в несколько раз быстрее, чем так называемый рынок и другие его институты — биржи или ассоциации потребителей — определяют цены на всю совокупность существующих товаров. Люди, находящиеся в системе «*Hedge Funds*», и коммуникативные процессы между ними определяют стоимость денег! Это, господа, и есть очень старый и самый интересный вопрос: деньги являются измерителем стоимости. Но кто определяет меру самого измерителя?

А мера самого измерителя определяется не на бирже и не при помощи бесконечных динамик потребности в разных деньгах, а в коммуникативно действующих с большей скоростью системе «*Hedge Funds*». В какой-то мере механизм тривиален. Он предполагает, что в системе разных институтов люди общаются с различной скоростью, и сговариваются они между собой по поводу разных предвосхищаемых событий тоже с разной скоростью. Казалось бы, какая может быть проблема с «*Hedge Funds*», если там всего лишь прокручиваются виртуальные деньги, страхующие возможные риски от сделок с различными корпорациями при покупке их долговых обязательств, ценных бумаг и акций?

Первый момент. Действия «*Hedge Funds*» являются абсолютно неучитываемыми. Как и с какой скоростью движутся капиталы

¹ Английский вариант статьи находится по адресу http://www.larouchepub.com/pr_lar/2005/wild_inflation_chart.html. Русский вариант статьи подготовлен Рашель Дуглас.

в этой области — абсолютно не ясно. Идея ввести знаменитый налог Тобина на сделки в различных финансовых институтах так и не была реализована. Не удалось идею этого налога в очередной раз защитить и Шредеру на встрече «восьмёрки».

«*Hedge Funds*» являются своеобразными «узлами», завязывающими в единое целое множество кредитно-финансовых организаций, прежде всего крупнейших банков, когда банки страхуют друг друга и частных инвесторов, покупающих акции и долговые обязательства крупных корпораций, обеспечивающих собственность активов. Разрушение подобного узла «*Hedge Funds*», как это произошло в августе 1998 года с *Long Term Capital Management*, приводит в условиях практически связанной наличности банков к обрушению банковской системы. Естественно, никакой банк вам никогда не скажет, что его наличность ограничена. Объяви он это публично — и тут же разорится.

Здесь, безусловно, надо более подробно обсуждать саму технику деятельности «*Hedge Funds*» и показывать способ работы самых разнообразных инструментов — деривативных контрактов разных типов, внебалансовых (не проходящих через отчётность) деривативных контрактов, колатеризованных долговых обязательств, арбитража структуры капитала, \$гшр-формы обмена потоками наличности¹. Оставляя это на будущее, мы здесь кратко остановимся лишь на проблеме такого инструмента, как арбитраж структуры капитала. В случае использования данного механизма ставка делается не только на возможный отказ от платежа по долговым обязательствам, но и учитывается возможный риск падения стоимости акций. Таким образом, предпринимается попытка застраховаться в комбинированном варианте одновременно по обоим этим показателям.

В условиях крайней неустойчивости финансовой системы, ее своеобразной летучести, волатильности (*volatility*), когда рост физической экономики никак не осуществляется, обнаруживается избыток ничем не обеспеченных денег. В марте этого года произошли крупные потери в области материального производства — обесценились акции «Дженерал Моторс», и долговые обязательства превратились в мусорные ценные бумаги (*junk bonds*). Единственный в условиях свёртывающегося материального производства способ продемонстрировать обеспеченность денег — это «потя-

¹ Даётся по статье Л отара Компа — Lothar Komp: «Hedge Fund blowout threatens World Markets» - EIR, May 27, 2005.

нуть» вверх цены на сырьё. С этим также связана и возможность как-то возместить потери крупных финансовых институтов — необоснованно повышать во время фьючерсных сделок стоимость нефти.

Безусловно, представители «*Hedge Funds*» будут говорить, что они не имеют никакого отношения к этому раздуванию цен на нефть.

Мы, вслед за Л. Ларушем, описывая здесь данную модель, исходим из того, что так называемый мультиинституциональный рынок фьючерсов — цен на нефть на будущие месяцы — является, с социально-психологической точки зрения, спонтанной, но управляемой по определённым законам реальностью. На нём, безусловно, существуют организаторы паники и специально инициируемого ажиотажа. Конечно, и «Катарина», и «Рита» нанесли ущерб нефтедобывающей промышленности США. Разумеется, Иран, оспаривая решения МАГАТЭ и угрожая прекратить поставки нефти в Европу и США, тоже влияет на ситуацию. Но не до такой же степени!

В настоящий момент мировая экономика ощущает избыток нефти. Рассмотренные аспекты повышения цен на нефть важны для нас совершенно в другом смысле — что происходит с мировыми финансами и как быть России с её золотовалютными резервами и стабилизационным фондом в данных условиях? Поскольку, как мы уже сказали, мы приближаемся к весьма нетривиальному моменту: определению стоимости самой меры стоимости — мировых денег.

С другой стороны, мы сталкиваемся с достаточно странной ситуацией — в России сейчас очередная беда происходит не от недостатка денег, а от их избытка. И руководство страны спешит поскорее рассчитаться с долгами, забывая об основном принципе всякого финансового рассудка — нужный объём денег точно в срок. Получается, что финансовое руководство страны боится продемонстрировать свою финансовую умелость и спешит раньше времени отдать «кровь» экономической системе — деньги, выступив в очередной раз донором. А мировое финансовое сообщество не спешит раньше срока получать от России расчёт по долгам.

В настоящий момент мы находимся в ситуации коллапса мировой долларовой системы. И поэтому возникает серьёзный вопрос — в чём здесь состоят интересы России и как она должна действовать? Безусловно, необходимо выходить с проектом новой

мировой финансовой системы и искать союзников в лице разных государств. Сегодняшняя мировая финансовая система возникла после отмены в 1971 году Бреттон-Вудовских соглашений 1944 года, в соответствии с которыми обмен мировой валюты — доллара — осуществлялся на фиксированный золотой эквивалент. Был осуществлён переход к плавающему курсу обмена валют. Формирование сегодняшней мировой финансовой системы определяется несколькими вопросами: как установить соотношение мировых валют, должен ли мировой валютой оставаться доллар и следует ли просто вернуться к Бреттон-Вудовским соглашениям 1944 года?

Стоимость мировых денег с позиции национальной экономики определяется, с одной стороны, золотовалютными резервами, которые накопила к настоящему моменту данная страна, претендуя на предъявление своей валюты в качестве мировых денег. С этой точки зрения, получается определённый парадокс: господствующая сверхдержава США является невероятно слабой, имея огромную внешнюю и внутреннюю задолженность, в отличие, скажем, от Китая и быстро осуществляющей накопления России.

Но есть и второе обстоятельство, определяющее стоимость денег. Оно определяется философией и практикой глобальных систем деятельности и состоит в следующем: стоимость денег определяется мобилизационной мощностью страны, способной за два поколения в период пятидесяти-шестидесяти лет создать новые инфраструктуры переосвоения территории, заселить эти территории разрастающимся населением — и не в изоляции, а во взаимосвязи и взаимопересечении с экономиками других стран. Проекты подобных инфраструктур должны быть предъявлены как абсолютно реальный символический капитал, определяющий намерение данной страны прорываться в будущее. С этой точки зрения, мировые деньги являются специальной счётностью, обеспечивающей формирование подобных инфраструктур. Формирование подобных инфраструктур радикальным образом трансформирует существующую национальную и мировую экономику, поскольку инфраструктуры являются тем, что необходимо для деятельности всех. Именно поэтому возникает весьма спорный и неразрешённый вопрос: могут ли вообще быть приватизированы инфраструктуры? Или в результате приватизации они лишаются того основного качества, которое делает их собственно инфраструктурой, — избыточности для всякой частной деятельности?

Подобный подход к мировым деньгам всё переворачивает с ног на голову. С этой точки зрения, основу претензий страны на участие в формировании мировых денег определяют вовсе не имеющиеся золотовалютные сбережения, а конкретные проекты развития всего набора инфраструктур — энергетических, транспортных, водных, систем связи, а также новых промышленно-производственных систем и т.д. При подобном подходе страна выступает долгосрочным подрядчиком, который в течение 60 лет будет рассчитываться с разными корпорациями и предпринимательскими группами, международными и отечественными средствами за осуществлённые работы по проектированию и построению инфраструктур.

Для формирования нужных форм подобной счётности денег, определяющих вклад той или иной страны в перевооружение мировых инфраструктур, должен быть создан специальный финансовый институт. В случае с Россией речь идёт о формировании Банка евразийской реконструкции и инфраструктурного развития, в рамках которого Россия может приступить к выдвиганию целого ряда прорывных проектов совместно с государствами старой Европы и одновременно с Китаем, Ираном и Индией.

Подобный Банк евразийской реконструкции и развития должен действовать отнюдь не в изоляции от США. Вообще, на наш взгляд, у России не должно быть цели развалить и разрушить Америку. Во-первых, потому, что это бессмысленно — необходимо создавать, а не разрушать. А во-вторых, прижатые к границе катастрофы мировой финансовой системы США могут предпринять целый ряд неадекватных действий, результатом которых может стать новая мировая война — первая в XXI столетии.

У Америки должен быть свой Банк инфраструктурной реконструкции страны, поскольку состояние инженерных, транспортных и энергетических инфраструктур США находится не в лучшем состоянии. Но более того: США обязательно следует пригласить участвовать в целом ряде прорывных евразийских инфраструктурных проектов. И вполне вероятно, что и российский бизнес может быть приглашен к участию в разработке и реализации проектов американских стран.

Создание подобных институтов континентальных банков инфраструктурной реконструкции и развития, на наш взгляд, решает все проблемы с ростом накоплений в России. Если деньги стабилизационного фонда не вбрасываются просто в виде зарплаты и тут же проедаются, порождая инфляцию, а выводятся в специ-

альный контур инфраструктурного развития, то они становятся долгосрочной гарантией, своеобразной системой залоговых фондов. Тогда инфраструктурные проекты будут реализовываться, а под эти залоговые фонды можно будет привлекать дополнительные инвестиции других стран и финансовых институтов. С этой точки зрения, мы предлагаем осуществить возврат к плану Витте — инфраструктурному развитию континента, но в глобально-мировом масштабе. Поскольку Россия является связующим мостом между старой Европой и старой Азией, у нее здесь появляется целый ряд колоссальных преимуществ в выдвижении подобных инфраструктурных проектов.

С другой стороны, речь идёт вовсе не о воспроизводстве инфраструктурных систем начала XX век. Задача заключается в том, чтобы, опираясь на фундаментальную русскую науку, сформировать новую цивилизацию, реализуя ноосферный подход Вернадского. С этой точки зрения, инфраструктурные системы должны обеспечить управление природными, водными, энергетическими и человеческими ресурсами в масштабах всего континента, в том числе и на основе заселения циркумполярного Севера, азиатских пустынь, морского дна, а далее и ближнего космоса через реализацию космического императива Эрике Крафта, согласно которому задача человека состоит в том, чтобы перейти к заселению космоса.

При таких условиях России не стоит переносить столицу на Восток (в этом случае мы себя изолируем от Запада и зачеркнём свою тысячелетнюю цивилизационную историю, а ведь мы научились разговаривать с Западом¹). России надо формировать новую плотную сеть поселений и на Востоке, и в своей центральной части, создавая инфраструктуру жизни сначала в опорных каркасных узлах, а затем переходя к фронтальному переосвоению и заселению территории. Но для этого должны быть представлены инфраструктурные проекты, которые смогут составить новую систему мировой финансовой счётности. При подобном подходе проблемы внутреннего инфраструктурного развития и проблемы глобализации странном образом смыкаются, и мы, возможно, впервые начинаем выходить в позицию управления глобализацией. Это, безусловно, отличается как от националистского

¹ План переноса столицы может быть, правда, классной провокацией, которая могла бы сделать правительство недееспособным на длительный срок. С этой точки зрения, план интересный.

русского охранительного затворничества и изоляции, которое в сегодняшних условиях просто приведёт к гибели страны, так и от полного растворения в очень разной, распадающейся на куски глобальной цивилизации, в которой сегодня ничего нет глобального.

На наш взгляд, для рассмотрения проблемы, что же делать с золотовалютными резервами в условиях кризиса мировой финансовой системы, следует провести специальную моделирующую сессию — сценарную ролевую игру, на которой можно было бы совместно с международными экспертами разыграть несколько принципиально разных сценариев:

1. Возврат к Бреттон-Вудовской системе с долларом и евро как основными мировыми валютами, но жёстко привязанными к золотому эквиваленту. Этот первый сценарий готовы поддержать парламентские группы очень многих стран мира. Но основной вопрос: является ли данный сценарий для России оптимальным?
2. Уход от доллара и евро как единственной системы накоплений; формирование специальных денег развития для нужд развивающегося мира — России, Китая и Бразилии, — как ядра этого мира. Выстраивание новой финансовой системы параллельно с существующей финансовой системой.
3. Обсуждение альтернатив и их согласование: Золотовалютные резервы как основа мировых денег и инфраструктурные проекты развития как основа финансовой счётности: какие континентальные международные проекты инфраструктурного развития на 50-60 лет могут стать основой финансовой глобальной счётности?

Почему никто в России не обсуждает проекта архитектуры новой финансовой системы? Ведь это центральный вопрос, определяющий не превращение России в мировую державу (какой она продолжает являться просто в силу своей духовной истории и языка), не возвращение в большую политику (она в ней находится, правда, не во вполне адекватной функции), а выход на позицию лидера, способного предложить другие ценности развития. Это и является мягким способом управления, которое обсуждает Бжезинский, утверждая, что США надо перейти от глобализационного господства к мировому лидерству. Странно, но России это лидерство просто само идёт в руки.

Что нам мешает занять подобную позицию? Может ли всегдашний приступ компрадорства одних, связанный с неискоренимым

желанием продаться, стать, наконец, как все, и стремление других затвориться, закрыться на огромной территории с чудовищными богатствами, про которые уже все всё знают? Россия должна вести глобальную игру, предлагая свой вариант разрешения противоречий, которые являются всеобщими и захватывают все государства мира, но реализовываться они должны прежде всего в России.

6.2. Разрушение страновой идентичности и стоящих за ней ценностных матриц сознания — важнейшая проблема идеологии нашей страны

XXI век, безусловно, будет веком не идеологии и государственных искусственно и насильно навязываемых утопий, но веком конкурирующих мировоззрений, выявляющих горизонты развития разных жизнеспособных и здоровых сознаний. Хотя для того, чтобы сознание населяющего страну населения не превратилось бы в разрушенный аморфий, своеобразный пластилин, в текучую воду «человеческого, слишком человеческого» (Фридрих Ницше), должна существовать государственническая идеология, обеспечивающая выявление и воспроизводство ценностных ядер, лежащих в основе конфессиональной, этнической, гражданской и цивилизационной идентичности. Потеря ориентации и разрушение ценностной матрицы лишают народ возможности мобилизации и превращают его в население.

Может получиться так, что до века мировоззрений доживут отнюдь не все этнонациональные общности, некоторые будут разрушены и переплавлены в биоматериал для паразитирования и активного строительства других государств и народов. Сегодняшний тип воздействия на традиционные типы этноконфессиональных матриц сознания является наиболее жёстким и непримиримым, поскольку в общественное сознание введён миф о том, что период идеологического соперничества закончился. Сегодня нет конкуренции и соперничества различных государств — достигнут конец истории (как утверждает Ф. Фукуяма). Но оказалось, что государственнический идеологический контур не был просто формальной навязанной извне идеологической структурой: он выполнял в том числе и защитные функции. Идеология построения коммунизма являлась химерической, но государственная идео-

логия построения коммунизма защищала этносы и народы от обесмысливания значимости этноконфессионального самоопределения.

Данная проблема открывает совершенно новые подходы к современному типу войн, которые связаны с разрушением идентичности населения данной страны. В случае подобных войн оказывается не нужным захват территории данного государства — достаточно лишь осуществить цивилизационную перевербовку его подданных. Мы предлагаем данный тип войн называть консциентальными (от англ. *consciousness* — «сознание»).

Основной тип конкурирования за тип мирового лидерства связан прежде всего со сломом основных ориентации и вычленением иных приоритетов. Очень важно, что мы обсуждаем изменение и слом идентичности, воздействие на идентичность в период глобализации, когда резко усиливается коммуникативная и информационная связность мира. Картины сознания в этих условиях перестают быть глубоко спрятанной, скрытой принадлежностью человека, его внутренней сущностью. Наоборот, экраны сознания превращаются в специально создаваемый и массово обрабатываемый предмет за счёт моды, рекламы, масс-медийного инжиниринга, различных типов дизайна, феномена так называемой массовой культуры. Если раньше за идеологию и мировоззрение, находящего отражение в единой картине мира, отвечали выдающиеся философы, то в период постмодернизма официально объявлено, что единой картины мира не существует и быть не может. Вместо этого существует бесконечное множество индивидуализированных, кастомизированных (приспособленных к нуждам потребителя), но массово изготавливаемых табло сознания. Эти табло сознания не имеют никакого отношения к истине, то есть к адекватному восприятию предмета. В этот период ведётся борьба за организацию ориентации жителей всего мира на страну-лидера, на своеобразную новую социокультурную Мекку.

Подобная ориентация многого стоит. Несмотря на то, что США имеют огромную внутреннюю и внешнюю задолженность, в эту страну ежедневно поступает более 2,5 миллиарда долларов. Казалось бы, потребуй любая из стран у США выплатить долги — и мировая долларовая система рухнет... Но происходит обратное: у огромного числа жителей всего мира сохраняется и поддерживается впечатление, что капиталы необходимо перемещать именно в Америку — там можно очень быстро разбогатеть и получать баснословную прибыль. Это и есть цена лидерства, которая обес-

печивает управляемую сборку мировых страновых иерархий в сознании огромного числа граждан всего мира.

Этот механизм работает в сознании индивидуумов, населяющих планету, но результат его проявляется в экономическом и политическом статусе страны. Что бы там ни происходило, но магнитная стрелка компаса сознания всё время поворачивается на США и обнаруживает в США центр притягательности. Так странно магнитная стрелка сознания действует не сама по себе — эти магнитные градиенты специально конструируются и создаются. На подобные ориентации работают очень многие институты данного общества — и средства массовой информации, и система искусства, и национальные корпорации. Это и есть не что иное, как специально организованная пропаганда американского способа жизни, определяющая на настоящий момент победу в борьбе за мировое лидерство. Для удержания лидирующих позиций в системе финансовых центров, для организации и поддержания утечки мозгов подобный имидж США просто необходим.

В нашей стране на подобные градиенты публично и официально не работает никто. Мы по-прежнему спорим — то ли захоронить Ленина на Волковском кладбище Санкт-Петербурга (Н.С. Михалков), то ли его прах должен быть погребён под какими-нибудь большими неведомыми заводами (С.Е. Кургинян), строительство которых надо затеять специально по этому случаю. И логика этих споров понятна: некоторые люди хотят резко повысить свой собственный имидж, прикоснувшись к чему-то, что волнует всех. Но эти люди не решают задачу сделать страну притягательной в планетарном масштабе. Этой проблемы не решает и Министр культуры Соколов, который поссорился с заместителем министра «другой культуры» — Швыдким. Поэтому вопрос о каждодневном формировании «объединительной идеологии страны» (В.Н. Кузнецов) в очередной раз откладывается.

Вместе с тем, мы находимся в самой сердцевине конциентальной войны по переделке и переплавке сознания родовых, этнонациональных и конфессиональных форм сознания. Для того чтобы просто продемонстрировать, что данная война — не бред возбуждённого сознания, достаточно обратиться к работе Джеффри Стейнберга «Ложкоsgiбатели» — Чейни развязывают ядерный Армагеддон»¹. Автор статьи достаточно убедительно показывает,

¹ Статья опубликована на английском языке в номере журнала EIR за 26 августа 2005 года (<http://www.larouchepub.com/other/2005/3233spoonbenders.html>). Перевод с английского К. Бородинского.

что в США с 80-х годов действовала программа разработки средств и методов оккультной войны или так называемой «нелетальной» войны — сначала как частная инициатива, а затем на основе государственной поддержки. Основой этой войны является борьба в области духа и сознания — *mindwar* — нацеленная на разрушение ума. Джон Александер, Пол Вэллели и Майкл А. Акино в статье, посвященной проблеме «*Mind war*», написанной в восьмидесятых годах, очень чётко проводят границу между традиционной информационной войной² в современных условиях, которые относятся к области хорошо известных со времён второй мировой войны технологий контрпропаганды и психологических операций, и войной нового типа по разрушению ума. К средствам войны по разрушению ума относятся, прежде всего, средства массовой информации: «...оружие по разрушению ума (*mind weapon* — Ю.Г.) должно поражать без разбора друзей, врагов и нейтралов по всему миру, и не примитивными листовками, разбрасываемыми на передовой, и не через громкоговорители агитотрядов спецпропагандистов, и не слабыми, неточными и узконаправленными средствами психотроники, но с помощью средств, находящихся в распоряжении США и способных достичь буквально любого человека на Земле. Конечно, это электронные СМИ, телевидение и радио.

Развитие спутниковой связи, техники видеозаписи и оптоволоконной технологии позволило проникать в умы людей по всему миру с такой силой, какую раньше невозможно было и представить. Нам нужно только протянуть руку и взять волшебный Экскалибур (меч короля Артура — *прим. Дж. С*), и он преобразит для нас весь мир, если только у нас хватит отваги и решимости подстегнуть такими средствами мировую цивилизацию. Без этого меча возможности вдохнуть нашу мораль в чужие культуры будут слабее. И если после этого они все еще пожелают морали, не удовлетворяющей нас, у нас не будет другого выбора, как бороться с ними более грубыми методами».

Таким образом, идея начать полную и тотальную обработку средствами массовой информации сознания всего населения планеты, и в том числе сознания своего населения, не разделяя с точ-

¹ Не следует *mind war*, на наш взгляд, переводить как «пси-война» — что делает уважаемый переводчик. *Mind* — это как раз сложный сплав сознания и духа.

² См. работы И.Н. Панарина, например: Информационная война и дипломатия.

ки зрения обработки своих и чужих, родилась именно в 80-е годы. Основная заслуга статьи Джеффри Стейнберга состоит в том, что он показывает, как идеи, изложенные в материалах по войне, направленной на разрушение ума в конце 80-х годов, не оказались маргинальным, никому не интересным бредом, а получили самую широкую поддержку со стороны военных и политических кругов американской правящей элиты. Именно на основе идей войны по разрушению сознания и ума появилась программа, наделавшая много шума в результате журналистских расследований в начале XXI века, — программа «Тотального отслеживания информации» (*Total Information Awareness*), которой руководил Джон Пойндекстер¹. О том, что эта программа действует, можно судить хотя бы по тому факту, что подразделение «Потенциальная опасность» (*Able danger*) ещё за год до теракта И сентября 2001 года отслеживала угонщика самолёта Мохаммеда Атта и трёх его сообщников.

Огромную поддержку войне по разрушению сознания и ума оказал один из влиятельнейших людей в окружении сегодняшнего президента — Пол Волфовиц. Именно он в начале 90-х годов выступил идеологом и пропагандистом методов и идей нелетальной войны среди военных и разведывательных органов США. Можно утверждать, что именно программа-концепт нелетальной войны привела в научно-военные центры США горячих сторонников различных оккультных направлений — например, представителей эзотерики «*New Age*».

Проблему, в какой мере американские разведчики и военные научились управлять сознанием и каково положение нашей страны по отношению к данной проблеме, я бы предпочёл обсуждать отдельно. Здесь необходимо отметить следующее: одним из конкретных прикладных вариантов программы формирования воинов-джедаев являются техники построения фиктивных банд, в которых члены этих банд имеют специальные диверсионные задания. Имитируя деятельность обычных банд, специально созданные группировки пытаются проникнуть в террористические группы. Следует отметить, что поведенческие модели члена подобной банды очень напоминают действия специально обучаемых специалистов, которые осуществляют недружественные захваты и поглощения. Включаясь в организацию, которая подлежит в

¹ До сих пор ведутся споры прекращена ли эта программа или её просто более сложно засекретили.

дальнейшем захвату, рейдер — специалист по недружественным поглощениям — осуществляет задачу стать эмоциональным и лидерским центром коллектива. Накопив на себе поле привязанностей коллектива, рейдер в определённый момент должен суметь совершенно спокойно разорвать весь набор человеческих связей и привязанностей.

Мы постоянно обращаем внимание на то, что методы, которые используются при разработке новых типов войн и типов бизнеса, наиболее агрессивных и близких к криминальным, являются во многом идентичными, создавая условия гомогенной среды, позволяющей переносить методы из одной области в другую.

Сначала происходит порождение и формирование человеческих привязанностей, которые формируются в общности, а затем — их разрушение, которое и является наиболее сильным способом слома идентичности. Непосредственно органическое и таинственное вхождение в контакт с другим человеком, встреча с другим человеческим существом, возможность обретения дружбы становятся предметом специального деструктивного манипулирования.

А идентичность человека складывается именно в общности. Не случайно другим направлением переплавки и слома идентичности являются специально моделируемые фиктивные ток-шоу по типу скандальной программы «Дом-2». Основная задача этих программ состоит в том, чтобы лепить фиктивные общности, демонстрируя в них причудливые и уродливые формы поведения, объявляя в то же время, как это делает Ксения Собчак, данный тип поведения абсолютно естественным и характерным для абсолютного большинства российской молодёжи. Здесь действует основной телевизионный принцип — фиктивной репрезентативности. Показанное огромной аудитории действие выполняет функцию заражения сознания этой аудитории представленным материалом.

Для того чтобы справляться с подобной программой демократическими методами, нужно специальное метателевидение, которое обнаруживает и демонстрирует принципы действия подобных передач. Но с телевидением, разрушающим идентичность населения страны, у нас никто не работает, и привлечь к этой проблеме внимание ни президента, ни церкви так и не удалось. Можно лишь зафиксировать вслед за Мак-Люэном: человечество плохо представляет себе, что такое масс-медийные технологии и формы их развития и что они делают с сознанием. Например, что произой-

дёт, когда мы полностью перейдём к абонентскому набору нужного нам спектра телевизионных передач и фильмов для их просмотра в удобное для нас время, когда будет окончательно разрушена единая аудитория?

Построение, а затем разрушение общностей, основанных на человеческих привязанностях, в основе своей стоит на разрушении ценностной матрицы сознания. В результате подобного разрушения выделяется огромный объём энергии¹, а человек, у которого разрушена подобная матрица, освобождается от целого ряда нравственных ограничений. Возникает иллюзия больших возможностей и большей свободы данного человека.

Известно, что в России в настоящее время используется целый ряд специальных тренингов по «очистке» человека от религиозных, этнических, общечеловеческих ценностей с целью адаптации к агрессивной бизнес-среде. Такой «зачищенный», абортированный от способности рождать ценности человек становится существом с изменённым сознанием. Но существом с ещё большим изменением сознания является активный агент формирования и последующего разрушения общностей. Эти агенты формирования фиктивных банд являются продуктом специальных оккультных программ Пентагона. Оккультизм в этом случае является особой системой произвольно выделенных из различных религий форм обработки сознания, которые создаются в специальных своеобразных обществах — «Нежный ветер», «Чуановский институт всеобщего», «Дневной источник», «Центр высвобождения и интеграции», «Рейховское перерождение с постуральной интеграцией», «Ярмарка ньюэйджевских идей», «По ту сторону бега трусцой», «Айкидо с Ки», «Центр биологической обратной связи в Беркли» и др.

С этой точки зрения, подобный ньюэйджевский оккультизм является формой разрушения религиозных традиций. Он возникает как своеобразное паразитирование на содержании данных традиций. И, конечно, это не является аргументом в пользу ценности утверждения программ оккультной подготовки о том, что на основе подобных учебных курсов человек начинает верить в Бога и в свои сверхспособности. Бесы, как известно, тоже веруют и трепещут...

¹ Другой вопрос, откуда эта энергия и что это за энергия. На данный вопрос следует отвечать в соответствии с требованием Апостола Павла о необходимости распознавания духов.

Важно другое: США, начиная с конца 80-х годов, активно занимаются технологиями разрушения сознания. Сознание является особым специальным предметом воздействий и обработки. Война разрушения сознания продолжается и идёт нарастающими темпами. Демонтаж СССР и коммунистической идеологии не привёл к умиротворению и концу истории, если под концом истории, конечно, не понимать разрушения сознания советского человека и традиционной российской государственности, а также вообще любых других форм сознания, отличных от англо-саксонского сознания бесконечного числа протестантских сект — например, православного сознания.

Сегодня методы разрушения сознания опробуются в американских тюрьмах для военнопленных — Гуантанамо, Абу Граиб и Аль Каим. Джеффри Стейнберг пишет в своей статье: «...В тюрьме Аль Каим взятых в плен иракских повстанцев "допрашивали" после непрерывного проигрывания им днями напролет мелодии "Люблю тебя" из детской программы "Фиолетовый динозавр по имени Барни"... Музыка служила лишь фоном для действующих на подсознание сверхвысоких или сверхнизких частот, нарушающих работу мозга, применяемых для того, чтобы сломить волю заключенного. Пленников содержали в металлических транспортных контейнерах на солнце, завязывали глаза и связывали скрюченными, опутывали колючей проволокой, пытали музыкой (и разрушающими психику частотами)».

Один из наиболее важных результатов подобного анализа состоит в том, что именно в системах оккультной обработки, предназначенных одновременно и для ведения боевых операций и форм организации бизнеса, прошли подготовку Зиад Джарра и Марван Аль Шеххи. Джеффри Стейнберг, завершая свою статью, кратко, но многозначительно пишет: «И сентября 2001 года Зиад Джарра захватил управление "Бортом 93" *United Airlines* и разбил его на поле в Пенсильвании. Марван Аль Шеххи захватил "Борт 175" и врзался в южную башню Международного торгового центра на Манхэттене». Эта информация ставит окончательный крест на всяких спекуляциях о современных религиозных войнах и столкновении исламской цивилизации с христианской цивилизацией. Пилоты-убийцы являются продуктом оккультной специальной подготовки, результатом которой становится разрушение традиционных форм сознания, в том числе и сознания религиозного.

Следует отметить, что условием самого существования США является разрушение традиционного религиозного сознания им-

мигрантов. В противном случае они не смогут включиться в жизнь американского общества и натурализоваться в нём. Не случайна особая озабоченность Самюэля Хантингтона, выраженная в его книге про идентичность жителей США «Кто мы такие?», по отношению к испаноязычным иммигрантам из Мексики, Центральной и Южной Америки, которые не стремятся осваивать английский язык и признавать католическую веру за одну из допустимых конфессий (по сути дела, сект) даже под угрозой остаться навсегда в структуре маргинальных общностей. Испаноязычные католики не спешат стать элементом плавильного котла, даже соблазняемые более высокими заработками и более престижным социальным статусом, опять же конвертируемым в деньги.

Осознание того, что против России ведётся война, было высказано Президентом после страшного террористического акта в Беслане.

Но хорошо ли мы понимаем сам тип такой войны? Как нам представляется, основным предметом данной войны является разрушение идентичности и форм организации сознания жителей нашей страны. С этой точки зрения, основную угрозу представляют средства массовой информации и рекламные агентства, работающие по американским методикам под предлогом того, что международный бизнес и, следовательно, рекламная деятельность не знают государственных границ, а свобода средств массовой информации есть основное завоевание демократического общества.

Хорошо известно, что в настоящий момент готовится мощнейший порнографический проект с участием скандально известной по программе «Дом» Елены Берковой, который будет обрушен на молодёжную аудиторию. Данный проект специально готовится целым рядом рекламных агентств и специалистами по работе с общественным сознанием: обнажённых девушек в непотребных позах снимают на улице, в офисах, в медицинских учреждениях, школах. Продуманы и целенаправленно раскручиваются порнографические проекты с участием подростков. Наиболее скабрёзный интернет-портал «Фарк» делается американцем и на американские деньги. И цель данного воздействия абсолютно понятна: прошедшие порнографическую обработку юноши и девушки не смогут вести нормальную семейную жизнь. А точнее, брак между участниками порносессий в каком-то смысле никогда не будет семьёй, где в глаза родителям доверчиво заглядывает их малыш.

Пока не видно, кто в РФ способен остановить готовящуюся порноагрессию на российскую семью, после которой рождаемость ещё более снизится, и мы окончательно перейдём в разряд стареющей нации. Но проблема состоит не в том, чтобы закрыть передачу «Дом-2» и назвать нужными словами Ксению Собчак. Проблема в том, чтобы создать адекватные программы метатеlevisionа и метаинтернета, в которых жителю России будет демонстрироваться, что с ним делает television. Но чтобы работать с идеологией, мировоззрением и сознанием сегодняшних жителей России, необходимо создать специальную комиссию по изучению проблем сознания.

6.3. Фундаментальный научно-исследовательский проект «Русское сознание» на основе работ междисциплинарной группы исследователей

Речь идёт о том, чтобы инициировать научный проект по аналогии с известной «Междисциплинарной комиссией по сознанию» при Борисе Киясове (возглавлявшем военно-промышленный отдел ЦК КПСС), учреждённой Евгением Велиховым. В этой комиссии работал мой учитель, психолог Василий Давыдов.

Работа данной комиссии должна быть сконцентрирована на решении нескольких фундаментальных вопросов:

1. В чём состоят основные архетипические социокультурные особенности русского сознания по отношению к мировому сознанию? Проблема русского сознания связана с вопросами его идентичности. Русское сознание и мировое сознание. Может ли существовать «русское сознание»? Какие сегодня можно выделить важнейшие цивилизационные формы сознания, в диалоге с которыми должно формироваться русское сознание? Роль русского языка, истории русской традиционной государственности и православной религии в конституировании русского сознания. Русское сознание не определяется этническим компонентом — зовом крови и почвы.
2. Структура матриц сознания. Ценностные матрицы.
3. Как сознание связано с проблемами идеологии и мировоззрения, в какой мере сознание определяется отслеживаемыми направлениями формирования осознанности? Сознание и мировоззрение. XXI век — век конкуренции здоровых разноцивилизационных форм сознания. Антропологическая доктрина

России как определение принципов и условий воспроизводства русского сознания

4. Каким образом могут быть различены и синтезированы проблемы сознания (различных многоуровневых форм осознанности) и проблемы личности, самостоятельной формы организации действия, связанной с разрешением проблемы бессмертия, с «забеганием» в смерть и преодолением смерти? Сознание и личность.
5. Как сознание может быть связано с формированием разных типов осознанности — телесно-энергетической, этической, экологическо-средовой, религиозно-синергичной и т.д. Сознание и осознанность.
6. Сознание и новые типы чувствительности и прозрений. Сознание и изменение форм организации жизни на основании развития новых технологий и информационных технологий.
7. Сознание и сверхспособности человека — форма организации и функции осознанности в различных мыследеятельностных процессах: рефлексия, понимание, воображение, целеполагание, идентификация и самоопределение, рефлексивное мышление, смыслообразование, трансценденция, ситуативное действие и т.д. Способность читать чужое сознание как текст, способность сострадания ко всему живому, способность перемещать сознание в нужную точку пространства и времени.
8. Сознание и телесно-энергетический субстрат, локализация и материальная организация функций сознания. Сознание и мозг как осознанности, «засекаются» и фиксируются на большом коллоидном теле мозга. Феноменологический язык описания состояний сознания.
9. Сознание и болезни: алкоголизм, наркомания, сексуальные расстройства, неверные формы самоорганизации. Сознание и здоровье как преодоление регрессии.
10. Сознание и личностно-родовая природа. Наследование энергетических потоков на основе наследования субстрата и филиации идей через обучение и почтение к национальному гению и святому.
11. Традиционные древние религии и сознание. Алфавиты описания сознания в Древнем Египте, в древней Индии и Тибете, Греции и Риме, у древних персов, в Шумере и Вавилоне, Израиле, хеттском государстве, у инков и ацтеков.

12. Элементы русской архетипической культуры и сознание: русская классическая литература (Пушкин, Достоевский, Толстой, Мандельштам, Пастернак), русская классическая музыка (Танеев) и сознание, русская иконопись и классическая живопись и сознание. Связь русского языка как пространства русских образцов мыследеятельности и русского сознания. Роль национальной речи-языка в процессах воспроизводства и развития национального сознания (продолжение программы Гумбольдта).
13. Формы организации сознания и литургическое сознание.
14. Современные игро-практические и театрально-практические формы действия, направленные на инициацию роста сознания и повышение уровня его организации, обучение политиков и топ-менеджеров, стимулирующее повышение уровня организации сознания и самосознания. Русская театральная школа, метод Станиславского в сообщении, восприятии и осознании переживаний.
15. Манипулирование сознанием и современные типы войн, связанные со сломом идентичности современного русского человека.

Что должно быть сделано на основе данного проекта?

1. Уточнено представление о том, что такое сознание, что такое осознание, как организовано протосознание.
2. Создан язык описания и выделения высоких состояний сознания в разных областях бытования сознания (боевые искусства, художественное и научное творчество, политическая, менеджеральная деятельность, деятельность разведки и дипломатия, проектировочная деятельность, религиозная деятельность: молитва, раскаяние и стяжание благодати).
3. Предложены способы интеграции языка состояний сознания в способы описания разных типов практической деятельности.
4. Разработана гипотеза о материальной морфологизации состояний сознания и действующего мозга. Состояния сознания и фармакология работающего мозга.
5. Определены требования к различным типам мировоззрения, обеспечивающим рост сознания.
6. Разработаны модели повышения и изменения направлений чувствительности сознания на основе работы с новыми информационными технологиями.

7. Предложены практические игровые формы обучения, обеспечивающие рост сознания для разных профессиональных контингентов и формирование сверхспособностей.

Участники проекта: психологи, физиологи, игротехники, социологи, политологи, философы, культурологи, антропологи, психотерапевты, деятели различных направлений искусств и т.д., политики, разведчики, предприниматели, менеджеры.

Часть третья

**РУССКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ
И МИРОВОЕ ЛИДЕРСТВО.
ТУПИК «МИРОДЕРЖАВНОСТИ»
КАК МИРОДЕРЖИМОРДНОСТИ.
МИРОВОЕ ЛИДЕРСТВО И МИРОВАЯ
ДЕРЖАВА: ПОЧЕМУ АБСУРДНО
РАССЧИТЫВАТЬ НА ИДЕЮ WORLD
POWER, А НАДО БОРОТЬСЯ
ЗА ФУНКЦИЮ ЛИДЕРА,
УДЕРЖИВАЮЩЕГО ПРИНЦИП
РАЗВИТИЯ МИРА ВСЕГО
ЧЕЛОВЕЧЕСТВА.
В ЧЁМ ЭТИ ФУНКЦИИ ЛИДЕРСТВА?**

Глава 7

Новые типы геокультурных альянсов: Россия, Беларусь, Казахстан - ядро нового/старого евразийского государства?

Обсуждая проблемы евразийской безопасности¹, мы сталкиваемся с одним абсолютно очевидным обстоятельством: с одной стороны, неоднородностью азиатского пространства, значительно большей, чем европейское, а с другой стороны, с принципиальным интересом к этому пространству практически всех западных держав. Возникает такое ощущение, что именно на азиатском континенте зарыто неведомое сокровище, поиск которого неостановимо привлекает к его обнаружению и использованию центры политических сил. Сегодня можно было бы совершенно спокойно и взвешенно сказать, что этим богатством для субъектов силовой политики являются углеводороды. И война США в Ираке, и особый интерес к Ирану, и попытки сложить нужные формы договоров вокруг каспийских месторождений нефти однозначно указывают на стремление США контролировать все важнейшие источники добычи нефти в мире. Каспийская нефть, добавляемая к саудовской или противопоставляемая ей, является средством манипулирования мировой экономикой.

Но проблема состоит в том, что в рамках ближайшей научно-технической революции нефть перестаёт быть стратегическим ресурсом. Развитые страны должны будут перейти к новым источникам энергии². И как очень часто бывает в подобных случаях, достижение стратегического решения определяется не абстрактным поиском возможной тайны, но возможностью мобилизоваться на основе принципов развития государственности. В США есть группы

¹ См.: Кузнецов В.Н. Социология становления евразийской безопасности как глобальная гуманитарная инновация XXI века: геокультурный аспект // Доклад научной ежегодной сессии авторов и участников научно-издательского проекта «Безопасность Евразии», Москва, 12 октября 2005 года. - М., 2005.

² См. знаменательную с этой точки зрения книгу *Jeremy Rifkin. Hydrogen Revolution*. NY 2002. Ее автор предлагает в том числе преодолеть зависимость внешней политики США от Саудовских кланов на основе создания всей совокупности энергетических инфраструктур, работающих на жидком водороде.

и силы, которые понимают, что геополитическое и геокультурное превосходство их страны в ближайшем будущем будет связано отнюдь не с овладением месторождениями углеводородного сырья.

С нашей точки зрения, расщепление американской правящей элиты происходит по отношению к тому, делается ли попытка основывать господство США на старых принципах доминирования в мире или же осознаются новые вызовы и новые возможности, связанные с научно-техническим прогрессом. Есть ещё третий тип американской элиты, который, развивая традицию Ф.Д. Рузвельта, выступает против превращения США в империю. Этот третий тип американской элиты заинтересован не в разрушении, но в инфраструктурном развитии Евразии.

Под захват и управление важнейшими зонами добычи углеводородов и выстраивается вся машинообразная силовая политика США, где центральными аспектами являются величина бюджетов Министерства обороны, а также бюджеты внешнеполитических ведомств¹. Очень важно, что в этом случае политические системы каждого из государств онтологически рассматриваются как своеобразные силовые машины. Хотя, с другой стороны, такой выдающийся стратегист внешнеполитического курса Соединённых Штатов, как Збигнев Бжезинский, считает, что необходимо во внешнеполитическом курсе переходить от доминирования, основанного на возможности стягивать финансовые и энергетические ресурсы, к мировому лидерству, основанному на демонстрации безусловной притягательности американских ценностей. Поэтому пропагандируемая частью наших публицистов идея миродержавности, которая недружественными наблюдателями расшифровывается (и, в общем-то, справедливо) как «миродержимордность», по сути своей, — отсталая и проигрышная. Именно в этой области начинает действовать важнейший в области политической антропологии и геокультуры принцип — «невесомая бабочка сдвигает континенты».

Очень слабый и очень лёгкий импульс оказывается значительно эффективнее, чем грандиозные бюджеты и усилия. Собственно синергетика (Курдюмов С.П., Малинецкий Г.Г.) здесь должна превратиться в синергийную политическую антропологию², когда

¹ См. работы Арина О.А., в частности, «Мир без России», в которых проводится рассмотрение мировой политической ситуации на основе анализа бюджетов ведущих военно-политических ведомств США, Великобритании, Японии, Германии, Франции, Китая.

² По проблеме синергийной антропологии смотрите фундаментальные работы основателей этого движения С.С. Хоружего и О.И. Генисаретского.

выдвигаемые и манифестируемые ценности создают поле, в котором у других государств и народов появляется возможность впервые обнаружить для самих себя важнейшие ценности и кредо.

С этой точки зрения, способ действия России в Евразии ни в коей мере не может быть сведен к попытке начать новую геополитическую игру. Все геополитические блокировки и альянсы остались в XIX и начале XX века. У нас нет больше человеческих сил на этот тип ресурсоёмкой экспансии. Как это может быть ни парадоксально, России необходимо осознать себя как саму себя. На что нам действительно необходимо потратить время, так ЖТО на то, чтобы увидеть своё основное устремление в Евразию не со слов Збигнева Бжезинского, а исходя из собственной духовной традиции — поскольку, если за стратегически мыслящей элитой России стоит не сиюминутный интерес и не картинка, заимствованная из недавней телевизионной передачи, а воля предшествующих поколений, на протяжении десяти веков проращивавших российскую государственность, то остановить так движущийся народ невозможно.

При подобном подходе под государственностью понимается не абстрактная административная надстройка над деятельностью различных институтов общества и самодеятельностью различных профессиональных групп населения, а коллективная и не рефлектируемая до конца вера-упование в своё собственное предназначение, переводимая во вполне операционализируемую и чётко определяемую рационально выражаемую волю: чего мы действительно хотим и чего, хотя и желая этого, можем и не можем не мочь? При этом нерелективируемая вера-упование есть не что иное, как органическое вращение правящей управляющей элиты в духовную традицию данной страны.

Конечно, то, что не рефлектировалось, а переживалось как некоторая вменённая данность — как, например, язык, на котором мы говорим и думаем, тут же может начать рефлектироваться, как только мы услышим, как нас понимает Збигнев Бжезинский. С этой точки зрения, нерелективируемость — это дело поправимое, захотим — и отрелективируем. Проблема в другом: есть ли эта включённость и органическая вращённость правящей элиты в родовую историю России?

Можно было бы сказать, что проблема евразийской безопасности — это проблема идентичности того субъекта, например, России, который может осознать данную подобную проблему как свою собственную и одновременно рефлективности того, в какие рамки помещают Россию действующие на плацдарме Евразии другие

игроки и другие субъекты — США, Великобритания, а сегодня и КНР. Не отождествить себя с предлагающимися чуждыми картинками, в которых описывается данная страна — то есть мы, Россия, — одна из важнейших задач построения консолидационной идеологии. Но при этом важно понимать, что в начале XXI века в условиях существования общества, где свободно циркулирует информация, не существует идеологии в качестве построенного философами абсолютно правильного учения, которое должно быть затем индоктринировано всему населению страны.

Эту проблему с идеологией, собственно, и выявил развал СССР. Советская партийная догма, репрессивно навязываемая всему населению страны, оказалась недееспособной после того, как силовые формы подавления инакомыслия исчезли. Оказалось, что советская идеология не является органической самовоспроизводящейся ориентационной структурой, укоренённой в самодеятельности российских людей. Современный тип консолидационной идеологии является действенным только в том случае, если он проявляется как способ обобщения и выявления конкурентоспособных типов глубоко личностного мировоззрения различных групп населения страны. С этой точки зрения, можно утверждать, что современная идеология является не индокринационно-конструктивной, не искусственно придумываемой, а **манифестационно-проектной**, основанной на выявлении элементов личного сознания, которые формируются в родном поле совместной жизнедеятельности людей.

Проектный тип сознания при разработке данной идеологии смыкается с профетической (пророческой) функцией. Задача тех, кто формулирует мировоззрение, и состоит в том, чтобы выявить эти общие характеристики чаяний, надежд, коллективного видения, волевого устремления, своеобразных пророчеств и свидетельств. Можно утверждать, что под высказываемой идеологией, как единицей идеологии, должна обязательно содержаться родовая система общественно-исторического сознания людей, исторически проживающих на данной территории.

С этой точки зрения, абсолютно убогими и дикими выглядят попытки перечеркнуть традицию и историю и представить некое преимущество в очередном разрыве традиции, вырванности из традиции, в этом неофутуризме людей, уничтожающих попытки обнаружить некие истоки творчества¹. На наш взгляд, подобные

¹ См. своеобразную книгу подобного жанра по типу кича Р. Шайхутдинова «Охота на власть». М., 2005.

способы формулирования идеологии являются абсолютно ошибочными и проигрышными. Но при каких условиях и как могут высказываться подобные мировоззренческие кредо, которые опираются на родовые формы сознания и за которыми стоят обнаруживаемые системы ценностей, способные лечь в основу предъявляемой идеологии?

На наш взгляд, дееспособное мировоззренческое кредо выражается, прежде всего, в межкультурном диалоге, где необходимо формулировать и предъявлять собственную определённую-идентичность, а также рефлектировать рамки, в которые нас заключают другие участники диалога.

Основная особенность межкультурного диалога состоит в том, что для очень многих предъявляемых характеристик и содержаний в структуре этого процесса у других участников диалога нет способов и возможностей понимания. Именно в этих рамках мысль движется от проявляемых форм осознания и осознанности до рефлексивности, когда мы можем выявить свои собственные средства как осознанно действующего субъекта. Осознанность же представляет собой своеобразную высветляющуюся органическую ауру, обладающую ценностью для людей, накопивших её в ходе проживания. Но и эта ценность, и сложившаяся органичность данной ауры требуют особого речевого акта, в котором они должны быть обнаружены и предъявлены. Этот речевой акт, собственно, и является формой высказывания и проговаривания идеологий. Лишь после предъявления и формирования данной осознанности и личность, и народ обретают собственную идентичность — они становятся понятными, прозрачными и светонесущими для самих себя. Лишь обладая идентичностью, субъект способен рефлексировать собственные действия в сложной ситуации, выявляя средства, которыми он пользуется. Именно в этом диапазоне от складывания и формирования осознанности и самоосознанности, за которой стоит идентичность, до рефлексивности, в том числе с её формальными операторами («я знаю, что ты знаешь, что я знаю»), можно очень чётко сформулировать односторонность и дефициентность прорывных в своё время работ В.А. Лефевра¹, посвященных проблемам рефлексии. Основная идеализация, используемая в работах данного автора о том, что имеется плацдарм, на котором действуют участники ситуации, или планшет, на котором отображаются как способы действия на плацдарме, так и возможные версии того, что

¹ *Лефевр В. А. Конфликтующие структуры.*

участники рисуют на своих планшетах, являлась «прорывной» и позволила выделить рефлексивные процессы в качестве предмета исследования.

Но основное ограничение данной идеализации состоит в том, что в этих работах предполагается, будто субъекты обладают одинаковым пониманием и одинаковой идентичностью, то есть они адекватно осознают себя и свои интересы, и им невозможно сказать нечто такое про них самих, в результате чего они перестанут действовать и начнут усиленно думать, кто же они такие и почему они появились на данном плацдарме. С этой точки зрения, на наш взгляд, достаточно очевидно, что рефлексия является некоторым формализованным оператором, оторванным от процессов осознания и самосознания. Данная модель совершенно адекватна при анализе ситуации противоборств, когда на плацдарме находятся два идеологически убеждённых и подкованных классовых врага с жёстко определёнными и установленными идентичностями и с фиксированными формами самоопределения. В тех же случаях, когда участник взаимодействия вдруг может осознать себя или высказать некоторое представление, которое изменит осознание другого участника, формализм рефлексии, который разработал и предложил В.А. Лефевр, не срабатывает.

Но сегодня мы живём именно в таком мире, когда средства массовой информации изменяют наше самосознание, либо, по крайней мере, провоцируют нас на его изменение. Само поле прикрепления людей к архетипам и ценностям оказывается подвижным и текучим, и на этом поле можно осуществлять специальную диверсию и зачистку.

Мы считаем, что формирование идеологии современного общества не может быть организовано как некоторая формальная конструкция, которая задаёт некий набор директивных руководств, которым необходимо следовать. Современная идеология обязательно должна опираться на личностные мировоззрения. Это означает, что единицы идеологии (идеологемы) каждый человек, которому предназначается данная идеология, будет испытывать и опробовать с точки зрения собственного личностного опыта, а также опыта общности, в которую он включён.

Рассуждая подобным образом, мы абсолютно не верим в систему геополитических игр, которые требуют мобилизации огромных ресурсов, в настоящий момент у России отсутствующих. Проблема заключается в выдвижении геокультурного кредо — мировоззрения-идеологии, которое может отозваться и получить отклик

в сознании всех народов, населяющих Евразию, а также иных народов мира. С этой точки зрения, мы считаем, что ключевые важнейшие слова ещё не были сказаны. Именно поэтому, на наш взгляд, абсолютно неубедительны и бессмысленны евразийские почвенные мифы, поскольку в самой евразийской почве ничего особенного пока еще нет, а может быть только нечто обнаружено впоследствии — в процессе нашей мыследеятельностной способности осваивать старые пространства, но на новых основаниях.

Конечно же, при подобной попытке осуществить новый шаг такого мыследеятельностного освоения евразийского пространства многое, уже произошедшее в евразийской истории, будет нам откликаться и отвечать нам, если мы правильно построим форму самого обращения.

При таком подходе задача заключается в том, чтобы выявить определяемую системой ценностей своеобразную сферу архетипов сознания, форм самоопределения, но также и инфраструктурных ресурсных возможностей действия, которые и определяют при невыявленной, неявной опоре на них дальнейшие способы и формы наших действий. Эта сфера называется для нас сферой метаполитики, и она является своеобразным способом трансцендирования за границы сложившегося института политики с его действующими фигурами, силовыми формами решений и сложившимися кодифицированными клаузулами правовых документов и подписанных договоров. Сфера же метаполитики является пространством возможностей, но не абстрактных фантазмических почвенных вымыслов про нацию и её кровь, а имеющих в нашей родовой истории опор опыта, опираясь на которые можно апеллировать к самообращению народа и его задачам, к естественному праву и религии.

Подобный тип трансцендирования, идея которого была разработана и представлена в философии И.Г. Фихте, находит совершенно иной тип разработки на основе средств системомыследеятельностного подхода, рефлексивного мышления, а также современной философии политики, философии культуры (работы Агамбена, Кантаровича, Лумана, В.В. Малявина, Ш.М. Шукурова, Г.П. Щедровицкого и Н.Г. Алексева). Мы не видим в этом ничего удивительного: философия И.Г. Фихте формировалась в конце XVIII — начале XIX века, когда объём знаний и сама культуральная сеть взаимодействий с другими цивилизациями и народами были весьма ограниченными. В настоящий же момент мы обладаем совершенно иным объемом знаний и реальных коммуникативных контактов. Сегодня субъектами сетевых межцивилизационных взаимодей-

ствий становятся миллионы людей — в то время, как в XVII веке сетевыми формами действия в мирах экономик (Ф. Бродель) владели избранные группы профессионалов: разведчики-шпионы, дипломаты, купцы, мореплаватели и пираты.

Цель подобного трансцендирования, то есть выхода за границы сложившихся парадигм и принципов современного института политики, прежде всего, европейской политики, а также азиатской политики холодной войны, состоит в том, чтобы выявить и представить принципиально новую онтику политического действия, с которой одновременно связаны предельные границы самообраза человека, народа и общества по отношению к аналогичным самообразам в культуре других цивилизаций.

Метод трансцендирования является в философии И. Г. Фихте одновременно и формой генетического анализа, в случае метаполитики, выявляющего условия происхождения человека, власти, нации-народа, общества и самого политического знания. Поэтому, с точки зрения подобного трансцендирования, речь может идти о протогосударственности и протосоциальности, а также о складывании нового народа-нации, в ориентации на которого может осуществляться политическое действие. Основным процессом, при помощи которого может быть конституирована метаполитика, является процесс метакоммуникации, о котором говорит Никлас Луман: «Одновременно с коммуникацией по поводу перспективного действия или бездействия осуществляется и метакоммуникация по поводу власти. Она может появляться в форме молчаливого предпонимания — что-то вроде ожидаемого ожидания ожиданий. Она может также актуализироваться в косвенных указаниях, риторических вопросах и намёках¹». В.В. Малявин предпочитает называть этот процесс «чистой общительностью»².

Казалось бы, здесь возникает весьма серьёзное противоречие. Ведь И.Г. Фихте, создавая метод трансцендирования, ничего не говорил о коммуникации. Процесс, с которым имеет дело немецкая классика, — это спекулятивное мышление, мышление в понятиях. Поэтому для немецкой классики процесс происхождения языка, символов, сознания остаётся закрытым. Вместо развёрнутых процессов мыслекоммуникации у И.Г. Фихте анализируется интерсубъективность.

¹ Никлас Луман. Власть. — М: Практикс, 2001. — С. 45.

² Малявин В.В. Китай управляемый. Старый добрый менеджмент. — М.: Европа, 2005.

Но это противоречие является лишь кажущимся с точки зрения системомыследеятельностного подхода. Всё дело в том, что в рамках этого подхода мышление существует лишь в его связях с процессами коммуникации и действия, а также в системе пересечения и переплетения этих процессов — мыслительной коммуникации, коммуникативного мышления, мыслительного действия и действительного (действенного) мышления. Мышления без пересечения и связи с подобными процессами не существует вообще. Все эти процессы имеют место в реальных политических институтах. Но при этом существует и чистая мыслекоммуникация, в которой конституируются условия всякого взаимопонимания. Эта чистая мыслекоммуникация, на наш взгляд, и есть выделяемая «чистая общительность» В.В. Малявина. Подобная чистая общительность как событийность, пересечённость разных типов бытия участников взаимодействия, чистая мысль-коммуникация является условием любой другой коммуникации и вообще условием того, чтобы участники взаимодействий понимали друг друга.

Для формирования условий подобной чистой коммуникации необходимо цивилизационное распремечивание¹, когда, обращаясь к представителям другой цивилизации, мы не осуществляем интроекцию — вписывание в них собственных мифов и упований. Можно утверждать, что основная функция евразийской метаполитики безопасности как раз и состоит в формировании подобной чистой мыслекоммуникации на евразийском пространстве. Это должна быть некоторая специально созданная «мантра», обращенная к другим евразийским народам и многим национальностям, из которых (в виде альянса) может складываться новое евразийское государство.

Попробуем сформулировать несколько принципов подобной евразийской «мантры», произносимой в сфере метаполитики от имени Russians (так весь остальной мир называет огромный конгломерат множества живых народов, сохранивших родовую память и связь с могилами предков и формировавшихся вокруг православно-буддистского и православно-исламского диалогов). Безусловно, эти результаты являются исключительно предварительными и лежат в сфере метаполитики, то есть они не предполагают выделения конкретной политической фигуры, которая тут же начнёт произносить доктринально-идеологические тексты на тех или иных

¹ См. о цивилизационном распремечивании кн.: *Громыко Ю.В. Сценарная паноплия.* — М., 2004.

политических форумах. Хотя, в общем-то, не составляет никакого труда на основе метаполитических концепций построить политический нарратив, например, для Президента страны с учётом речевой и антропологической стилистики конкретного лица. Но подобная работа — это уже совершенно иная область метаполитической прагматики.

С этой точки зрения, мы считаем, что время самодекларационных кредо в виде доктрин под потенциальную фигуру закончилось. Основной недостаток подобных самых что ни на есть православных, вызывающих интерес, уважение и симпатию, доктрин¹ состоит в том, что они являются закрытыми текстами самотолкований. Они принципиально антидиалогичны — в них можно включиться, если участвовать либо в их написании, либо в формах их презентации².

Следует также обратить внимание на то, что метаполитическое рассмотрение проблем евразийской безопасности прежде всего ориентировано на человека, его самоощущение, ценности и представление о собственных способах действия. Но в то же время этот метаполитический подход не является антропологической редукцией, поскольку он предполагает анализ и отношение ко всем институциональным контекстам, в которых сегодня предъясняется политический дискурс и принимаются политические решения. Поэтому метаполитика является одновременно и сквозной трансинституциональностью, нацеленной на то, чтобы рассмотреть существование человека во всём наборе институтов (промышленности, науки, образования, социальной сферы) в его конкретном повседневном региональном существовании. С этой точки зрения, регион тоже является одним из возможных институтов, в который включена повседневная жизнедеятельность человека.

Итак, каковы же принципы обеспечения стратегической безопасности в Евразии?

1. Они предполагают тотальное и масштабное развитие и освоение всей евразийской территории. Только последовательное и полномасштабное развитие Евразии в интересах всех населяю-

¹ См.: Русская доктрина («Сергеевский проект») / под ред. Л.Б. Кобякова и В.В. Аверьянова. — М., 2005.

² <http://www.pravaya.ru/dailynews/5181> Центральным событием «Русской недели» стала, безусловно, презентация «Русской доктрины», которая прошла в конференц-зале пятизвездочного отеля Corfu Imperial. ...Русская водка с салом, вкусный корабельный плов и легкие фрукты быстро сломали барьер между греческой и русской делегациями.

ших её народов является гарантией того, что на её территории будут остановлены конфликты и намечены программы не для прозябающего вялого регионализма, о котором пишет такой крупнейший специалист по северо-восточной Азии, как Джильберт Розман¹. Следует отметить, что в Евразии нет некоторой сложившейся конфигурации институтов, основной целью которых являлось бы последовательное и масштабное развитие континента. Существующие политические институты безопасности в Азии являются наследием холодной войны. Нынешние экономические союзы — такие, как АТЭС, АСЕАН, ОЭС, ОЭСР — являются торгово-финансовыми организациями. Они не предназначены для последовательного инфраструктурного развития Евразии. Величайшей заслугой Е.М. Примакова и Л.Г. Ивашова стало участие в иницировании и формировании ШОС (Шанхайской организации сотрудничества). Сейчас позиции этой организации всё более усиливаются в связи с тем, что в качестве наблюдателей в неё приглашены Индия и Пакистан.

2. Полномасштабное развитие Евразии связано с прямыми интересами всей континентальной Европы, прежде всего так называемой старой Европы — Германии, Франции, Италии и Испании. Уже сегодня прибыль целого ряда немецких, швейцарских, французских фирм в условиях стагнации национальных экономик обеспечивается контрактами с китайскими фирмами.

3. Необходимо крупное евразийское государство, которое могло бы на себя взять задачи развития евразийского континента в целом, совместно с государствами Азии, Европы и Америки. Развитие евразийского континента не может строиться на основе торгово-финансовых союзов — оно предполагает физическое материальное развитие территорий и их последовательное заселение. Именно инфраструктурное развитие предполагает переоткрытие феномена территорий и их разной освоенности и инфраструктурной обустроенности.

Должно существовать евразийское государство, которое могло бы выполнять роль своеобразного многофункционального моста между Европой и Азией. Одна из важнейших функций этого моста должна состоять в трансляции и передаче новых технологических идей и решений из Европы в Азию.

¹ См. *Gilbert Rosman*. Northeast Asia's Stunted Regionalism. Bilateral Distrust in the Shadow of Globalization. Princeton University, Cambridge University Press, 2004.

«Но при чём здесь Россия?» — мог бы меня спросить уважаемый читатель. Такой вопрос мне в своё время задал уважаемый Ю.В. Крупное, прочитавший нашу работу «Сценарная паноплия». Германия сотрудничает с Китаем без всякой России напрямую и строит там заводы по производству «мерседесов». Германские фирмы на выгодных условиях покупают активы сталелитейных фирм. При чём же тут какая-то евразийская страна-мост? Вопрос абсолютно правильный, относящийся к самой сути дела, и он, собственно, направлен в самое острое неевразийской экономики на сегодняшних евразийских пространствах.

Эта неевразийская экономика состоит в том, чтобы переносить производства в страны, где труд стоит дешевле, вместо того, чтобы развивать социальную инфраструктуру (жильё, медицинское обслуживание, образование, связь, обеспечение питьевой и хозяйственной водой, транспорт) и повышать уровень жизни людей, проживающих на территории. Поэтому огромное число западно-европейских фирм готово заменить дорогой труд своих рабочих дешёвым трудом азиатских жителей — китайцев, малайцев, а то и даже лишь чуть более азиатских, чем немцы, — европейских поляков, а недорогой труд поляков, в свою очередь, — ещё более дешёвым трудом украинцев. В принципе, и русские корпорации, которые стремятся стать транснациональными и поставляют сырьё (метал, нефть и пр.) в другие страны, используют баснословно дешёвую стоимость труда и энергии в России. И загадка присваиваемой дельты наших собственников хорошо известна: это, до настоящего момента (со всеми оговорками), — дармовой человеческий и природный ресурс.

Основной принцип евразийского развития и страны-моста, готовой участвовать в развитии Евразии, состоит в том, чтобы постепенно добиваться развития и освоения территорий Евразии в соответствии с показателями пространственного развития Европы, формируя поселенческую инфраструктуру европейского уровня. С этой точки зрения, евразийская страна-мост нужна прежде всего для того, чтобы обеспечить градиентное выравнивание развития различных территорий и создать механизмы постепенного повышения уровня освоенности территорий.

4. Стратегический принцип тяготения России к Азии, противостоящий, по остроумному выражению Вадима Цимбургского, циклам похищения Европы, когда Россию начинали увлекать горизонты европейского вмешательства в большую политику, заканчивавшиеся обычно крахом, состоит, конечно же, не в попытках

прикрепиться к товарным и финансовым потокам или в овладении другими неподконтрольными для России месторождениями углеводородов. Важнейшее основание тяготения евразийского двуглавого орла России к Азии — это биополитика, то есть способность крупных азиатских континентов выплёскивать из себя огромную численность нарождающегося населения. Эти волны разрастающегося населения Индии, Китая и Персии — важнейший биополитический феномен, который должен быть инструментально освоен Россией и который противостоит европейской сексуализирующей самокастрации. Патологическая саморазвращающая порнографическая пропаганда, направленная на разрушение таинства брака, закачивается распадом семей, бесплодием и старением нации. Именно в эту пучину самоуничтожения попали европейские нации, которым азиатская, африканская и восточноевропейская иммиграция необходима не только для того, чтобы заполнить ниши непрестижного, «грязного» труда, но и чтобы просто сохраниться как нация, проживающая на определённой территории и использующая определённый язык. Здесь у русских (*Russians*) пока ещё возможен совершенно другой путь: вопреки зловещим прогнозам М. Тэтчер об «ускромнении» русских до 50 миллионов, наша нация способна заполнить и заново переселить огромные пространства российской Евразии.

Для этого необходимы всего две вещи:

1) очень жёсткая информационная политика против пропаганды разврата и особенно любых форм педофилии, половых извращений с предложением привлекательных принципов биополитики, чтобы увеличивающиеся в численности русские (*Russians*) семьи могли приобрести в собственность дом и землю;

2) инфраструктурные прорывные проекты, обеспечивающие переосвоение территории и формирование новых постинформационных перспективных производств. С этой точки зрения, важнейший принцип, который Россия в качестве ценностного может адресовать другим азиатским государствам и всему миру, состоит в том, что евразийская держава хочет остановить смерть и обеспечить родовое бессмертие населяющих её народов. В начале XXI века это можно обеспечить не за счёт уничтожения других народов и оттеснения их от важнейших биоресурсов, а на основе инфраструктурно-пространственного развития, если оно будет опираться на принципы биополитики. Евразийский гений политика и состоит в том, чтобы нарастить мощь и жизнеспособность населения данной страны.

5. Безусловно, когда мы обсуждаем территориальное развитие, а точнее, на сегодняшний момент территориально-поселенческое «скукоживание» и вымирание России, справедливыми оказываются мысли профессора В.Л. Глазычева о принципиальной неравномерности демографических и хозяйственных процессов на территории страны. Никакого однородного освоения или сопротивления вымиранию страны быть не может. Поэтому очень важна акупунктура — воздействие на центральные принципиальные точки, переосвоение и биополитическое оживление которых совершенно необходимо.

Но здесь нам придётся обязательно различить две принципиально разных неоднородности (гетерогенности) — неоднородности процесса разрушения поселенческой структуры страны без целенаправленного специально продуманного вмешательства и неоднородности целенаправленного переселения страны и её развития. Нас, конечно же, интересует неоднородность второго типа. Как бы при этом ни осмыслились обе этих неоднородности, существуют общие показатели освоенности и проработанности всей территории с точки зрения её освоения жизнеспособным и трудоспособным населением. И если население России будет продолжать вымирать, то соседи России, прежде всего Китай и жители центральной Азии, на основе и легализированной или нелегальной миграции начнут переселять притягательные земли. Поэтому вопрос о неоднородности переосвоения страны является важнейшим.

Как же можно представить это переосвоение? Для этого, на наш взгляд, нужна новая типология экспериментально формируемых экономических микрорайонов биополитики, стимулирующей рост поселенческой ткани по типу знаменитой, очень простой, но в силу этой простоты и гениальной типологии Евгения Ефимовича Лейзеровича¹. Затем на основе типологии должна быть создана сетка, позволяющая представить всю страну в целом.

Как известно, Е.Е. Лейзерович выделяет одиннадцать типов экономических микрорайонов, разделённых на две группы — «А» и «Б».

Группа «А» — это наименее заселённые и наименее освоенные экономические микрорайоны. В эту группу, по Е.Е. Лейзеровичу, входят: резервный, пионерского экономического развития, дисперсного освоения, относительно равномерного экстенсивного освоения.

¹ *Лейзерович Е.Е. Экономические микрорайоны России (сетка и типология).* - М., 2004.

В группу «Б» включены районы, которые достаточно заселены и освоены: равномерного, чисто сельскохозяйственного освоения; равномерного, преимущественно сельскохозяйственного освоения; равномерного сельскохозяйственного освоения, но с заметным развитием промышленности; микрорайон, в котором преобладает в хозяйстве малых и средних городов промышленность при равномерном сельскохозяйственном освоении территории; микрорайон с концентрацией хозяйственной деятельности в больших (100-300 тысяч жителей) городах на фоне равномерного освоения территории; крупногородской; курортный.

Совершенно очевидно, что эти типы районов привязаны к фордистско-тейлористской системе мегаиндустриального освоения. Ценность типов и сетки Е.Е. Лейзеровича состоит в том, что она отражает тот тип освоения России, который реально сложился и осуществлялся на её территории. До настоящего момента новый тип переосвоения территорий России пока не выбран. Хотя уже понятны основные возможные экспериментальные формы переосвоения России на основе крупных инфраструктурных проектов.

Это, во-первых, коридорно-сетевое освоение при формировании коридоров развития из Европы в Азию; во-вторых, рекреационно-неопромышленное освоение и рекреационно-научноградное освоение; в-третьих, форпостово-вахтовое освоение; в-четвёртых, агломеративно-экологическое корректирующее освоение, позволяющее сдерживать и ориентировать хаотическое разрастание мегаполисов, уничтожающих окружающую природу; в-пятых, анклавно-базовое урбанизирующее освоение, позволяющее дорастить группу поселений до изолированной агломеративной среды.

Эти предлагаемые нами типы позволяют обнаружить несколько принципиальных обстоятельств. В настоящий момент имеет смысл перейти от равномерного сплошного освоения территории к принципиально неравномерно-средовому, разнонаправленному, ризомному (по Делёзу) принципу формирования биополитической ткани. Этот выборочный ризомный принцип предполагает определение условий, при которых жизнедеятельность населения будет получать дополнительные стимулы для её поддержания и наращивания. Эти дополнительные стимулы связаны с возможностью инфраструктурного развития и создания производств следующих технопромышленных укладов, формирования на основе этих производств пронизывающих Евразию коридоров развития, в которых будет создаваться принципиально новый тип жизнедея-

тельности, позволяющий преодолеть сегодняшний общецивилизационный кризис.

В своё время один из русских военных геополитиков А.Е. Вандам (Едрихин) утверждал¹, что основной целью русской экспансии являлось движение к тёплым восточно-азиатским морям через весь евразийский континент. Но это продвижение к тёплым морям может рассматриваться лишь в качестве первого геостратегического шага российской экспансии: определить те опорные базовые народы — позиции в межцивилизационном диалоге, взаимодействуя с которыми можно затем осуществлять освоение и развитие Евразии как целого. Именно удержание масштаба развития Евразии как целого является важнейшим условием евразийской безопасности. Но функция России в этом взаимодействии и тип экспансии совершенно иной. Требующийся сегодня геостратегический ход состоит в том, чтобы на основе фундаментальной науки приступить к формированию устойчивых поселений в любых точках Евразии, в частности, за Полярным кругом, в зонах вечной мерзлоты, в пустынях, на основе практико-ориентированных подходов, позволяющих создавать искусственные системы жизнеобеспечения².

6. Евразийским русским (*Russian*) государством, способным удержать и предложить европейским и азиатским странам инфраструктурные проекты, содержащие в своей основе масштаб развития Евразии в целом на основе формирования производств следующего технососоциокультурного уклада, обеспечивающих биополитический принцип ризомического, и ничего не сдерживаемого разрастания поселенческой ткани, может стать союз Беларуси, РФ и Казахстана³.

В рамках этого союза каждая из независимых стран может решить свои собственные проблемы. Беларусь в этом случае сохранит свою собственную уникальную идентичность, не разрушаясь в результате полной вестернизации. Казахстан построит органический способ постепенного освоения огромных свободных пространств, заселяя и осваивая их казахами, русскими и белорусами. Продуманный тип освоения этих пространств наряду с непро-

¹ См.: Вандам А.Е. Геополитика и геостратегия. — Жуковский—Москва: Кучково поле, 2002.

² Генеральным конструктором систем жизнеобеспечения являлся замечательный учёный Побиск Георгиевич Кузнецов.

³ Эта тема получила отклик у одного из наиболее остро чувствующих политологов. См. <http://www.pravava.ru/look/5178?print=1> Владимир Карпец. Пески и камни. — Москва, 12 октября 2005 г.

мышленным развитием русского (*Russians*) Дальнего Востока может стать важной опорой неоиндустриального развития старых промышленных баз Северного Китая. Россия же в этом союзе, опираясь на свой научный потенциал и разработческую практико-ориентированную прорывную науку, приступит к реализации масштабной программы Вернадского по ноосферному управлению Евразией на основе глобального управления ресурсами — энергетическими, человеческими и территориальными. Как очень интересно и едко отмечал Линдон Ларуш, без инфраструктурного развития Евразии все попытки англо-саксонских стратегов размышлять про ноосферное управление являются немощными и бессмысленными.

Проект евразийской безопасности является формой предъявления себя другим участникам межцивилизационного диалога, открытия своих целей и возможностей всему миру

В заключение выскажем несколько соображений по поводу возможных альянсов.

1. Нам представляется, что тема новых объединений, союзов, альянсов на территории постсоветского пространства является невероятно важной. Очень многое изменилось, и необходимо заново проделать экспертно-аналитическую работу, устанавливая связи и контакты с экспертами других стран и государств. Это вопрос обнаружения в совершенно новой ситуации того набора устойчивых позиций, с которыми может и должен вестись разговор о долгосрочном развитии и взаимном обнаружении интересов, которые могут обеспечивать синергию. На наш взгляд, необходимо переходить от формальной геополитики больших организационных инициатив к политической синергийной антропологии, когда система взаимных политических интересов может тактически и стратегически поддерживать участников взаимодействия достаточно долгое время и давать новый эффект взаимного усиления, то есть это составляет проблему точечных решений и капиллярной дипломатии.

Для обсуждения проблемы новых союзов и альянсов важны некоторые общие рамочные процессы. Мне представляется *очень* важным для понимания целого то, что две европейские страны (Франция и Нидерланды) сказали «нет» конституции Евросоюза. Такой интересный политический деятель, как редактор журнала *Nouvelle Solidarite*, президент общества *Solidarite et progres*^x Жак

¹ См. www.solidariteetprogres.org.

Шеминад (*Jacque Cheminade*), утверждает, что во Франции это был однозначный протест населения против олигархической финансовой формы господства, представленной в конституции Евросоюза. И громко звучавшие в Германии во время недавно завершившейся выборной кампании заявления о том, что для реализации прежде всего германских индустриальных интересов необходимо вернуться назад к марке — свидетельство вполне определённой оценки подходов ведущих европейских народов к «еврообъединению».

Последний год вызвал достаточно бурное обсуждение феномена «цветных революций» в экспертном политологическом сообществе. На наш взгляд, при оценке данного феномена необходимо различать два совершенно разных подхода — во-первых, стремление народов на пространстве СНГ сменить правящую элиту, не создавшую условия доступа к материальным благам и ресурсам развития для широких групп населения, при сохранении приверженности определённым долгосрочным геополитическим ценностям, а во-вторых, «цветные революции» как форму слова базовых ценностей, традиционной идентичности на основе перекраивания евразийской платформы. В этом контексте кратко, но многозначительно скажем, что любые формы органического вставания в традицию и власть лучше, чем термидор.

2. Обсуждая различные подходы к формированию альянсов, очень важно наметить некоторую типологию таких возможных объединений. Мы предлагаем различать:

- альянсы памяти и ностальгии;
- альянсы взаимовыгодных контактов — так называемые «альянсы сделок»;
- альянсы бремени и ответственности;
- альянсы долгосрочных стратегий;
- и пятый тип альянсов, предложенный известным украинским политологом, уважаемым Дмитрием Игнатьевичем Выдриным, — альянсы разделяемого дискурса, когда ценности и принцип организации разделяют, например, участники данного экспертного сообщества. Это добавление мы с благодарностью принимаем. И про него я скажу дополнительно несколько слов.

Кратко отметим, для чего нужны альянсы.

Они нужны:

- для обмена ресурсами;
- для поддержания политического имиджа;
- для получения прямой экономической прибыли.

Причём в условиях современной экономики эти три составляющие могут взаимообмениваться друг с другом. Имидж и репутация конвертируется в капитал, выступая важнейшим ресурсом взаимодействия.

Но есть ещё два важнейших результата, которые определяют политическую субъектность и возможность нестандартных решений и ходов:

- сохранение идентичности;
- обнаружение стратегических целей не диктата и доминирования, а регионального и глобального лидерства.

Збигнев Бжезинский в одной из своих последних книг¹ совершенно справедливо говорит, что сегодня занимать какую-либо позицию в мире можно только на основе лидерства в области ценностей. Поэтому, жёстко критикуя действия администрации Буша, он так остро переживает неудачи американцев в Ираке.

3. С точки зрения альянсов долгосрочных стратегий, перед Россией, как нам представляется, заново стоит проблема ценностного формулирования её традиционного присутствия в Евразии. Подобное формулирование является одновременно предъявлением и обнаружением себя в новой функции, которая заключается в инфраструктурном развитии Евразии совместно с целым рядом государств «старой» Европы, государств Азии (Китай, Индия, Иран), патриотических групп США, независимых государств СНГ, которые заинтересованы в социокультурном и инфраструктурном развитии Евразии. Для этого необходимо к геоэкономике углеводородов добавить геокультуру евразийской безопасности². В противном случае мы будем постоянно находиться под дамокловым мечом действия политических кризис-менеджеров, стремящихся сбросить предыдущие элиты под предлогом нарушения демократии, разрабатываемой и пропагандируемой различными институтами США.

В России даже появились специалисты по «оранжевым контрреволюциям» — как средству предупреждения «цветных революций». На наш взгляд, это особый способ не ответить на принци-

¹ Зб. Бжезинский. Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство: Пер. с англ. - М, 2005.

² См.: Кузнецов В.Н. Социология становления евразийской безопасности как глобальная гуманитарная инновация XXI века: геокультурный аспект // Доклад научной ежегодной сессии авторов и участников научно-издательского проекта «Безопасность Евразии», Москва, 12 октября 2005 года. — М., 2005.

пиальный вызов о функции и назначении России на евразийском пространстве. А новая сборка возможна только на основе установления долгосрочных контактов со странами старой Европы — прежде всего с Германией, Францией, Италией и Испанией, а также азиатскими странами — Китаем, Индией и Ираном.

4. Очень важно понимать, что в настоящий момент складываются две возможности на евразийском пространстве — это попытка войти в формирующийся Европейский союз в качестве страны с системой либеральных ценностей, с одной стороны, и складывание и формирование евразийской платформы для осуществления инфраструктурного перевооружения Евразии — с другой. Первую возможность стремится реализовать Украина, а вторая возможность очень серьёзно интересует руководителей Беларуси, России, Казахстана и сегодня во всё большей степени — Узбекистана.

Ряд других государств на постсоветском пространстве находится в ситуации самоопределения. Нам представляются бессмысленным все типы злорадств по поводу событий на Украине и, в частности, связанные с заменой премьер-министра Юлии Тимошенко на Юрия Еханурова. Здесь можно согласиться с мнением ряда украинских политологов, что эта замена ничего не предопределяет, и напряжённая политическая борьба на Украине ещё впереди. Однако как остановка интеграционных процессов формирования Евросоюза, так и раскол новой правящей элиты на Украине создают для России возможность осмысления собственной стратегии действия.

Две возможности, складывающиеся на постсоветском пространстве, — это лучше, чем одна. В этом случае народы стран СНГ, с одной стороны, смогут наблюдать, что будет происходить со страной, которая тяготеет к европейской интеграции и формированию демократии европейского образца, а с другой стороны — что можно достигнуть при формировании новых евразийских альянсов. Здесь нам представляются очень перспективными различные типы союзов и объединения Беларуси, Казахстана и России, и не только с точки зрения перспектив президентских выборов 2008 года. Данный взгляд, конечно, является слишком прагматичным и зауженным. С этой точки зрения очень важно, что 6 октября в Санкт-Петербурге было объявлено о предстоящем слиянии двух региональных организаций — Организации центральноазиатского сотрудничества (ОЦАС) и Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС). Объединение этих двух союзов позволя-

ет объединить в едином поле общих взаимодействий Белоруссию (не входившую в ОЦАС) и Узбекистан (не присутствующий в ЕврАзЭС). С точки зрения проблем евразийской безопасности, формирование укоренённого евразийского государства, реально осуществляющего инфраструктурное развитие всего континента и его переосвоение, конечно, является стратегически выгодным и государствам «старой» Европы (Франции, Германии, Испании), и государствам Азии (Китаю, Индии, Ирану), и такому развивающемуся государству, как Бразилия.

5. Для того чтобы действовать на постсоветском пространстве, необходимы принципы метаполитики и метаэкспертизы, которые, собственно, и связаны с формированием альянсов пятого типа, предложенных Д.И. Выдриным, — альянсов разделяемого дискурса, нового дискурса на пространстве СНГ, который ещё только должен быть выстроен. Этот дискурс предполагает не просто высказывание хаотических, хотя и научно обоснованных экспертных оценок различными представителями научного политологического сообщества, но и одновременное понимание, с какой целью и от имени каких политических сил и групп подобные оценки проговариваются. С этой точки зрения, многомерный анализ любой проблемы предполагает обнаружение основных сценариев действия конкретных политических субъектов, а не только абстрактных прогнозных сценариев тенденций.

Сценарии действия всегда формируются в конкретной разнородной социокультурной среде и предполагают учёт кросс-культурных принципов самоопределения и ценностного взаимопредъявления. Эти ценностные принципы, как и идентичность, принципы организации сознания, являются основой метаполитики в отличие от политических действий и решений.

6. Знание и умение действовать в глобальной информационной и разнородной социокультурной среде предполагает создание новых социокультурных институтов, одним из которых может быть Мировой русский университет (*World Russian University*), имеющий свои кампусы в разных государствах Европы и Азии. Основная задача подобного сетевого образовательного учреждения состоит в формировании связной когерентной среде русского присутствия и русского мира в важнейших точках земного шара. Подобная среда может строиться лишь на основе понимания интересов и социокультурной идентичности представителей других народов и возможности создавать совместно с ними общий дискурс.

Глава 8

Как и для чего государству строить транснациональные русские [*Russians*] корпорации? Промышленный потенциал как основа финансовых капитализаций. Проблемы самоопределения

Задача данного раздела состоит в том, чтобы обозначить важнейший принцип построения и организации национальной экономики в условиях глобализации. Мы различаем, с одной стороны, глобализацию как определённый финансово-олигархический проект разрушения сложившихся форм хозяйствования, научного познания и образования, получивших название «современности» или модернизма, а с другой стороны, глобализацию как функцию разрастающегося сетевого общества, когда в процесс общения втягиваются миллионы людей, и мир действительно обретает связность. В этих условиях очень важно определиться, как должны быть устроены транснациональные русские (*Russians*) корпорации.

С нашей точки зрения, проблема анализа транснациональных корпораций в настоящий момент очень серьёзно трансформируется, исходя из двух важнейших положений. Первое из них связано с рассмотрением условий, которые определяют получение корпорациями прибыли (конкретный вопрос каждый раз о самом механизме прибыли), а второе — с механизмом изменения форм и структуры собственности, которые соответствуют принципам построения корпорации.

Мы исходим из представления, что в основе корпораций лежит принцип построения социоэкономических и одновременно социокультурных человеческих коллективов, обеспечивающий усиление мощности потоков энергии, получаемых и используемых данной корпорацией в результате взаимодействия разных профессиональных мышледеятельностей. С этой точки зрения, корпорации складываются не для того, чтобы снизить транзакционные издержки, связанные со снижением неопределённости при получении информации или уменьшением затрат на переговорный процесс между подрядчиками. Феномен лежит в совершенно другой области: вступая в корпоративные отношения, люди обмениваются

ся своими видениями, пониманиями и возможностями действия таким образом, что в результате качественно увеличивается дееспособность каждого. Тот, кто был включён в исследовательские коллективы, работающие под руководством опытного и талантливого лидера, изнутри знает этот феномен увеличения ясности и большей определённости самой ситуации. На наш взгляд, огромная востребованность на рынке психологических услуг тренингов команд, проводящих разнообразный *team building*, интуитивно связана с этой проблемой. Правильно построенная команда единомышленников — это не сумма возможностей каждого из членов группы, а многократное увеличение возможностей действующих и взаимодействующих людей. Особенно часто это происходит в том случае, когда члены команды обладают принципиально разными способами действия. Правда, могут быть и прямо противоположные эффекты — когда организовать людей не удаётся, и они мешают друг другу, и не только разрушают совместную деятельность, но и ограничивают свои индивидуальные возможности.

С этой точки зрения, блефом является и второй постулат институциональной экономики, заключающийся в том, что фирма укоренена в пучках собственности, например, в контрактах на востребуемую продукцию, за которую будет получена прибыль. Основной вопрос, конечно, заключается в том, что же из себя представляет современная форма собственности. На наш взгляд, собственность всегда связана с условиями воспроизводства определённой системы деятельности, приводящей не к владению (*dominion*), но к умению произвести за счёт ресурсов разного типа, к которым в том числе относится и финансовый ресурс, правовые формы фиксации принадлежности. Но в не меньшей степени воспроизводство разных типов деятельности определяется наличием социокультурных ресурсов — человеческими способностями, стратегическими целями государства, доступом к сознанию потребителя, возможностью взаимопонимания и синергии на основе данных ценностных принципов и т.д.

Следует отметить, что в определённом смысле фирма — это не корпорация. Нечто твёрдое и фиксированное (фирма от английского слова *firm* — «твёрдый», например, как «небесный свод» — *firmament*) в виде правового договора и коллективная мобилизуемая телесность (корпорация — *corpora* — «тело») — это совершенно разные образования, как, впрочем, и немецкое товарищество (*genossenschaft* — разгромленное после поражения фашистской Германии во второй мировой войне XX века).

Итак, мы утверждаем следующую, на первый взгляд, достаточно простую и очевидную вещь: сложные формы организаций — заводы, предприятия, корпорации, фирмы — являются общественно-коллективными организмами, имеющими сложную социокультурную природу, укоренённую в национальной традиции. Эти сложные организмы есть общности, и формируются они по законам общностей, а отнюдь не складываются чисто арифметически из индивидуальной предпринимательской деятельности образующих её людей. Более того, как показывает коммунитарно-генетический анализ — анализ выявления условий происхождения общностей — очень часто принципы построения таких общностей оказываются связаны с принципами формирования семьи — китайской, японской, корейской, немецкой, англо-саксонской и т.д. (см. соответственно труды М. Кастела, Ф. Фукуямы, В.В. Малявина, Э. Годда и прочих). Из подобного утверждения не следует, что крупная фирма или корпорация представляет собой семью, хотя подобные попытки очень часто предпринимаются и со стороны руководства компании, и со стороны персонала. Но проблема состоит совершенно в другом: существует определённая взаимосвязь между органической общностью, в которой обнаруживается родство для её членов, и производственно-экономической общностью. Этим утверждением мы ещё раз хотим обратить внимание на следующее обстоятельство: социокультурные общности не складываются из простого объединения индивидов. Более того, выделение индивидов как таковых является принципом расщепления общностей. В определённой мере предпринимающие индивиды иллюзорны — они могут осмысленно существовать только в общем поле коллективного действия, на некоторой сцене этого действия, выстроенной не ими. Если эта сцена исчезает, то бессмысленной становится и активность индивидов.

Зафиксируем несколько важнейших положений, которые мы попробуем специально проанализировать:

1) Корпорации — это не то, что снижает транзакционные издержки в соответствии с принципами институциональной экономики. Корпорация обеспечивает мобилизацию и рост коллективной мощности действия в соответствии с идеями метаинституциональной политической антропологии. Основной инсайт институциональной экономики невероятно прост, и он связан с преодолением традиционных экономических представлений о «невидимой руке» рынка, когда индивидуальная динамика рыночных обменов и взаимодействий сама стихийно и спонтанно

расставляет всё на свои места и приводит к выявлению товара, который в максимальной степени удовлетворяет потребности различных групп общества, обеспечивает установление приемлемой цены. Эта сложнейшая рыночная динамика взаимодействия продавцов и потребителей на разнообразных рынках товаров, услуг, денег, капитала, рабочей силы, ценных бумаг, рисков, страхового капитала и т.д. позволяет допустить, что в рыночные взаимодействия вступают индивиды — со своими потребностями, ожиданиями и прогнозами изменения конъюнктуры и цен на различные товары. При этом сами типы рынков выступают как сложные институты, внутри которых осуществляется индивидуальное экономическое поведение. Сбои в рыночной экономике объясняются тем, что сама рыночная форма недостаточно институционализована, поэтому мы имеем пока ещё не рынок как сложившийся институт, а какой-то базар. Но сам этот анализ может быть радикально изменён, когда будет сказано, что в «Большой экономике» друг с другом взаимодействуют не индивиды, осуществляющие экономическое поведение, а организации — фирмы, корпорации. При этом сам тип взаимодействия внутри организации за её невидимыми, но хорошо ощущаемыми границами, сильно отличается от того, что происходит за рамками организации. Организация возникает для того, чтобы взаимодействие индивидов внутри неё сделать принципиально нерыночным — к выгоде людей, находящихся внутри организации. В частности, внутри организации люди бесплатно обмениваются информацией, вырабатывают общее видение ситуации, создают условия для профессионального роста и развития друг друга, и с этой точки зрения они принципиально отличаются от рыночного индивида, такого «невротика», который конкурирует со всеми, пытаясь просчитать поведение противостоящих ему конкурентов. С точки зрения институциональной экономики, фирма или организация создаёт условия для нерыночного взаимодействия внутри себя, чтобы осуществлять командную рыночную конкуренцию с другими организациями. Понятно допущение, которое появляется в так протраиваемой схеме: как только существование вовне организации приближается к принципам внутриорганизационного поведения, организация будет рассыпаться и разваливаться. Людей в ней больше ничто не удерживает: им всё равно, где жить — внутри организации или вне неё.

Появление организации, которая отличается по своему внутреннему устройству от внешней среды, в которой осуществляются рыночные взаимодействия, создаёт условия для анализа и обсу-

дения того, как можно внутри организации осваивать и овладевать внешними институтами и своим собственным институциональным поведением. И здесь возникают две возможности. Одна заключается в том, чтобы приписать работе с институтами сложные социальные законы исторической эволюции, утверждая, что во взаимодействии с ними мы можем проходить через весь набор исторических форм эволюции. С точки зрения людей, придерживающихся данного подхода, ситуация выглядит следующим образом: «Желая создать нечто новое, мы обречены на то, чтобы осваивать все типы исторических институтов и овладевать ими». Так очень часто размышляют люди, стоящие на позиции гегелевской диалектики. Например, они утверждают, что человек, строящий мышление, реально вынужден будет воспроизводить структуру локковского мышления, потом, преодолевая её, добираться до Канта, от Канта продвигаться к Фихте и Шеллингу и застревать, изнемогая, на пороге приближения к Гегелю.

Нечто подобное происходит и при освоении институтов внутри некоторой организации. Пытаясь реформировать и развивать свою организацию, её лидеры вынуждены будут проживать весь набор институтов древности, а затем и современности, доходя до постсовременности, — они последовательно будут осваивать институты закона, права, монархической государственности, капитала и так далее. Эта идея весьма интересна и является весьма продуктивной марксемой, выделенной у К. Маркса, формационного развития истории и общественно-исторической практики.

Но по отношению к институтам нам представляется более справедливой мысль Корнелиуса Касториадиса — современного автора, который считает, что все институты скрывают принцип и форму своего происхождения. И подобная позиция автора вполне обоснована. Как только происхождение института может быть реально проанализировано, он тут же становится предметом перепроектирования и преобразования. Прикреплённый к нему механизм власти может быть отобран у данного института и передан новой проектируемой форме организации. Институт, выделенный и проанализированный как реальный предмет, позволяет построить новую форму организации как предмет проектирования. Поэтому реальное рассекречивание институтов и их формы действия является действительным условием их преобразования и изменения. В этом, кстати, состоит огромное преимущество революционеров и реформаторов по отношению к консерваторам и охранителям существующих институтов. Выступая с идеями

реформ, какими бы жалкими и страшными эти реформы поначалу ни казались, реформаторы, в конце концов, вынуждены занять позицию реального удержания и воспроизводства институциональных механизмов функционирования общества.

Но, вскрывая реальные механизмы институционально-корпоративной власти, мы сталкиваемся с необходимостью понять: а за счёт какой антропологической организации человек оказывается способен переигрывать действие существующих институтов? И здесь возникает одна из важнейших проблем роста человека в организации и роста самой организации. На наш взгляд, организация существует до тех пор, пока остается способной переигрывать внешнее институциональное окружение, предлагая нестандартные организационно-финансовые, концептуально-мыслительные и политические решения. Таким образом, организация себя укореняет и делает себя возможной не за счёт того, что отдельные индивиды в ней занимаются предпринимательством и индивидуальной бизнес-деятельностью, конкурируя друг с другом. Организация вращается в социально-политическую среду и удерживается в ней за счёт того, что разрабатываемые в ней мыслительные решения, коммуникативные типы взаимодействий (коммуникативные переговорные площадки) и сценарии социального действия создают условия для более эффективных возможностей роста мощности деятельности организаций.

Побиск Георгиевич Кузнецов в своё время рассказывал об одном из своих уроков, который был им получен в ГУЛАГе при взаимодействии с папским нунцием Куртисом. Куртис утверждал, что в «Капитале» К. Маркса нарушается закон сохранения энергии, поскольку прибавочная стоимость создаётся по непонятным причинам и правилам — в результате получается больше, чем было изначально вложено в процесс. Попытка ответить на этот вопрос привела П.Г. Кузнецова к изучению работ гениального русского учёного Подолинского, с которым состоял в переписке Ф. Энгельс. Подолинский утверждал, что вся человеческая деятельность направлена на то, чтобы в создаваемом новом техническом решении получить резкий значительный выигрыш и прирост в мощности по сравнению с вложенными человеческими затратами. Изобретение паруса, плуга, мельницы является ничем иным, как подобным обнаружением условий, при которых возникает резкий прирост в мощности потока, проходящего через данный специально созданный механизм — рычаг, ворот, поверхность натяжения паруса и т.д. Но организация — организм взаимодействующих людей —

тоже является таким же особым образованием (если это не мёртвая, а живая действующая организация), внутри которого возникает резкий прирост мощности потоков, проходящих через неё. За счёт чего это может происходить? За счёт культуры организации мыследеятельности — более высокой внутри организации, чем вне неё.

Под повышением культуры мыследеятельности мы имеем в виду следующие процессы:

1. Повышение организации процессов мышления, коммуникации, действия, рефлексии, понимания на основе развития личных мыследеятельностных способностей и выявления и описания средств осуществления данных процессов.
2. Эпистемическую политику реорганизации знания — его интеграции и уплотнения — то, что сегодня получило название *knowledge management* и что связано с оборотом знания, в котором выявляются нестандартные техники действия.
3. Рефлексивное выявление новых сложившихся способов профессиональной мыследеятельности и превращение их в образец, усваиваемый всеми в данной организации и за пределами организации. Политика построения стандарта профессиональной мыследеятельности и управление внешней средой на основе данного стандарта.
4. Соорганизацию и связь несоорганизуемых и несоединяемых за границами организации типов мыследеятельности — например, то, что сегодня является общим местом — финансово-экономической и инженерно-технической мыследеятельности.
5. Работу с состояниями сознания и аксиопрактиками (выявление и работу с ценностями), что сближает хорошую организацию с религиозным орденом, православным, католическим или буддистским монастырём.
6. Более эффективные формы образования и обучения на протяжении всего цикла жизни человека. Создание технологий, соединяющих практику и обучение, обеспечивающих более эффективное и быстрое перемещение человека по иерархическим уровням компетентностей.
7. Постоянный поиск и эксперимент с новыми типами коллективно-распределённой мыследеятельности и реорганизацией команд.
8. Подвижную гетерархию компетентностей — как постоянно меняющихся принципов иерархии компетентностей, когда вовне организации появляются новые задачи, и организация должна складываться из себя новый тип иерархии.

С этой точки зрения, всякая живая организация-корпорация содержит в себе особый принцип трансцендирования и выхода за границы своих собственных возможностей, достигнутых к настоящему моменту. Это трансцендирование основано на возможности отразить и выделить тот сложившийся образец коллективно-распределённой профессиональной мыследеятельности, который культивируется в данной организации, и занять по отношению к нему внешнюю рефлексивную позицию, позволяющую корректировать и изменять этот сложившийся способ действия.

Это изменение может строиться:

методом организационного проектирования, когда предполагается, что имеющиеся компетентности сотрудников организации в данный момент изменяться не будут, и необходимо лишь преобразовать формы взаимодействия сотрудников организации, выстроив соответствующую мегамашину из людей;

методом раскрытия у сотрудников организации новых компетентностных возможностей, связанных с повышением уровня организации способностей понимания, рефлексии, воображения, действия и т.д., когда предполагается, что это прорастание следующего уровня развития и раскрытия компетентностей осуществляется на основе существующей и сложившейся формы организации мыследеятельности;

на основе соединения, сочетания одного и второго направления работ — когда происходит изменение организационной структуры с одновременным повышением уровня организации компетентностей у отдельных сотрудников организации.

С этой точки зрения, организация является до сих пор ещё не раскрытой *terra incognita*, внутри которой создаются условия (если это не мёртвая организация-скорлупка, которая потребляет человеческую энергию) для раскрытия более высоких уровней организации сознания по отношению к рутинным материальным принципам построения процессов производства. Раскрытие более высоких энергетических уровней организации сознания по отношению к практике работы организации — производственной, практической мыследеятельности — осуществляется на основе метаинституциональной политической антропологии.

Эта антропология метаинституциональна, поскольку при подобном подходе выявляются такие уровни и принципы организации сознания человека, при которых он не принадлежит к заданной структуре институтов. В этом случае «общественное бытие не определяет сознание данного человека». В восстановлении подобных

уровней сознания человек может доходить до выделения родовых архетипов, которые раскрываются родовому человеку до «восприятия первопредка»¹. Речь идёт о политической антропологии, поскольку человек в корпорации — это существо политическое, точнее, биополитическое, поскольку тот или иной политический порядок всегда входит в соприкосновение с повседневным образом жизни человека. Возникающая и устойчиво функционирующая корпорация опирается на тот или иной выигрыш в возможностях, своеобразную «ренту» по положению. Но механизм этой ренты заключается не в экономии на транзакционных издержках, а в возможности организовать такой уровень интенсивности жизни, который будет намного превосходить внешнюю среду. Очень часто этот уровень интенсивности определяется в том числе и формированием новых способов профессиональной мыследеятельности.

2) Анализ корпорации должен вестись не методом сложения индивидуальных предпринимательских действий в корпоративное предпринимательство, а на основе аналитического вычленения из предпринятой коллективной стратегии прорыва и продвижения индивидуальных функций, закрепляемых за отдельными членами корпорации — в пределе за каждым.

Общее целое корпорации никогда не может быть получено из соединения и складывания индивидуальной предпринимательской деятельности её членов. Тело корпорации не восстанавливается из соединения выделенных тканей и органов, которые обнаруживаются путем вивисекции трупа. Для того чтобы выделять в корпорации части, отдельные функциональные органы, корпорацию надо сначала умертвить, а после этого её можно членить и разделять на части. Вместе с тем функционализация «команды наверху» (*team at the top*), как правило, отражает реальную включённость организма, формирующего и удерживающего корпоративность во внешней среде. Члены «команды наверху», как правило, включены в организацию внешней среды вокруг корпорации в очень странных и разных функциях. Они не равны по своим мобилизационным возможностям, имиджу и предпринимательскому потенциалу. Более того, их способ включения во внешнюю для корпорации среду напоминает не укоренение, а разрастающуюся делёзовскую ризому² — то есть своеобразный коммуникативный

¹ См.: *Малявин В.В. Китай управляемый.* — М, 2005.

² *Gules Deleuze, Felix Guatari. A thousand plateaus. Capitalism and schizophrenia.* The University of Minnesota Press, 1987.

хаос соединения всего со всем. Всё дело в том, что Жиль Делёз противопоставлял традиционному образу дерева с его стволом и чётко выраженной корневой системой растущую во все стороны ризому, мягко и по соприкасающимся поверхностям проникающую во все области доступной среды. За этим образом ризомы стоит и смена способов использования категориальной пары форма-материал, очень важной для анализа формы организации, отпечатываемой на человеческом материале. Идея ризомы требует другого понимания и употребления категории формы, когда у прорастающего динамического живого ещё только должна быть выявлена форма, не инородная самим процессам прорастания ризомической ткани, а внутренне им присущая. Таким образом, форма корпорации не привносится извне для наложения на материал, а вычленяется из разрастающейся живой ризомической экспансии. Эту форму надо ещё усмотреть в способах корпоративного действия людей. Из намечающегося стратегического действия, которое задаёт включённая в среду «команда наверху» из высших менеджеров корпорации, затем может быть отструктурировано и всё организационное целое корпорации — вплоть до определения отдельных организационных функций всех членов корпорации. И это отчетливо понятно, поскольку корпорация как тело структурируется по принципу, выделенному и описанному в отечественной философии техники П. А. Флоренским, — принципу органопроекции действующих менеджеров. Действующие группы корпорации являются продолжением органов данного топ-менеджера. И это отнюдь не принижение роли и функций членов корпорации. Если данный менеджер высшего звена, входящий в «команду наверху», постоянно строит замыслы стратегических операций, а затем их реализует, то включённость в команду функции продолженного органа данного менеджера является возможностью присвоить всю сложнейшую практику разработки стратегической операции — от замысла до реализации.

Подобный взгляд на корпорацию восходит к средневековым религиозно-правовым системам и знаменитому государственно-религиозному учению о двух телах короля, подробно описанным в знаменитой книге Кантаровича¹. В соответствии с данным религиозным учением, король, император на Западе всегда обладал двумя телами — бессмертным божественным телом, через которое империя, королевство были вечно причастны телу Господа, но также и телом реального воплощения в виде всей совокупно-

¹ *Ernst H. Kantorowicz. Die zwei Körper des Königs. — München, 1990.*

сти подданных, территориальности страны, налогов, собираемых с подданных, и т.д. Таким образом, данное учение о двух телах короля в символической форме описывает, во-первых, трансляцию сквозь историю больших организмов, которые живут дольше, чем отдельный человек, — таких, например, как империя или королевство, а во-вторых, конкретную организацию подобных общностей.

То, что включённый в «команду наверху» (*team at the top*) топ-менеджер корпорации фактически образует некоторую разрастающуюся ризому, позволяет говорить о так называемом посткорпоративном периоде развития институтов (О.И. Генисаретский), поскольку менеджер одновременно находится и внутри корпорации, и вне неё. Менеджеры высшего уровня, помимо того, что они образуют разум корпорации, точно так же являются и её кожным покровом, соприкасающимся с внешней средой и проникающим во внешнюю среду. Причём очень часто наиболее эффективные и прибыльные операции для корпорации оказываются возможными за счёт действия её менеджеров вовне корпорации. Но если у менеджеров компании отсутствует стратегическая операция структуризации корпоративных действий, мобилизации корпорации, и они сохраняют исключительно ризомическую форму существования, то либо их в очень скором времени перекупит другая корпорация и включит внутрь себя, либо распадётся и перестанет существовать прежняя корпорация. Поэтому, помимо ризомического разрастания корпорации во все стороны вовне и внутрь, корпорация структурируется мобилизационными импульсами, нацеленными на реализацию сверхзадачи. Собственно, эта возможность мобилизоваться и взять некоторую недоступную для других задачу коренится в достижимых или недостижимых на данный момент состояниях сознания менеджера высшего уровня. Сверхслабое (энергия сознания) структурирует сверхсильное — большие общности людей.

Но в какой области лежат основные стратегические направления продвижения транснациональных русских корпораций? Мы выделяем всего шесть таких направлений, которые определяют структуру стратегического прорыва транснациональной русской корпорации, превращающей её в лидера национальной промышленности:

1. Освоение совместно с другими корпорациями лидерской технологии и перевооружение на основе данной технологии существующих техно-промышленного и социокультурного укладов внутри страны.
2. Соорганизация внутри себя всего набора основных процессов — производства-воспроизводства, функционирования-развития-

- захоронения предшествующих неэффективных форм деятельности. Управление циклом жизни актива на основе знания — проблема эпистемических (знаниевых, умных, *smart*) денег.
3. Стандартизация уникальной мыследеятельности, которую выразила данная корпорация, и вброс её во внешнюю среду в качестве стандарта, описывающего средства и способ деятельности. Проблема рефлексивно-инструментальных стандартов. Стиль и идентичность как форма стандартизации состояний сознания.
 4. Развёртывание множественного набора иерархий (гетерархий) в соответствии с решаемыми задачами, продвижение персонала по иерархическим уровням на основе освоения компетенций всё более высокого уровня.
 5. Переструктуризация внутреннего пространства страны на основе проектов инфраструктурного развития территорий. Стандарт качества эксплуатации пространства.
 6. Готовность работать совместно с государством над реализацией стратегических долгосрочных инфраструктурных проектов, определяющих стоимость мировой валюты (мировых денег).

Продвижение корпорации в каком-то одном из этих направлений или во всех шести превращает её в национального и мирового лидера. Эти шесть стратегических направлений реально приводят к изменению самой материально базовой исходной формы практики. Кратко охарактеризуем продвижение в каждом из этих направлений, которые и определяют формирование промышленного потенциала, лежащего в основе различных форм капитализации, формируемого промышленно-производственного потенциала и развития страны.

3) Транснациональные русские корпорации должны получать прибыль не за счёт демпинговых цен на сырьё и человеческий ресурс, превращенный в сырьё, а за счёт освоения прорывных технологий следующего социокультурного уклада.

Сегодня возможность получать прибыль в нашей стране связана с продажей природных ресурсов и со сверхдешёвой стоимостью рабочей силы. Подобный способ получения дельты означает, что российская наука и российские технологии не используются на мировом рынке. Хотим мы того или нет, но мы можем сегодня зарабатывать и выживать только за счёт предоставления своей ресурсной базы западным корпорациям. Это означает, что мы распродаём ресурсы будущих поколений. Задача же заключается в том, чтобы не распродавать эти ресурсы, а эквивалентно обменивать их на технологические элементы, обеспечивающие нам переход в будущее.

Что можно сделать, чтобы изменить подобное положение дел? Создать условия, в соответствии с которыми у корпораций либо забирается практически вся полученная от эксплуатации природных ресурсов прибыль, либо у них есть возможность покупать у западных корпораций принципиально новые технологии или финансировать создание российскими, а также международными коллективами подобных прорывных технологий. Задача заключается в том, чтобы накопить и сформировать остов нового технопроизводственного и социокультурного уклада. Понятно, что складывать конструкции из технологических кубиков следующего технопроизводственного уклада не представится возможным, если не будет целенаправленно создано описание этого следующего уклада и не выделен алфавит его технологических конструктивов. Этим описанием должно владеть государство, которое и может ориентировать транснациональные корпорации на овладение элементами подобных технологий. Ориентация на то, чтобы сформировать новый технососоциокультурный уклад и стать его собственником, должна поддерживаться у транснациональных русских корпораций государством.

Набор технологических областей, из продвижения в которых складывается новый технопроизводственный и социокультурный уклад, приблизительно понятен: это конструирование и создание новых материалов, включая и работу с материалом живого при опоре на биофотонику, лазерные инструментальные системы, новые технологии по производству электроэнергии, новые типы скоростного транспорта, информационные системы, работающие в режиме реального времени, и многое другое. Проблема заключается совершенно в другом — в создании обобщающей ориентационной картины, которая могла бы стать некоторой картой продвижения транснациональных русских корпораций к освоению/созданию технологий этого следующего уклада.

Речь идёт не просто о формировании «Белой книги», в которой фиксируются важнейшие технологии и которые, с точки зрения экспертов, через 10-15 лет будут оказывать критическое влияние на системную российскую промышленность¹. Проблема заключа-

¹ См. *Дан Медовников. Без Белой книги. «Есть такой инструмент управления НТП в развитых странах — Белая книга. Книгу эту составляет список долгосрочных и капиталоемких технологических проектов, призванных оказать в не столь далеком (10-20 лет) будущем критическое влияние на национальную экономику или отдельные ее отрасли».* <http://www.inno.ru/news/into,php?kNQ7>.

ется в разработке общего проектного представления о следующем технососоциокультурном укладе. Скорее всего, этот следующий уклад будет укладом гибридных материально-гетерогенных динамических сред, где каждая из сред существует только какое-то время. А её изменение влияет на изменение других сред. Среды друг от друга будут отличаться тем, являются ли они самопорождающимися или искусственно поддерживаются за счёт внешних источников энергии.

Но освоение новых технологий следующего технопромышленного и социокультурного уклада в условиях доминирования предшествующего уклада является абсолютно затратным делом. При каких условиях освоение таких новых технологий может приносить корпорациям прибыль хотя бы в перспективе? Можно ли для этого действовать другим образом, нежели как за счёт демпинговых цен на сырьё и человеческих ресурсов?

4) Преимущества получают корпорации, которые могут внутри себя организовать процессы функционирования, производства, воспроизводства, развития и, наконец, захоронения предшествующих неэффективных форм мыследеятельности. Управление циклом жизни актива на основе знания — проблема эпистемических (знаниевых, «умных», *smart*) денег.

Заимствование или даже создание опережающей новой технологии ничего не значит, если данное новшество не включено в процесс общей целокупной деятельности различных направлений и звеньев многих корпораций отрасли, если на основе нового создаваемого продукта и услуги не формируется новый тип потребительского поведения, который рекламируется в специально запущенном рекламном продукте. Таким образом, общественное богатство создаётся на основе введения в действие новой технологии или нового агрегата, эксплуатация которых связана с получением нового продукта или услуги, но присваивается это общественное богатство и превращается в капитал теми, кто способен запустить и контролировать все процессы необходимых преобразований и изменений. Этими процессами технодинамики¹ и социодинамики, процессами подлаживания под новую технологию всего технологического корпуса и социально-организационных структур и должна владеть транснациональная русская

¹ Закономерности процесса технодинамики разрабатывались в исследованиях профессора М.Д. Дворщина.

корпорация, заинтересованная в продвижении к новому технопроизводственному и социокультурному укладу.

Характеризуя новый уклад двумя понятиями — технопроизводственный и социокультурный, мы обращаем внимание на хорошо известные, но трудно реализуемые обстоятельства: включение в постоянное использование новых агрегатов, новой машины или нового устройства требует всегда очень серьёзных социокультурных и гуманитарных изменений. Гуманитарная социальная «аура», окружающая процесс освоения новой машинной технологии, не менее сложна, а иногда во много раз более сложна, чем эксплуатация и ремонт данного агрегата. Говоря о гуманитарных изменениях, мы не имеем в виду работу с сознанием потребителя на основе различных рекламных подходов и пиар-методик. В большей степени нас здесь интересуют приёмы работы, обеспечивающие преобразование и изменения процессов мыследеятельности в корпорации — процессов мышления, коммуникации и действия её различных групп. Более того, мы считаем, что к внутренней сути устройства технологии имеют отношение как раз процессы воспроизводимой, операционализируемой мыследеятельности, превращаемой в деятельность, а не сами по себе функционирующие машины.

Непосредственно работать с социодинамикой может только такая транснациональная корпорация, которая владеет основным набором процессов, определяющих целостно-сферный характер данного типа деятельности. К этим процессам мы относим функционирование, производство, воспроизводство, развитие и захоронение устаревших форм социальной организации и типов деятельности. Именно этот набор процессов обеспечивает создание социокультурного потенциала и оформление его в виде социального капитала, который и определяет возможности отечественной экономики.

Все проблемы, связанные с определением стоимости корпорации и учётом так называемых невидимых, «неуловимых» активов (*intangible assets*), как раз и связаны с тем, может ли корпорация в своей организационно-производственной мыследеятельности не только обеспечивать производство данного конкретного продукта, но и осваивать новый продукт, а под его освоение формировать новые группы людей и переобучать старых работников, избавляясь от привычного, сложившегося способа деятельности. Корпорация, которая прошла через формирование новых технологий, через освоение новых стандартов, владеет в своей внутренней скрытой мыследеятельностной структуре способами перехода

от обычного функционирования к мобилизации на производство качественно нового продукта, к воспроизводству персонала, захоронению старых способов деятельности и интегральному развитию своих социокультурных форм взаимодействия как внутри самой корпорации, так и с внешней средой.

Но каким образом корпорация, которая владеет формой организации столь разных мыследеятельностных режимов, как производство, воспроизводство, функционирование, развитие и захоронение, получает конкурентное преимущество и переводит его в зарабатываемую прибыль?

Это связано с управлением циклом жизни актива на основе информационных технологий разных типов, когда, например, при помощи специальных датчиков можно просчитать, что происходит с футеровкой ковша — нужно её менять, она прогорит или ещё выдержит несколько следующих плавков, или можно определить, что дороже — ремонтировать турбину или менять её на новую, и через сколько лет окупится данная замена. Но важнейшее направление применения информационных технологий состоит в возможности понимать, как данный намечаемый тип изменений воспринимается специалистами разных уровней, представителями разных типов организационной культуры в данной корпорации, каким образом данное инновационное преобразование повлечёт за собой систему изменений во всех узлах данной корпорации, во всех смежных организациях, какой выигрыш в реализации работ даст данное изменение. Понятно, что точным пониманием затрат, возможной прибыли и стоимости владеет тот, кто заранее, до изменений, может проимитировать и выявить все направления преобразований и возникающие трудности. Любое изменение — это значительное число коммуникативных площадок, на которых происходит процесс передоговаривания по поводу типа осуществляемых работ. Эту форму переговорных коммуникативных площадок по поводу предстоящей, по-новому организуемой деятельности, видный теоретик деятельностного подхода и идеолог финской школы инноваций Юрьё Энгештрём предложил называть «завязыванием узелков». Информационные технологии могут обеспечить целый ряд новых решений именно в завязывании узелков. Таким образом, современные информационные технологии — это своеобразная система коммуникативных планшетов, поставленная в основных «узлах» производимых изменений, позволяющая заранее отследить и представить общий объём затрат, необходимых для осуществления этих изменений. Зная объём этих затрат,

можно обсуждать с потребителем нового продукта или услуги, а также с государством необходимые для выполнения осуществляемых преобразований финансовые вложения в транснациональную русскую корпорацию.

Умные деньги — это деньги, которые вкладываются в поддержание долгосрочных циклов жизни активов и деятельности с гарантированным эффектом при учёте всей системы выявленных и просчитываемых рисков. Нарисовать эти циклы, спроектировать изменение форм организации деятельности и определить стоимость этих изменений — важнейшая задача управления транснациональной корпорацией.

Так представляемая транснациональная корпорация движется в среде как своеобразный организм, который то выставляет в среду свои плазмоподии, то втягивает их обратно внутрь себя, тем самым постоянно переосмысляя результаты своего взаимодействия со средой. Но каким образом можно управлять взаимодействием со средой, особенно если данная корпорация в своей организации опережает массовую организацию деятельности в среде? Это можно делать только за счёт перевода принципов корпоративной деятельности в стандарт и распространения его во внешней среде.

5) Стандартизация уникальной мыследеятельности, которую вырастила данная корпорация, и введение её образов во внешнюю среду в качестве стандарта, описывающего средства и способ деятельности.

Существует огромное число стандартов, определяющих сегодня структуриацию рыночной среды, в которой действует корпорация: различные наборы технологических стандартов, информационных стандартов, самые различные стандарты качества продуктов и процессов, патенты, закрепляющие право на данный тип изобретений и новое знание, правовые нормы и контракты, которые тоже выполняют функцию стандартизации. Но, на наш взгляд, к важнейшему типу стандартов относятся инструментальные стандарты, выявляющие и описывающие уникальные способы деятельности, выращенные в данной корпорации. Например, таким стандартом может быть деятельность программирования, позволяющая организовать и связать деятельность главных инженеров, обладающих инженерно-техническими знаниями о функционировании и циклах жизни данного актива, и деятельность финансистов, которые могут разрабатывать финансово-экономические решения, но ничего не знают о цикле жизни данного актива.

Приведём пример. Общим предметом деятельности программирования инженерно-технической и финансовой, например, в гидроэнергетике, но также и в сталелитейной промышленности является цикл жизни актива. Исходное проблемное расхождение, организуемое в программе, может быть описано следующим образом:

Инженерно-техническая позиция, надёжность функционирования оборудования (на каждом из этапов жизненного цикла). **Финансовая позиция**: стоимость владения активом (на протяжении всего жизненного цикла). При максимизации одного происходит рост второго (максимизация затрат). Но это — ложная дилемма.

Возможность взаимодействия и взаимопонимания инженерно-технических и финансово-экономических позиций, использующих разные языки, может быть достигнута, если обе группы позиций начинают говорить про единый предмет. Этим предметом является цикл жизни производственного актива. Основными этапами цикла жизни производственного актива являются: создание актива на основе выведения созданной технической системы на уровень её нормативного функционирования, поддержание функционирования актива, модернизация и перевооружение актива, утилизация актива.

Хотя производственный, материальный актив при оценке способов его капитализации должен рассматриваться наряду с невосомыми активами¹, аргументация и форма обоснования типа технического воздействия определяются принципами анализа материального производственного актива.

Для инженерной позиции производственный актив является уникальной инженерно-технической конструкцией. В ходе напряжённых дискуссий главными инженерами гидроэлектростанций было зафиксировано, что все инженерные объекты (в гидроэнергетике) являются уникальными инженерно-техническими конструкциями, представленными единичными объектами. По поводу каждого из этих уникальных объектов должны приниматься свои конкретные решения с привлечением разноуровневой и многоаспектной экспертизы на основе всего имеющегося опыта эксплуатации данного объекта. Например, в отличие от теплоэнергетики, гидроэнергетика в большей степени характеризуется ролью единичных уникальных параметров (особенностями поведения металла при исключительных типах нагрузки). Основной «миф»,

¹Intangible assets включают в себя уровень компетентностей коллектива, эксплуатирующего оборудование и принимающего решения; информацию и знания, накопленные в системе управления производством и объективируемые при помощи IT-решений; систему партнёрств и коалиции.

который свойствен инженерной позиции, состоит в том, что в случае пренебрежения затратами любому типу инженерной конструкции при надлежащей бережной эксплуатации и проектно-конструкторском обеспечении может быть обеспечено бесконечно-вечное существование и превращение его в музейный экспонат. Сохранение гидротехнических сооружений, которые являются нерыночным элементом инфраструктуры, эксплуатируемой в рыночной среде, должно обеспечиваться, несмотря на связанные с этим затраты.

С другой стороны, при выходе данного сооружения, конструкции, изделия за рамки нормативного срока эксплуатации на основе мониторинга основных параметров функционирования конструкции главными инженерами могут строиться вероятностные кривые поведения оборудования в будущем и приниматься решения о частичной или полной замене данного узла или сооружения в целом. Данная практическая позиция главных инженеров, с одной стороны, позволяет при соответствующей организации мониторинга различных параметров накапливать уникальные данные о состоянии существующих объектов гидроэнергетики и прогнозировать затраты на поддержание функционирования данных объектов и их модернизацию. Но, с другой стороны, при подобной ориентации главные инженеры оказываются неспособными к восприятию принципиально новых технических решений, связанных с действительным развитием гидроэнергетики, с переходом к новому технопроизводственному укладу, новым принципам развития инженерных инфраструктур, обеспечивающих региональное переосвоение страны (например, в области малой энергетики). С этой точки зрения, главные инженеры выступают не в качестве сторонников научно-технического прогресса, рассматривая его как исключительно теоретическую задачу, — они лишь сохраняют и обеспечивают воспроизводство уже используемых технологических систем.

Предлагаемый тип решения о техническом воздействии исходит из финансово-экономической стратегии компании, но при этом должен опираться на реальное знание о состоянии активов, возможности их модернизации. Согласование и организация финансово-инвестиционной и инженерно-технической позиции должны привести к появлению **новой профессиональной позиции**¹ - менедж-

¹ Данный тип профессиональной позиции концептуально разработан менеджером компании УК ВОГЭК В.Н. Поповым.

жера актива. Поэтому корпорация является той средой, где может выращиваться новый тип профессиональной деятельности, которая может быть осмысленной и важной в течение некоторого времени. Основная особенность этой позиции состоит в разработке сценариев и предложении типов решений использования актива, обеспечивающих повышение надёжности эксплуатации инженерно-технических инфраструктур и капитализации актива. Эти решения, имеющие определённую цену вопроса, должны обсчитываться на основе накопленных инженерно-технических знаний с точки зрения возможности или невозможности их реализации при выбранном уровне затрат на данное решение. В современных условиях роста финансовых накоплений страны гидроэнергетика может предложить эффективную стратегию размещения этих средств, обеспечивающих развитие инфраструктур и демонстрирующих инженерные расчёты реального технологического переоснащения инженерно-технических сооружений. Демонстрация того, что вкладываемые в национальную инфраструктуру деньги могут эффективно инженерно-технологически использоваться, является одним из условий привлекательной инвестиционной стратегии.

С нашей точки зрения, перспективная работа со средой предполагает выращивание новой мыследеятельности (например, менеджера управления активами), а затем выявление реальных средств и инструментов её осуществления и перевод этих средств в рефлексивный стандарт, который должен быть введён в среду взаимодействия данной корпорации с другими корпорациями. С этой точки зрения, транснациональная русская корпорация должна не только знать, что делать самой, но и владеть способом инициирования других к тому, чтобы делать то же самое. Транснациональная русская корпорация должна быть способна создать своеобразную моду на свой собственный стандарт, заинтересовав возможных потребителей продуктов и услуг содержащимся в стандарте более эффективным способом действия. Так, например, профессиональная мыследеятельность менеджера активов является способом организации и связи разорванных сегодня даже в масштабах страны процессов управления финансами и инженерно-конструкторской деятельности. Способ их связать предполагает выращивание новой мыследеятельности.

Более того, нам представляется очень важным суметь переопределить западные стандарты — например, TOP (*total optimization of profession* — тотальная оптимизация профессии) или TQM

{total quality management — тотальное качество управления) или сбалансированную систему показателей (*bsc — balanced scorecard*) на основе анализа форм и способов мыследеятельности, стоящих за данными стандартами. И затем необходимо передавать дальше эти способы мыследеятельности, стоящие за данными стандартами. Не менее важной работой является выявление того, какой тип фундаментальных знаний стоит за критическими технологиями, собственность на которые зафиксирована за западными компаниями — с тем, чтобы определить следующий прорыв в этой фундаментальной области, обеспечивающий создание технологий следующего поколения.

Но следует обратить внимание, что всякая корпорация, активно взаимодействующая со средой, оказывается заинтересованной в разработке и реализации совершенно особого стандарта. Это — концентрический¹ стандарт, обеспечивающий формирование и поддержание корпоративной идентичности. На наш взгляд, идентичность не является институтом, она представляет, скорее, метаинституциональный феномен, позволяющий личности переигрывать любые социальные институты на основании установления меры аутентичности (подлинности) той или иной идентичности. Ведь для сегодняшней пародийной культуры постмодернизма характерны разыгрывание в стиле *reality show* и имитация любой идентичности. Единственный способ справиться с этим — это самоопределение в традиции и установление меры аутентичности данной идентичности. Конечно, вторичным образом идентичность можно возвести в ранг института, но сегодня всё очень плохо обстоит с институтом личности, поскольку личность не до конца институционализована. Вместо личности институционализируется индивидуализированное «эго», «я», самость. Конечно, современному западному обществу было бы очень лестно институционализировать идентичность. Но пока это не получается. Здесь мы опять видим оппозицию, и достаточно жёсткую, между институциональной экономикой и метаинституциональной политической антропологией. Но работать со стандартом сознания, культивируя особые состояния сознания, современная корпорация может, лишь запустив процессы образования внутри самой себя. Это и получило сегодня признание в виде создаваемых организаций научения (*{learning organization*) и корпоративных университетов.

¹ От англ. *consciousness* — сознание. См. нашу работу «Оружие, поражающее сознание» в сб. «Кому будет принадлежать концентрическое оружие в XXI веке» — <http://www.dataforce.ru/~metuniv/consor/index.htm>.

б) Корпорация — это сфера, обеспечивающая повышение капитализации компании на основе продвижения персонала по иерархии компетентностей. Гетерархия компетентностей против иерархии должностных мест. Идентичность человека внутри русской транснациональной корпорации.

Один из важнейших типов капитализации корпорации состоит в том, что она обеспечивает продвижение персонала по уровням компетентностей. Для того чтобы решить подобную задачу, необходимо иметь язык компетентностей, при помощи которого можно было бы описывать деятельность профессионалов корпорации на разных уровнях. С точки зрения мыследеятельностного подхода, компетентности есть не что иное, как институционально востребуемые способности. За способностями стоят определённые способы мыследеятельности, которые могут быть выявлены и описаны с точки зрения используемых средств при организации и осуществлении соответствующих им процессов. Задача состоит в том, чтобы разработать иерархическое описание структуры корпорации и поставить в соответствие каждому уровню определённые компетентности.

Нами было предложено выделять в структуре корпорации следующие уровни:

1. Уровень специалистов и экспертов.
2. Уровень руководителей проектов, организующих профессионалов разного типа в группу, реализующую проект.
3. Уровень системных менеджеров, координирующих осуществление одновременно нескольких проектов в рамках одной программы.
4. Уровень топ-менеджеров, обеспечивающих вписывание системы проектов в социально-политическую среду и реализующих на основе проектов сценарии операций.

Специалисты и эксперты имеют собственную иерархию компетентностей, в соответствии с которой осуществляются их рост и профессиональное развитие за рамками корпорации.

Так представленная иерархия позиций предполагает, что каждый следующий ее уровень обеспечивает организацию вокруг себя на основе всё более содержательной и конкретной коммуникации, действия и мышления всё большее число различных профессионалов с разным статусом, разным уровнем понимания, с разными возможностями. Топ-менеджеры — это профессионалы, для которых не существует твёрдой и жёсткой стены между организацией и внешней средой. Они спокойно включаются во вне-

организационную коммуникацию и притягивают из внешних пространств экспертов и профессионалов для реализации своих планов и операций. Они сами определяют, где проходит граница между тем, что принадлежит их организации, и тем, что отделено и изолировано от неё.

В отличие от должностного табеля о рангах, иерархия компетентностей не является застывшей, раз и навсегда зафиксированной. Она может менять свои направления, уровень и степень выраженности и формы описания в зависимости от изменяющихся задач корпорации. С этой точки зрения, мы фактически всегда имеем дело с **гетерархией** — то есть со сменными принципами иерархии компетентностей. Если топ-менеджер не улавливает смену направления, по которой наращивается иерархия компетентностей, он будет мешать росту потенциала работников корпорации и очень скоро окажется, что в соответствии с вновь возникшей и пока ещё не выявленной иерархией компетентностей он перестанет находиться на самом верху.

Мы считаем, что в каждой корпорации можно выделить как минимум пять типов разнонаправленных шкал, по которым осуществляется иерархизация компетентностей:

1. Иерархия решения проблем.
2. Иерархия инерционности, устойчивости и организационного порядка.
3. Мобилизационная иерархия.
4. Иерархия стрессоустойчивости.
5. Лидерская иерархия.

В соответствии с первой иерархией предполагается, что в корпорации решаются сложные проблемы, и вся корпорация состоит из «решателей» проблем. Именно «решатели» создают новый продукт и придумывают новые организационные принципы, осваивают новые технологии. В соответствии с данной иерархией в корпорации накапливаются творческие компетентности.

В соответствии со второй иерархией организация — это то, что способно к устойчивому инерционному функционированию, к поддержанию порядка, накоплению знаний и информации и претворению новых накопленных знаний в практику. Несмотря на смену действующих лиц, корпорация сохраняет свой образ и свой принцип действия и противостоит времени, сохраняя свою репутацию. «*Ordnung ist die Halbe des Leben*» (по-немецки — «Порядок — половина жизни») — вот что написано на данном типе компетенционной шкалы.

В соответствии с третьей самостоятельной иерархией компетенций корпорация состоит не из мыслителей, а из реализаторов — делателей. Сегодня благодаря интернету и доступу в эпистемотеки (знаниехранилища) всем известно всё. Но при этом ничего до конца не реализуется. Поэтому в соответствии с данной шкалой компетенций задача заключается в том, чтобы «дотащить» и реализовать задуманное. На старте побеждает тот, кто привлекает к себе внимание судей и женщин красивыми идеями, а на финише — тот, кто, несмотря ни на что, «дотащил» замысел до реализации. В соответствии с третьей шкалой, в корпорации ранжируются и накапливаются способности реализовывать задуманное любой ценой.

В соответствии с четвёртой иерархией компетентностей люди в корпорации оцениваются в организации с точки зрения способностей жить в условиях постоянного конфликта и непрекращающейся войны. Способность, несмотря на постоянный стресс, спокойно продумывать и реализовывать возложенные на тебя функции является очень важным качеством и всегда очень высоко ценилась во всех типах восточных единоборств. Чем более жёстким и яростным является конфликт, тем более высокого уровня спокойствия должен достичь подвижник внутри битвы. В соответствии с четвёртым типом иерархии в корпорации ранжируются бойцы.

Наконец, пятая шкала компетентностей позволяет ранжировать лидерские качества и способности воодушевить и повести за собой людей. Умение сформировать вокруг себя группу единомышленников для выполнения задачи, выдвинуть ценностный организационный принцип, который мобилизует людей, является очень важным типом компетентностей, которые точно так же вырабатываются и развиваются в течение жизни.

Поскольку корпорация — это эволюционирующий организм, то в зависимости от того, с чем сталкивается корпорация во внешней среде, а также от того, через какую эволюционную историю прошла данная организация, в ней могут актуализироваться те или иные шкалы иерархизации компетентностей. Так, начав с бури и натиска, реальной войны с другими организациями, перейдя к демонстрации лидерских принципов, организация может затем избрать в качестве своей базовой ценности порядок и всеми силами воплощать эту ценность в жизнь. Как мы уже сказали, само наличие нескольких разных иерархий компетентностей и смена этих иерархий требуют каждый раз специального анализа и выявления.

Каждая из иерархий компетентностей может описываться при помощи мыследеятельностного языка, который позволяет выявлять лежащие в основе данной компетентности способы осуществления мыследеятельностного процесса. Мы предлагаем свой язык описания компетентностей, который позволяет выявлять как раз первый тип иерархии, связанный с решением проблем. Но точно такие же языки описания могут быть построены и для четырёх других иерархий компетентностей, которые позволяют выявлять и описывать реально достигнутый компетенционный ранг. На основе данных мыследеятельностных описаний можно строить и специальные игровые тренинги, ставящие человека в новую ситуацию, в которой он вынужден сделать рывок для освоения компетентности нового уровня. Таким образом, мыследеятельностное описание компетентностей необходимо нам для того, чтобы за счёт специальных ролевых тренингов продвигать людей с уровня на уровень.

Уровням компетентностей соответствуют слои организации. При этом можно зафиксировать наложения, когда определённая компетентность одновременно соотносится с двумя разными уровнями организации. Подобные наложения создают своеобразную компетенционную непрерывность при переходе с одного организационного уровня на другой.

Почему в период так называемого сетевого общества (Мануэль Каstellс) и уплощённых *{flattened}* организаций мы говорим об иерархии и рисуем пирамиду с организационными слоями? Потому что мы считаем, что в многоуровневой хаотической сети информационного общества зависимость от иерархии компетенций не уменьшается, а увеличивается по сравнению с периодом господства иерархических бюрократических организаций, основанных на социальном статусе. Но выявить реальную иерархию компетентностей, своеобразный *voioф дурстpo^* (неписанный закон) более сложно, чем иметь дело с внешне предъявляемым статусом в организации. Тем более, что следующий уровень за языком мыследеятельностных способностей — это уровень состояния сознания, который реализуется во всякой живой корпорации, но требует больших усилий для его обнаружения и работы с ним.

Вместе с тем сам мыследеятельностный язык, позволяющий выявлять процессы мышления, коммуникации и действия, создаёт условие для переосвоения иерархии компетентностей. Говоря об идентичности человека в транснациональной русской корпорации, мы, конечно, должны поставить основной акцент на ценности

труда и лидерства, поскольку и транснациональные русские корпорации нам нужны, как мы уже писали, не для более выгодного сбыта демпингового сырья — электроэнергии, ресурсов, человеческого труда, а для осмысления на основе принципов кросс-культурного менеджмента иных форм мышления, коммуникации и действия, культивируемых в зарубежных корпорациях. На основании этого осмысления можно выработать собственную лидерскую позицию.

7) Переструктуризация внутреннего пространства страны на основе проектов инфраструктурного развития территорий. Стандарт качества эксплуатации пространства.

Можно выделить основные критерии, в соответствии с которыми транснациональные русские корпорации должны поддерживаться государством:

1. Получение сверхприбыли, обеспечивающей бюджет страны.
2. Совместная разработка с западными корпорациями принципиально новых технологий.
3. Освоение новых технологий, обеспечивающих переход к новому социокультурному и технопромышленному укладу.
4. Создание условий для инфраструктурного переосвоения внутренних территориальных пространств страны.

В настоящий момент четвёртый критерий становится одним из важнейших, поскольку в течение достаточно долгой перспективы нам придётся реализовывать старый геополитический принцип — удерживать и осваивать значительную территорию небольшим населением. В этой ситуации развёртывание инфраструктур, которые создают условия для повышения связности российских территорий (связь, транспорт, управление водными потоками), а также для переселения территорий России, является важнейшим условием удержания территориальной целостности страны. Очень важным становится стандарт освоенности территорий, показывающий, какой уровень потоков мощности пропускается через данную территорию. О подобном стандарте освоения каждого квадратного километра территории как важнейшем показателе развития страны давно уже говорит видный учёный и политический деятель — Линдон Ларуш. Может так получиться, что в очень скором времени одним из аргументов против России будет то, что в этой стране значительная часть территорий находится в запустении и выведена из освоения. Реально всю хозяйственную деятельность России можно сконцентрировать на вполне определённых локальных

территориальных анклавах, а всю остальную территорию передать народам, которые активно стремятся к территориальной экспансии. Пока подобных аргументов не было, но к ним надо быть готовым. В этих условиях особое значение получают такие транснациональные русские корпорации, которые способны быстро развернуть инфраструктурные проекты переосвоения страны.

Возникает вопрос: а почему мы говорим о транснациональных русских корпорациях, а не о каких-то внутренних национальных компаниях? По одной простой причине: необходимо инфраструктурно переосваивать страну, одновременно насыщая её технологиями следующего технопроизводственного уклада. Это инфраструктурное переосвоение страны одновременно должно стать способом создания поселенческих условий, связанных с созданием стратегических типов занятости, для переселения России. Поэтому, если, например, корпорация способна развернуть по всей России инфраструктурные проекты малой энергетики, она должна получить поддержку у руководства страны. Данные проекты пространственного перехода к следующему социокультурному и технопроизводственному укладу на антропоной основе — на основе биополитики, связанной с увеличением численного роста населения, — являются самыми приоритетными. Основная задача сейчас заключается в том, чтобы создать инфраструктурные гнёзда на территориях, в которых могут монтироваться новые производства и новые системы расселения. Это, на наш взгляд, и есть современная форма реализации старого геополитического принципа — небольшим числом людей удерживать большие пространства, создавая базу для воспроизводства и роста численности населения.

Вот, скажем, как для нас выглядит цивилизационный сценарий «Малая энергетика», который может быть реализован на основе формирования транснациональной русской гидроэнергетической корпорации.

Глава 9

Создание малой энергетики в России - наброски к цивилизационному сценарию

Проекты развития малой энергетики попадают в рамки цивилизационного сценария или даже становятся основой сценария цивилизационного сдвига при выполнении следующих важнейших условий:

- создание и управление малыми энергетическими установками не приводит к простому разрушению и атомизации существующих массово-индустриальных энергоинфраструктур;
- использование малых энергоагрегатов выступает средством изменения форм самоуправления и самоорганизации локальных общностей, которые контролируют своё энергопотребление (о подобной перспективе в рамках своего проекта использования водородных энергетических установок размышляет Джереми Ривкин в своей книге «Водородная революция»);
- использование средств малой энергетики меняет формы и типы занятости значительных групп населения: энергия используется не только для организации быта, но и для высокопродуктивной профессиональной деятельности;
- освоение инфраструктур малой энергетики позволяет изменить существующие схемы расселения и пространственного развития страны;
- использование средств малой энергетики не останавливает основные направления научно-технических исследований, нацеленных на создание энергетических установок достаточной мощности (ядерная энергетика, холодный термояд), обеспечивающих реализацию космического императива — выход в космос и колонизацию Марса (проект Эрике Крафта).

В целом ряде работ по физической экономике (Линдон Ларуш, Побиск Кузнецов — управление социальными процессами на основе физически измеряемых величин) высказана принципиальная идея о том, что цивилизационное освоение территории предполагает увеличение мощности проходящих по ней энергетических

потоков (*energy density flow*). Именно отличие «мерзости запустения» от проработанности и освоенности территории и определяется тем, что по данной территории протекают энергетические потоки высокой мощности, которые обеспечивают функционирование самых разнообразных производств, поддержание поселенческих систем.

Можно высказать гипотезу, что в цивилизационно-поселенческой рамке малая энергетика является средством, при помощи которого может начаться процесс, противоположный переселению людей в большие города и скоплению людей в городских агломерациях, связанному с разрушением деревень. Именно это переселение в города, как правило, связано с резким снижением рождаемости и уменьшением числа семей с тремя детьми, обеспечивающими демографический рост. Мы отнюдь не предполагаем, что необходимо людей из городов насильственно переселять в сельскую местность. Более того, есть данные о том, что расселение американцев в 70-х из городов в коттеджные посёлки разрушило интеллектуальную городскую атмосферу, привело к резкой атомизации общества и снизило культурный уровень живущих по соседству, но не общающихся людей. Для нас всего лишь очевидно, что при наличии доступных энергетических, информационных, снабженческих, транспортных инфраструктур на значительной территории страны проживание в городе перестаёт быть необходимостью. Каким образом могут строиться новые системы расселения в России — это отдельная и довольно сложная проблема.

Одна из интересных идей Линдона Ларуша, высказанная им по поводу пространственного развития, состоит в том, что принципиальной важнейшей единицей освоения территории страны являются коридоры развития, которые формируются вдоль скоростных транспортных магистралей. Именно эти магистрали, по которым с огромной скоростью циркулируют грузы и информация, могут стать своеобразным остовом для наращивания новой поселенческой ткани страны. С другой стороны, миссия России состоит в том, чтобы, осваивая жизнь в районах вечной мерзлоты, проектировать и создавать системы жизнеобеспечения, которые могут расширить границы возможностей жизни человека в Евразии.

Основная наша гипотеза состоит в следующем: ядро цивилизационного сценария, который может быть сформирован на основе проектов малой энергетики, определяется новыми подходами к принципам расселения и пространственного развития в России. Агентами этого расселения могут стать небольшие поселенческие

общности, реализующие принципы самоуправления, в разных уголках на территории России. Это означает, что предложение решений проблем создания энергетических инфраструктур может определять формы и принципы поддержания старых и формирования новых поселений в России. Таким образом, основная проблема запуска проектов «Малая энергетика» определяется прежде всего маркетинговой, переговорной частью, связанной с выделением огромного числа различных групп, которые были бы заинтересованы в формировании энергетических инфраструктур на основе малых энергетических установок. Если не иметь некоторого предварительного видения, как формировать поселенческие каркасы и на какие общественные группы, заинтересованные в создании подобных каркасов, опираться, а только лишь набирать портфель заказов, то в определённый момент проекты «Малая энергетика» рухнут в силу хаотического набухания портфелей заказов. Абсолютно невозможно понять, что является приоритетным и самым важным.

Сценарий «Малая энергетика» должен одновременно рассматриваться в шести рамках: государственной, научной, промышленно-производственной, образовательной, предпринимательской (финансы, частная инициатива, оформление прав) и антропологической.

Государственная рамка сценария «Малая энергетика». Те, кто придумывают реализацию цивилизационного сценария «Малая энергетика» и намечают принципы организации поселенческих каркасов, освоения разных уголков России, занимают позицию отсутствующего и весьма абстрактного сегодня бюрократизированного государства. Именно они собираются отвечать за то, что происходит с Россией в целом, намечают выходы из сложившейся ситуации. Фактически, с точки зрения российского государства, его будущая задача состоит в том, чтобы воспроизвести энергетические инфраструктуры, но на новых основаниях. Единые энергетические инфраструктуры будут разбиты на соорганизованные друг с другом blastuly, ячейки, соты, модули — **конструктивы**, каждый из которых или соорганизованные узлы из них определённые профессиональные и поселенческие общности будут использовать для жизнедеятельностных и производственных задач. Управлять же связками и узлами конструктивов, собранных в энергетические инфраструктуры, будет профессиональная управляющая компания. Таким образом, формируемые на основе энергетической инфраструктуры — высокоплотных потоков энергии —

поселенческие каркасы обеспечивают общностям возможность жизнедеятельности и производственной занятости. А задача государства состоит в том, чтобы создать условия для перевоспроизводства энергетической инфраструктуры, на основе которой будут монтироваться поселенческие каркасы в разных регионах России и формироваться новые типы производств.

Научная рамка сценария «Малая энергетика». Основные задачи научно-исследовательских и проектно-конструкторских работ состоят в том, чтобы создать гибридные системы из всего набора гидроэнергетических, ветроэнергетических, соляных, газотурбинных установок, которые могли бы использоваться в разных регионах России. Эти разные энергетические установки должны быть связаны с системами электролиза воды и получением водорода, позволяющим накапливать электроэнергию в форме водорода и транспортировать его к месту использования по водородопроводам. Очень важно, чтобы увлечение ветроэнергетикой не привело под псевдоэкологическими лозунгами зелёных (как это случилось в Германии) к свёртыванию работ по получению новых решений в области ядерной энергетики, связанной с созданием керамических реакторов, обладающих высокими защитными свойствами и фактически не требующих специальных технологий утилизации ядерных отходов. В любом случае, переход к энергетическим потокам более высокой мощности будет связан с созданием малых ядерных установок, которые сейчас совместно с Курчатовским институтом разрабатывает Китай. Поэтому, безусловно, с точки зрения научных перспектив сценарий «Малая энергетика» должен включать в себя проекты малой ядерной энергетики. Но, конечно же, модность энергетических потоков определяется потребностями самодеятельного населения, использующего эти потоки, — либо для поддержания света и тепла в коттеджном посёлке, либо для создания городков с тропическим климатом и оранжерей за Полярным кругом, либо для создания лазерных микропроизводств и производств по искусственному выращиванию кристаллов.

Промышленно-производственная рамка сценария «Малая энергетика». В этой рамке следует рассматривать, с одной стороны, отечественные и западные предприятия, которые будут производить всевозможные агрегаты и установки малой энергетики, а с другой стороны — взятие под контроль российских предприятий и их перевооружение для того, чтобы они могли производить агрегаты не хуже зарубежных аналогов. Поэтому в данной рамке

необходимо рассматривать длинный путь от размещения заказов на российских и зарубежных предприятиях до взятия под контроль российских предприятий. Имеет смысл рассмотреть вопрос, поставленный в ходе семинара Ю. Васильевым, о том, какой тип промышленно-производственных технологий (фактически, предприятий будущего российского технопроизводственного уклада) имеет смысл предлагать для освоения различным самодеятельным общностям, которые могут обеспечиваться и снабжаться поставляемой электроэнергией. Создаваемая энергетическая инфраструктура есть монтажная площадка для перспективной системы производств — от пекарен и мукомольных предприятий до лазерных производств.

Образовательно-антропологическая рамка сценария «Малая энергетика». С одной стороны, в этой рамке следует обсуждать создание *learning organization*¹ с иерархией компетенций, в которой можно было бы подготовить инженерные и управленческие кадры для реализации проектов данного сценария. С другой стороны, речь идёт о специальных тренингах и работе с самодеятельными общностями, которые были бы готовы заказывать и использовать единицы энергетической инфраструктуры. Понятно, что огромное число общественных групп сегодня еще не готово выйти на позицию самоорганизации и самоуправления. Для того чтобы различные общности могли попробовать подобную позицию занять, с ними должна вестись специальная работа.

Наконец, важная рамка данного проекта — предпринимательская. В этой рамке, собственно, и определяется жизнеспособность и реалистичность данного проекта. В этой рамке мы видим возможность одновременного анализа трёх разных по времени действия программ работы с малой энергетикой — краткосрочной, среднесрочной и долгосрочной. При реализации краткосрочной программы в основном рассматриваются потребительские запросы различных групп, которые хотели бы в определённом объёме потреблять электроэнергию. При реализации среднесрочной программы наряду с предложениями снабжения электроэнергией предъявляются различные проекты бизнесов и производств, которые могли бы осваиваться различными профессиональными группами

¹ На ОДИ В.Н. Поповым прообраз подобной *learning organization* рассматривался в виде взаимосвязанной структуры инженерный центр — проектный офис - управляющая компания. Очевидно, что учебный центр внутри инженерного центра является учебной структурой со специфической частной функцией.

с одновременным анализом того, какие объёмы электроэнергии для этого необходимы. При реализации долгосрочной программы выявляется, в какие инфраструктуры собираются в качестве объекта управления эксплуатируемые энергетические узлы, какая поселенческая ткань и какие каркасы расселения стоят за создаваемой энергетической инфраструктурой. Поскольку малая энергетика — это ключ к перезаселению России и её пространственному развитию, то третья долгосрочная программа должна продумываться с самого начала, наряду с краткосрочной и среднесрочной.

Важнейшая часть проработки сценария «Малая энергетика» в предпринимательской рамке связана с проведением множества переговорных процессов и формированием специального маркетингового поля, выявляющего весь набор субъектов, заинтересованных в использовании агрегатов и установок малой энергетики. К важнейшим типам подобных субъектов мы относим:

1. Конфессиональные общности (российские монастыри, общины баптистов, других иноверцев).
2. Малочисленные народы.
3. Жителей и владельцев элитных поселков.
4. Переселенцев из ближнего зарубежья.
5. Общественные группы, заинтересованные в создании новых типов производств.

С точки зрения пространственных решений формирования поселенческих каркасов, нам видится несколько важнейших решений:

- поселения отставников спецслужб вдоль транспортных коридоров и дорог федерального назначения;
- энергетические решения для технопарков и особых экономических промышленных зон — новое предложение Фрадкова;
- поселения в зонах вечной мерзлоты;
- известно, что руководством Приволжского округа принято решение строительства скоростной дороги Москва — Нижний Новгород, где будут двигаться локомотивы на основе принципов магнитной подушки — *magnitlev*. Данная дорога может стать одним из возможных коридоров развития, заселение и освоение которого может быть организовано с использованием решений «Малой энергетики».

На наш взгляд, заниматься «Малой энергетикой» интересно и невероятно перспективно, если ориентироваться именно на цивилизационный сценарий, а не просто использовать различные технологические решения для замещения отсутствующей поли-

тики в области жилищно-коммунального хозяйства¹. **Ориентация на цивилизационный сценарий позволяет провести операцию по взятию всего рынка малой энергетики в целом. Это, на наш взгляд, и должно быть целью разрабатываемых схем.**

Основное ограничение существующих сегодня предпринимательских схем в области малой энергетики состоит как раз в том, что в них абсолютно разорваны проблемы жилищно-коммунального хозяйства и производства. Вместе с тем взаимосвязь проблем доставки света и тепла для жилищно-бытовых систем и электроэнергии для различных новых типов автономных производств является услугой, которая может обеспечить создание агентов нового переосвоения пространства России — самостоятельных общностей. Но, конечно, мода на это переосвоение ещё только должна быть запущена — как мода на создание своей собственной усадьбы, мода на большую семью с пятью детьми и т.д.

Для того чтобы решать все вышеуказанные проблемы, очень важно использование системы ИТ и финансовых технологий.

На основе ИТ-решений было бы очень интересно создать базы данных, позволяющие просчитывать рентабельность различных агрегатов малой энергетики для различных хозяйств в различных зонах расселения, системы их обслуживания и эффективность производств, создающих эти агрегаты. Более того, можно утверждать, что формируемая ИТ-система вокруг эксплуатируемых установок малой энергетики и систем производств по созданию энергетических агрегатов и есть первоначальная разведка, а затем и проектирование контура будущей инфраструктуры малой энергетики.

Финансовые технологии играют решающую роль с точки зрения создания удобных финансовых механизмов (лизинга, специальных кредитов) для выкупа энергетических агрегатов в собственность либо оплаты их эксплуатации. Очень интересно, может ли быть вообще спроектирована специальная финансовая пакетная услуга по приобретению автономного электричества и тепла, которая, собственно, и продаётся потребителю в виде решения всех его

¹ См. «Сегодня нет энергетической политики в области жилищно-коммунального хозяйства, — констатировал член комитета Госдумы по энергетике, транспорту и связи В. Иванов. — Там сейчас полный разброд и шатание — это я могу сказать как региональный депутат». Изменить ситуацию может помочь внедрение малой энергетики. Речь идет, в том числе, о системах, которые производят тепло и электричество не из мазута или угля, но по принципиально новым технологиям, например, с использованием ветра, солнечных лучей». Из выступления на конференции «Малая энергетика 2004».

проблем, может ли специально для осуществления подобной услуги быть создан банк «Малая энергетика», который мог бы предложить свой финансовый инструмент для всех сегодня действующих компаний в этой области? Именно разработка финансовых технологий могла бы стать способом охвата всех разрозненных фирм, действующих на ещё только формирующемся рынке малой энергетики. С другой стороны, принципиальное значение имеют идеи анализа промышленных активов, обеспечивающих производство агрегатов для малой энергетики и возможность выкупа активов в собственность.

9.1. Капитализация российских промышленных активов на основе поддержки транснациональных русских корпораций государством. Форма договора

В журнале «Эксперт» достаточно широко обсуждалась проблема (в частности, в замечательных статьях С.Б. Чернышёва) недокапитализации российских промышленных активов.

Российские промышленные активы оказались обесцененными в результате той убийственной для страны процедуры приватизации, которая была осуществлена в ходе экономических реформ. Не менее чудовищной по своим последствиям может быть и процедура национализации, которую предлагает известный экономист Андрей Бунич, чтобы исправить ошибки предыдущей приватизации. Такие переходы от неправильной приватизации сначала к национализации, а затем к «правильной» приватизации уничтожат группу менеджеров, которой хоть что-то удавалось делать, и, на наш взгляд, сделают окончательно недееспособной российскую промышленность. Ход, предлагаемый Андреем Буничем, весьма экстравагантен и направлен на то, чтобы взбудоражить всю страну. Но что делать с недокапитализацией активов?

Решить эту проблему можно за счёт специальной политики государства в отношении транснациональных русских корпораций. Часть крупных частных российских корпораций, например, «Северсталь», стали покупать крупные активы за рубежом (заводы в США, Италии), повышая стоимость своих компаний в целом. Но, конечно, при помощи подобных инициатив невозможно, во-первых, решить проблему всей российской промышленности. А во-вторых, стратегически важные активы никто нашим корпо-

рациям просто так не продаст. Например, «Северсталь» перед покупкой завода в Италии изучала рынок сталелитейных активов в Китае, имеющий, безусловно, стратегическое значение для построения транснациональной сталелитейной русской корпорации. Китай — это единственная страна, где стоимость стали не флуктуирует вверх-вниз. В стране держится постоянный и устойчивый спрос на сталь в связи с огромным инфраструктурным строительством и начинающимся автомобильным бумом. Но зайти в Китай без участия в этом представителей российского государства невозможно. Поэтому эта попытка завершилась ничем — вернее, покупкой актива в Италии. Возможно, частная корпорация не захотела связывать себя обязательствами перед Президентом. Здесь у частного капитала, конечно, есть свой собственный выбор. Но для решения проблемы недокапитализации активов необходимы такие русские корпорации, которые захотят себя связывать обязательствами перед Президентом в обмен на поддержку их превращения в транснациональные корпорации.

Всё дело в том, что никакими частно-предпринимательскими проектами по перевооружению активов — замене оборудования, покупке новых технологических узлов — этой проблемы не решить, поскольку Запад не заинтересован в повышении стоимости российских активов. Эта проблема не является чисто организационно-экономической, она — политико-экономическая. Не решить эту проблему и за счёт создания особых ценных бумаг, при помощи которых можно демонстрировать постоянный рост стоимости российских активов. Всё дело в том, что в настоящий момент мы находимся в ситуации кризиса глобальной долларовой финансовой системы. И этот кризис — не циклический, а системный. А основной «рак» и развал финансовой системы как раз связаны с разрушением *hedge funds*, которые торгуют ценными бумагами. Чтобы создать правильный рынок ценных бумаг под российские промышленные активы, надо сначала очень серьёзно почистить мировой рынок ценных бумаг и принципы работы *hedge funds*. Но поскольку так и не введён налог Тобина, по которому должны облагаться все сделки в *hedge funds* и за счёт чего можно было бы элементарно знать, какие через них реально прокачиваются деньги, то не только влиять на политику *hedge funds*, а и просто понимать, что с ними происходит, не удастся. Поэтому никаких правильных ценных бумаг для фиксации здорового роста российских промышленных активов в раковой финансовой среде создать тоже не удастся.

Что же остаётся? Переоценка российских промышленных активов **возможна не за счёт индивидуальных предпринимательских проектов, но за счёт прорывных инфраструктурных проектов во временном масштабе двух поколений (50 лет), которые могут лечь в основу преобразования международных финансовых институтов.** Русские транснациональные корпорации должны стать держателями подобных проектов совместно с другими транснациональными евразийскими корпорациями (Китая, Индии, Ирана, США, Франции и Германии) при участии и поддержке государств, гарантирующих долгосрочное освоение этих проектов. Не валютные резервы, а именно подобного типа проекты как раз сегодня могут стать очень серьёзным основанием для изменения финансовой архитектуры и изменения стоимости доллара, евро, юаня и рубля. Финансироваться подобные проекты должны через специальный, создаваемый для этих задач банк евразийской реконструкции и развития. Именно на основе подобных прорывных инфраструктурных проектов, обеспечивающих выход страны к освоению нового технопромышленного уклада, и может начаться мучительная и длительная работа по переоценке российских промышленных активов, которые постепенно будут включаться в новый создаваемый промышленный уклад. Зоны, на которых будет формироваться данный уклад, и могут стать специально выделенными площадками формирования стратегических типов занятости, куда могут поступать деньги из стабилизационного фонда, не приводя при этом к инфляции.

Понятно, что подобный взгляд нуждается в очень серьёзной конкретизации и уточнениях. Очевидно только одно: повышение стоимости российских промышленных активов не является внутренним делом России, и этот вопрос не может быть решён за счёт мудрости и изворотливости российских менеджеров. Он предполагает самое серьёзное вмешательство в ситуацию с мировыми финансами.

Так что же такое глобальный национальный проект?

Глава 10

Национальный проект «Гидроэнергетическая инфраструктура как локомотив развития страны». К ГОЭЛРО-2

10.1. Важнейший критерий национального локомотивного проекта — биополитика. Увеличится ли народонаселение России в результате реализации проекта?

Основная проблема национального проекта — а кто же будет разрабатывать данный проект и осуществлять его реализацию? Данный проект, например, не может быть поручен абстрактной государственной компании, которая не умеет снижать издержки и повышать капитализацию. Данный проект не может формироваться на основе вялой государственной директивы. Подобного типа проекты могут быть созданы и реализовываться лишь предпринимательскими группами во взаимодействии с представителями государства, удерживающими стратегические цели развития страны.

Относясь к непростой проблеме формирования национальных проектов, мы хотим обратить внимание на то, что до сих пор не обсуждён формат национального инвестиционного проекта, а также минимальная типология проектов, необходимая для их сортировки, последующего определения приоритетности и значимости. И на наш взгляд, это не случайно. Поскольку, подтверждая утверждение иностранцев о том, что русские (*Russians*) — странная нация, не готовая к неожиданно выпавшему на их долю счастью, — например, огромных, всё разрастающихся нефтяных (газовых) денег, наше финансовое руководство явно находится в ситуации недоумения по поводу того, куда и зачем должны тратиться деньги нашей страны.

Мы бы хотели предложить некоторую достаточно простую типологию, различив всего четыре типа проектов национального уровня:

- инфраструктурно-воспроизводственные проекты;
- локомотивные проекты;

- капитализационные проекты;
- доходные проекты.

Только четвёртый тип проектов является инвестиционным проектом в точном смысле этого слова, поскольку предполагается, что результаты его создания и внедрения будут давать прибыль, а как раз из этой прибыли и можно будет рассчитываться с взятыми финансовыми средствами.

Третий тип проектов, безусловно, будет давать доход, но конкретная форма капитализации создаваемого инфраструктурного потенциала на его основе неопределенна — например, потому, что создаваемая инфраструктура будет являться условием деятельности большого числа хозяйствующих субъектов, или поскольку на основе данной инфраструктуры будут созданы новые отрасли хозяйства, или потому, что создание подобной инфраструктуры потребует 25 лет напряжённой непрерывной работы. Данный тип проектов нацелен на создание своеобразных национальных инфраструктурных платформ, а кто и как их присвоит - в настоящий момент не ясно. При разработке и создании данного проекта и надо продумать форму капитализации результатов данного проекта.

Второй тип проектов, на наш взгляд, является наиболее принципиальным и важным, поскольку именно на основе данного типа проектов можно осуществлять развитие и продвижение одновременно нескольких отраслей национального хозяйства сразу. Формы капитализации в каждой из областей должны выстраиваться по-своему, и поэтому не представляется возможным на этапе разработки и реализации подобных проектов ответить на вопрос о формах и принципах капитализации и получения прибыли. Но совершенно очевидно, что данный проект потащит за собой одновременно несколько отраслей и крупных типов корпораций.

Наконец, первый тип проекта связан с обновлением и воспроизводством базовых инфраструктур страны, с процессами воспроизводства.

Первый, второй и третий типы проекта, как правило, вообще не рассматриваются правительством, поскольку их инициация осуществляется отнюдь не по законам сложившихся рыночно-потребительских потребностей. Поскольку эти проекты прорывные, они нацелены на то, чтобы осуществить выход к принципиально новым инфраструктурным, технологическим и ресурсным возможностям. При наличии этих возможностей субъекты рыночных отношений будут испытывать совершенно другие желания и иметь иные потребности, нежели в ситуации, когда этих ресурсных возможно-

стей нет. Следовательно, сам механизм инициации этих проектов направлен не на удовлетворение сложившихся сегодня потребностей, регулируемых существующим рынком, а на цивилизационное продвижение, в результате которого возникнут другие потребности и другая рыночная динамика. С другой стороны, построение данных проектов нельзя загнать в абстрактное плановое хозяйство при полном отсутствии рынка. Всё дело в том, что данные проекты должны реализовываться предпринимательскими группами, которые будут показывать, как они могут снижать издержки реализуемых проектов и повышать капитализацию активов, циклом жизни которых они управляют. Поэтому условием реализации проектов первого, второго и третьего типа является тесный контакт национального государства, способного удерживать стратегические цели данного инфраструктурного проекта, и предпринимательских групп, которые предлагают свои варианты разработки и реализации определённых фрагментов данного проекта.

Безусловно, руководители страны, которые отвечали за финансовую политику последние пять лет и которые считают, что с вероятностью больше 50% они будут распоряжаться финансами страны ещё года два, не захотят рисковать и принимать решения на 10 лет вперед, а уж тем более на 15, 25 или 50 лет. Но цели развития настоящих национальных инфраструктурных проектов и должны выдвигаться на 25-50 лет. Каким же образом можно себя обезопасить от того, чтобы деньги, выделенные на эти проекты, не расхищались, а каждый шаг их реализации обеспечивал бы формирование реального национального богатства страны и физической экономики? Это, на наш взгляд, можно сделать только одним образом: если будут продемонстрированы принципы подобного проекта и выделена своеобразная **инфраструктурная проектная матрица**, которая будет одновременно реализовываться на каждом шаге продвижения проекта.

В национальном масштабном проекте в равной степени важно, каковы долгосрочные цели его реализации и кто, собственно, организует и реализует данный проект.

С нашей точки зрения, национальным масштабным проектом, выступающим в роли локомотива развития страны, может стать проект развития гидроэнергетики. Термин «локомотив» в данном случае означает, что он может потянуть за собой развитие целого ряда других отраслей национальной экономики. Более того, данный проект может одновременно лечь в основу наиболее кардинальных проблем обеспечения безопасности страны — пространственного

перееосвоения, сохранения фундаментальных ресурсов страны, биополитики — роста народонаселения.

Нам представляется, что в настоящий момент действительной оценкой результативности всякого национального проекта является понимание, приведёт ли реализация данного проекта к росту собственного народонаселения или к использованию низкооплачиваемого труда иммигрантов из других стран. Проблема состоит в следующем: удастся ли заново осуществить переселение и территориальное переосвоение страны силами её коренного населения и на основе возвращения русских с территорий республик бывшего СССР? Выдвижение подобных критериев требует совершенно новых взглядов на проблему национального богатства и источников его формирования.

Национальные проекты должны описываться не с точки зрения того, позволят ли они создать продукт или услугу, которые будут продаваться на мировом рынке, обеспечивая возмещение денег из прибыли на затраченные инвестиции. Важнейший критерий эффективности национальных проектов — биополитический. Приведёт ли реализация национального проекта к разрастанию жизнедеятельностной ткани и в каких пределах? Под жизнедеятельностной тканью мы понимаем рост коренного населения и формирование для этого роста необходимых ресурсов. В своих посланиях Президент нашей страны В.В. Путин очень точно поставил демографическую проблему, как важнейший вызов выживанию нашей страны, и преодоление «плана Тэтчер», связанного с сокращением нашего населения до 50 миллионов.

С нашей точки зрения, именно гидроэнергетика, в первую очередь, при правильном и адекватном её развитии в рамках национального мегапроекта может стать важнейшим фактором биополитики.

10.2. ГОЭЛРО-2. Формирование базовых территориальных инфраструктур — увеличение мощности, поставляемой на единицу территории

Каким образом гидроэнергетика может повлиять на биополитику, то есть политику в области живого и жизнедеятельности населения? Самым прямым образом, если считать, что именно гидроэнергетика имеет отношение к управлению оборотом важнейшего стратегического ресурса XXI века — воды. Гидроэнергетика — это

получение электроэнергии за счёт использования возобновляемых речных, приливных, геотермальных водных ресурсов. Это использование возобновляемых водных ресурсов предполагает управление паводками, укрепление русла рек, переброс водных ресурсов в районы, страдающие от засухи, сохранение подземных токовых вод, а в дальнейшем также и разделение промышленной искусственной воды, находящейся в возобновляемом обороте, и первозданной живой воды, являющейся важнейшим условием полноценной жизни растений, животных и самого человека. Следует отметить, что сегодня ведущие биохимики, биофизики и биологи, разрабатывающие в области биофотоники проблему воздействия ультраслабых излучений живого на живое, считают сложнейшим вопросом анализ строения воды в структуре живого организма (см., например, Воейков. В.Л.¹).

Но помимо сохранения и обеспечения территории России и других сопредельных евразийских стран водой как важнейшей основой биополитической инфраструктуры, гидроэнергетика связана с созданием сети больших и малых гидроэлектростанций, которые обеспечивают энергетикой любую точку территории России. Показателем эффективного развития энергетической инфраструктуры является постоянный рост потребляемой мощности на единицу территории — 1 кв. км. Те территории, где имеется электроэнергия, готовая к употреблению и использованию, могут считаться перспективными для их вторичного заселения и переосвоения на основе малого и среднего бизнеса. С этой точки зрения, гидроэнергетика обеспечивает формирование своеобразной ресурсо-энергетической платформы, необходимой для формирования на её основе комплексных проектов переосвоения территории и развития малого и среднего бизнеса.

Именно эти комплексные предпринимательские проекты освоения территорий на основе потребления гидроэлектроэнергии будут обеспечивать оплату проектов по проектированию и созданию малых гидроэлектростанций. Имея энергетическую инфраструктуру, можно проектировать новые поселения и определять комплексные предпринимательские проекты освоения данной терри-

¹ См., например: *Voeikov V.L. Respiration of water. // Abstract of the lecture to be presented at the International Conferene "Science and our Future: Ideas to Change the World". Moscow 14-16. 04. 2004.*

Воейков В.Л. Дыхание воды. // <http://soil.msu.ru/-biophoton/ru/publications.html>. "Электромагнитные поля вместе с водой - матрица жизни" (Сцент-Дереди).

тории. Постоянное увеличение мощности, поставляемой на единицу пространства, позволяет рассматривать территорию как зону для переосвоения и приглашать для жизни на ней русских, оставшихся за границами России в результате распада СССР.

Очень важно, что освоение возобновляемых гидроресурсов России позволяет сберечь нефть и газ для последующих поколений людей, проживающих на территории России.

Гидроэнергетика, управление водными и энергетическими ресурсами, а на их основе и сельскохозяйственными биоресурсами являются стратегическими типами занятости, с которыми могут прийти русские (*Russians*) на граничные окраинные территории — в Бурятию, Туву, а также в Монголию и северные провинции Китая для их нового переосвоения.

В настоящий момент именно на основе развития гидроэнергетических проектов можно начать картировать территорию России с целью её территориального переосвоения. Инфраструктура поселений и комплексное освоение территории на основе формирования локальных производств оказываются возможными, если на данной территории есть гидроэнергетическая инфраструктура.

10.3. Формирование на основе гидроэнергетики кластера инфраструктурно-машиностроительного развития

Гидроэнергетика может рассматриваться как национальный локомотивный проект, если понимать, что уже сегодня обеспечение работы гидроэлектростанций, построенных в советский период, требует постоянного обновления фондов. Обновление фондов — это разработка и замена выходящих из строя электрогенераторов и турбин на новые. Следовательно, национальный проект «Гидроэнергетика» должен объединять в себе не только гидроэлектростанции, но и предприятия крупного российского машиностроения, производящие турбины. Для того чтобы совершенствовать турбины, необходимы скоростные станки. Следовательно, проект должен первоначально включать в себя покупку скоростных станков за границей, а затем необходимо развернуть импортозамещение на основе построения отечественных станков. Это предполагает включение в кластер предприятий и фирм, специализирующихся в области станкостроения и создания лазеров.

Замена турбин в интервале 25-30 лет предполагает, что за это время может быть запущено несколько циклов разработки макетов и запуска в производство турбин новой формы, для чего необходимо развивать фундаментальные научные исследования и проектно-конструкторские разработки. Поэтому кластер, формируемый вокруг гидроэнергетики, обязательно должен включать в себя научно-исследовательские и проектно-разработческие институты.

Развитие гидроэнергетики предполагает восстановление коллективов проектных институтов, которые способны проектировать новые гидроэлектростанции, и строительных организаций, которые могут эти гидроэлектростанции строить. Конкретный план построения данного кластера предполагает ответ на вопрос, сколько за ближайшие пять лет будет поставлено новых турбин, какое количество малых, средних и больших гидроэлектростанций будет спроектировано и построено.

Действие данного кластера должно осуществляться по типу движущихся друг за другом «волн» новых проектов гидротехнических сооружений, перевооружения гидроэлектростанций, гидротехнического оборудования, моделей и математики, на основе которых могут быть созданы принципиально новые силовые машины. Запуск одной серии предполагает анализ её реализации и разработку принципиально новой серии с учётом опыта предыдущей. В настоящий момент на основе подобной идеологии разрабатывается строительство гидроэлектростанций в Китае. Но Россия — это не Китай: в ней существует институт фундаментальной науки. Русские механики и математики до сих пор — одни из лучших в мире. Проблема заключается в следующем: может ли в рамках гидроэнергетического станко-машиностроительного кластера быть запущена генерация «волн», определяющих формации новых поколений машин и сооружений? Это опять же вопрос о том, кто будет строить подобный кластер и есть ли такие люди в России. На наш взгляд, они есть...

10.4. Менеджер, управляющий циклом жизни актива — социокультурная проблема развития

Разработка и реализация локомотивного национального проекта «Гидрогенерация» предполагает решение социокультурной проблемы — выращивание новой профессиональной позиции, свя-

занной с управлением циклом жизни актива. Этот тип менеджерской культуры основан на интеграции финансово-экономических и инженерно-технических знаний. Единицей действия менеджера, управляющего циклом жизни актива, является техническое воздействие на актив. Менеджер, управляющий циклом жизни актива, может спланировать эффективную и финансово-выгодную замену различных агрегатов и узлов оборудования на существующие в серийном производстве или на принципиально новые. Данное решение принимается, исходя из финансовых расчётов и определения условий генерирования финансового потока, необходимого для создания инвестиционного проекта, и возможностей и условий эксплуатации данного агрегата, находящегося на данном этапе его цикла жизни с заданными параметрами эксплуатации.

Предлагаемый тип решения о техническом воздействии исходит из финансово-экономической стратегии компании, но при этом опирается на реальное знание о состоянии активов и возможности их модернизации. Согласование и координация финансово-инвестиционной и инженерно-технической позиций составляет основу новой профессиональной позиции — менеджера актива. Основная особенность этой позиции состоит в разработке сценариев и предложений типов решений использования актива, обеспечивающих повышение надёжности эксплуатации инженерно-технических инфраструктур и капитализации актива. Эти предлагаемые решения, имеющие определённую цену вопроса, должны обсчитываться на основе накопленных инженерно-технических знаний с точки зрения возможности или невозможности их реализации при выбранном уровне затрат на данное решение. В современных условиях роста финансовых накоплений страны гидроэнергетика может предложить эффективную стратегию размещения этих средств, обеспечивающих развитие инфраструктур и демонстрирующих инженерные расчёты реального технологического переоснащения инженерно-технических сооружений. Демонстрация того, что вкладываемые в национальную инфраструктуру деньги могут эффективно инженерно-технологически использоваться, является одним из условий привлекательной инвестиционной стратегии. Тем более, что инвестиции в модернизацию гидротехнических сооружений и в гидроэнергетику в целом могут быть связаны не со строительством абстрактных «алюминиевых заводов», а с развитием малой энергетики и на её основе с предложением сценариев регионального переосвоения заброшенных зон и территорий России, и также с развитием отечественного машино-

строения, обеспечивающего разработку турбин и генераторов следующего поколения.

При подобном подходе повышение надёжности (на основе использования новых инженерно-технических решений и повышения компетентности персонала) и рост капитализации компании могут не противостоять друг другу, но взаимно дополнять друг друга в рамках единой стратегии развития компании.

В настоящий момент в гидроэнергетике выращен подобный профессионализм управления циклом жизни актива. Он осуществляется в командно-коллективной форме менеджерами УК ВОГЭК. В дальнейшем предполагается, что этот профессионализм будет осуществлять один человек, владея всем необходимым объёмом инженерных и финансово-экономических знаний, а также весьма разнообразными компетенциями, разрабатывая форму инженерных экспертиз, осуществляя сценарии сделок, организуя группы, способные реализовывать выбранный тип воздействия на актив.

10.5. IT, деньги, предпринимательство

Одно из важнейших условий реализации данного проекта состоит в создании современных IT-оболочек, позволяющих получать достоверную информацию (качественную и оцифрованную) о состоянии жизни актива, а также формировать и складывать кластер на основе разработки и внедрения системы стандартов (управленческих, технологических, а также IT-стандартов). Система IT в рамках данного национального проекта является одновременно языком разговора с партнёрами и интерфейсом, делающим максимально прозрачным сам актив. На основе комплексной информационной системы возможна интеграция принципиально разных слоев работы с активом — управление техпроцессами, управление производством, управление фондами и собственными активами, управление бизнесом и управление системой бизнесов, управление знаниями и стандартами. Подобная интегративно-семиотическая (языковая) среда позволяет соотносить инженерный слой знаний и финансовые решения, принципы и стандарты действия гидроэлектростанций, ремонтных предприятий, машиностроительных корпораций, финансовых институтов. Очень важно, что на основе IT-решений можно построить специальную среду, позволяющую **инвестору и обывателю** отслеживать снижение издержек и рост

капитализации в системе данного национального проекта на различных предприятиях.

Это необходимо, в частности, для того, чтобы создать специальный финансовый инструмент — устойчиво растущие ценные бумаги для вложений денег населения в России. Следует отметить, что в период правления Рузвельта в США именно энергобонды населения, связанные с вложением денег в электроэнергетическую отрасль, приносили устойчивый доход, на который многим семьям среднего класса удалось выучить своих детей в престижных колледжах. Создание механизма энергобондов, энергооблигаций является механизмом изменения в глазах населения облика Чубайса, который в этом случае будет претендовать на роль национального спасителя, поскольку этот механизм позволяет создать источник устойчивых доходов и одновременно начать перевооружение отечественной промышленности.

Подобный механизм в какой-то мере объясняет, зачем делалось всё предыдущее. Принципиальным условием успешности создания долгосрочных вложений населения в облигации гидроэнергокластера является демонстрация того, что каждый шаг обновления оборудования может быть представлен как предпринимательский проект, снижающий издержки и повышающий эффективность вложения средств. Очень важно использование информационных технологий, в частности, ЕАМ, позволяющих принимать решение о замене части актива или о его ремонте на основе объективных параметров, исключающих субъективный произвол.

Таким образом, одна из задач данного национального проекта состоит в том, чтобы создать механизм вложения населением денег в развитие гидроэнергокластера и сделать население заинтересованным в комплексном развитии страны на основе гидроэнергетики. Подобный механизм вложений может эффективно заработать уже через три года. Народные длинные накопительные деньги являются одним из важнейших результатов и одновременно механизмов реализации данного проекта.

Можно обозначить три уровня предпринимательских проектов в рамках формирующегося кластера, которые становятся предметом конкретной разработки. Первый, нулевой уровень предпринимательского проекта обеспечивает преодоление организационной неразберихи и чёткое введение организационных схем, определяющих, кто с кем и для решения каких задач связан. Такой тип предпринимательского проекта чем-то напоминает нормативные организационные схемы разработчиков АСУ, которые считали,

что нельзя автоматизировать беспорядок, и поэтому сначала должен быть восстановлен нормативный план организации и вместе с ней элементарный здравый смысл.

Второй уровень предпринимательского проекта предполагает серьёзный ответ на вопрос, в чём должен заключаться качественно новый способ организации людей и форм коммуникативных взаимодействий между ними по сравнению с существующим, который будет обеспечивать получение устойчивой прибыли за счёт снижения издержек. *Know how* предпринимательского проекта второго уровня состоит в новой предлагающейся форме организации. После создания подобного проекта на этапе его реализации должна быть продемонстрирована финансовая успешность. Проекты второго уровня могут быть одноразовыми и непрерывно совершенствующимися, показывающими возможность долгосрочной и длительной работы.

Проблема воспроизводства и модернизации производственных фондов может быть решена лишь в рамках метапроекта третьего уровня — программы, генерирующей поток проектов (рефлексивного перманентного генерационного оргпроекта, настроенного над несколькими разными проектами), поскольку она затрагивает вопрос долгосрочного многолетнего функционирования производства и, следовательно, оказывается связанной с большим числом рисков, а также с организацией в проекте несколько совершенно разных отраслей и систем деятельности, поскольку воспроизводство фондов одной отрасли может быть обеспечено лишь за счёт деятельности нескольких разных отраслей.

С этой точки зрения очевидно, что реализация национального проекта предполагает очень серьёзные вложения в рост компетентностей реализаторов данного проекта. С точки зрения человеческого капитала, данный национальный локомотивный проект должен представлять из себя особого типа мегамашину, обеспечивающую непрерывное продвижение людей по иерархиям компетентностей.

10.6. Выход на управление активами в других странах — Китай, Индия, Бразилия. Транснациональная русская корпорация гидроэнергетиков

Важнейшим условием эффективной реализации данного проекта является отнюдь не сброс денег на производство устаревшего

оборудования, которое принадлежит старому технопроизводственному цивилизационному индустриально-фордистскому укладу. Проблема состоит в том, чтобы запустить создание силовых машин и турбин нового поколения. Для этого промышленные предприятия кластера должны стать основой нового технопромышленного и социокультурного уклада в виде опережающих систем производства (*advanced manufacturing systems*). Для этого предприятия должны конкурировать на внешнем рынке с зарубежными фирмами, что сегодня удаётся «Силовым машинам». Необходимо участвовать в тендерах на управление активами в зарубежных странах — прежде всего в Бразилии и Китае, поскольку именно здесь будет создаваться база по переосвоению и первоначальному освоению пустынных и залежных земель, а также пространственного развития на основе гидроэнергетики. Чтобы действовать одновременно внутри страны и на внешнем рынке, необходимо освоение специальных инструментов управления — программ, позволяющих разрабатывать волны запуска проектов. В рамках генерации проектных волн (своеобразной проектной «гидродинамики» проектных токов) каждый следующий проект строится за счёт извлечения представлений о том, что удалось достичь при предыдущем решении задач проекта.

10.7. Кто может управлять разработкой и созданием национального проекта «ГОЭЛРО-2. Гидроэнергетическая инфраструктура как локомотив развития страны»?

Как мы уже сказали выше, важнейшая характеристика данного проекта — это не «что», а «кто». От того, кем конкретно будет создаваться данный проект, зависит его полная успешность или неуспешность.

Для разработки и реализации необходимо 4 миллиарда долларов, которые могут стать важнейшей основой формирования кластерной формы развития гидроэнергетики вместе с предприятиями станкостроения, машиностроения, научно-исследовательских и проектно-конструкторских институтов, а также позволят создать механизмы привлечения внутренних денег населения.

Было бы неправильным поручать реализацию проекта какой-либо уже имеющейся корпорации. Данный проект должен управляться на основе специально созданной Дирекции проекта.

Обеспечивать работу Дирекции должен экспертный совет проекта, в который должны войти члены правительства, ведущие учёные РАН и других академий и специалисты многих отраслей экономики. Руководить разработкой и реализацией проекта должны менеджеры, у которых есть успешный опыт работы в условиях российского рынка и реальные достижения в управлении циклом жизни актива. С этой точки зрения, говоря простыми русскими словами, в рамках данного проекта должны действовать те, кому удалось в наше непростое время заказать и установить хотя бы одну новую турбину, а затем оплатить её создание. Люди, которые сумели без наличия специально выделенных денег управлять обновлением фондов, смогут построить более эффективные механизмы при целенаправленном выделении им денег.

Приложение

О политэкономическом демоне Максвелла

Капитализация — Активы — Собственность — Субъект принятия решений:

четыре вершины квадрата, в котором движется колесо
российских проблем

Государство и складывание транснациональных русских (Russians) корпораций

Сейчас всё чаще и чаще звучит вопрос о необходимости повышения капитализации крупных российских корпораций. Этот постоянный акцент на необходимость капитализации демонстрирует своеобразный невроз российской бизнес-элиты. Элита хочет, чтобы российские активы стоили и оценивались дороже принятых сегодня номинальных оценок, чтобы постоянно возрастала стоимость акций наших компаний на мировых биржах. Состояние же российских активов характеризуется по известному высказыванию доперестроечных времён — «недоперепил». Так, собственно, и наши активы — «недоперекапитализированы». Они, с одной стороны, заниженно оцениваются на основе западных финансовых измерителей, а с другой стороны, они не в достаточной степени потенцированы — нет программ и планов развития наших производств, нет идей их перевооружения, нет включённости в разработку про-

грамм науки — прикладной и фундаментальной. Невротический акцент на повышение капитализации здесь и теперь любой ценой не позволяет организовать рост потенциала российских предприятий и их коллективов, которые можно будет затем, не спеша, капитализировать.

Но российская элита не заметила, что постепенно изменилась ситуация с финансово-денежными ресурсами. В России полно денег, но непонятно, куда и во что их вкладывать, поскольку не демонстрируется потенцирование российских активов. А создание нового потенциала российских предприятий должно предшествовать попыткам начать их ускоренно капитализировать.

Обсуждая вопрос об уровне капитализации российской экономики и её несопоставимо заниженных показателях, мы невольно проваливаемся в самую онтологическую глубину, в своеобразный nihil наших проблем, из которых как из трясины не так просто выбраться. Там, в этой темноте и глубине, на саму эту разжиженную и затягивающую трясины надо положить какое-то основание, принять что-то за точку отсчёта, которая затем должна помочь разбираться со всеми остальными более простыми вещами. У нас есть подозрение, что именно в этом пункте пересекаются собственно вопросы экономические и вопросы политические, заново образуя в перекрестье суть той самой политической экономики, которую нам придётся реконструировать. Сложность состоит ещё и в том, что при этой реконструкции нам придётся прибегать к представлению о субъекте, который может ставить стратегические цели и их реализовывать.

Обсуждая этот nihil, мы должны признать, что приватизация в противоположность разграблению активов в условиях неэффективного корпоративного управления, как этот процесс в России описывает авторитет в области экономических реформ Joseph E. Stiglitz (Globalization and its discontents N.Y.2003), с точки зрения её результативного осуществления должна иметь как минимум шесть составляющих, или шесть разных слоев:

слой, связанный с возможностью выстроить отношения с миноритариями, владеющими разным набором акций данного предприятия, и с командой управленцев. Собственно ваша вписанность в отношения с управленцами и собственниками и будет определять возможность ваших самостоятельных действий на предприятии;

эффективное и адекватное оформление правовых документов, закрепляющих право собственности и подтверждающих вер-

ность созданных документов правовым канонам и законность всех осуществленных процедур. В условиях «подвижности» российского законодательства и постоянного изменения и внесения новых юридических актов и правовых норм эта область становится предметом самостоятельной работы и усилий; слой, связанный с адекватной вписанностью в финансово-экономическую среду, обеспечивающий возможность получать банковские кредиты, займы и осуществлять проведение их через предприятие финансового потока; слой, связанный с адекватной включенностью в политические отношения с местной и федеральной властью, возможность осуществлять совместные действия с представителями власти.

Эти перечисленные четыре слоя образуют своеобразный коммуникативно-институциональный «кокон», внутри которого может завестись «бабочка» функционирующего актива. Но этот функционирующий актив может существовать в подобном остановленном виде достаточно долго и при этом будет непонятной оставаться стоимость актива. Формально вы активом будете владеть, удерживая в данной особой социальной среде перечисленные четыре слоя, но будет ваш актив убыточен или вы получаете за счёт его особую прибыль остаётся непонятным и непрояснённым моментом.

Эта искра прояснения начинается с того момента, когда анализируете пятый слой - воспроизводство и тем самым перевоспроизведение актива, пересоздание его. Именно в этом случае будет осуществлён процесс реального органического присвоения актива, когда владеть активом означает возможность и умение его заново воссоздать или более тонко балансировать на грани удержания его в функционирующем действующем состоянии и умение его воспроизвести. Это умение воспроизвести актив не совпадает с волчьим стремлением актив отобрать и затем его удержать, не дать отнять его у вас на основании пробуравливания дырок, прорывания брешей в четырёх перечисленных слоях, и затем проращивая коммуникативные связи в этих образовавшихся пустотностях.

Умение воспроизвести актив предполагает просчёт циклов по замене оборудования, в том числе и на более новые технологии, подготовку персонала, освоение новых продуктовых ниш и новых типов продуктов, создание новых систем маркетинга. Собственно в этом процессе воспроизводства, воссоздания актива - он, во-пер-

вых, восстанавливается, что противостоит простой физической убыли актива, во-вторых, он может воспроизводиться, существенно изменяя своё качество. Именно в этой системе процессов воспроизводства и должна происходить замена одних производственных укладов на другие, выход к точке развития данного технопроизводственного уклада. Перевод производственного актива из одного производственного уклада в другой — это рывок огромного масштаба, когда за внешне одной и той же формой функционирования меняется качество самой деятельности.

В настоящий момент в России, фактически, отсутствует процесс физического перевоспроизводства активов. Более того, как в области ЭЙчАра (в области работы с человеческими ресурсами), человека можно провести по системе должностных мест в разных организациях так, чтобы он нигде не задерживался больше чем на два месяца. И после этого его стоимость резко возрастёт, он превратится в редчайшего специалиста, ничего, по сути, так и не сделав. Точно так же можно бесконечно перехватывать владение активами, дробить активы и перепродавать их по частям, потом соединять и интегрировать в новые пакеты, не меняя качества их функционирования. На наш взгляд, это сегодня и происходит в России, когда, фактически, против любого актива можно организовать рейд по его захвату и создать соответствующую коммуникативную технологию по овладению данным активом. Фактически, мы находимся в ситуации войны всех против всех, когда бесконечный передел собственности является основным типом ведущихся игр.

Странным образом, но переход от первых четырёх слоев к пятому характеризуется интересной схемой Феликса Гватари и Жюльена Делёза, рассматриваемой ими в их большой методологической книге «Тысяча плато»¹, описывающей переход от среды к территории в виде процесса **территориализации**. Появление целей воспроизводить данную систему производства впервые конституирует субъекта-собственника данного актива, привязанного к конкретной территории, на которой он действует. Но данная территориализация актива противостоит финансовым потокам, которые спокойно движутся через территорию. Финансовые потоки толкают к формированию сетевых компаний.

¹ *Gilles Deleuze, Felix Guattari. A thousand plateaus. Capitalism and schizophrenia. University of Minnesota Press. Minneapolis. London. 2005.*

Итак, **детерриториализация**. Шестой слой связан с возможностью нарастить данный актив, присоединив его к другим приобретаемым активам в нашей стране или за рубежом. Присоединяя актив к активу, агрегируя их, можно сформировать межкорпоративный альянс или транснациональную корпорацию. Если основой подобного формирования является актив, который становится российским и который осваивает русский (Russians) менеджмент, то, следовательно, речь идёт о создании транснациональной русской корпорации. Но точно так же, как любой зарубежный актив может рассматриваться как предмет покупки, и наш актив, с позиций которого идёт речь, тоже может рассматриваться как предмет покупки другим собственником, представителями другой национальной системы. И здесь мы приближаемся к абсолютной точке, из которой очень важно задать вопрос, все ли активы свободно продаются или славному делу приумножения богатства, когда копеечка прилаживается к копейке, актив присовокупляется к активу, должен помогать демон Максвелла, а отнюдь не хаотично-свободный рынок? В этой точке впервые и происходит соединение и соотнесение формальных экономических решений и собственно политических решений. Нет, не все активы и не всегда продаются. Целый ряд активов является основой национальной собственности и поэтому не может с позиций национального государства продаваться другому государству: такими стратегическими активами являются, на наш взгляд, все системы технологических инфраструктур: транспорт, связь, энергетика.

Безусловно, эта точка зрения оспаривается с позиций неолиберализма. И утверждение состоит в следующем. Если актив не продаётся, он выпадает из системы свободной конкуренции, он менее эффективно эксплуатируется, вокруг него формируются коррупционные системы государства и т.д. И в пределе, считают сторонники неолиберальной точки зрения, все активы обязательно должны иметь возможность продаваться, только это позволяет сформировать хорошую правильную систему мировой тотальной конкуренции. Но по всей видимости, хорошая и правильная система конкуренции, которой не существует, является такой же формой утопического целеполагания, как и представления о коммунизме, которые можно было прочесть 20 лет назад в вузовских учебниках по политэкономии социализма. Неолиберальная экономика — это линия горизонта всего мыслящего человечества, которая всё более удаляется по мере приближения к ней. Причём, удаляясь, она каждый раз открывает достаточно мрачные ситуа-

тивные обстоятельства, которые оказываются совершенно непохожи на те прекраснородушные картинки, которые связываются с идеями неолитерализма. Но оставим в стороне обсуждение этой идеологии. Факт состоит в том, что и в Соединённых Штатах — цитадели неолитерализма — не все активы доступны для российского бизнеса.

А если вы всё-таки хотите приобрести некоторый национальный актив, который не продается через механизмы рынка? Например, вы хотите купить сталелитейный актив в Китае или вы готовы запустить в свой актив представителей другой страны? Например, вы не против соединить крупнейшую сталелитейную компанию с одной из самых крупных западных. Это означает, что представители финансово-промышленных элит и представители государственных элит разных стран либо должны вступить в своеобразный сговор двух этих компаний, двух этих стран против других компаний и против других стран, либо должны быть обозначены принципы открытого взаимодействия и сотрудничества в данной области.

Вспоминается знаменитое место «Капитала» К. Маркса, в котором описывается, как встречаются два товара и тычутся друг в друга рожками, демонстрируя свою «товарноуподобительную» природу. Представляете, какой идёт грохот, когда сталкиваются друг с другом активы. Но оказывается бычки-активы просто так друг с другом не сталкиваются, поскольку из кустов должен выйти пастушок — своеобразный демон Максвелла, который перетаскивает активы из одной корзинки в другую. Этим демоном Максвелла, работающим с активами, является государство.

Демон Максвелла должен работать там, где никакого чисто рыночного приобретения активов не происходит. Например, иногда актив предоставляется как элемент доверия в рамках не экономического, но символического обмена. В этом случае от стороны, участвующей в сделке, требуется аналогичный жест, подтверждающий акт доверия. Подобный тип символического обмена при приобретении активов не возможен без участия государства. Например, при обсуждении условий приобретения сталелитейного актива в азиатской стране может поступить предложение приобрести часть масс-смедийного холдинга. Поскольку для представителей государственных структур контроль сталелитейной промышленности уравнивается с контролем сознания. А контроль массового сознания через газеты, журналы и телевидение определяет струк-

турацию рынка. В подобных сделках без демона Максвелла ничего не получится.

А зачем собственно необходимо соединять активы, что из этого последует?

Сферы действия с активами, их типология

И здесь перед нами, собственно, зона открытого целеполагания, и дальше мы попробуем показать, что это весьма значительная зона, которая растягивается в несколько принципиально разных полей возможных действий с активами. Эти поля решений могут быть названы следующим образом:

1) институциональное промышленное — 2) метаинституциональное промышленное — 3) институциональное метапромышленное — 4) метаинституциональное метапромышленное поле.

Самый важный момент состоит в том, что это целеполагание не осуществляется по законам формально-рыночной логики, оно требует других форм анализа. Мы видим несколько совершенно разных вариантов ответа на вопрос, а зачем, собственно, надо соединять активы? Это, прежде всего, надо для того, чтобы повысить капитализацию вновь создаваемой единой компании. Если приобретаемый актив находится в развитой зарубежной стране, то цена акций компании, которая соединяет зарубежное промышленное предприятие и российское промышленное предприятие в рамках единого цикла, значительно повышается. Стоимость российского и зарубежного актива возрастёт, поскольку повысится расчётный коэффициент, при помощи которого выражается признание международным сообществом данного набора промышленных предприятий. Получается, что зарубежный актив как бы облагораживает своего непутёвого российского собрата. Причина этого облагораживания состоит в следующем: зарубежный актив встроен в систему западных институтов рынка, в том числе подчиняется законам западного права, а не российского законодательства. При подобном соединении активов, на наш взгляд, решение ищется внутри сложившегося институционально-промышленного поля действий с активами. Соединяя два промышленных производства, собственник и команды менеджеров продолжают заниматься по-прежнему производством того же профиля. И они предполагают, что оценка стоимости соединённого актива будет строиться по той же самой логике, которая существовала до попытки объединения

активов. То есть продолжает действовать та же самая система институтов. В этом случае мы имеем дело с **институциональным промышленным** решением. Докупленный к одной сталелитейной компании другой сталелитейный комбинат интегрируется в рамках единого сталелитейного бизнеса, одна нефтедобывающая компания, прибавленная к другой, складывается в укрупнённую корпорацию по добыче и поставке углеводородов.

Но чужой актив может приобретаться для совершенно других целей и совершенно другим образом. Например, вместе с зарубежным активом может приобретаться принципиально новая технология, на основе которой могут быть преобразованы все технологические системы данного типа. Например, мы покупаем сталелитейное предприятие следующего социокультурного уклада, на котором сталь разливается не в слябы первоначально, а сразу в листы — так называемая технология cast strip. На базе этой технологии все сталелитейные предприятия старого уклада могут быть модернизированы. В этом случае у нас дополнительно к старому рынку, связанному с продажей стали, может возникнуть новый рынок — не рынок продажи стали, а рынок модернизации на основе новой технологии устаревших сталелитейных мощностей. В том случае, если, приобретя новую технологию и модернизируя на её основе производства предыдущего уклада, нас по-прежнему интересует прежде всего рынок стали, то в этом случае мы имеем дело с **метаинституциональным промышленным** решением.

Но может произойти следующее: соединяясь с другой корпорацией того же самого профиля, мы создаём консорциум, который будет разрабатывать для данной отрасли принципиально новую технологию, например, на основе проектирования систем микроэлектроники на кристалле, что по-другому может быть названо как производство «флэш-памяти». Вот что пишет эксперт в данной области А.Д. Чернопольский: «Общие тенденции в управляющей микроэлектронике за последние два десятка лет мало изменились. Серьезно изменились технологические возможности, что дает возможность перейти от проектирования систем на плате к системам на кристалле. Современные технологические возможности позволяют размещать на одном кристалле как аналоговые, так и цифровые элементы, обладающие высокой аналоговой точностью и большой вычислительной мощностью. В последние годы проектирование систем на кристалле получило широкое распространение во всем мире. Центры проектирования организованы и в России.

Однако число центров проектирования крайне мало, а своих производств современных «систем на кристалле» в России нет». Допустим, некоторые корпорации единого профиля, например, сталелитейного, сформируют консорциум или альянс для того, чтобы создать такого типа технологии. При разработке данной конкретной технологии можно породить некоторую принципиально новую сумму технологий, которые будут использоваться за рамками данной отрасли промышленности и, более того, на их основе могут быть созданы принципиально новые отрасли промышленности. Вот как про это продолжает размышлять А.Д. Чернопольский:

- «1. На базе флэш-памяти могут создаваться заказные микросхемы, включающие как процессор, так и ввод-вывод, что позволяет использовать их для управления самыми миниатюрными видами боеприпасов.
2. Флэш-память является основой сотовых систем связи. Появление собственного производства флэш-памяти позволит проектировать и выпускать собственные современные системы связи.
3. Важнейшим свойством флэш-памяти является ее универсальность: будучи массовым продуктом для гражданских применений, она является базовой для создания микроминиатюрных отказоустойчивых систем управления, работающих в нефтегазовом комплексе, энергетике, системах релейной защиты, автомобилестроении и авиастроении. Таким образом, данный продукт является точкой, появление которой позволяет качественно изменить ситуацию во многих отраслях экономики России.

Завод по массовому производству флэш-памяти должен стать центром холдинга, в который должны войти ведущие исследовательские институты, такие как Физико-технический институт им. Иоффе и ИЯФ им. Курчатова. Это позволит спланировать научно-исследовательские работы, направленные на интеграцию технологий и материалов, проводить разработки на базе стабильной технологии завода по производству флэш-памяти.

На базе флэш-памяти возможны комбинации в одном чипе флэш-памяти с контроллером, процессором, SDRAM или же со специальным ПО, что дает on-chip систему. Такие системы будут широко использоваться как в гражданских мобильных системах, так и в управлении военными объектами.

Появление производства флэш-памяти на территории России позволит начать организацию комплексных проектов в различных областях оборонной и стратегически важной техники. Нарработка стандартных решений позволит сократить стоимость разработки отдельных систем в оборонной промышленности, автомобильной и судостроительной отраслях в 3-5, а иногда и в 10-20 раз». Следует специально отметить, что на основе производства флэш-памяти, генераторов и сенсоров магнитных и фотонических излучений возможно создание всего спектра высокоточного оружия, умных снарядов и пуль, действующих по принципу «выстрелил и забыл», а также контроль государственных границ на основе сенсорных датчиков, позволяющих удержать территории России для заселения её будущими поколениями наших детей и внуков.

Производство флэш-памяти может стать центром воспроизводства технологий, формирования инженерного корпуса нового поколения и постановки комплексных задач в различных областях промышленности: электроэнергетике, нефтегазовой промышленности, автопроме, авиации, приборостроении и т.д. Для нас принципиально, что данная схема на первом достаточно долгом этапе не имеет никакого отношения к проблемам диверсификации бизнеса. Технологии создаются прежде всего для своей собственной отрасли, но потенциал предлагаемых решений таков, что фактически данным консорциумом выращивается новая метаотрасль промышленности, которая будет оказывать влияние на целый ряд других отраслей. В этом случае мы рассматриваем сферу **институциональных метапромышленных решений**.

Наконец, возможен такой случай, когда в системе сетевой мегакорпорации, соединяющей производственные системы в трёх-четырёх разных регионах, например, в Германии, России, Китае, Бразилии, выращивается новый профессионализм людей, способных управлять циклом жизни активов, которые на себе в функциональной организации своих групп соединяют организационно-финансовые, инженерно-технические и гуманитарно-антропологические знания. В этом случае в структуре сетевой мегакорпорации должен создаваться Мировой русский (Russians) университет. Смысл подобной организации состоит в том, чтобы подготовить людей, которые имеют возможность организовывать разработку и создание технологий следующего технопроизводственного уклада и обеспечить инновационное перевооружение на

основе элементов этих технологий принципиально нового поколения практически любой тип современного производства. В этом случае речь идёт о создании методологической learning organization, в рамках которой выращиваемые профессионалы, с одной стороны, включены в существующие типы практик, а с другой стороны, проектируют решения, обеспечивающие их преобразование. Подобное выращивание людей для развития и перевооружения производственных активов разного типа образует сферу **метаинституциональных метапромышленных** решений. При подобном подходе мы имеем дело не с абстрактным образованием, обслуживающим всех и вся и вместе с тем никого конкретно, но с образовательно-рефлексивными технологиями, которые надстраиваются над существующей практикой современных производств.

Адекватность действия государственных структур

Выделенные четыре сферы решений, в которых может происходить стратегическое взаимодействие активов, принадлежащих разным национальным промышленным системам, позволяют поставить вопрос о роли и функции государства и его структур — демоне Максвелла. Этот демон должен подправлять формально рыночные механизмы, которые управляются простыми человеческими эмоциями, жадной наживы, жадностью и тщеславием, и привносить сюда редко встречаемые качества — стратегическое видение, любовь к Родине, стратегическое сценирование и т.д.

Приоритетными для перевооружения страны на основе освоения и создания принципиально новых технологий являются вторая, третья и четвёртая сферы решений. Только их освоение обеспечивает переход к геоэкономике, когда сетевая структура компании не является формальным её пространственным расширением, но речь идёт о формировании принципиально новых технологий и о наращивании ресурса, прежде всего людского, обеспечивающего эффективность действия. В этом случае по вышеупомянувшейся схеме Ж. Делёза и Ф. Гватари начинается процесс детерриториализации. Детерриториализация связана с произвольным для промышленных активов движением финансовых потоков. Овладение и освоение пространством, то есть собственно геоэкономикой, предполагает, что конфигурация сети начинает работать

неслучайным образом¹. Те, кто её формируют, понимают, как движутся люди, знания, новые технологии и финансы из одной точки пространства в другую, как на основе этих специально организованных разноматериальных потоков осуществляется освоение пространства.

Но здесь возникает другой вопрос: а какой из сегодня существующих государственных органов, какая из структур способны понимать российский бизнес и разрабатывать специальные сценарии, обеспечивающие поддержку его решений, а часто и предлагать альтернативные варианты подобных решений, выгодных для державы? Можно с болью констатировать, что подобные структуры в государстве отсутствуют. Пониманием реалий мировой геоэкономики и разработкой сценариев действия государства в целом и отдельных крупнейших российских корпораций должен заниматься Совет безопасности. Но, наблюдая события и итоги «газовой войны» между Украиной и Россией, можно с болью констатировать отсутствие хотя бы вялой реакции на телеэкране представителей важнейшей государственной структуры. Мы уж не говорим об опережающем блестящем предвидении. Территориальные сети газопроводов выступили не как важнейшие средства контроля пространства, но как досадное бремя. Лучше бы было, если бы газ перекачивался в газохранилища Западной Европы из России, минуя территории сопредельных с Россией стран по оптоволокну, как финансовые потоки. Что ж это означает, - материальный транспорт газа хотят подчинить финансовой детерриториализации.

Вспоминается мысль, высказанная С.В. Карту новым в монографии, посвященной проблемам безопасности Российской Федерации². Один из важнейших типов опасности для современного государства России связан, по мысли автора, с неадекватностью действий государственных структур, с непониманием реальности происходящих политических и экономических процессов в современном мире. Возникает ощущение, что государство не обладает видением будущего ни прогнозным, ни проектным, ни прожектным, а уж тем более и ни сценарным, которое оно способно реализовывать вместе с отечественным бизнесом и гражданским обществом. Хотя именно это будущее и является важнейшим условием

¹ *Кочетов Эрнест*. Геоэкономика: (Освоение мирового экономического пространства) М.: БЕК, 2002, 480 с.

² *Картунов С.В.* Становление политики безопасности: Формирование политики национальной безопасности России в контексте проблем глобализации. М.: 2003, 612 с.

развёртывания потенциалов российских промышленных, а также финансовых, экономических систем.

Мы взяли в качестве подзаголовка статьи название «Россия на пути к мировому лидерству», совершенно чётко понимая что «абстрактному миродержавию» пришёл конец. Более того, сохранить и усилить наследие СССР как мировой державы Россия сможет только, взяв курс на мировое лидерство, прежде всего знаниевое, инфраструктурное, концентрированное¹ (от consciousness — англ. сознание), а для этого необходимо прежде всего понимать, что происходит в мире и предлагать адекватные решения.

¹ См. Юрий Громько. Политическая антропология транснациональной безопасности: можно ли предвидеть и исчислять террористические акты. В кн. Становление евразийской безопасности. Российская Академия наук, отделение общественных наук. М., Книга и бизнес, 2005, стр. 447-471.

Часть четвертая

**РУССКАЯ (RUSSIANS)
ИГРОВАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ
(НОМО LUDENS *RUSSICO*)**

Глава 11

Организационно-деятельностная игра - (тренинги) - театр и литургия - единый игровой универсум, порождающий ситуацию роста сознания и становление личности человека

Для целого ряда концептуальных произведений абсолютно не важно, в какой точке земного шара и для чего они пишутся. Но бывают такие редкие случаи, когда оформляемое размышление оказывается привязанным к точному нужному месту и определённому времени. Данная глава пишется при посещении Афона и Свято-Пантелеймонова монастыря. Нам представляется, что одна из важнейших проблем русского самосознания состоит в том, чтобы построить единый ряд переходов и взаимосвязей литургии (существующей в сакральном пространстве), театра, телевидения и феномена игры, которая, собственно, и определяет пространство свободного самоопределяющего действия и самостоятельности — автопоэзиса (*die Selbsttatigkeit* по И.Г. Фихте). Построение и формирование подобного ряда переходов позволяет утверждать, что важнейшей проблемой воспроизводства русского сознания (*Russians*) является сохранение, с одной стороны, свободного самоопределяющего проблемного действия, а с другой стороны, ориентация и продвижение его по отношению к зоне святости.

Обсуждая самоопределение русских (*Russians*) в глобальном мире, мы утверждаем, что русские являются игровой цивилизацией. Это открытие и своеобразная инициация подобного отношения были сделаны Г.П. Щедровицким — замечательным русским философом и методологом. Именно этим человеком был создан игровой метод, который позволяет поставить решение любой сложной практической задачи в отношении к методу анализа мышления, коммуникации и действия участвующих в практической ситуации разнородных профессиональных коллективов. Созданная Г.П. Щедровицким игровая технология получила название организационно-деятельностной игры. В основе данной технологии лежит определённый набор схем, которые и определяют важнейшие характеристики организационно-деятельностной игры.

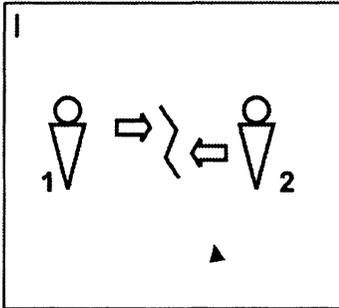
Схема 8. Соотношение микроситуации и макроситуации

Мы выделяем три схемы-принципа¹, которые, собственно, обеспечивают воспроизводство организационно-деятельностной игры как особого метода работы с сознанием её участников. **Первая схема** (см. *схему 8*) определяет соотношение микроситуации, складывающейся на игре, с макроситуацией, развёртывающейся в широком практическом контексте безотносительно к игре.

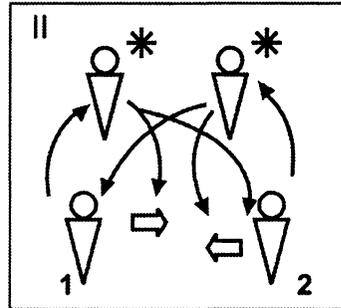
Именно установление подобного соотношения позволяет направить свои усилия на то, что происходит с нами сейчас в данной ситуации, но за счёт этого одновременно суметь преодолеть те трудности и реальные проблемы, которые происходят повсеместно в практическом контексте. Построение этого соотношения между микроситуацией и макроситуацией позволяет управлять событиями в игре. Возникновение микроситуации, которая реально связана с необходимостью преодоления затруднения, позволяет больше не говорить какие-то известные тексты, не пересказывать знания, а начать разбираться с данной конкретной ситуацией, которая сложилась здесь и теперь. Эта ориентация на «здесь» и «теперь» (*hic et nunc*) требует перехода к своеобразной деятельностной феноменологии, когда необходимо понимать, что происходит в той конкретной ситуации, в котърой мы оказались.

¹ Говоря о схемах-принципах, мы имеем в виду такие графические изображения понятий и представлений, которые, с одной стороны, описывают противопоставленные нам объекты, которые мы можем познавать, а с другой стороны, определяют необходимые для нас способы деятельности здесь и теперь в ситуации.

Ситуация конфликта

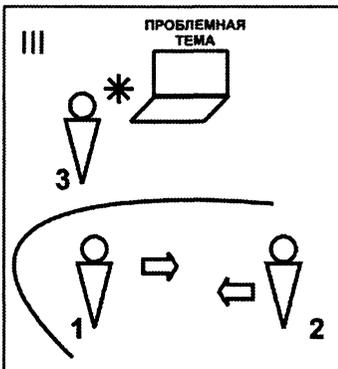

Ситуация коммунального
конфликта

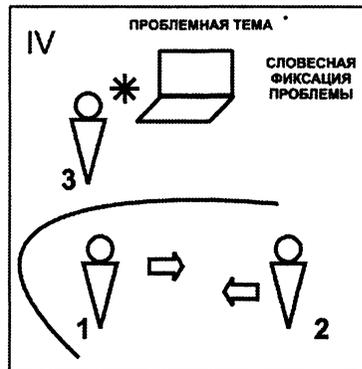

Перевод коммунального
конфликта в содержательный

Перевод конфликта в проблемную ситуацию

Определение предмета
содержательного конфликта

Словесная фиксация проблемы

Схема 9.

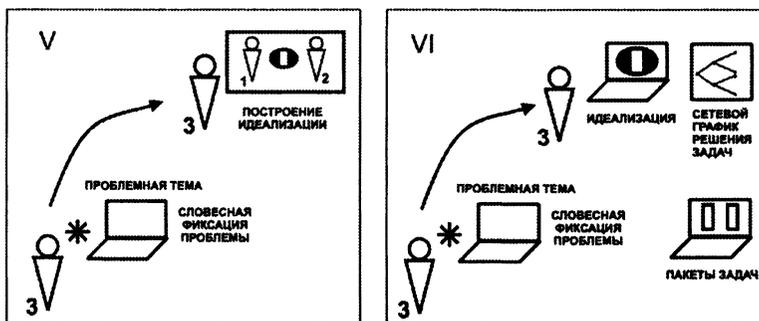
Подобное понимание связано со второй принципиальной схемой (схемы 9 и 10) организации оргдеятельностной игры — схемой проблематизации.

Разработанная Г.П. Щедровицким схема обеспечивает переход от ситуативного конфликта между разными участниками коллективных обсуждений к фиксации в мышлении проблемы. Г.П. Щедровицкий называл процесс проблематизации ядерной и сквозной технологией организационно-деятельностной игры. Основная задача, решаемая на основе данной технологии, состоит в том, чтобы обнаружить отсутствие средств мышления, которые позволили бы

осмыслить сложившуюся ситуацию в организационно-деятельностной игре и начать создавать средства по её разрешению. Проблематизация является предельно конкретной практической формой использования мышления в ситуации. Находящийся в ситуации участник игровой работы должен пережить недостаток имеющихся форм и способов общественно-коллективного мышления для того, чтобы затем предложить новые средства, восполняющие данный недостаток.

Этот момент выявления недостатка мыслительных средств, а затем его преодоления на основе создания новых мыслительных средств задаёт своеобразное требование на лидерство в общности и коллективе, которое и определяет требование к методологической работе в организационно-деятельностной игре. Нам представляется, что данный тип лидерства содержит в себе все важнейшие

Постановка проблемы

Перевод проблемы в задачу

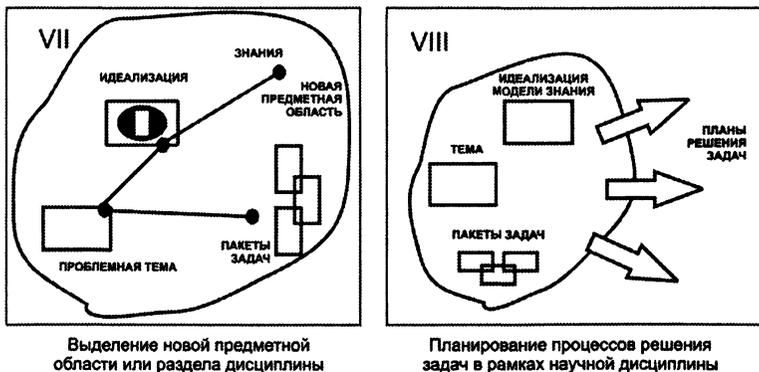

Схема 10.

элементы драматургико-игровой формы события, которые и определяют общественно-коллективное изменение форм мышления на основе важнейших ценностей. Подобная постановка и организация события, в которое можно вглядываться, одновременно рефлектируя своё собственное участие в нём, и на основе переживания и сопереживания выявлять недостаток организации сознания и мышления, образуют ядро общественно-исторической практики. В этом случае лидер общности, пропуская через себя происходящие события, выявляет то негативное в формах организации общественной жизни, что должно быть преодолено на основе повышения уровня организации сознания членов коллектива и общности. И его представление о том, что должно быть выделено и преодолено, становится предметом рефлексивного отношения членов общности и коллективных дискуссий и обсуждений.

Закладывая в игру данный тип драматургико-практического отношения, Г.П. Щедровицкий воспроизвёл центральную платоновскую парадигму практики, лежащую в основе европейской цивилизации, начиная с периода происхождения античного полиса. Именно древнегреческий театр во многом являлся тем важнейшим институтом, который структурировал и определял формы понимания и преобразования складывающихся поведенческих стереотипов и принципов организации жизни. Вглядываясь в эхилловых «Персов» после победы Эллады над противником, афиняне искали причину внутренних механизмов сознания и отношения к миру, которые привели одну из самых сильных держав античности к поражению. И они находили источник импульса, ведущего к гибели, в $\Upsilon\rho\rho\acute{\iota}$ — в надменной гордыне. Эта надменная гордыня разрывает связь человека с благословлением богов. Осуществляя деяние, лишённое благословления, человек остаётся один на один со своей собственной судьбой, где его может, подобно ситуации с Эдипом, ждать событие, подрывающее человеческую природу, — кровосмесительная связь с матерью и отцеубийство.

Всматриваясь в данный тип поведения и сопереживая человеку, идущему на гибель, греки выделяли в самих себе те состояния души, которые требуют изменения и преодоления. Безусловно, данный тип зрелища не является развлекательным культом удовольствия, вызывающим самоуспокоенность и беспечное любование. Скорее всего, задача древнегреческого спектакля состояла в том, чтобы вызвать ужас, шок от непредвиденных последствий. Поскольку выдающаяся личность — царь персов, испытывает $\Upsilon\rho\rho\acute{\iota}$, то и любой смертный человек может попасть под действие

данного состояния и оказаться неспособным ему сопротивляться. В этом случае он погибнет сам, погубит свой род и общность, к которой он принадлежит. Древнегреческая трагедия и отстраняющая самоирония лежат в основе драматургико-практического отношения к произошедшему событию.

Основная идея классической трагедии — такой, как, например, трагедии Шекспира или Шиллера — как особого зрелищного действия, по мысли американского философа и политического деятеля Линдона Ларуша, состоит в том, чтобы показать, как человек и общность людей движутся к гибели в силу того, что человек не может преодолеть некоторую установку и ограниченность собственного сознания. Подобный тип диалектико-драматургического отношения¹ переносится на анализ исторических событий. В частности, с точки зрения Л. Ларуша, позицию Гамлета занял Ю. Андропов, который оказался неспособным инициировать новый социокультурный и технологический рывок в СССР, и поэтому страна оказалась раздавлена под грузом накопившихся противоречий. Конкретным предметом драмы является предложение советскому правительству и, в частности, Ю. Андропову со стороны администрации Рейгана участвовать в создании программ Стратегической оборонной инициативы и тем самым уйти от военных инициатив в рамках принципов *Mutual Assured Destruction* (взаимногарантированного уничтожения), что не случайно в английской аббревиатуре звучит как MAD — «сумасшедший».

Эта инициатива разрабатывалась при администрации Рейгана Линдоном Ларушем и его группой и была направлена на запуск новой технологической и социокультурной революции, обеспечивающей преодоление господства финансового капитала над промышленным и технологическим развитием. Ю. Андропов решил, что данное предложение является специально разработанной провокацией со стороны империалистических кругов США, смысл которой состоит в том, чтобы втянуть страну в новый виток неосуществимых военно-промышленных разработок. В результате СССР должен был бы надорваться, осуществляя непосильные вложения в военно-промышленный комплекс. В результате Ю. Андропов сделал шаг на пути к развалу СССР, отказавшись от постановки целей технопромышленного и социокультурного прорыва страны.

¹ См. интересные работы на эту тему немецкого философа и политолога Карла Хана о диалектико-драматургическом методе анализа истории.

Мы понимаем, что для очень многих патриотов подобные рассуждения Линдона Ларуша покажутся крайне неприемлемыми. Как же так — ведь разрушителем СССР, очевидно, является М. Горбачёв, добровольно сдавший потенциал страны Западу? Но диалектико-драматургический метод тем и интересен, что он показывает: наиболее фундаментальные выборы осуществляются много раньше, чем явные и наблюдаемые всеми решения. Отказавшись от программы социокультурного рывка, Ю. Андропов вытолкнул страну на неблагоприятный путь внутренней самодеструкции, когда успешность страны стала оцениваться не по крупным достижениям в области научно-технического прогресса, создавая основу для следующих шагов прорыва в будущее, а по качеству бытовых товаров и удобств. А в этой области формы организации бытовой жизни в нашей стране и на Западе были просто несопоставимы. С этой точки зрения, М. Горбачёв оказался просто жертвой выбора Андропова, что, впрочем, не снимает с него ответственности за целый ряд совершённых лично им глупостей и предательств. Но подобный тип морализирования, связанный с оценкой М. Горбачёва, нам не представляется продуктивным и интересным.

Можно утверждать, что между действием в организационно-деятельностной игре и драматургическим воздействием на зрителя в театральной трагедии существует непреходимая грань. В организационно-деятельностной игре сам человек строит замысел своего действия, самоопределяется, ставит цели, сценирует действие, реализует сценарий и затем рефлектирует результат действия в ситуации. При восприятии спектакля на сцене действует актёр, а зритель, не действуя, лишь воспринимает и переживает происходящее. В одном случае участник организационно-деятельностной игры сам рефлексивно прорабатывает собственное действие, а в другом случае зритель спектакля, отождествляясь с действием другого лица, оказывается при определённых условиях способным пережить определённые состояния, вызванные чужим действием, как свои собственные. В первом и втором случае оказываются совершенно разными масштабы тех изменений, которые могут быть достигнуты. Рефлектируя собственное действие и его успешность в организационно-деятельностной игре, её участник ищет новые средства организации действия, новые принципы сценирования действия, оставляя в стороне всю сложную динамику состояний сознания. Во втором случае, заражаясь переживаниями и сопереживая героям спектакля в соответствии, например, с техниками театральной школы Станиславского, являющейся школой пере-

живания¹, человек не занимается сценированием и перестройкой действия, которое развёртывается перед ним в данной театральной постановке. Подобная переорганизация действия, происходящего на сцене, потребовала бы переписывания пьесы и её новой постановки.

Вместе с тем следует отметить, что, осуществляя бесконечные перестройки и инструментальные преобразования собственного действия, не затрагивая состояний сознания и личностных переживаний, человек начинает себя ощущать своеобразным автоматом, который не может вырваться за рамки сложившейся индивидуальной формы. Чем больше переформатируются средства действия, тем больше человек автоматизирует и закабалает себя. В отдельных случаях подобные рефлектирования и преобразования средств и инструментов действия могут закончиться психическим расстройством разрушения личностной формы — деперсонализацией. При этом оказывается, что для человека становятся недоступными его собственный жизненный импульс и искреннее спонтанное проживание собственных состояний сознаний. Действительно, самое неуловимое и слабое переживание себя действующим человеком оказывается самым сильным, поскольку именно здесь рождаются импульс действия и возможность спонтанного самопроявления.

Вместе с тем продвижение к собственному энергетическому центру и возможность самообновления при сопереживании главному герою трагедии связаны с попыткой выделить своеобразную иллюзию, майю, в которой пребывает данный герой и которой определяются действия окружающих главного героя людей, вызывая определённое помрачение. Этой майи не существует объективно для внешнего наблюдателя, но она оказывается зловещей действующей силой в сознании действующих персонажей, не позволяя им перестроить своё собственное поведение. Поэтому сопереживание зрителя главному герою, протагонисту пьесы предполагает поиск в самом себе сил, позволяющих содрать покрывало майи с воспринимаемой ситуации. Очень часто гибель героя определяется тем, что ему не удаётся преодолеть иллюзию, под действием которой находятся окружающие его люди. Их установки, формы восприятия ситуации, состояния сознания, ценности начинают с определённого момента подчинять себе и действие человека с более высокой организацией сознания.

¹ Этой точки зрения, например, придерживается сопresident Международной японской академии им. Станиславского Леонид Анисимов.

Чтобы зритель именно так воспринимал происходящее в трагедии, актёр должен «зацепить» зрителя, сделать переживания героя и его состояния сознания предметом проникновения и уподобления для зрителя, представить их таким образом, чтобы зритель мог отождествляться с героем и сопереживать герою. Для этого актёр должен суметь построить своеобразный переходный ряд между теми состояниями, которые доступны и знакомы зрителю изнутри, и теми состояниями, которые переживает герой пьесы и которые можно наблюдать вовне себя. Некоторая модернизация и современное прочтение пьесы как раз и связаны с особым искусством прочтения старого текста таким образом, чтобы целый ряд состояний сознания и ценностей, на которые опираются современники, мог бы быть соотнесён с установками сознания и переживаниями героев пьесы. Поэтому способность актёра «зацепить» зрителя, привлечь его к восприятию пьесы есть не что иное, как умение показать через главного героя целый ряд состояний сознания, которые культивируются и существуют в современном обществе.

Но существует и другая возможность воздействовать на воспринимающее сознание зрителя. В этом случае актёр является предельно нейтральным материалом, «прозрачным ручьём, через воду которого видно каждый камешек дна» и на котором отпечатываются идеальные действующие типы. В этом случае актёрская игра предполагает предельную незаинтересованность и отстранённость от воспринимающего его зрителя. В пределе так работающий актёр показывает пьесу всего одному зрителю — Верховному Правителю, для которого восприятие действий идеальных типов и сил, реализующихся через данные идеальные типы, позволяет структурировать реальность, которой он должен управлять. Подобный спектакль не столько антропологически самоорганизует, сколько нормирует мышление и мыслительное восприятие. Нам представляется, что подобным образом организован ритуальный восточный театр, который сохранил связь с сакральным действием.

В европейских формах подобное восприятие идеальных, но абсолютно реальных действующих типов в ритуальном действии, которые нормируют сознание, душевное ощущение человека, может переживаться только при участии в Божественной литургии, которая должна рассматриваться как особое важнейшее действие, конституирующее личность человека.

Но прежде, чем перейти к проблематике литургии в контексте рассмотрения вопроса об игровой цивилизации, рассмотрим ещё одну — третью схему построения организационно-деятельностной

СИСТЕМА МЫСЛЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Схема 11.

игры. Этой схемой является схема системы мыследеятельности (схема 11).

В соответствии с данной схемой утверждается восстановление в каждой организационно-деятельностной игре полной системы мыследеятельности, включающей процессы мышления, мыслекоммуникации и мыследействия. Восстановление полной системы мыследеятельности и выявление этих всех трёх процессов ставит перед организаторами игры очень важную задачу — обеспечить связь этих трёх разных процессов друг с другом. Хотя возможны и своеобразные тренинговые игровые формы, которые будут связаны с освоением какого-то одного по преимуществу из трёх процессов: процесса коммуникации, процесса действия или процесса мышления. Мы же по-прежнему настаиваем, что основной смысл организационно-деятельностной игры состоит в выявлении разных типомыследеятельностных процессов: мышления, мыслекоммуникации, мыследействия, их артикуляции и организации связи между ними. Хотя можно действительно показать, как будут организованы своеобразные квазиигровые формы, если в них за основу будут браться отдельные процессы: мыслекоммуникация, мышление, мыследействие. Рассмотрим эти три возможных редукции.

Если основу организационно-деятельностной игры составляют процессы мыслекоммуникации, которые никоим образом не ведут к действию и которые не предполагают проблематизации сложившихся форм мышления, то данный тип коллективной работы приобретает следующие своеобразные черты. Участники взаимодействий обмениваются специально выстроенными дискурсами, которые могут продолжаться до бесконечности. Так как в этом случае переходить к действию не оказывается необходимым, а проблематизация данных развёрнутых высказываний не предполагается, данные дискурсы являются формой самовыражения и меток взаимодействующих участников. Границы понимания данных развёрнутых форм коммуникации тоже оказываются суженными, поскольку текст не надо относить к способу действия данного высказывающегося и не надо реконструировать тип мышления, стоящий за данным текстом. В определённый момент тексты вообще могут перестать быть понятными. В этом случае данный тип игровой работы выступает как обмен текстами самовыражения. Как правило, ситуации подобных коммуникативных обменов дискурсами дополняются своеобразной политической «дискурсной» биржей. Наиболее красивые тексты самовыражения заимствуются политиками, на эти дискурсы делаются определённые политические и даже финансовые ставки, хотя реально за данными текстами не стоит никакого самоопределения и действия.

Если основу игровой деятельности составляют процессы действия, то мы имеем дело с тренингом, где от его участника требуется отработка определённой формы действия. Проблематизировать саму задачу на данный тип действия участник игровой сессии не может, высказывать позиции, которые противопоставлялись бы позициям других участников ситуации, участники тоже не могут, поскольку такой тип действия будет назван «болтовнёй»: ведь человек, высказывающий мнение, в этот момент не действует. Таким образом, в этом случае участник игровой деятельности осваивает способ действия, не предполагающий осмысления того, что он делает. Подобное действие может быть весьма прагматически эффективно, хотя бессмысленно и разрушительно с социокультурной точки зрения. Человек будет превращать себя в своеобразный действительный автомат, очень эффективный и оснащённый, не повышая при этом уровень организации сознания, но подстраивая себя под сложившуюся общественную форму и воспринимая общественные предрассудки как обязательный элемент среды,

в которой необходимо будет продемонстрировать свою безжалостность и прагматическую эффективность.

Возможен третий тип игровой формы, связанный с отщеплением теоретического мышления от форм коммуникации и действия. В этом случае ориентирующее на поиск новых решений мышление оказывается никак не связанным со сценирующим действием и коммуникацией в общественном пространстве. Точнее, коммуникация и действие строятся в этом случае по своим нерелегируемым механизмам, например, обычным коммунальным, предполагающим приспособление к сложившейся социальной ситуации. Поэтому человек в мышлении может быть революционером, а в способах коммуникативных обращений и действий — обывателем. Как правило, подобная ориентация на введение игровым образом теоретического мышления, формально задающее представление о будущем, свойственна людям, исповедующим гегелевский принцип тождества бытия и мышления, который расшифровывается следующим образом: «Правильно помышленное неизбежно определяет устройство практической области», то есть мышление определяет формы действия. В том случае, если мы отказываемся от идеи тождества бытия и мышления и основываем способ рассуждения и действия на принципе диспараллелизма формы и содержания мышления, который составляет основу содержательно-генетической логики (Г.П. Щедровицкий), продвижение в слое мышления автоматически не предполагает эффективного продвижения и результативности в слое действия и мыслекоммуникации. Стратегии коммуникации и действия должны разрабатываться специально. Даже если мы протраиваем действие в мышлении, оно никак не определяет социальное действие в ситуации, которое должно сценироваться специально.

С нашей точки зрения, форма построения организационно-деятельностной игры обязательно предполагает специальное выявление, проработку и последующую соорганизацию всех трёх типомыследеятельностных процессов, обозначенных на схеме мыследеятельности — мыслекоммуникации, мышления и мыследействия. Как правило, так организуемая игра первоначально разворачивается в мыслекоммуникативном слое, затем выявляются жёсткие контуры ситуации действия с занимаемыми в ней разными позициями участников. Эта ситуация, собственно, и может быть разрешена на основе создания новых средств мышления, которые должны быть присвоены всеми членами коллектива. Основным условием продвижения при этом является осмысление реальной

складывающейся ситуации действия, построение идеализации, дающих знание о ситуации действия, и создание мыслительных схем, обеспечивающих эффективное действие в ситуации. Таким образом, сама технология игрового продвижения предполагает, что восстановленная в ходе игры на основе мыслекоммуникации ситуация действия требует специального идеализационного постижения и осмысления, а затем схематизации.

Но, допустим, мы провели коллектив, участвующий в игре, через этапы в соответствии с технологией организационно-деятельностной игры, соорганизовав процессы мыслекоммуникации, мышления, мыследействия, осуществив проблематизацию привычных способов мышления участников. Кто присваивает результат игры в этом случае? Оказывается, что результаты этой своеобразной игровой экспедиции усваиваются разными участниками в разной мере. Наибольшего продвижения достигают руководитель и участники игры, которые разрабатывали игровой замысел. Остальные участники коллективной работы опосредованно понимают, что произошло в игре, поскольку они не являются теми, кто планировал и организовывал игровое действие в целом. Данная ситуация может быть изменена, если начинать выстраивать позиционно-ролевые тренинги на основе кратко представленной технологии организационно-деятельностной игры. В этом случае мы возвращаемся к проблематике театральной трагедии, поскольку основное, что должен научиться преодолевать человек, находясь в ситуации тренинга, — это ограничения сложившихся форм организации сознания, которые связаны с ценностями, установками, типом культивируемых состояний и т.д. Данный тип тренинга является позиционно-ролевым, поскольку, занимая определённую предписанную роль, человек должен попробовать её преобразовать на основе позиционного самоопределения, выработывая замысел собственного действия. В организуемом таким образом тренинге роль определяет заданный тип включенности в социальное поведение и прикреплённость к организационному контексту, а позиция — процесс личностного самоопределения и отношения к функционалу данной роли. Человек может действовать через роль или организационное место в той мере, в какой он обладает позиционным потенциалом для данного действия. И в этой точке драматургические формы изображения действия и состояний сознания, закреплённых за действием, оказываются очень важными, поскольку участнику важно проиграть тип социальных ограничений закреплённой роли или места в организации

и выработать по отношению к нему способ действия. В одном случае сознание оказывается сферой, сопровождающей сложившиеся формы действия, коммуникации, а в другом случае сознание выступает в качестве реальности сверхсознания, позволяющей выйти за рамки всех имеющихся на настоящий момент представлений о себе к чистой личностной форме как таковой. Эта выделяемая реальность сверхсознания, в которой существуют чистая личностная форма — ипостасность — и источники более высоких уровней организации собственного действия, становится предметом проработки за счёт литургической драматургии.

Таким образом, сознание участников игры конституируется двойко: с одной стороны, как сознание, имманентное сложившимся действиям участников игры в социальных ситуациях, а с другой стороны, как сознание, трансцендентальное развёртывающимся игровым событиям, позволяющее осуществить трансценденцию — выход за рамки сложившихся форм действия и социального существования. Как мы уже сказали выше, конституирование — обнаружение и выявление принципов работы со сверхсознанием осуществляется в Божественной литургии русской православной церкви и в литургии католической церкви. Основным условием включения принципов литургии в игровую деятельность является символический характер выполняемых участниками игры процедур.

Таким действием, обладающим высшим символизмом, является, например, выпивание вина, преобразуемого в кровь Христову, и съедание кусочка просфоры, становящегося телом Христовым во время Евхаристии. Для сравнения: «...Спаситель даёт, Священник же о данных благодарит; Иерей приносит, Господь же приемлет дары. Приносить убо и господь, но Себе Самому Отцу, и дары сии тогда приносит, когда будут они Самым Им, когда (то есть) в Тело Его и Кровь преложатся. Поелику же Себе Самого приносит: для этого и глаголется бытии Сам приносяй, и приносимый, и приемляй. Приносяй убо и приемляй, яко Бог; приносимый же яко человек; хлеб и вино, сущим им дарам, приносит убо Иерей, приемлет же Господь; и что творит, приемля Дары, освящает сии, и в Тело Свое и Кровь претворяет»; так богословствует Николай, архиепископ Фессалонийский¹ (см. § 109). Через освящение Даров в Тело

¹ Николай Кавасила в Толкованиях Литургии (гл. 28 и 490) по кн.: **Историческое, догматическое и таинственное изъяснение Божественной литургии. Факсимильное издание 1894 года. М.: Изд. Московского патриархата, 1993. - С. 307.**

и Кровь Господню совершается таинство закления Иисуса Христа на кресте... В) Освятив дары в тело и Кровь Господню, Священник совершает вместе и Таинство Его *закления*, на кресте совершившееся. Ибо тогда на Престоле, под видом хлеба, возлежит отдельно Тело Христово, а под видом вина, отдельно Кровь Его: таковое отделение крови от плоти составляет *таинственное* Его *закление* (в), которое совершается *духовным мечем*, сими иереевыми словами: *И сотвори убо хлеб сей и проч.*¹». После причащения участник литургии должен чувствовать, что в его капиллярах течёт Христова кровь, а в его теле есть элементы тела Христа — произошло пресуществление святых даров. «Какое великое и страшное Таинство есть освящение Даров в Тело и Кровь Господню, Учители церковные объясняют так. Святой Златоуст в книге о священстве говорит: «Тогда и Ангелы предстоят Священнику, и весь чин небесных сил к восклицаниям стекается, и всё место наполняется Ангельскими лицами в честь Лежащего. ...Ибо таинство сие по словам Святого Златоуста, *землю Небом тебе соделывает*: Отверзи двери небесныя и приникни, — не в небо же точию, но паче в *Небеса Небес*: тогда узриши глаголемое. Что бо тамо есть всего честнейшее, сие тебе покажу на земле лежащим — *Самаго Господа*, Который не только зриши, Нои прикасаешься; и не только прикасаешься, но и вкушаеши, и приняв, в дом отходиши»². С точки зрения русского мистика и религиозного философа Е.Л. Шифферса, сквозь лики святых на иконах, сохраняющих энергию первообраза, должно произойти опознание из загробного измерения происходящего в храме события. Святые должны услышать обращение к ним и реально присутствовать в литургии. Это введение обратной перспективы (П.А. Флоренский) восприятия ликами святых участников Божественной литургии составляет обязательный момент высшего символизма, который и есть реализм. Максим Исповедник «...в своём "Тайноводстве" говорит, что благодать пребывает в храме всегда и особенно во время священного собрания в тот момент литургического чинопоследования, [когда] предложение хлеба и вина в Тело и Кровь Спасителя предполагается совершённым. Его присутствие должно мыслиться и переживаться как реальное. Это литургически фиксируется тем, что служащие иереи в этот момент падают на колени, что означает, что хлеб и вино преложились в Святое Тело и Святую Кровь Спасителя.

¹ Там же. - С. 305.

² Там же. - С. 308.

В это время в этом месте христологически появляется Сознание и Воля Господа. Он реально видит через эти образы этот храм, эти иконы, эти одежды. И если Он их осознаёт причастными Благой Вести, то они в этот момент преобразуются на микроволновом уровне и становятся аккумулятором благодати. Храм, если всё то, что в нём произошло, реально становится самым настоящим циклотроном, излучающим благодатную энергию.... Если в литургии оглашенных первый возглас призывает прийти святых в храм, и они взошли в собственные иконы и узнали свои изображения как свой автопортрет, то в этот самый момент этот ковчег или эта гробовая доска становится святой¹».

В основе высшего символизма-реализма литургии по Е.Л. Шифферсу, насколько мы понимаем мысль этого замечательного мистика-философа, заключены две принципиальные вещи (которые являются одной сверхреальностью) — это забегание в смерть и проживание причастности к тайне животворящего креста, когда человек по образцу Христовых крестных мук принимает своё основное крестное испытание, своё распинание на кресте и тем самым тайноводчески-мистическим и правовым образом конституирует свою личность. Без этого высшего литургического символизма невозможно обретение собственной идентичности и традиционалистско-транслятивного самоопределения человека, когда человек не только реализует различные позиции в ситуации к своему вящему социальному успеху, но когда он видит, что те, «которые вынесут вперёд ногами тебя, уже вошли в Храм твой». Отсюда мысль Е.Л. Шифферса, что святые, которые причастны к тайне преодоления Христом смерти, говорят с людьми уже оттуда — из загробного измерения, свидетельски зная о том, что Иисус Христос — Спаситель, сокрушивший смерть. Именно поэтому забегание в смерть и причащение Тайне Креста Животворящего — не два момента, но единая реальность причастия тайнам жизни Второй Ипостаси. Святой, забегая в смерть и причащаясь крестовым мукам, соединяется с Христом, получая импульс жизнедаждетской энергии. «Идущие к Свету не боятся — они идут. Это и есть Путь. Почему? Потому что, если Господь был "во аде" как представитель рода человеческого, и это принято Спасителем на микроволновом уровне, то и тот, кто в определённое время родился на земле, будет неумолимо идти к Свету, поскольку он не боится

¹ *Евгений Шифферс. Религиозно философские произведения. — М: Русский институт, 2005. Беседа о храме: культ и архитектура. — С. 489-490.*

обличения собственной греховности. Вот это, в точном смысле слова, и есть опыт старчества. Они не боятся забежать в опыт смерти, онтологически не боятся, потому что род их уже просвещён. В символах теории тяготения можно сказать, что Нетварный Свет притягивает¹.

Опыт причастия Тайне Креста Животворящего может быть только личным, он требует личного радостного свидетельства. В противном случае это будет заимствованное чужое знание, распадающееся на множественные семиотико-концептуальные фрагменты. «Человек же, повторяющий слова святых, прочитывая их с бумаги и не наполняя их равносмыслом собственного свидетельства о Боге Живом, превращается в механизм, в «радиоприёмник», да ещё если ему дана «власть», подкрепляемая средствами принуждения и уничтожения, — в грозного «идола», требующего поклонения себе и признания своего авторитета»². ...Б о г о с л о в и е в Библейской перспективе тождественно Благовестию Ипостасного Слова и с в и д е т е л ь с т в у о нём: транслируется личный опыт встречи с Господом Иисусом и исполняется вверенное им служение, для которого Ипостасью Духа Святого подаются дар ы»³.

Введение литургического момента в игровой универсум, который для нас включает, помимо ядра организационно-деятельностных игр, классическую театрализуемую трагедию с разыгрыванием действия главного героя, означает введение перспективы личностной идентичности, запределивающей все позиционно-ролевые самоопределения. Литургический момент в игровом универсуме — это условия обретения личностной благодатной судьбы и преодоление «играний», бесконечных мытарств в смене собственных служений. Так понимаемый игровой универсум содержит в себе возможность анализа и имитации:

всех институциональных практик, всех социальных и социокультурных систем деятельности;

всех театрално-экспрессивных поведенческо-жизнедеятельностных систем выражения различных переживаний и эмоций; области мистических личностных самоопределений и практик.

Следует отметить, что для Г.П. Щедровицкого организационно-деятельностная игра содержала момент личностного боя и про-

¹ Там же. - С. 502-503.

² Там же. Введение «в богословскую проблематику». — С. 442.

³ Там же. - С. 400.

рыва на основе введения личностного самоопределения и его собственной идентичности, который был связан с генезисом игры и был нами обозначен как элемент «р/ш/» в отличие от элемента «game» — игры по сложно структурированным правилам. К этому введённому нами различению *play — game* П. В. Малиновским был добавлен элемент *performance* — спектакль, то, во что вырождается свободная игра — борьба на пределе личностных сил. Этот последний элемент, введённый П.В. Малиновским, становится особенно понятен в связи с работой Г. Дибора «Общества спектакля», когда вся социальная реальность описывается как единый затянувшийся длинный перформанс, в котором нет места искреннему подлинному чувству и самоопределению человека. Но всякая игра стремится выродиться в перформанс, если в ней не удерживается момент литургического символического сверхреализма. Поэтому лично для нас значение работ Е. Шифферса состоит в резкой кардинальной трансформации представлений об игровом универсуме и о русской (*Russians*) игровой цивилизации. Он предполагает, что в любой игротеатральный момент вместо порнухи и бесконечных пародий юмористов, убаюкивающих сознание, должен быть введён момент личностного самоопределения и экзистенциального риска на основе забегания в смерть, покаяния и обретения даров Святого Духа. В подобном преобразовании игрового универсума мы видим и программу развития организационно-деятельностных игр (чем мы в настоящий момент занимаемся), и программу построения неиллюзорного русского (*Russians*) кинематографа. Для Е.Л. Шифферса неиллюзорный кинематограф предполагал моделирование средствами кино онтологических состояний сознания, которые не могут быть показаны другими средствами. Фильм-мистерия Е.Л. Шифферса «Путь царей», показывающий, что происходит в Ипатьевском подвале в момент убийства государя и его семьи, вызывает шок в сознании зрителя и требует его самоопределения. Государь «оттуда» смотрит нам в сердце. Зритель попадает в ситуацию самоопределения. Это самоопределение касается основного вопроса современной русской истории — почему русские отказались от своего царя и дали разрушить своё традиционное государство? Фильм «Путь царей» противостоит, на наш взгляд, по своему принципу и направленности «Сибирскому цирюльнику», задача которого состоит, кажется, лишь в том, чтобы соединить причудливую пёструю голливудскую занимательность с возможностью покрасоваться в облике Государя самому кинорежиссёру.

Если считать, что сильнейшим средством укрепления имиджа США в мире является Голливуд, то наивно думать, что Россия что-то сможет сделать в мире, демонстрируя русские лубочные подделки под Голливуд. К сожалению, и «Девятая рота» — это попытка рассказать про борьбу за Афганистан языком Голливуда, как про «русский Вьетнам». Но Афганистан — это не «русский Вьетнам». Подобное кинотворчество — самый верный способ стать «никакой» страной — «порченной Америкой», к удовольствию «вечного поляка» Збигнева Бжезинского. Основной смысл неиллюзорного кинематографа русской игровой цивилизации состоит в том, чтобы предложить миру альтернативный тип самоопределения и личностной идентичности, заново разыграв основные узлы истории, но не с американских, а с русских (*Russians*) позиций. Эти русские позиции предполагают обнаружение в мире обретение даров Святого Духа русскими людьми, жившими и действовавшими «на пределе». В этом и заключается событийно-исторический менеджмент управления сознанием и вниманием больших групп людей. Именно в этой плоскости развёртываются основные проблемы борьбы за мировое лидерство, в отличие от абстрактной миродержавности. Основной смысл самоопределения русских (*Russians*) в глобальном мире состоит в том, что Россия готова разговаривать с традиционными государствами Евразии не с позиций абстрактной демократии «всеобщего поравнения» (Алексиус Токвиль), уничтожающей духовные дары иерархий, но предлагая буддизму и тонкому огненному суфизму Ирана учение о Нетварном Свете в соответствии с томосом Святого Афона. С другой стороны, Россия готова предложить евразийским государствам на основе фундаментальной науки технологические программы выхода к новому социокультурному и технопромышленному укладу на основе создания нового транспорта, новых материалов, новых типов энергий и т.д. Русские (*Russians*) способны предложить самоопределение, объединяющее научные прорывы и духовное развитие, в противоположность общей дегенерации. Но в рамках этого нового уклада духовный человек, формы организации его личности и сознания будут играть ключевую роль для использования технологий нового поколения. Поэтому в рамках формирования нового уклада технологическая революция должна быть соединена с концинетальной¹ — революцией развития сознания. В этих условиях межцивилизационного, кросс-культурного, межконфессиональ-

От лат. *conscientia* — совесть, сознание.

ного диалога для России особую роль приобретает Святая гора Афон и русский Свято-Пантелеймонов монастырь.

11.1. Формирование Мировой русской сети «Ортодоксияполио с центром на Афоне в Свято-Пантелеймоновом монастыре»

Ни в коей мере не стремясь быть всезнающей-гордецом, который будет указывать на изменение функций русской православной церкви в мире, мы лишь прорисуем наше исключительно внешнее досужее видение паломника-наблюдателя: какая институциональная структура, задающая отсчёт для самоопределения и идентичности *Russians* (русских), была бы нужна в условиях глобализации и построения сетевых структур русской государственности? Поскольку глобализация является современным Вавилоном, русским очень нужна живая демонстрация опыта Пятидесятницы. В качестве подобного явления при инициации межцивилизационных кросс-культурных взаимодействий в Евразии могла бы выступать Святая гора Афон и Свято-Пантелеймонов монастырь. Здесь возникает очень сложная проблема: должна ли эта святыня быть закрытой от взаимодействия с представителями других религий и культур, или в силу того, что приближаются последние времена, связанные с разрушением традиций различных народов, экологическим разрушением планеты, Афон, оставаясь недоступным для праздного посещения местом, может войти в открытое коммуникативно-сетевое общение с представителями других народов Евразии от имени русского православного мира? В этом случае подвижники Афона выносят в кросс-культурное взаимодействие реальное практическое, основанное на личном опыте знание о нетварном Фаворском свете как «явлении Божества и тайны вечности»¹, которое не просто фиктивно-иллюминативно и демонстративно, но является реальным проявлением божественных энергий в мире и поэтому содержит в себе тайну вечной жизни и победы над смертью.

С этой точки зрения, на базе Свято-Пантелеймонова монастыря имеет смысл сформировать стратегический ресурсный центр, обеспечивающий поддержку самоопределения русских людей по

¹ *Архимандрит Рафаил (Карелин). Христианство и модернизм. Глава 2. Преображение (6/19 августа). [http://lib.eparhia-saratov.ru/books/16r/rafail/mo\(fe17ii?m/27,html](http://lib.eparhia-saratov.ru/books/16r/rafail/mo(fe17ii?m/27,html)*

всему миру, для которых необходимо ощущать присутствие живой по успению Божьей Матери. Для того чтобы выполнять функции русского стратегического ресурсного центра, Свято-Пантелеймонов монастырь должен стать одновременно филиалом Мирового русского университета, исследовательским институтом по проблемам дипломатии и кросс-культурного менеджмента имени отца Климента (К. Леонтьева), институтом опережающих исследований по проблемам новых технологий (гуманитарных, связанных с личностно-духовным развитием и раскрытием высших способностей, связанных с обретением даров Святого Духа и машинно-инженерных, связанных с освоением нового социокультурного уклада и созданием новых технологий в области ядерной энергетики, биофотоники и геной инженерии, новых компьютеров и голографии, лазерных устройств и нового типа транспорта. Ряд научных открытий должен быть связан с очерчиванием областей разработок, куда человечество не должно вторгаться). Свято-Пантелеймонов монастырь должен, с одной стороны, оставаться невидим, как град Китеж, а с другой стороны, принимать непосредственное участие в разработке и реализации важнейших стратегий развития русского мира и всей ноосферы с позиции православия, формируя единую пневматосферу — сферу Духа.

При этом не надо превращать Московскую патриархию в Ватикан — отдельное государство. Целый ряд функций Ватикана мог бы взять на себя ресурсный центр Свято-Пантелеймонова монастыря — члена отдельного, уже существующего православного государства Святой горы Афон, включаясь в специально создаваемые сетевые структуры. При этом ресурсный стратегический центр мог бы достаточно сильно влиять и на существующую российскую государственность, служители которой ищут духовной поддержки и обретения духовных даров и которые могут быть применены на поприще государственного служения. На базе святынь Свято-Пантелеймонова монастыря, которые сопоставимы с сокровищами Ватикана, построенного на гробнице апостола Петра, можно сформировать Святой Акрополь (АГИЯАКРОПОЛЬ), где будут находиться святыни православных подвижников и русской традиционной государственности. Ведь до сих пор висит в храме святого великомученика Пантелеймона потемневшая после убийства царской семьи икона, подаренная августейшей семьёй. Для того чтобы восстанавливать принципы российской традиционной державной государственности, в монастыре должны быть прекращены распри между украинцами и русскими, результатом которых

является дробление единой русской православной церкви на основе псевдоэтнических самоопределений. Европодобная демократия Ющенко, создаваемая против России в социальном мире, не должна вторгаться со своими искажениями в мир духовный.

Но для этого Свято-Пантелеймонов монастырь должен быть высокоинтеллектуальным центром. Он должен быть сверхинтеллектуальным, трансинтеллектуальным, когда интеллект и разумение за пределами мистическим видением, превышающим возможности человеческого понимания, но не слабоинтеллектуальным, пренебрегающим возможностями мышления и знания. Работа в центрах Свято-Пантелеймонова монастыря должна быть подчинена внутреннему духовному деланию, а не внешней обрядовости. Для достижения этих целей в Свято-Пантелеймоновом монастыре должно быть разрешено несколько монашеских служений. Наряду с молитвенным основным служением должно быть разрешено по благословлению наставников занятие интеллектуальной деятельностью — совершение научных открытий, создание новой техники и новых технологий (ядерных, компьютерных и т.д.), раскрытие новых способностей сознания, разработка стратегий развития России в глобальном мире. Предоставление возможности подобных служений, когда учёный-мистик может *ore et labore* (молиться и работать), безусловно, привлечет в монастырь многих талантливых и гениальных русских, которые жаждут продолжать творчество и обрести спасение. Свято-Пантелеймонов монастырь в этом случае мог бы стать центром монахов-молитвенников, монахов-учёных, монахов-дипломатов, монахов-педагогов, способных разрабатывать стратегию духовного возрождения России и всего мира. Сблизить молитвенно-духовное творчество, научное, гуманитарно-художественное и государственно-стратегическое — очень важная задача.

11.2. Идентичтарно-консциентальные войны — войны, основанные на смене идентичности

В настоящий момент всё большее значение приобретают исследования, в которых рассматриваются проблемы национальной идентичности. Каким образом представители различных этносов, различных конфессий, различных гражданских групп, различных языковых общностей, многочисленных землячеств отождествляют и соотносят себя с единой нацией, в которую они входят? Нацио-

нальная идентичность является важнейшей формой влияния на единство и самочувствие нации, национальной государственности. Нация — это, прежде всего, символическое единство очень разных и очень конкретных групп людей, которые помещают себя в определённое историческое поле и вписывают себя в определённое символическое будущее. Если вы можете корректировать и влиять на отнесение себя конкретной группой народов, к определённому национальному символу, вы можете тем самым оказывать достаточно сильное воздействие на внутреннее строение страны и её государственности. Например, если значительная часть населения перестанет себя связывать с символикой и историческими задачами данного государства, это не означает автоматически, что данное государство развалится. Это может, например, означать, что придётся значительно больше средств тратить на полицейский аппарат и органы охраны государственных чиновников, которые будут удерживать единство страны. И, наоборот, если подавляющая часть населения будет непосредственно отождествлять себя с символической организацией нации и государственности, проявляется феномен воодушевления и подъёма, который Лев Гумилёв соотносил с национальной пассионарностью.

В своё время нами было предложено называть всю систему средств массовой информации и идеологических воздействий, определяющих изменение и слом этнической, конфессиональной, территориально-земляческой, гражданской, языковой идентичности концентриальным оружием (оружием, трансформирующим и меняющим сознание вместе со всеми его структурными компонентами — собственно сознанием бодрствования, подсознанием, сверхсознанием и сновидным сознанием)¹. Именно с использованием данного оружия мы связываем новые формы передела мира и новый тип войн. Основная задача использования концентриального оружия заключается в том, чтобы разрушить или уменьшить отождествление различных групп населения данной страны с интеграционными национальными символами и вывести на первый план символы этнические, конфессиональные, ценностные (общечеловеческие). Этот идентификационно-ценностный сдвиг приводит к тому, что человек, принадлежащий к конкретной значимой группе, перестаёт себя рассматривать как в первую очередь пат-

¹ Сознание, которое по учению буддистов, а также и православных подвижников, актуализируется у человека после физической смерти, мы в данной работе рассматривать не будем.

риота данной конкретной страны и получает дополнительные возможности выходить в коммуникацию и прямое общение с другими людьми за границами данной страны, обнаруживая с ними общий тип самоопределения. Подобное втягивание человека в систему коммуникаций, которые пронизывают данную страну и выходят за её пределы, связывается с проблематикой сетей и сетевых структур. Не отрицая проблемы сетей и типов коммуникации, организуемых при помощи сетей, мы обратили внимание, что сеть только в том случае изменяет идентичность человека, если она складывается в особый мир, то есть при этом происходит паксизация (от лат. *Pax* — мир) геокультурного пространства. И мы действительно давно уже живём в эпоху, когда *pax Americana* простирается намного дальше границ Соединённых Штатов Америки, а Российская Федерация так и не может наладить контакта с существующим от неё обособленно «русским миром». *Pax judaica* (еврейский мир) не только не совпадает с государством Израиль, но и содержит в себе столько культурно-исторических членений, что государство Израиль их не в состоянии освоить и переварить. *Pax Teutonica* (германский мир) никак не может переосвоить результаты разделения на *ossi* и *wessi* (восточных и западных немцев), страдая от комплекса кастрации, осуществлённого с ним американцами, запретившими для освоения важнейшие фрагменты немецкой культуры, например, «Речи к немецкой нации» И.Г. Фихте. Выделив идентификационные структуры сознания, миры и коммуникативно-кооперативные сети, мы получили теперь полный набор необходимых элементов, задействование которых позволяет нам вести новый тип концентрических войн. Что могут сделать подобные войны? Например, развалить такое государство, как *USA*, которые сейчас слабы, как никогда за весь период собственной истории. Развал национального государства предполагает своеобразную распаковку национального государства на миры, которые внутренним образом входят в структуру самого государства, но распространяют свою активность далеко за его пределы. С этой точки зрения, для того, чтобы государство стало распадаться, необходимо активизировать действующие сети, связанные с данными мирами, внутри которых стали бы прорабатываться ценности, отстраивающие идентичность человека независимо от ценностей американского национального государства.

Применительно к США мы видим минимум четыре таких мира, активизация которых неминуемо приведёт к распаду национального государства: во-первых, это мир мусульманских афроамери-

канцев, во-вторых, это испаноязычный католический мир иммигрирующих в южные штаты США жителей Мексики и Латинской Америки, в-третьих, это религиозный мир мормонов с штаб-квартирой в Солт-Лейк-Сити (штат Юта), в-четвёртых, это миры малочисленных коренных народов США, например, навахо. Очень важно, что рост и развёртывание каждого из этих миров может отнюдь не противоречить укреплению национального государства при соответствующей стратегии его развития. В условиях же стремления США к мировому господству и, как следствие этого, обострения социальных противоречий, формирования паразитарной формы жизни у значительной части населения, не желающей переносить какие-либо трудности, возникает тенденция к обособлению и отделению этих миров от сложившейся системы жизни, отождествляемой с национальным государством США. У каждого из перечисленных четырёх миров есть свой миф, которым можно управлять, усиливая складывающийся тип идентичности, противостоящий национальной идентичности.

Так, лидеры мусульманского афроамериканского мира абсолютно уверены в расово ненавистнической сегрегационной политике правящей элиты США. Переживание подобного типа значительно усилилось после урагана «Катарина», приведшего к разрушению и затоплению негритянского города — Нового Орлеана. Очень многими афроамериканцами было замечено, что средства массовой информации, освещая последствия урагана, допускали расистские выпады против негритянского населения. Большинство афроамериканцев не получит страховки за разрушенные жилища, поскольку их ветхие постройки не были застрахованы, в отличие от особняков более благополучного и богатого белого населения. Очень многие афроамериканские мусульманские лидеры уверены и предъявляют соответствующие данные, из которых следует, что работоторговля, в результате которой их предки оказались на данном континенте, велась торговцами и банкирами еврейского происхождения. Именно потомки этих банкиров и торговцев образуют сегодня политическую и экономическую элиту США. Основная же масса афроамериканцев, принявших мусульманство, образует гетто, из которого невозможно выбраться.

На опасность никак не перевариваемого в плавильном котле (*melting pot* — так до настоящего времени называли США, переваривающие этнические, конфессиональные идентичности иммигрантов и формирующие единую американскую нацию) испаноговорящего католического остатка обращает внимание Самюэль

Хантингтон в одной из последних своих книг «Кто мы такие?». Эти группы населения не стремятся побыстрее освоить английский язык, признать католическую церковь за одну из сект и смешаться к своей личной выгоде с остальным американским населением. Для этой группы населения весьма значимой остаётся ориентация на исходные религиозные ценности и образ жизни, в частности, тип многодетной семьи, весьма нехарактерный для США. Представители данной группы осознают свою жизнь в США как *reconquista* (реконкиста — отвоёвывание, исп.) того, что было отобрано США у Мексики.

Совершенно особую, но весьма влиятельную группу образуют представители Церкви Иисуса Христа Святых Последних Дней — мормоны. Именно эта религиозная группа на протяжении всей холодной войны образовывала ядро разведсообщества США, а штат Юта, где в городе Солт-Лейк-Сити находится штаб-квартира мормонов, был объявлен национальной сокровищницей США. Всё дело в том, что в этом штате приходится больше всего (в расчете на 1000 жителей) людей, свободно говорящих на 3-4 языках, причём весьма редких. Это объясняется активной миссионерской деятельностью мормонов. Каждый юноша-мормон, достигший 14-летнего возраста, обязательно уходит в миссию в другую страну. Высокие иерархи данной церкви очень часто говорят, что они никогда не забудут, как федеральное правительство США расстреляло их из пушек в середине XIX века возле Чикаго в штате Иллинойс. Именно поэтому мормоны имеют свой собственный спутник и контролируемый ими алмазный фонд штата Юта. Особый интерес представляет генеалогическая информация, которая собирается мормонами обо всех народах по всему земному шару.

Индейский народ навахо, компактно проживающий на федеральных территориях резервации, имеет выбранного президента, сенат и конгресс, своего федерального судью. Можно сказать, что эти электоральные органы являются проращиваемой государственностью в структуре государственности США. До настоящего момента вожди навахо и выбранные руководители не собираются брать федеральную территорию в собственность. Они понимают, что раздача земель в собственность своему народу приведёт к тому, что на представителей племени навахо будет направлена вся мощь сутяжничества лучших юридических специалистов США, нанятых богатыми клиентами, заинтересованными в приобретении племенных угодий в собственность. Индейскому народу необходимо научиться жить внутри структуры американского общества.

Но индейцы никогда не забудут, как говорят уважаемые вожди племени, что с их народом сделали колонисты. Вожди навахо проводят вполне определённую образовательную политику. Они добиваются получения грантов для обеспечения значительной группе молодёжи высшего образования в университетах США. Первая большая группа представителей народа навахо получала юридическое и экономическое образование. Вторая группа изучала *computer science* и инженерные дисциплины, позволяющие организовывать современные производства. Сейчас в университеты США пошла третья группа, которая изучает политическую антропологию. Перед ней стоит задача переинтерпретировать все те знания, которые собирали о навахо англо-саксонские антропологи, не понимавшие души народа. Результат подобной работы заключается в получении инструментов, позволяющих с позиций национального сознания анализировать структуру и назначение социальных наук.

С нашей точки зрения, относительно каждого из четырёх миров может быть выстроен сетевой канал воздействия, направленный на формирование идентичности определённых групп населения, которые не будут связывать судьбу своей общности с судьбой американской нации в том виде, как эта нация символически конституирована сегодня. Имеет смысл обратить внимание на следующее обстоятельство: действие в данном канале не строится как контрпропаганда или специальное оболванивание представителей целевой группы. Задача, с одной стороны, проще, а с другой стороны, значительно серьёзней. Она состоит в том, чтобы дорастивать каждую из групп до самостоятельного автономного субъекта действия в глобальной среде, реализующего свои цели независимо от федерального правительства. Например, мормоны сегодня уже рассматривают себя как независимого от американского правительства субъекта международного действия, осуществляющего по всему миру прозелитство. Это означает, что нужно реально формировать сознание этих различных общностей на основе проектов их автономного действия в глобальной коммуникативной среде безотносительно к развитию рамки национального государства США.

Хорошо понятно, что основным противоречием, которое легко может быть разыграно и которое, как айкидо, опирается на инерцию огромной энергии, выпущенной различными организациями США, пропагандирующими ценность американского способа жизни, и направлено против США, является идея **традиционализма**,

противостоящая идеям демократии, понимаемой как индивидуальная вседозволенность голосующего большинства, мнение которого подготавливается средствами массовой информации. Чем больше представители США будут пытаться вмешиваться в дела других стран, пропагандируя демократию как произвольное желание большинства, тем в большей степени будет формироваться отчуждение от национальной идеологии в их стране общностями, которые исповедуют служение традиции и иерархию ценностей. Культура и традиция всегда антидемократичны, аристократичны и иерархичны — не важно, имеем ли мы дело с реальной формой культуры навахо или искусственными квазимассонскими построениями мормонов. Фактически, для всех перечисленных общностей должно быть обнаружено, что их разрушение предполагает формирование системы произвольных *options* и принятие большинством той или другой альтернативы, которой все затем должны подчиняться. Следование так понимаемой демократии означает, что афроамериканцам никогда не вырваться из их гетто, мормоны должны отказаться от своих генеалогических изысканий в пользу более умеренных религиозных культов. Предполагается, что латиносы откажутся от своей истории, а навахо будут вынуждены отвергнуть веру своих отцов и забыть свой язык. С этой точки зрения, идея достаточно проста. Как в своё время говорил Билл Клинтон: «Впервые сложилось так, что больше не существует различия между внутренней и внешней политикой¹». В условиях глобального мира необходимо пропагандируемую американскую ценность на экспорт оборачивать для внутреннего употребления в стране, выбирая специальные целевые аудитории, идентичность которых в наибольшей степени будет сопротивляться подобной всеобщей американской ценности. Создание подобного коммуникативного канала предполагает построение системы бумеранга — США, пытаясь навязать свои ценности другому миру, будут разрушать прежде всего самих себя.

Но при этом следует иметь в виду, что специалисты по проблеме изменения идентичности работают на Пентагон и разведсообщество США. Они также анализируют следующую проблему: распаковка каких миров скорейшим образом приведёт к развалу государственности России. Отсюда, например, огромный интерес американских антропологов к старообрядческой церкви и обсуж-

^x Цитирую по книге Поль Вирилио «Информационная бомба. Стратегия обмана». - М., 2002. - С. 16.

дение условий демократического признания равноценности старообрядцев наряду с верующими Московской патриархии. Не менее важной является проблема изменения исторически сложившихся этноконфессиональных балансов. Приведём только один пример. В своё время Сорос рекомендовал для стимулирования изучения чувашского языка создать в Чувашии культурные центры по изучению турецкой культуры и турецкого языка. Обосновывалась подобная идея следующим образом: чувашский язык является языком тюркской группы, как и турецкий язык. Поэтому изучение турецкого языка будет стимулировать интерес к родному чувашскому языку. При этом одновременно ставилась и другая цель: попробовать через турецкий ислам повлиять на конфессиональное самоопределение чувашей — единственного тюркского православного этноса.

Та же форма распаковки может быть обращена и против Китая, где тонкое сплетение конфуцианства, даосизма и китайского буддизма с китайским коммунизмом может быть надрезано, не говоря уже о проблеме тибетского буддизма с Далай-ламой, проживающим в Индии, исповедующим ислам уйгурами в Сянцзяне, и другими тюркскими племенами во внутренней Монголии. Здесь тоже проращивание идентичностей, которые начинают обособлять своё самоопределение от «тянь ся» (поднебесной) и «чжун го» срединного государства, может оказаться весьма опасным.

Наконец, обращаясь к Африке с её недоформированной «плавающей» безопорной государственностью и попыткой скопировать бюрократические аппараты европейских правительств на материале семейно-клановых систем, мы обнаруживаем системную точку идентификационной вражды, пронизывающей весь мир. Это вражда между оседлым и кочевым народами, образующими соседство. Кочевые скотоводы тутси и оседлые земледельцы хуту Бурунди в их непримиримой вражде, кочевники навахо и оседлые хоппи в США, оседлые ханты и кочевники ненцы в РФ обозначают очаги турбулентных конфликтов, в которых формируется несложившаяся протогосударственность.

Глава 12

Антропологическая доктрина (доктрина сбережения и возрождения народов России) как основа продвижения России к мировому лидерству. Политический проект косвенной оценки эффективности политики Правительства и Президента

12.1. Долой экономизм, да здравствуют антропопрактики — практики совершенствования и развития повседневной жизни человека!

Оценка любого политического взгляда в настоящий момент обязательно предполагает выявление биополитического¹ измерения — измерения, связанного с отношением к жизни и жизнедеятельности. Если это измерение отсутствует, если в предлагающихся вариантах биополитики нет отношения к живому, к поддержанию жизни и созданию условий для её преуспевания, то данная политика является либо воинствующе геноцидальной, либо безразличной к жизни. Поэтому, когда Герман Греф, улыбаясь чему-то очень своему, с экрана говорит нам, что у него очень много эконо-

¹ Термин биополитика в оборот ввёл Джорджи Агамбен, который в книге *Номос сасег* (человек священный) специально проанализировал различие аристотелевских понятий «дзоэ» и «биос». В известном аристотелевском определении человека как общественного живого существа «зоон политикой» представление о живом отличается от жизни как неструктурированной жизнедеятельности и повседневности, которая является предметом властных воздействий биополитики. Биополитика является по определению предметом метаполитического дискурса, поскольку её надо специально выявлять. Например, то, что у Анатолия Чубайса есть вполне определённая «биополитика», затрагивающая жизнедеятельность и тип русских людей наряду с другими братскими народами России, становится ясно из следующего фрагмента из интервью А.Б. Чубайса корреспонденту британской газеты *Financial Times* Аркадию Островскому, которое он сделал в ноябре 2004 г.: «Вы знаете, — ответил Чубайс, — я перечитывал Достоевского в последние три месяца. И я испытываю почти физическую ненависть к этому человеку. Он, безусловно, гений, но его представление о русских как об избранном, святом народе, его культ страдания и тот ложный выбор, который он предлагает, вызывают у меня желание разорвать его на куски». Из данного рассуждения становится очевидно, что А.Б. Чубайс начал отдавать себе отчёт об аксиопрактической традиции (традиции утверждения определённых ценностей), противостоящих его биополитике.

мических идей, и они все про непопулярные (читай — «жизнеугнетающие») формы действия, а ему нужна лишь воля, чтобы их реализовать, то мы как раз имеем дело с вполне определённой, как минимум, ажизнедеятельностной (а может быть, и антижизнедеятельностной) политикой.

Нам необходимо помнить, что вполне определённые биополитические идеи Гитлера привели его к созданию концентрационных лагерей. Но современный концентрационный лагерь — это не обязательно расовосегрегирующий барак Освенцима или Бухенвальда — огороженная колючей проволокой площадка для интернированных. Подобную систему лагерей Евросоюз собирается строить на севере Африки для иммигрантов. Современный концентрационный лагерь — это концентрированное гетто рассредоточенных людей, отлучённых от качественного образования и перспективных форм занятости, у которых средства массовой информации специальным образом изменяют идентичность.

Сегодня становится совершенно очевидным, что официально используемые экономико-финансовые методы учёта и планирования экономического развития страны являются самой вредной за последние сто лет утопией, низводящей современного человека до уровня ничто или, точнее, к экономическому человеку, человеку потребляющему. Попытка заменить абстрактные представления о невидимой руке рынка институциональной экономикой, анализирующей пучки собственности, ничего не изменит — жертвой любого абстрактного экономизма является антропология, то есть учение о человеке, и жизнедеятельность — внутренние ресурсы воспроизводства условий жизни.

Данное утверждение не следует понимать в стиле известного высказывания 60-х годов прошлого века: «Кибернетика и генетика — развратные девки капитализма». Нам необходимы экономические учения, но такие, в которых описывается не хаос и произвол экономических процессов, а те экономические инструменты, реализация которых обеспечивает восстановление народа и численный рост населения. То есть нам нужны экономические инструменты, за которыми стоит вполне определённая биополитика. Следует также отметить, что экономические учения, не имеющие социального измерения, являются инструментом геноцидальной политики.

И еще следует заметить, что поскольку развитие социальных демографических систем связано с органическими процессами, то хорошо понятно, что эти длительные лонгитюдные процессы не могут быть рассчитаны по принципу краткосрочных финансо-

вых сделок. Более того, можно совершенно чётко утверждать, что экономизм, не имеющий антропологических и социальных измерений, является крайне механистическим представлением. А учение о человеке, встроенном внутрь экономизма, является страшным извращающим представлением, приравнивающим человека к крысе, которая стремится к максимизации экономического удовольствия — прибыли. Понятно, что нормальный человек, будучи сведен к подобной экономической крысе, тут же впадёт в депрессию, поскольку человеку с заботой о будущем своих детей, поддерживающему здоровье своих родителей, человеку с религиозным сознанием, с этическим чувством очень тяжело среди крыс. Но подобная редукция человека тоже есть не что иное, как вполне определённая биополитика, которую необходимо выявить в действиях Кудрина, Грефа, Илларионова и Дворковича.

В результате последнего десятилетия страшных реформ мы стали лучше понимать, чего не купишь за деньги. За деньги не купишь счастливого разрастающегося народа, который чувствует, что он как народ бессмертен и за этим его продвижением сквозь череду родов и поколений стоит историческая правда. Основным богатством страны являются люди, рост народонаселения и рост плотности населения на всей территории России.

Страшная опухоль Москвы, высосавшая по периметру в 500 км все жизненные ресурсы и разрушившая очаги поселения за границами коттеджных московских посёлков, является весьма прикормленным памятником российской экономической политике последних 15 лет. Москва, как жуткий спрут, высасывающий финансы со всей территории России, — это и есть определённый символ реконструируемой российской биополитики.

Дамы и господа, давайте не будем слушать речи экономистов о невероятном росте благосостояния жизни в России, о том, что Гайдар избавил нас от очередей за колбасой, а Касьянов и Греф ошачили нас устойчивым ростом ВВП в период стремительного роста стоимости нефти. Лучше обратим своё внимание на поселенческие и жизнедеятельностные повседневные образы нашей жизни. У всех нас есть воображение, которое пока ещё, несмотря на определённую биополитику средств массовой информации, действует независимо от того, что нам внушают. Не случайно известный американский политический деятель Линдон Ларуш, оппозиционер администрации Дж. Буша, считает, что именно рост населения страны, а также рост плотности населения на её территории является единственным достоверным косвенным показателем той или иной экономической политики.

Конечно, существует проблема качества самого народонаселения и очень разных показателей этого качества. Проблема качества народонаселения может проявляться в том, что в одном случае увеличивающееся население может состоять сплошь из больных и психически ненормальных жителей или из физически, психически и духовно здорового населения — в другом. Поэтому чисто механический взгляд на проблемы разведения людей некультурен. Десятки тысяч человек не могут заменить личностной гениальности одного поэта, музыканта, государственного деятеля, философа или кого бы то ни было. Но очень часто гений внутренними духовными узами связан с преумножающимся, увеличивающимся народом, за бессмертие которого он несёт личную ответственность. Живой гений невидимыми узами связан с народным бессмертием и является своеобразным охраняющим его добрым гением. В вырождающемся, гибнущем народе затруднено воспроизводство гениальности. Но именно воспроизводство национальной гениальности является центральной проблемой безопасности страны, с точки зрения Е.Л. Шифферса. Во всяком случае, гений будет первоначально вынужден помочь народу выбраться из того капкана, в который он попал.

Разрастание и увеличение народа определяется некоторым его внутренним, глубинно смысловым, то есть основанном на внутреннем переживании личного благополучия. Но не будем слишком долго и много распространяться про проблемы разрушения смыслов, смысловую катастрофу, связанную с развалом СССР, и т.д. «Пусть мёртвые хоронят своих мертвецов» и предаются ностальгии. Смысл — это удержание результатов понимания. Поэтому вместо болтовни о страшных смысловых деструкциях помогите организовать понимание, а жизнеобразующие смыслы появятся у людей сами собой. И населению для того, чтобы быть народом, действительно необходимо понимать миссию своей страны в современном глобализованном мире, уходящую в далёкое прошлое и простирающуюся в беспредельное будущее. Нам кажется, что необходимо перестать держаться за доктрину восстановления СССР (СССР-2, нового СССР), а ответить собственно на вопрос: что именно должна делать Россия в сегодняшнем разрастающемся глобальном мире? С этой точки зрения, отсутствие определённой идеологии, которая не проводится по информационным каналам и не ориентирует людей, которую так и не сможет создать министерство культуры, — это тоже определённая биополитика, погружающая население страны в дезориентирующий хаос и угнетающая нормальную жизнедеятельность, поскольку

нужную информацию, например, о приватизации, приобретают те, кто находится ближе к власти в силу ренты по положению и сами участвуют в разработке её «стратегий».

Серьёзные ограничения связаны, на наш взгляд, с разработкой и продвижением целевой демографической доктрины, в соответствии с которой получается, что населению надо приказать размножаться и поставить внешние показатели, которые необходимо выполнять, по разведению себе подобных. Демография — это системы косвенных показателей выявляемой направленности экономической политики, но не призыв к целям прямого действия. Для того чтобы от демографии перейти к постановке целей, необходимо осуществить биополитический анализ, реконструировать те измерения повседневной жизнедеятельности, которые закладываются в реализуемую внешнеполитическую стратегию и экономическую политику. Если человек не хочет жить, если жить неинтересно, то он вместо любви и надежды на лучшую жизнь его детей будет находиться в состоянии депрессии и безысходности. В подобном состоянии желание только одно — попытаться забыть. Похоть, наркотики, алкоголь являются разными вариантами реализации этого стремления «любой ценой забыть».

Анализируя основные особенности форм естественного органического разрастания населения в российском ареале по сравнению с объединяющейся Европой и стремящейся к монопольному силовому диктату Америкой, мы обнаруживаем две предельные грани, отличающие русский мир — мир естественной органической экспансии от этих двух других миров — мира Европейского Союза и мира Североамериканского. С одной стороны, Европа — это мир моноэтнических государств. Или, в соответствии с идеями В.В. Кожинова, мир моноэтнических государств в колумбарии умерших в результате подобных моноэтнических зачисток других народов. Необъяснимая, на первый взгляд, враждебность Европы к Югославии во время войны НАТО связана именно с тем, что для Европы Югославия — это Дагестан, пересечение разнообразных этносов и конфессий, где невозможно (только лишь через искусственные зачистки и кровь) сформировать моноэтнически ясные и понятные нации. В стремлении реализовать великое завоевание европейской цивилизации — Декларацию прав и свобод человека-индивида — невольному ущербу подвергаются народы и политэтнические разноконфессиональные общности, объединенные единой жизнедеятельностной судьбой. Подобная расчистка невольно стимулирует очищенное религиозное упование — протестантизм и вахабизм. И это действительно символично, когда выделены

и хорошо прописаны права человека-индивида, но отсутствуют и не сформулированы права народов и общностей.

С другой стороны, США — страна плавильный котёл (*melting pot*) или кипящий котёл (*boiling pot*), перерабатывающая и ассимилирующая иммигрантов на основе протестантской этики (см. Самюэль Хантингтон). Огранка этого котла искусственна — это протестантский индивидуализм, основанный на идеях индивидуальной свободы совести представителей традиционных этносов, отделённых от захоронений своих предков водным столбом океана. Здесь важно формирование новой единой этноконфессиональной идентичности на основе перемалывания и переоформления всего набора привязанностей к исходным этносам, народам, странам. Американская нация формируется в поле действия единственного силового фактора — протестантизма и англоязычной культуры. И этот силовой акцент кристаллоформирования нации поддерживается искусственно, что становится особенно хорошо видно на примере «испанскоязычной католицизированной реконкисты» Калифорнии и Флориды США выходцами из Мексики. Эти иммигранты размывают и разрушают традиционную американскую идентичность жужжащих «ос» (*wasps* — *White Anglo-Saxon Protestants*).

Рост населения России всегда осуществлялся органическим образом в системе взаимодействия множества цивилизационных центров и диалога между ними. Городская культура Гардарики и половецкая степь, Новгородская республика между Тевтонским и Ливонским орденами и Золотой Ордой, Россия Ивана Грозного в системе противостояния Речи Посполитой и экспансии на Восток с взятием Казани и походом Ермака на Сибирское ханство. Петровская империя, разрушившая буферную систему Мазарини - союза против России Швеции, Польши и Крымского ханства и одновременно протраивавшая путь через Оренбург к Индии, наконец, Российская империя, протянувшаяся от католической Польши и протестантской Финляндии до Манчжурии и Аляски. Но с точки зрения не геополитики территориальных захватов, а антропологического роста населения страны Россия содержала в себе многоэтничный, разноконфессиональный субстрат многих народов, включённых в междивизиационный диалог. И горизонт этого диалога никогда не определялся извне каким-то одним конфессиональным учением, будь то протестантизм или культ индивидуальной свободы и денег. Сам диалог является открытым событием, его результаты не предзаданы и абсолютно открыты. Именно в этой рамке третьего цивилизационного поля, отличного

от европейских и американских принципов этногенеза, этатогенеза (происхождения государства) и антропогенеза, и необходимо рассматривать проблему сбережения и возрождения народов России. Этой третьей рамкой является поле евразийского материкового этно-, антропо- и этатогенеза. Следует отметить, что в настоящий момент европейский мир под действием миграции американизируется, и ему впору создавать своё собственное устройство плавильного котла (европейскую идентичность?), а американский мир европеизируется, и в рамках него появляются образования, которые можно было бы наделить статусом отдельных независимых территорий, разрушая государственность США — испанизирующийся юг США, свободная Мормония со столицей в Солт-Лейк-Сити штата Юта, государство одного из коренных народов Америки — индейцев навахо, у которых уже сегодня есть свой президент, свой парламент, свой федеральный судья и т.д. Но, несмотря на подобные изменения, только Россия по-прежнему обладает возникшим в результате естественной экспансии открытым полем межцивилизационного, межэтнического, межконфессионального диалога. И это поле содержит в себе энергетику живых открытых процессов, где, как всегда, ничего ещё не определено и проповедь Иисуса Христа ещё не закончена...

12.2. Роль русского народа в семье других народов России

Конкретизируя антропологическую доктрину, необходимо осознать, что в настоящий момент Россия превращается в страну со всё более выраженной однотипностью русского населения. Русский народ в формировании государственности России всегда выполнял функцию государственно образующего этноса. Русский народ брал на себя функцию построения и удержания государства, поскольку им очень хорошо понималось, что государство — это не бюрократический аппарат, от которого хотелось бы быть свободным самостоятельному населению. Задача русского народа сегодня состоит в сохранении его полинародного естественно сложившегося полинационального комплекса — мира миров, в котором формируются новые народы. Зачистка полинационального, полиэтнического, поликонфессионального мира под моноэтнические национальные государства — это стерилизация человечества. Русский народ сегодня может оказаться народом-хранителем естественной среды — основы этногенеза. Рождение и эволюция народов воз-

можны только в системе своеобразных глоттогенетических межцивилизационных котлов, в которых необходимо понимание других цивилизаций с одновременным предъявлением собственных задач и функций. Русское государство всегда и исходно по своему происхождению выполняло функцию этого охвата множества взаимодействующих народов, находящихся в поле общения, когда результат и эффект этого общения не предрешён.

12.3. Передача территории и богатств на территории последующим поколениям — основная задача русского народа и других братских народов России

Основная прагматическая функция антропологической доктрины состоит в том, что нам необходимо удержать те территории, которые у нас есть. Удержать эти территории можно только при условии естественного роста населения страны. Все другие концепции, связанные с попытками пригласить переселиться на нашу территорию другие народы из других стран, передать земли китайцам, туркам, узбекам и т.д., являются, по сути дела, сговором нашей финансовой олигархии с мировой финансовой олигархией против русского народа и других народов России. Не желая создать условия для их сбережения и процветания, они готовы передать наши национальные богатства, территории и земли любым другим переселенцам, чтобы только не нести ответственность за уничтожение и коллапс страны, её территориального расчленения. В настоящий же момент богатств на территории и самой территории хватит на всех. Каждый житель России является миллионером. Другое дело — как он готов распорядиться данными богатствами. Именно поэтому нам необходима примирительная идеология, при помощи которой разные общественно-политические позиции можно было бы объединить вокруг преуспевания страны и народосбережения.

Очень важно, что в средневековых правовых учениях о двух телах короля территория национального государства обозначала бессмертное тело короля. Именно в территории, на которой жили подданные государя, воплощалось второе, нетленное тело короля.

Стремление начать торговать землёй и продать куски территории иностранцам, иностранцам является преступлением против народов, населяющих нашу страну, прежде всего против русского народа. Богатств на нашей территории хватит на всех. Задача российского государства заключается в том, чтобы удержать данным народом эту территорию и создать на ней благополучную безопасную жизнь.

12.4. Русский мир, русская вселенная, русская кафоличность — это мир вдохновляющей лидерской, ресурсной и целевой экспансии российской государственности, выражающий волю русского народа вместе с братскими народами России

Интересным философом Гефтером, учителем Глеба Павловского, была высказана принципиальная геополитическая и историософская мысль о том, что Россия — это «мир миров». Эта идея означает, что Россия по отношению к другим государственным образованиям может быть понята не как исключительно географическое территориальное понятие, не как особая геоэкономика, но как форма жизни, вмещающая в себя любые другие формы жизнедеятельности и биополитики и часто опережающим образом воспроизводящая в себе те проблемы, с которыми другие страны ещё только столкнутся в будущем. Россия — это мир, опережающий жизнь на всей планете, который вмещает в себя многие миры. Россия — это целостность, воспроизводящая в себе любые другие целостности.

В силу принципиальной охваченности политическими, информационными и финансовыми действиями на всем земном шаре, к началу XXI века планета выступила как единая система для осуществления любого типа экспансии. Планета стала реально представлять собой единое целое. Переселение людей и народов по земному шару и сохранение ими традиций, языка, веры своего народа позволило различать территориальную закреплённость государств и миры, которые могут формироваться на территории других государств. Так, существует китайская американская форма жизни, китайская русская, китайская английская и т.д., как и соответственно русская Америка, русский Китай, русский Израиль, русская Антарктида и русская Африка. Таким образом, помимо этативной национально-государственной геополитики и геоэкономики, весь двадцатый век происходила паксизация планеты (от лат. *pax* — «мир»), проработка её самыми разнообразными этноконфессиональными мирами. Но русская вселенная — это не параллельный мир, отлучённый от русского государства — игровое казино, бордели и пляжи финансовой олигархии советского химероэтнического происхождения, как это зачем-то стал представлять предприниматель Пётр Щедровицкий. Русская вселенная — это ресурс дипломатии и экспансии русской государственности — русской фундаментальной науки, русской промышленности, русского космоса, русских виттевских золотовалютных финансов, русской энергетики. Для того чтобы так осмыслять русский мир,

его надо освободить в своём мышлении, сознании и воображении от советской этнохимичности и чётко осознать, что СССР зажил только тогда, когда Сталин был вынужден обратиться к русскому народу на понятном ему языке (знаменитые «Братья и сестры...») и когда он предложил в конце войны тост за русский народ, который вынес основной груз борьбы с фашизмом. Помимо еврейского холокоста, существует русский холокост, ответственность за который лежит и на большевиках, убивших царя, и на Сталине, который, с другой стороны, понимая, как устроен русский мир, начал восстанавливать символы и дух русской государственности, но в варварской антропологически расточительной форме. Так понимаемый русский мир свободен, с одной стороны, от «зоологического» (А.И. Герцен) моноэтнического шовинизма и расовой фашистской исключительности, с другой стороны, в нём остаются выделенными и представленными все народы, и прежде всего русский народ, который несёт основную ответственность за воспроизводство России и русского мира. При этом важно помнить, что для всего остального мира все мы — и чукчи, и чеченцы, и евреи, и русские, и славянские метисы — являемся *Russians*.

12.5. Экономические условия сбережения и возрождения народов России

Как правильно отметил православный публицист Владимир Карпец, нам необходимо добиться от Грефа, Кудрина, Илларионова, Дворковича и поддерживающих их в кремлёвской администрации Суркова и Приходько возвращения стабилизационного фонда в Россию. Даже немцы не желают раньше времени принимать от РФ погашение долгов СССР. За это ускоренное погашение они нам не дадут никакой премии. Так почему же мы не используем эти деньги на нужды социальной политики? Только по одной причине: этого не хочет мировая финансовая элита. Она желает иметь эти деньги под рукой и не отдавать их на процессы русского этнопроизводства. Со времён страшной М. Тэтчер — бабушки «Русская Смерть», лучшей подруги Михаила Горбачёва, — намечено сократить население России до 50 миллионов. Тогда нам не удержать территорию страны. Но эти миллиарды нужны не просто на нужды социальной политики и чтобы их проесть, их необходимо также использовать для создания технологических производств следующего поколения. Они нужны для осуществления социокультурного рывка, который должен был сделать М. Горбачёв, но подменил его убийственной для страны и себя политической реформой.

Однако сначала — о первом направлении использования миллиардов нефтедолларов. Осуществить расширенное воспроизводство русского населения очень просто. Действительно, нечего делать и решение оказывается до банальности простым. Вы хотите, чтобы число рождающихся опережало, превышало число умирающих россиян?

- Всё очень просто: дайте ощутимую финансовую помощь женщине с тремя детьми. Жительница России *с тремя детьми* должна получать тысячу долларов в месяц за то, что у неё есть трое детей. Это её кардинальный вклад в восстановление народов России.
- Если у матери *5 детей*, государство должно ей платить в месяц 2000 \$, и ей должен быть построен небольшой коттедж.
- Если в семье у матери *7 детей*, она должна получать 4000 \$ в месяц и дополнительно к коттеджу получить в собственность значительный участок земли в инфраструктурно обустроенной части России (к участку должны быть подведены связь, электричество, транспортная магистраль, газ, горячая вода).
- Если в семье у женщины *10 детей*, она должна получить именной пакет акций прибыльной ресурсной компании.

Если дети содержатся плохо, и над ними осуществляются издевательства, то подобная мать, которая завела трёх детей, чтобы получать денежное пособие, должна быть серьёзно наказана. Вот на подобные вещи нам при сегодняшней конъюнктуре на нефть и надо частично истратить за 20 лет нефтедоллары и газодоллары. За нефте- и газодоллары мы должны заново заселить Россию. Сколько платить, какие строить коттеджи, как обеспечивать доход подобных семей, которые являются национальным достоянием, должны более точно рассчитать экономисты.

Следует признать, что поскольку основная антропологическая и биополитическая проблема состоит в выживании русских и представителей других народов России, то все преступления, направленные на потворство или прямую поддержку разрушения самого человека, лишения его прямым и косвенным образом возможности создавать семью, заводить детей, а также преступления против детей — распространение наркотиков, организация проституции, гомосексуализм, распространение развратной информации и порнографии (особенно детской порнографии), педофилия, развращение и издевательства над детьми в общественных учреждениях — тяжелейшие преступления, должны наказываться пожизненным содержанием в тюрьмах без возможности помилования и обжалования вынесенных приговоров по данным

преступлениям вплоть до расстрела, несмотря на мораторий на смертную казнь. Было бы весьма неплохо, если бы Россия выступила с особым заявлением, в котором было бы дано определение условий разрушения процессов воспроизводства русского и других народов России, и было бы также сказано, что в связи с угрозой гибели населения России государство, к сожалению, вынуждено ввести смертную казнь в качестве наказания за все преступления, подрывающие условия ускоренного и полноценного воспроизводства русских и других народов России. Одновременно должна быть самым серьёзным образом изменена информационная политика — проповедь насилия, наркотиков, порнографии должна быть запрещена на любых каналах и должна преследоваться по закону.

12.6. Социокультурные условия сбережения и возрождения народов России

Вторым важнейшим условием сбережения и возрождения, народов России является создание правительством и лично Президентом перспективных **стратегических форм занятости**, прежде всего для молодёжи, на основе образования высокого качества и разработки проектов технологического перевооружения России и создания прорывных производств следующего поколения. Решая подобную задачу, можно осуществить реприватизацию важнейших промышленных активов, не осуществляя национализации. Условием подобной реприватизации будет являться позиция правительства, выдвигающего требования к разработке проектов технологического перевооружения российской системы производств.

Для того чтобы участвовать в разработке «прорывных» проектов перевооружения производственных активов, российская молодёжь должна быть включена в работу с представителями стареющей и гибнущей в России фундаментальной науки. На основе создания и реализации прорывных проектов технологического перевооружения промышленных активов молодёжь может получить в собственность новые создаваемые предприятия. Задача правительства и состоит в том, чтобы создать такие институциональные условия, при которых разработка прорывных технологических проектов и их реализация были бы выгодны, и человек, разработавший и реализовавший этот проект, мог бы получить в собственность спроектированный и им созданный новый актив. Разработка подобных проектов должна вестись на деньги того же стабилизационного фонда, а также на деньги, изымаемые за счёт специального налогообложения ресурсодобывающей промышлен-

ности. Ресурсодобывающая промышленность должна быть обложена специальными налогами в пользу технологического развития. Это и есть цивилизационный способ, на наш взгляд, изъятия природной ренты, о чём много писал и говорил академик Д.С. Львов. Но кроме этого, через налогообложение и штрафы должны быть созданы условия, чтобы сохранить промышленное производство, не перевооружая его: при наличии предложенного проекта с использованием технологий следующего поколения, позволяющих также снизить нагрузку на экологическую среду, это было бы не выгодно. В этом случае группа людей, способная разработать новый проект технологического перевооружения существующего производства и предъявляющая его экспертным правительственным комиссиям, могла бы получить доступ к условиям перевооружения промышленного производства и его реприватизации в свою пользу. Подобная политика правительства могла бы сформировать новые предметы собственности в зоне технологического перевооружения промышленных производств второго, третьего, четвёртого технологического переделов. В этом случае Президенту не пришлось бы говорить, что, к сожалению, у нас практически уже всё приватизировано, и новых богатых людей не появится. На самом деле, настоящая приватизация и присвоение системы новых прорывных производств, связанных с разработкой технологий следующего поколения, в России ещё не начинались. И именно это направление формирования общественного богатства и его коллективное и личное присвоение может реализовываться молодёжью. Для того чтобы молодёжь можно было подготовить к этапу меритальной приватизации, в России необходимо создать каркас университетов следующего поколения, на что, похоже, Министерство образования и науки не способно — оно даже не понимает, что это необходимо сделать. Нам принципиально понятна типология университетов нового типа. Это — исследовательские университеты, инновационные университеты и международные университеты, имеющие принципиально разные задачи и функции.

Следует также отметить, что выдвигание проектов прорывных производств — создание новых типов техники, транспорта, новых типов материала, новых энергетических технологий и т.д. — является условием релокации наиболее интересной и перспективной части уехавших из страны учёных. Если русский учёный, изобретатель, технолог будет знать, что он может в России создавать принципиально новую технологию, а в случае успешной реализации проекта сможет приобрести в собственность созданный им промышленный актив, он вернётся в страну. С этой точки зре-

ния, для сбережения и возрождения народов России необходимо создать условия меритальной приватизации вновь создаваемых производств следующего поколения.

Другим социокультурным условием сбережения и возрождения народов России является создание инфраструктуры расселений, обеспечивающей доступ к дешёвой энергии на основе технологий малой энергетики, транспортным инфраструктурам, системам связи, транспорта, жилья, водоснабжения и т.д. Для этого должны быть разработаны новые схемы расселения, включающие проекты перспективных стратегических производств, в том числе и малых производств. Людям, имеющим экономические условия и желания для создания большой семьи, должны быть предложены инфраструктурные условия переселения всей России, а не только Москвы.

12.7. Смысловое условие сбережения и возрождения народов России: осознание миссии как восстановление идентичности русских и других братских народов России

Ответ на вопрос о смысле жизни в России одновременно связан с проблемой, какое наследство должно получить поколение российской молодёжи и во владение каким наследием оно должно вступить (О.И. Генисаретский). В условиях «рыжих» революций значение данного вопроса трудно переоценить, поскольку основная технология данных революций состоит в натравливании молодёжи, не видящей своего будущего, на держателей существующего порядка через антрополого-стилевые характеристики поведения. Молодёжное переживание, что «всё в этой жизни впервые», направляется на забуревшую власть, поделившую все точки доходов и не желающую вкладываться в приключение, авантюру — непредсказуемое будущее.

На наш взгляд, наследием, во владение которым должно вступить следующее поколение, является евразийская миссия России, связанная с удержанием масштаба технологического и социокультурного развития всей Евразии, а через Евразию и всего мира. Россия может стать мостом между старой Европой и динамичной Азией, где уже сейчас сконцентрировано самое большое население. Россия может принести в Азию не только нефть и газ, но и прорывную фундаментальную российскую науку, обеспечивающую разработку принципиально новых технологических систем — энергетических, транспортных, поселенческих, агротехнических и т.д. Для того чтобы разомкнуть через себя развитие Евразии, создать коридоры развития через всю Евразию, Россия должна

быть лидером межцивилизационного диалога в поиске межцивилизационной синергии. Необходима соответствующая форма подобного диалога, одним из примеров которой может быть международный университет, объединяющий молодёжь всего мира вокруг проблем развития Евразии.

Предмет межцивилизационного диалога — это не только технологическое и техническое развитие, но прежде всего проблема ценностей, а также обеспечение бессмертия народов Евразии, связанное с религиозным измерением данного диалога. Безусловно, в структуре этого межцивилизационного и межконфессионального диалога важна позиция православия. Для исторического позиционирования в данном диалоге необходимо восстановление правды о русской монархии. В частности, очень важно, что русский православный монарх — святой всех традиционных религиозных пантеонов России. Воссоздание православной монархии — недостижимый идеал русского народа. Ее надо не политехнологически выстроить — это мысль ушлых чужаков и инородцев, безразличных к русской истории и русской традиции, но вымолить через всеобщее институциональное покаяние за предательство государя и царской семьи. С этой точки зрения, в межцивилизационный диалог могут выноситься не только социальные и технологические проекты, но и религиозно смысловые чаяния разных народов. Очень важно, что одним из идеалов русских является православное царство, реализующее функцию обеспечения бессмертия народов, а не силового захвата земель. Православное устойчивое царство — это не империя, тяготеющая к силовому захвату всех ресурсов. Православная монархия, рассматриваемая сквозь призму истории и традиции, а так же как выдвигаемая в качестве принципа надежды, реализуемого через молитвенную практику, является одной из основ российской идентичности.

Очень важно понимать, что в настоящий момент русский мир является самым демократическим по форме жизни способом существования с неограниченными возможностями. Именно в этой точке идет борьба — соперничество между Россией и США. США боятся, что Россия будет признана более демократичной и свободной для всех страной, чем США, основанные на протестантском культе индивидуальной свободы отдельных обеспеченных лиц. Основная задача России, побывавшей во всех социально-политических порядках, состоит в том, чтобы сформулировать наиболее притягательный социально политический порядок XXI века для всего мира. На этой точке и фокусируется борьба за лидерство с США, которая на порядок сложнее и более результативна, чем

силовая борьба. С этой точки зрения, у России есть шанс стать началом нового миропорядка, основанного на равных принципах соразвития всех государств Евразии без золотого миллиарда на условиях безграничного роста евразийского населения. Условием подобного соразвития являются создание технологий следующего технососоциокультурного уклада и колонизация человечеством космоса. С этой точки зрения, формирующийся в Евразии новый цивилизационный уклад является самым демократичным (предполагающим соразвитие всех) и одновременно самым подвижным и аскетичным.

Можно выделить линии и зоны межцивилизационного соразвития и совзаимопроникновения в Евразии. Сейчас слышно очень много переживаний по поводу потери СНГ. Но это — процесс совершенно закономерный. Он связан с тем, что СНГ не существует сам по себе. Он монтируется в определённый мировой порядок. Россия до настоящего времени не выдвинула идеи этого нового миропорядка. Поэтому СНГ себе забирают США — создавая новую силовую империю. Россия вернёт себе СНГ, если сформулирует принцип формирующегося мирового порядка в качестве фундамента существования всей планеты. Поэтому первой важнейшей зоной соразвития и совзаимопроникновения для России являются отнюдь не государства — обломки бывшего СССР, а старая Европа (Франция, Германия, Испания после смены там президента), а также азиатские гиганты — Китай, Индия, Иран, носители всех основных типов евразийских цивилизаций. Именно с ними должна договориться Россия и сложить новую форму межцивилизационного соразвития.

Второй концентр предполагает выход за границы материковой Евразии и включение в поле контакта важнейших развивающихся стран. Сегодня это Бразилия и Малайзия. И только после формирования этого второго концентра соразвития и сопроникновения возможен переход к третьему концентру — СНГ, фактически к перевоспроизводству геоэкономики бывшего СССР, но отнюдь не к формированию нового государственного образования — СССР-2 или чего-то подобного.

Наконец, четвёртый концентр — это возврат России с идеями соразвития и цивилизационного диалога в Африку.

***Кратко в заключение можно сказать,
что антропологическая доктрина — это и есть ответ
на проблему самоопределения русских (Russians)
в условиях глобализации.***

Формат 60x90У₁₆. Объем 25,0 п. л.

Заказ 433. Тираж 500

Отпечатано с готового оригинал-макета в
ООО «Великолукская городская типография»

182100, Псковская область, г. Великие Луки, ул. Полиграфистов, 78/12

Тел./факс (811-53) 3-62-95

E-mail: zakaz@veltip.ru